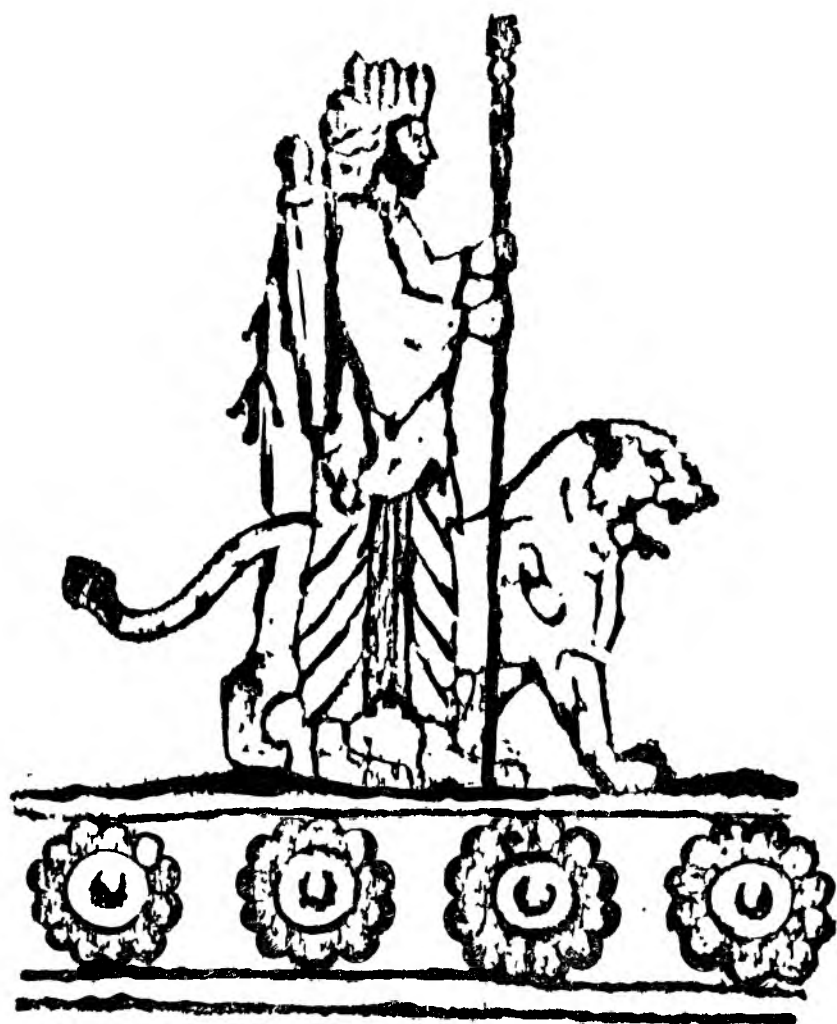

Сказания
из
«ШАХНАМЕ»

Сказания из „Шахнаме„

Издательство
«Адиб»

Сказания
ИЗ
«ШАХНАМЕ»

Пересказал
Сатым Улуг-зода

•
Перевод
с таджикского
Норы Улуг-заде

Душанбе «Адиб» 1989

Художник *Б. Гасанли*

Редактор *Б. Набиева*

С 42 Сказания из «Шахнаме»: (Для детей сред. и старш. школьн. возраста (Пересказал Сатым Улуг-зода; Пер. с тадж. Норы Улуг-заде).— Душанбе: Адиб, 1989.

В книгу вошли пересказанные в прозе для детей основные части монументального эпического полотна великого персидско-таджикского поэта А. Фирдоуси — поэмы «Шахнаме».

У $\frac{4803540201-41}{503(12)-89}$ 149—89

ББК 84(0)9

ISBN 5—8362—0134—8

© Издательство «Адиб», 1989.

Фирдоуси и «Шахнаме»

Поэма «Шахнаме», отдельные части которой пересказаны в этой книге, создана великим персидско-таджикским поэтом Абулькосимом Фирдоуси (941 (?)—1025гг.).

Фирдоуси родился в селении Баж (провинция Хорасан в Иране) в семье обедневшего аристократа-землевладельца (дихкана). Будущий поэт воспитывался в среде, где ревностно сохранялись древнеиранские традиции, культура и языки и тщательно оберегались от влияния исламской религии арабских завоевателей. С раннего детства Фирдоуси был знаком с легендами и сказаниями о древнеиранских царях и богатырях, многие из которых он знал наизусть.

Жил поэт в эпоху, когда сильная вначале держава Саманидов, возникшая в конце IX века на территории Средней Азии и Хорасана в результате двухвековой борьбы народов против владычества арабского халифата, стала клониться к упадку. Как истинный патриот и знаток родной культуры Фирдоуси глубоко переживал беду своей родины. Причины ему виделись в том, что народ страдает от насилия и поборов, а государство ослабевает из-за феодальных междоусобиц.

Фирдоуси мечтал о создании могучего и независимого государства, которое прочно объединило бы всех иранцев и где бы всегда царствовали добро и справедливость. Для этого, по мысли поэта, нужен сильный и мудрый правитель, который повел бы за собой народ и содействовал процветанию страны. И, вдохновленный этой идеей, он создает поэму о царях и богатырях, принесших славу Ирану, и называет ее «Шахнаме» (Книга о царях).

Эта грандиозная стихотворная эпопея содержит свыше пятидесяти тысяч бейтов (двустуший). Для создания ее Фирдоуси использовал существовавший в то время свод иранских эпических преданий и также поэтически обработал бытовавшие в устной форме народные легенды и сказания.

Условно принято делить поэму на три части: мифическую, представляющую поэтическую обработку древнеиранских мифов; героическую, повест-

вующую о жизни и подвигах богатырей, и историческую, посвященную царям из династии Сасанидов.

Между ними нет ясных и четких границ, ибо поэма представляет единое эпическое повествование, в котором легенды и мифы тесно переплетаются с исторически существовавшими событиями и где изображена история Ирана — с момента его возникновения до завоевания арабами.

Композиционно поэма делится на пятьдесят «падишахи» (царствования), каждое из которых соответствует правлению того или иного царя и представляет законченное сказание героического и романтического характера. Это широко известные достоны (поэмы) о Рустаме и Сухробе, Рустаме и Исфандиёре, Бежане и Маниже и др. Иногда в цельные по содержанию достоны вставляются самостоятельные новеллы, как, например, рассказ о чудесном певце и музыканте Борбаде.

Через всю поэму «Шахнаме» проходит идея вечной борьбы добра и зла, которая имеет глубокие корни в древней мифологии и эпосе иранских народов. Существовало представление, что над миром царит доброе божество Ормузд, а ему противостоит злой дух Ахриман. Борьба двух этих сил приводит вначале к убийству Сиёмака, сына первого человека и царя Каюмарса. Потом происходит много других трагических событий, вызванные кознями Ахримана, таких, как гибель Джамшида и злодеяния Захока. Однако неизбежно зло будет побеждено и наказано добрыми силами. В завершающих эпизодах мифологической части поэмы вновь добро вступает в борьбу со злом, и умирает благородный Ирадж от рук своих коварных братьев. Страна разделилась на Иран и Туран. В другой, героической части поэмы, носителем всего доброго являются в основном иранцы, а зла — их враги-чужеземцы, объединенные под общим названием — туранцы.

Хотя произведение Фирдоуси проникнуто идеей о справедливом правителе и называется «Шахнаме», в сущности роль самих царей в ней не велика, а истории их царствований служат как бы нитью, на которую нанизывается все повествование. Подлинными героями эпоса становятся богатыри, которых Фирдоуси изобразил с необыкновенным мастерством. Как подлинными носители добра они борются и с врагами родной земли, и с подручными злого духа Ахримана — чудовищами и дивами. Бесспорно, самый могучий и благородный богатырь героической части «Шахнаме» — Рустам. Его по праву можно считать главным героем всей поэмы.

Необычайно сильный, мужественный Рустам наделен поэтом чертами подлинно народного героя. Как во времена Фирдоуси, так и до сей поры он является идеалом настоящего богатыря в сознании людей. Поэтому великое творение Фирдоуси глубоко народно. Оно проникнуто патриотизмом, подлинным героизмом на благо народа, в нем воспеваются творческая воля и созидательная деятельность простого человека.

После окончания работы над «Шахнаме» судьба ее автора сложилась весьма драматично. В течение 35 лет поистине титанического труда, что отдал Фирдоуси своему произведению, феодальные распри и набеги кочевых

племен привели прежде процветающее государство Саманидов к краю гибели. Династия, которая смогла бы по достоинству оценить поэму, воспевающую доблесть и отвагу лучших сынов своей родины, перестала существовать. На огромной территории установил свою власть бывший военачальник Саманидов, тюрк по происхождению, султан Махмуд. Деспоту, узурпировавшему власть, не понравилась поэма Фирдоуси.

История столкновения султана и поэта отразилась в народных легендах. В одной из них говорится о том, что Фирдоуси посвятил свою поэму султану Махмуду. Грозный властелин читал ее несколько дней и затем сказал поэту: «Все «Шахнаме» — это сказания о Рустаме. А в моем войске тысячи таких, как Рустам». «Не знаю, сколько в твоём войске могучих воинов, но мне известно, что бог не создал другого такого богатыря, как Рустам», — гордо ответил поэт султану и покинул его дворец. «Он назвал меня лжецом, бросьте его под ноги слону!» — вскричал разгневанный Махмуд. Но Фирдоуси нигде не нашли. Не получив никакого вознаграждения за свой многолетний труд, поэт бежал из родных мест и долго скитался на чужбине. Позже написал он сатиру на султана Махмуда, где изобразил его тираном, олицетворяющим зло на земле.

В другой легенде рассказывается о том, что Махмуд якобы уплатил поэту вместо золота серебро. Оскорбленный столь незначительной платой за свое творение, Фирдоуси пошел в баню и разделил полученные деньги между банщиком, продавцом вина и гонцом султана.

Эти и другие предания свидетельствуют о любви народа к своему гениальному поэту, о признании его величия. Народ принял и увековечил прекрасное творение, некогда отвергнутое правителем.

Высоко оценивали поэтический язык, совершенство художественной формы «Шахнаме» и преклонялись перед гением ее творца и многие известные поэты последующих времен. Прошло ровно десять веков со времени создания этой великой эпопеи, а гуманистические идеи и яркие образы ее продолжают волновать читателей и по сей день.

Сатым Улуг-зода переложил на язык прозы основное содержание поэмы Фирдоуси «Шахнаме», естественно значительно сократив ее, ориентируясь на юного читателя. Часто автор пересказа прибегал к подлинным стихотворным отрывкам из самой поэмы. В этой книге они приводятся в переводах Ц. Бану¹, за исключением сказаний о Бахрме Чубине, автор перевода которых С. Липкин².

Нора Улуг-заде

¹ Фирдоуси. Шахнаме. Т. I—V, М., «Наука», 1957—1984.

² Абулькасим Фирдоуси. Сказания о Бахрме Чубине из «Шахнаме», Таджикгосиздат, 1952.

Дошли до нас предания древних восточно-иранских племен — далеких предков таджикского народа — и говорится в них о том, что в очень давние времена, когда не было еще ни людей, ни зверей, ни птиц, обитали на пустынной земле два духа. Один из них был добрый Ормузд, другой — злой Ахриман. Все время боролись они между собой за полную власть на земле.

И создал дух добра и света Ормузд первого человека по имени Каюмарс, чтобы стал он ему помощником в тяжелой борьбе с коварным Ахриманом.

Дух зла Ахриман, в противовес благу творению Ормузда, создал темное царство дивов — духов ярости, бешеной злобы и насилия. И подобно тому, как породил Ормузд добрых живогных, полезных людям, расплодил черный Ахриман чудовищ, драконов и змей.

Первые люди поселились вначале высоко в горах. Как звери, бродили они по скалам и ущельям в поисках добычи, ели сырое мясо, дикие плоды и корни, укрывались звериными шкурами, а от непогоды прятались под отвесными скалами и в пещерах. И были они беспомощны и беззащитны против грозных сил природы и хищных зверей, порожденных Ахриманом.

Вождем первого племени людей стал Каюмарс. Был он добр и умен, и стремились к нему люди со всего края за судом и советом. Это мудрый Каюмарс научил людей прикрываться от холода звериными шкурами, а ведь прежде нагими бродили они по горам. Он же научил их строить жилища, чтобы не проводили люди все время под открытым небом.

Позже узнали люди от Каюмарса как приручать диких животных. И вот отовсюду потянулись к людским жилищам зве-

ри и птицы и стали жить рядом с людьми, находя защиту от голода и холода.

Молва о счастливых поселянах распространилась далеко вокруг. Стали стекаться к ним люди из разных мест и селиться поблизости. Так мудр был Каюмарс и столько добра сделал он людям, что почитали они его как своего повелителя и стали называть царем.

Рос у Каюмарса сын по имени Сиёмак. Был он прекрасен, как свет солнца, умен и мужественен. Очень любил Каюмарс сына, отраду своей старости, и не уставал учить всему тому, что знал и умел сам.

Год за годом проходили над страной, мирно и богато жили люди при царе Каюмарсе, и не было у него врагов среди людей. Зато Ахриман потерял покой от зависти и злобы, глядя на счастье мирных поселян, на то, как безмятежно правит справедливый царь. Хотел бы Ахриман напасть на Каюмарса и одолеть его в поединке, но не под силу ему было это, ибо слишком силен был царь своей мудростью и любовью людей. Тогда созрел у Ахримана черный замысел.

Был сын у него, злой и кровожадный, как молодой волк. С голодной, свирепой ордой дивов совершал он набеги на жилища людей, отбирал у них еду, мучил и убивал их. Он и должен был погубить царевича Сиёмака.

Ничего не ведал Каюмарс о том, что замышляется против него. Но добрый Ормузд, покровитель людей, послал к нему своего вестника Суруша.

Предстал светлый Суруш перед Каюмарсом в образе человека, одетого в барсовую шкуру, и рассказал царю о коварном замысле беса Ахримана и его сына.

А когда узнал Сиёмак об опасности, угрожавшей его цветущей стране, тотчас же кликнул дружину отважных воинов, готовых защитить родной край. Сошлись два войска: людская дружина и черная орда дивов. Храбрый царевич решил один на один сразиться с сыном Ахримана и вышел вперед.

Понял черный див, что не одолеть ему светлого Сиёмака в честном бою, ибо всегда побеждает добро в борьбе со злом, и задумал он просто убить царевича. Не успел Сиёмак взмахнуть булавой, как неистовый див бросился на грудь ему, свирепо обхватил юношу руками и согнул вдвое. Не дав вздохнуть, поверг он его на землю и вонзил свои черные когти в белую грудь прекрасного царевича.

Так погиб Сиёмак от нечистой вражьей руки.

Лишившись вождя, в страхе повернули воины назад и, до-

стигнув дворца, поведали Каюмарсу о гибели его любимого сына.

Впал в отчаяние и потемнел от горя царь Каюмарс. Громко рыдая, изодрал ногтями свое лицо. Кровавые слезы лились из его потухших глаз. Над горами и равнинами повис вопль безутешной печали: то народ оплакивал смерть любимого царевича.

Рядами к престолу бойцы собрались
В одеждах, синеющих, как бирюза.
Их лица темны и кровавы глаза
Дичь разная, птица и зверь издали,
Стеная и воя, на склоны пришли,
Пришли к властелину, кручиной томясь,
И пыль у престола столбом поднялась

Так в печали и трауре прошел год. Добрый дух Ормузд снова прислал своего вестника Суруша к царю Каюмарсу. Явился Суруш и повел такую речь:

— Довольно ты слез проливал, справедливый царь. Внемли моему слову: собери рать и смети с лица земли ненавистную черную силу.

Слова светлого Суруша зажгли в душе Каюмарса жажду мщения. Отер он горячие слезы с лица и с тех пор, не ведая покоя и сна, стал готовиться к сражению.

Остался сын у царевича Сиѣмака по имени Хушанг. Взял Каюмарс его себе на воспитание и также любил и лелеял его, как когда-то своего сына.

Когда подрос царевич Хушанг, не было равного ему по уму и знаниям, а лицом и нравом похож он был на своего отца. Каюмарс сделал его своим наперсником и не решал ни одного дела, не выслушав совета внука.

Мудро и справедливо правил Каюмарс своей страной. Давно уже спустились поселяне с высоких гор к подножию и заселили земли далеко вокруг. В лесах и степях, изобилующих дичью и плодами, добывали они себе пищу.

Царь Каюмарс старел, к концу приближался его век, а все еще не отомстил он за гибель любимого сына. Но вот возмужал царевич Хушанг, почувствовал себя сильным и ловким, готовым ко всем испытаниям жизни. Пришел он к царю и так сказал ему:

— Знаю я печаль, терзающую твое сердце, но ты стар, и не под силу тебе тягаться с Ахриманом. Настало время, когда я могу отомстить за отца.

Заплакал от радости Каюмарс, услышав слова юноши, а потом бросил воинственный клич, и стали со всей страны собираться к нему храбрые витязи. Молодой Хушанг возглавил это войско. Взял он в подмогу себе хищных зверей. Львы, тигры и барсы шествовали рядом с отважными воинами.

Узнал об этом Ахриман и послал навстречу людскому воинству свои полчища. Но когда увидели дивы и колдуны грозную рать Хушанга, услышали воинственный клич богатырей и свирепый рев хищников, обуял их ужас и страх, не захотели они сражаться с Хушангом.

Тогда задумал Ахриман устроить войнов Хушанга крика-

ми, шумом и бесовской возней, чтобы не осмелились они начать сражение и повернули назад.

И вот завертелись, закружились дивы, подняли густую, черную пыль до небес, но не остановило бесовское коварство храброго Хушанга, рать его начала битву с дивами. В разгаре сражения увидел царевич, что пытается сбежать сын Ахримана. Тогда вырвался он вперед, быстро настиг молодого дива и львиной хваткой поверг его на землю. Не дав ему опомниться, мгновенно сорвал с него кожу от шеи до пят и снес острым булатом его мерзкую голову.

Так пришел конец поганому диву, убившему прекрасного Сиёмака.

Вернулся Хушанг домой с победой и рассказал деду, что отомщен в бою сын его Сиёмак. Долго ждал Каюмарс этого дня, а когда он настал, силы покинули старца, и скончался правитель.

Отважный Хушанг унаследовал от деда трон и венец и стал управлять страной, отдавая процветанию родного края мудрость свою и щедрость души.

Однажды охотился владыка Хушанг в горах со своими приближенными. Когда поднимались они по горной тропе, увидели вдруг, что несется к ним огромное черное чудовище. Приблизилось оно, и запылало перед воинами выпученные, налитые кровью глаза, раскрылась, извергающая огонь и дым, пасть. Мгновенно темная мгла заволокла все вокруг, но не дрогнул отважный Хушанг. Схватил он большой камень, лежащий на дороге, размахнулся и запустил его в черного змия. Отпрянуло в страхе чудовище и кинулось прочь, а камень, отскочив, ударился о твердую гранитную скалу и раскололся на куски. И вдруг из осколков того камня брызнул дождь из светящихся искр, и засиял черный гранит багряной зарей. От падавших искр воспламенилась сухая трава вокруг, и вскоре разгорелся большой костер, к самому небу потянулись языки невиданного до селе людьми пламени.

Не настиг камень Хушанга дракона, спаслось бегством чудовище, но зато открылась владыке в этот миг тайна огня.

Долго любовались люди ярко горящим костром, а когда стал он угасать, велел Хушанг каждому взять по пучку сухой травы и поджечь от костра.

— Мы отнесем чудесный огонь людям, чтобы могли они варить на нем пищу и согреться в холодную пору! — воскликнул он.

Так, с горящими факелами, вернулись витязи Хушанга в свой стан. Дивился народ такому чуду. Хушанг велел собрать

сухую траву и опавшие ветви деревьев. Потом ударил он камнем о кусок крепкого гранита, высек искры и поджег хворост. Разгорелся огромный костер.

Случилось это в холодную зимнюю пору, как раз накануне дня зимнего солнцестояния. Необычайное тепло исходило от огромного костра, и тогда поняли люди, какую животворную силу таит в себе огонь. Воздали они хвалу огню и поклялись вечно ему поклоняться. Наступила ночь накануне самого короткого дня, дня рождения солнца, и была она полна чудес. Во мраке той ночи на высоких горах пылали большие костры, далеко бросавшие свет. Зажигая огонь, старались люди помочь рождению солнца, а потом долго веселились вокруг костров с чашами вина, пели и плясали.

Так воздавали они хвалу могущественному светилу, дарующему жизнь и любовь. С тех пор появился обычай каждый год в эту пору праздновать рождение огня и солнца, а праздник тот был назван Сада́.

Тот праздник как память Хушанга мы чтим.
Властителю быть подобает таким!
Он благами землю насытил сполна;
За то ему миром хвала воздана...

Много неведомых доселе благ принес людям огонь. Теперь они могли варить для себя пищу, зимой согревать свои жилища. А свет от священного огня прояснил мысли людей, пробудил их дремлющий ум и зажег в сердцах стремление к счастью.

Вскоре научил Хушанг людей добывать скрытые в недрах земли медь, железо, золото и серебро и обрабатывать их. Запылали по всей стране кузнечные горны, стали люди делать мотыги, пилы, топоры, оружие и украшения. Так было положено начало кузнечному ремеслу.

А Хушанг продолжал свои добрые дела на благо людей. Научил он их бороться с силами природы, орошать пустынные земли. Стали люди взрыхлять и распахивать землю, сеять и жать. Настало время упорного труда, и плодородная земля в ответ щедро воздавала земледельцам обильными урожаями.

Дивился Хушанг разнообразию зверей на земле и их силе. И вот подумал тогда он, что не следует неразумным тварям без пользы растрачивать свою силу. Велел он людям сначала отделить быков от других животных, впрягать их в плуг и вспахивать с их помощью землю. Зверей же с густой шерстью велел он убивать, бережно снимать с них шкуры и шить из них

одежды. Затем люди стали приручать лошадей, коров, коз и использовать их в своем хозяйстве.

Перестали люди в поисках пищи кочевать по горам и степям, стали жить они на одном месте и строить прочные жилища из камня и дерева. Животные приносили приплод, и с каждым годом множились стада овец и коров, близ селений бегали в загонах резвые жеребята, паслись табунами лошади.

Мудро и справедливо правил мирными поселянами царь Хушанг. От имени всех читал он молитвы, приносил жертвы божествам, разбирал тяжбы, устанавливал обязанности. У каждого было своё дело: одни работали в поле, другие пасли стада, третьи охотились на диких зверей, поражая их из засады стрелами или заманивая в глубокие ямы.

Поклонялись древние иранцы верховному светлому боже-ству Ормузду, творящему добро для людей. Называли они его «многоведающим» и «творцом разума» и приносили ему жертвы на высочайших горах.

Были у Ормузда добрые, прекрасные жены — воды, льющие-ся из туч. Жили они в священной небесной реке Нахид и никогда не давали иссякнуть животворным рекам и источникам, дающим плодородие земле.

Но случалось и так, что демон Апаоша — верный служи-тель черного Ахримана — посылал на землю засуху.

И тогда погибали любовно возвращенные злаки, и голод угрожал несчастным земледельцам. Но загоралась на небе яркая звезда Сириус. Это могущественный Тир вступал в борьбу со злым демоном, побеждал его, и снова буйно цвели луга, волновались и зеленели широкие нивы, обещая людям изобилие и счастье.

Боялись еще люди демона Вртры, который черной тучей окутывал небо и скрывал от них благодатный свет солнца. Но владыка грозы Бахрам копьем молнии убивал демона Вртры и возвращал миру свет и тепло.

Оживленно и шумно было днем в селениях и их окрестностях. На полях и в садах раздавались песни юношей и девушек. Но в ночной час, когда скрывалось солнце, приближались к жилищам злые духи, порожденные Ахриманом. Никто не решался выходить в эту пору из дому, ибо сжималось сердце человека при их приближении, становился он мрачным и удрученным. За стенами же домов чувствовали себя люди спокойно, потому что добрая птица Пародарш охраняла их жилища. Своим криком отпугивала она нечистую силу, а еще отгоняла демона лени и сна, если сильно досаждал он людям.

В каждом доме жили добрые духи Фраваша — защитники и

покровители человека. Было их несметное множество, приносили они счастье в дом, оберегали имущество хозяина, смотрели за скотом. Светлый Ормузд населил мир и другими таинственными добрыми существами, которые могли принимать облик животных и птиц. Часто слышали люди ослиный крик и знали, что это кричит трехногий осел Хара, живущий в озере Воурукаша. Были у него шесть зорких глаз и золотой рог. Этим рогом истреблял он всех вредоносных животных, которых породил Ахриман. Крик осла Хара считался добрым предзнаменованием: в этот миг рождались на свет детеныши полезных животных, в то же время погибали во чреве матерей все детеныши вредных тварей.

На далеком острове, где росло священное дерево Хаома, жила в реке таинственная рыба Кара. Она уничтожала тысячи ядовитых змей, лягушек и скорпионов, которые стремились пробраться на остров и похитить священное дерево.

Сорок лет прошло с тех пор, как начал править иранской землей мудрый и отважный Хушанг. В постоянных трудах и раздумьях о счастье своего народа прожил он жизнь, и вот пришло время ему умереть. Когда скончался Хушанг, долго горевал народ, оплакивая своего царя.

После Хушанга править страной стал его сын Тахмураc. Так же как отец он заботился о счастье своего народа и преемственности страны, и люди любили молодого царя, уважали его слово и волю.

На вершине высокой горы построил царь храм, в котором жрецы-мобеды хранили вечный огонь. Мобедами становились самые мудрые люди страны, и Тахмураc часто призывал их в советники.

Долго витал в отдаленности дух злобы и ненависти Ахриман. Помня о том, как храбро расправился с его черным воинством Хушанг, не решался он приближаться к селениям счастливых людей. Но не давали ему покоя зависть и злоба. И вот собрал он полчища дивов и двинулся на страну Тахмураcа. Узнал о намерении бесовской силы светлый Ормузд и снова послал на землю вестника Суруша. Явился перед Тахмураcом Суруш в облике человека, одетого в шкуру барса, и повел такие речи:

— В счастье и довольстве живут люди в твоей стране, справедливый царь Тахмураc. Но злой дух Ахриман не дремлет. Подумай о том, как защитить свой народ от злой орды дивов.

Внял Тахмураc разумному совету светлого Суруша, бросил клич, и стали стекаться к его дворцу храбрейшие люди страны, отважные богатыри. Из них собрал он могучее войско, перед которым не устояли бы самые лютые и свирепые дивы. Повел он ту рать на полчища Ахримана и стал разить беспощадно злобных врагов. Недолго длился яростный бой, треть злодеев была повержена наземь, а прочих увел победитель в плен.

Полонён был на этот раз и сам Ахриман. Когда почуял он свою неминуемую гибель, взмолился царю Тахмураcу:

— Подари жизнь мне и моим дивам, а я открою тебе **за это** великую тайну, скрытую от людей.

Много знаний накопил мудрый Тахмурас, но всегда жаден был до новых тайн жизни. Поощадил он пленных дивов, и Ахриман научил его искусству письма, которое доселе в злобе своей и ненависти таил от людей. Обучился Тахмурас облекать в четкие письменные знаки разные наречия, среди которых были фарси, пехлеви, сугди, руми и тази.

Тайна письма открыла Тахмурасу путь к новым знаниям. А всему тому, что он узнавал сам, учил людей.

Научил он их стричь руно овец, мыть и сушить его на солнце, а потом сучить из него нитки. Из ниток стали ткать люди материю для одежды и ковры для своих жилищ.

Огромные стада скота скопились вокруг жилья человека. Мудрый Тахмурас научил людей летом пасти скот на широких лугах, покрытых сочной травой, а зимой кормить заготовленным впрок сеном и овсом.

Любил Тахмурас наблюдать за повадками разных зверей и птиц. Вскоре отличил он среди них собаку и кошку и разгадал их удел служить человеку. С тех пор стали кошка с собакой верными друзьями людей и живут в их жилищах. Особенно дорога была человеку собака, потому что защищала она его дом и скот от всякой нечистой силы. В глухие темные ночи, когда затихали людские селения, крался к ограде кроважидный волк — верный слуга Ахримана и самый опасный враг мирного скотовода. Но лай усердных собак отгонял злобного хищника.

Из всех птиц особенно полюбился Тахмурасу гордый сокол. Отделил он его от других птиц, терпеливо обучал понимать человеческую речь и помогать людям при охоте на диких зверей. Повелел он всем холить гордую птицу и ласково окликать ее. Дивились иранцы искусству своего царя и благодарили за полезные советы. С тех пор соколиная охота стала любимым занятием отважных ратников.

По совету мудрого Тахмураса люди одомашнили кур и петухов. Куры несли яйца в курятниках и выводили цыплят, а петухи чуть свет оглашали дворы своим пением, будили людей, призывая их начинать трудовой день.

Всего тридцать лет он процарствовать смог;
Кто б столько свершил за недолгий тот срок?
Он умер, но славным потомки горды;
Навек сберегли его имя труды.

После смерти Тахмураса возведен был на иранский престол его сын Джамшид. С детства обучал его отец всему тому, что должен знать воин и мудрый правитель. Умел Джамшид стрелять из лука, владеть мечом, метать копьё, управлять конём. Кроме того, знал он толк в науках и искусствах.

Вскоре прослыл он мудрым и справедливым царем.

Все больше и больше богатела страна иранцев, земля в изобилии приносила людям свои плоды, полны зерном были амбары, в конюшнях стояли могучие кони, в загонах копошились овцы, паслись на лугах коровы. Повсюду царили мир и спокойствие.

Но не успокоились лютые дивы, рожденные Ахриманом, не перестали они копить ненависть и злобу против людей, живущих в мире и счастье. И вот созвал Джамшид всех мудрых мобедов и знатных приближенных и повел такие речи:

— Богата и счастлива наша земля, но снова угрожают людям ненавистные дивы, мечтающие о разбое и насилии. Настало время обуздать черное воинство Ахримана и повергнуть его в прах. Для этого нужно нам могучее и отважное войско, одетое в прочные доспехи.

Склонив головы, слушали мобеда и придворные речи царя и находили их разумными и величавыми.

Джамшид принялся за дело. Научил он людей расплавлять над жарким огнем металл, а потом ковать из него оружие и доспехи воинам: щиты, шлемы, кольчуги, пики, мечи.

Когда все витязи и воины одеты были в доспехи и имели оружие, Джамшид дал людям станок и научил их ткать полотно из льна, красивые шелка и парчу из тонких нитей шелковичных коконов.

Вскоре стали люди кроить и шить для себя одежду, отде-

лывать их красивым мехом куниц, соболей, белок и лисиц. Знали они теперь, что можно мыть в воде грязную одежду.

Затем мудрый царь обратился к другим делам: посчитал он разумным разделить всех людей на сословия по их занятиям.

Сначала отделил он от других жрецов-мобедов и назначил их обителю высокие горы. Там, в храмах, охраняли они негасимый священный огонь, а в свободное время изучали разные науки и искусства, чтобы открылись людям все тайны земли и неба. Названо было это сословие «катузи».

Во второе сословие входили воины, отважные герои—надежда и защита трудового люда, гордость и опора страны. И было дано им название «нисари».

К третьему относились те, кто вспахивал землю, сеял и жал на обширных полях. Жили они в мире и покое, не зная других забот, и звались «насуди».

В четвертое сословие вошли усердные умельцы, знающие разные ремесла,— «ахтухоши».

Для плененных дивов тоже нашлась работа. Заставил их царь смешивать глину с водой и лепить кирпичи. Затем укладывали они кирпичи один на другой и, скрепляя их известью, воздвигали высокие стены. Так открыли дивы людям тайну зодчества, которую доселе скрывали от человека.

При Джамшиде, как и при Хушанге, проникали люди в земные недра и добывали ценные руды, золото и серебро, яркие самоцветы: рубин, алмаз, бирюзу. Покорились людям недра гор, открыли им свои тайны.

Постиг Джамшид искусство смешивать разные травы с лепестками цветов и делать редкие благовония. Кроме того, умел он из корней и листьев растений варить целебные соки, исцеляющие болезни и раны. Получив лекарства, избавились люди от страха смерти.

При Джамшиде покорились людям не только земля с ее недрами и плодоносящей почвой, но и реки и моря. Из крепких деревьев научились они делать быстроходные легкие ладьи, а потом большие суда, и стали передвигаться по воде также свободно, как по суше.

Многие тайны земли и неба открывались людям благодаря их труду и усердию. Сами они становились все более сильными, разумными и искусными во всяком деле. Рассказывают древние повествователи, что три столетия царствовал Джамшид, и все это время иранцы жили счастливо. Не ведали ни нужды, ни забот, не знали ни болезней, ни страданий, жили честно, дружно и в довольстве. Повсюду среди людей царил порядок и согласие, а копья, мечи и стрелы и всякое ору-

жие обращали они лишь против хищных зверей. С любовью чтит народ мудрого царя и с радостью повиновался ему. Повсюду были ликование, пение, пиры. Путешественники, побывавшие в том краю, разнесли по всему свету молву о цветущей, счастливой стране, где правил Джамшид.

Считал себя царь Джамшид сильнейшим и счастливейшим властелином на земле. И вот приказал он дивам изготовить высокий трон небывалой красоты, сверкающий блеском самоцветных камней. Воссел он на тот трон, и вознесли его дивы силой волшебства к самым небесам.

Со всей страны сошлись люди, чтобы взглянуть на такое чудо. Как зачарованные смотрели они на сияющий рядом с солнцем трон, а потом стали петь и плясать, прославляя царя.

Забыв о заботах, не помня кручин,
Под говор струны, за ковшами вина,
Вся знать пировала, веселья полна
И люди тот праздник святой сберегли,
Как память о древних владыках земли.

Тот радостный день называли они Хормоз, что значит Новый день, а месяц — Фарвардин. С тех пор каждый год отмечают люди праздник Хормоза, праздник Нового года.

Сильно возгордился царь Джамшид от всеобщего почитания и прославления. Стал он повсюду говорить, что он один добился процветания страны иранцев, а добрые дела своих благородных предков велел предать забвению. Теперь только его одного должны были восхвалять в своих молитвах хранители вечного огня — мобеда.

Но и этого показалось мало не в меру возгордившемуся владыке. Собрал он однажды вокруг престола вельмож и мобедов и изумил их такой речью:

— Немало свершил я блистательных дел на земле. Это я зажег для людей живительный свет искусства и знания, я даровал им благоденствие и покой. Мир земной устроил я по своему начертанию. За все это и прославляет меня повсюду народ. Нет в мире другого такого царя, как я, и удел мой отныне не только управлять иранской землей, но царить над всей вселенной!

Замерли вокруг трона мобеда и придворные, пораженные хвастливой речью владыки. Никто из них не осмелился сказать противное царю слово, но сердце каждого сжала тоска в предчувствии недоброго.

А беда надвигалась и окутывала страну черной мглой. Шу-

мом кровавых распрей огласилась иранская земля: стали враждовать между собой знатные люди, а потом один за другим восставали против царя, снаряжали войска и проливали кровь в сражениях.

Не почитал уже и народ как прежде своего владыку, и пошла по свету о царе Джемшиде недобрая слава.

Вскоре царь раскаялся в содеянном, но было уже поздно. Ничего не мог он исправить и жил в страхе, предчувствуя неминуемую беду.

Говаривал красноречивый мудрец:

«Храни благочестье, коль носишь венец.

А в ком от гордыни луч веры померк,

Тот в горесть и страх свое сердце поверг».

Затмился в глазах у властителя день,

Свет благостный скрыла зловещая тень.

Напрасно кровавые слезы он лил,

Напрасно творца о прощеньи молил.

И вот разбрелись воины могущественной прежде иранской рати по стране, оставив ее без охраны и надзора. Покинули дворец царя его вельможи и советники и стали думать, как вернуть стране право и закон, попираемые смутьянами.

В соседней стране, где жили кочевники-арабы, правил царь-дракон по имени Захок. Его и решили вельможи призвать править своей страной.

Отправили они к Захоку гонца на быстроходном коне с посланием. Написано было в нем, что не станет сопротивляться иранская рать, если двинет Захок на Иран свои войска. Покорно склонят иранцы перед ним головы и будут рады возвести его на трон.

В строжайшей тайне от простых людей подготовили вельможи тот чудовищный заговор, ибо знали они, что народ не отдастся добровольно власти чужеземного владыки.

Мирно трудились простые люди на обширных полях, пасли скот высоко в горах, стучали тяжелыми молотами по наковальням в жарких кузницах и не подозревали, какую страшную участь уготовили им трусливые вельможи царя.

И в это время двинулись на Иран полчища арабов-кочевников, как дикий табу́н, вихрем налетели на поселения мирных иранцев, топча посе́вы и разгоняя скот, губя под копытами своих коней все живое.

Когда дошли арабы до дворца, то не нашли там царя Джем-

шида, ибо в страхе покинул он дворец, родную страну и бежал. Иранский престол и венец достались Захоку.

Так бесславно закончил свое царствование некогда блистательный и могущественный царь Джамшид. Сто долгих лет никто ничего не слышал о нем, но потом прошел слух, что настиг Захок Джамшида на берегу Китайского моря и велел распилить его пополам.

Захок

По широким просторам безводной Аравийской пустыни кочевали арабы в поисках мест, напоенных водой. Караваны верблюдов, с которыми странствовали кочевники, сопровождали огромные отары овец, стада коров, коз и табуны лошадей. Управлял тем народом царь Мадрас, и все говорили, что он мудр и справедлив.

У праведного царя Мадраса был сын по имени Захок. Со всем не похож он был на отца ни лицом, ни нравом. Злой и безрассудный тот юнец в праздности проводил время и шеголял в дорогих одеждах. Однажды отец подарил Захоку десять тысяч лучших арабских скакунов, чтобы стал он умелым наездником и храбрым воином. Но беспутный сын не стал упражняться в езде и метании копья. Приказал он держать тех коней всегда в дорогой сбруе и золотых уздечках, чтобы хвастаться перед всеми богатством и роскошью.

Приметил черный Ахриман неразумного сына арабского царя и задумал сделать его орудием своей ненависти к людям.

Злобный див явился перед царевичем в образе почтенного старца, вошел к нему в доверие и хитрыми речами опутал его мелкую душу. Очерствело сердце Захока, наполнившись злобой и ненавистью. Радость объяла Ахримана, когда убедился он, что полностью погубил себя царевич, доверившись бесу. Стал он нашептывать ему коварные, сладкие речи, которым внимал обделенный разумом Захок.

И вот однажды сказал ему Ахриман:

— Владею я одной тайной. Тот, кто узнает ее, возвысится над людьми могуществом и богатством.

— Открой же поскорее мне эту тайну, озари светом мой разум! — воскликнул жадный Захок.

— Сначала поклянись, что не выдашь ее никому и будешь следовать только моим советам, — сказал бес.

И неразумный юнец дал ему такую клятву, а Ахриман вымолвил:

— Мысленным взором проник я во тьму прошедших и грядущих веков, и стало известно мне, что ты один достоин славы, и царского трона. Давно пора Мадрасу сойти в могилу, но медлит он. Убери его со своего пути, и весь мир покорится твоей власти.

Пришла в смущение душа Захока, и тоска сжала сердце.

— Нет, не могу я убить родного отца, укажи мне другой путь к власти,— ответил он Ахриману. Но див был неумолим:

— Ты должен следовать моим советам, иначе нарушишь данную мне клятву! — был его ответ.

Не мог больше противиться Ахриману Захок, ибо сердце его было отравлено жаждой власти.

— Готов я исполнить твою волю,— ответил он бесу.

— Я сделаю все сам, а тебе остается только не мешать мне,— были слова «старца» Ахримана.

В самом отдаленном уголке прекрасного сада был у Мадраса благоухающий цветник, отрада глаз. Каждый день вставал царь до рассвета и удалялся туда, чтобы перед утренней молитвой совершить омовение в прохладном источнике. Обычно царь навещал то священное место один, без слуг, и не брал с собой даже светильника. Узнал об этом коварный бес и вырыл в том цветнике глубокую яму, а сверху прикрыл ветвями деревьев и травой.

В то роковое утро как обычно отправился властелин арабов в свой цветник и провалился в бездну. Разбился насмерть праведный Мадрас, так и не узнав, что гибель уготовил ему родной сын.

В дни мирного счастья и в шуме тревог
Он сына растил, от напастей берег,
Готовил его для блистательных дел,
Трудов и даров для него не жалел..
А тот, позабыв о заветах творца,
Безжалостно предал родного отца.

Так стал Захок властелином арабов.

Ахриман продолжал плести сети коварства и опутывать ими молодого царя. На этот раз явился он перед Захоком в образе юноши, речистого и смышленного, и сказал:

— Славлюсь я искусной стряпней и хочу послужить моему властелину.

Понравился царю бойкий юноша, и приказал он построить огромную кухню для него. У нового царского повара были ключи от всех кладовых страны.

В те времена люди ели пищу из злаков и овощей, а ковар-

ный бес решил кормить царя только мясом зверей и птиц, чтобы стал он яростным и свирепым, готовым чинить людям зло и насилие. Шли дни, и понял однажды Ахриман, что настало время готовить царю заветные кушанья. Сначала приготовил он блюдо из яичных желтков, которые наливали тело силой, приносили довольство и хорошее настроение. Ел Захок и не мог вдоволь насытиться вкусной едой. А повар похвалялся:

— Для своего царя, что вечно будет вознесен над людьми, завтра сварю я еду еще вкуснее.

Всю ночь обдумывал коварный бес новое блюдо, а когда выглянула заря из мрака ночи, принялся за стряпню. На этот раз приготовил он царю отборную дичь, искусно зажаренную и обильно приправленную пряностями.

Восхитился царь небывалой едой и не знал, чем отблагодарить умелого повара. А когда на третий день «повар» Ахриман принес зажаренную спинку быка в розовом соку с душистым шафраном и вином, Захок воскликнул в порыве блаженства и великодушия:

— За верную службу и искусную стряпню проси любой милости, получишь все, что пожелаешь!

Только этого и ждал коварный Ахриман, но притворился робким и бескорыстным:

— О мой властелин, презренный твой слуга счастлив уже тем, что дозволено ему лицезреть твой царственный лик. Но если смею я, недостойный, просить еще о большей милости, то дозвожь мне прикоснуться устами к твоим плечам, и не будет человека в твоём царстве счастливее меня!

Не разгадал скудоумный Захок в его речах злого умысла. Сладкая лесть и бескорыстие верного повара пленили царя, и он наклонился, чтобы тот смог прикоснуться губами к его плечам.

Ахриман поцеловал Захоча в каждое плечо по два раза и сразу исчез. И царь вдруг увидел, как начали расти из его плеч змеи, поднимаясь все выше и выше, и стали извиваться вокруг его головы.

Заметался в испуге Захок, закричал, стал молить о помощи придворных, но те в ужасе бросились бежать прочь, оставив царя одного с мерзкими тварями. Выхватил Захок меч из ножен и стал рубить змей, но они, словно ветви дерева, вновь вырастали у него на плечах.

Со всей страны собрались во дворец искуснейшие лекари, которые умели делать чудеса, и долго врачевали Захоча. Но и они не смогли избавить царя от страшного недуга.

Так и сидел на троне урод, не зная покоя ни днем, ни ночью.

Злые твари извивались на его плечах и, злобно шипя, вонзали свои острые жала в его тело. В неистовстве, с перекошенным от боли лицом метался царь, крича и стелая. День за днем худел он, бледнел и чах, и, не находя избавления от страданий, мучил и истязал своих подданных.

Но вот дошла до дворца молва, что есть в стране лекарь, который похвально исцелит страдающего царя. По приказу Захока приволокли его во дворец. То в новом обличье явился к Захоку Ахриман.

Низко поклонился новоявленный лекарь царю и сказал такие слова:

— Есть одно только средство, способное избавить тебя от мучений, прославленный владыка: нужно кормить этих змей изысканными и обильными яствами, тогда только тихо и мирно будут дремать они на твоих плечах, не причиняя страданий.

— Но чем же можно накормить этих мерзких гадюк, говори скорей? — вскричал разъяренный от бесконечных мук царь.

— Лишь мозг цветущих юношей придется им по вкусу. Такая пища ублажит и успокоит их. Испробуй мое средство, и ты убедишься, что нет другого,— тихо и вкрадчиво промолвил «лекарь» Ахриман и мгновенно исчез.

Задумал Ахриман таким путем истребить весь род людской, так как понял, что пока существуют люди на земле, не осилить ему свет и добро Ормузда и не быть владыкой мира.

По воле Ахримана царь-дракон завладел и страной иранцев, стал повелевать ею, чиня зло и насилие.

Словно мрачная тень пала на землю иранцев печаль. Слуги Захока жгли дома мирных земледельцев, грабили народ, убивали непокорных. А с тех пор, как Ахриман научил Захока кормить мерзких тварей, извивающихся на царских плечах, мозгами людей, каждую ночь стражники врываются в дома, хватали здоровых юношей не старше семнадцати лет и волокли на царский двор. Там топором отрубали им головы и из мозга варили пищу для змей. Насытившись, чудовища успокаивались и дремали всю ночь, а на заре принимались еще яростнее извиваться вокруг головы Захока, причиняя ему мучения.

Прежде чистое и спокойное небо страны оглашалось теперь стонами несчастных отцов и матерей, навеки разлученных с детьми. Не знали люди, как спасти от гибели своих сыновей, как избавить народ от кровавого гнета царя-дракона.

Жили в том краю два мудрых человека, одного из них звали Армаил, а другого Кармаил. Оба были отважны и чисты

душой. Пришли к ним обездоленные люди и стали просить о помощи.

Молвил тогда Кармаил:

— Все знают, что юношей волокут к дверям царской кухни, а что ожидает их потом, никому не известно. Может быть, наш царь — людоед и питается молодым человеческим мясом?

— Чтобы выведать это, нужно нам проникнуть в царскую кухню,— добавил Армаил.

Так они и сделали, ибо сильно было их желание помочь страждущим людям. Долго прослужили они на царской кухне, прежде чем главный повар стал доверять им приготовление лакомых блюд для самого царя. Но пищу для змей повар-Ахриман готовил сам, поэтому Армаил и Кармаил не могли узнать о судьбе несчастных юношей.

Но вот как-то помощники главного повара заночевали на царской кухне, а на заре проснулись от шума и криков. Тут и увидели они, как стражники втащили в кухню двух юношей и швырнули наземь. Подоспел палач с топором в руках, который сразу отсек несчастным головы, а главный повар быстро разделал их. Потом он ловко извлек мозги и принялся готовить еду, приправляя ее острыми пряностями.

Дрожа от гнева и ужаса, взирали Армаил и Кармаил на чудовищную стряпню Ахримана. Так открылось им начало кровавой тайны дворца Захока.

Но вот покончил черный бес с приготовлением еды. Довольно ухмыляясь, положил он ее на золотое блюдо, чтобы отнести в покои царя. Но тут смелая мысль стрелой пронзила Армаила: «Мы должны до конца узнать эту ужасную тайну». Быстро подбежал он к Ахриману и, склонившись перед ним в почтительном поклоне, протянул обе руки, чтобы принять блюдо. Повару понравился услужливый помощник, и он положил блюдо с дымящейся едой на его вытянутые руки.

Армаил понес бесовскую стряпню в покои царя.

В огромном зале увидел он роскошный трон, украшенный драгоценными камнями. На нем сидел худой чахлый урод в царских одеждах. Лицо его было желтым, как шафран, а с плеч поднимались огромные змеи. Злобно шипя, извивались они вокруг увенчанной короной головы. Никогда раньше не приходилось Армаилу видеть царя, ибо боялся Захок показывать народу свой безобразный вид и не выходил из дворца. Объятый ужасом, стоял Армаил в дверях огромного зала, не в силах двинуться с места. Но тут царь сделал ему нетерпеливый знак рукой. Армаил приблизился к трону и протянул царю блюдо. Змеи набросились на еду и в одно мгновение дочиста

вылизали блюдо красными языками. Насытившись, чудовища спокойно улеглись на плечах царя и задремали.

Когда Армаил вернулся на кухню, он поведал обо всем увиденном другу Кармаилу.

— Так вот почему не возвращаются домой юноши, которых хватают стражники царя! — горестно воскликнул Кармаил. — Цветущих и полных сил, их лишают жизни, чтобы накормить ужасных змей.

— Для помощи несчастным людям проникли мы на царскую кухню. Так неужели спокойно будем терпеть это страшное злодеяние? — спросил Армаил.

— Что же сможем мы сделать, если гадюки на плечах царя едят только человечески мозги? — проговорил Кармаил.

— Если мы будем примешивать незаметно к человеческим мозгам овечьи, тогда сможем спасти каждый день одного из обреченных, — с надеждой молвил Армаил.

И два отважных мужа стали действовать. Пуская в ход хитрость и уловки, так расположили они к себе злобного бесаповара, что стал он им одним доверять ту дьявольскую стряпню. Радовался черный Ахриман, что нашлась ему замена на царской кухне. Теперь все время мог он отдавать делу насилия и зла, которому не было конца.

Армаил и Кармаил стали подмешивать в еду овечьи мозги, приправляя ее острыми пряностями. Так удавалось им обманывать змей и спасать каждый день одного из двух юношей, обреченных на страшную смерть. Всех спасенных тайно уводили в горы и говорили им на прощанье, чтобы впредь держались они подальше от этого города и искали себе приют в горах и степях!

Древние повествователи рассказывают, что от тех людей пошло племя кочевых курдов, сильных и смелых богатырей, закаленных суровыми испытаниями жизни. Родными были им высокие горы и бескрайние степи. Ни города, ни села не тянули к себе, и неведом был их смелым сердцам страх перед владыками.

Однажды привиделся страшный сон безобразному тирану. Как будто явились к нему три брата, три отважных витязя. Младший из них, стройный как тополь, с осанкой царя и взглядом барса, опоясан был золотым поясом, сверкающим самоцветами, и держал в руке огромную булаву с изображением коровьей головы на конце. В ярости взмахнул богатырь той булавой и обрушил ее на голову Захока со страшной силой. Поверг он царя на землю, содрал с него кожу от головы до пят, набросил на шею петлю и поволок по пыли к горе Демаванд.

Братья богатыря с криками торжества неслись вслед за ним.

От страшного сна проснулся Захок в холодном поту и огласил дворец диким стоном. Стенания царя были подобны рычанию раненого зверя. Охваченные ужасом, трепеща от страха, поспешили слуги в опочивальню тирана. Захок велел призвать во дворец всех мобедов и звездочетов, а когда предстали они перед царем, поведал им о зловещем том сне.

— Жаждет мой слух одной только истины, — закончил царь свой рассказ. — Правдиво поведайте о предначертанной мне судьбе, что скрыта от меня во мгле неизвестности. Но если отравите мой слух лестью и скроете правду, какая бы она ни была, не сносить вам тогда голов на плечах!

Попросили мобеда и звездочеты дать им три дня на размышление. Не знали мудрецы, как поступить им, ибо были слабы духом и не осмеливались открыть царю то, что было известно им.

На четвертый день предстали мобеда перед тронном царя и долго молчали, объятые страхом, пока не вышел вперед самый мудрый из них, прозванный Зираком, что значит прозорливый. Повел он такую речь перед Захоком:

— Сон твой, владыка, вещий, и означает он, что скоро свергнет тебя с трона витязь из рода древних иранских царей по имени Фаридун. Правда, еще не родила его мать, но явится он непременно и выбьет самодержавный меч из твоих рук, а тебя самого сразит стальной булавой с коровьей головой на конце.

Как только постиг царь-дракон зловещий смысл той речи, свалился с престола, лишившись сознания, и долго не приходил в себя. А праведный старец Зирак, незамеченный никем в суете и суматохе, скрылся прочь из дворца, а потом и из города, чтобы избегнуть кары за правдивое предсказание. С того дня, как узнал Захок о своей судьбе, холод проник в его душу, и злобная тоска навсегда жала сердце тирана. Стал душегуб еще больше мучить подвластный ему народ, но реки проливаемой крови все равно не могли заглушить в нем страха перед грядущим. По всей земле разослал Захок верных своих слуг, чтобы искали они следы Фаридуна.

Рождение Фаридуна

Жил в том несчастном краю, что изнывал под кровавым ярмом царя-дракона, добрый человек по имени Атбин. Были у него жена, милая, кроткая Фаронак и два сына. Говорили люди, что Атбин не простой человек, ведет он свой род от древнего иранского царя Тахмураса.

Приснился однажды доброй Фаронак вещий сон. Будто идет она по зеленому лугу, покрытому яркими цветами, и вдруг спускается к ней прекрасный юноша. Называет он себя вестником Сурушем и говорит такие слова:

— Ступай домой, добрая женщина, обрадуй своего мужа, благородного витязя Атбина, хорошей вестью. Родится у тебя сын и принесёт он долгожданное счастье родной стране. Наречешь ты его Фаридуном, и станет он украшением иранских мужей, ибо как кипарис строен будет его стан, как горный источник свеж будет его лик, а мужеством и отвагой сравнится он лишь с могучим львом. Для страждущей страны, что стоит под гнетом чужеземца-дракона, станет он подобно долгожданному осеннему ливню для высохшей земли.

Проснулась Фаронак, разбудила Атбина и сразу рассказала ему удивительный свой сон.

Воскликнул радостно благородный Атбин:

— Кровь древних иранских царей течет в моих жилах. Кому как не сыну моему стать освободителем отчизны!

Вскоре родился у Фаронак мальчик, и нарекла она его Фаридуном. Однако не долго длилось счастье в семье Атбина. Слуги Захока давно рыскали по стране в поисках Фаридуна и напали, наконец, на его след. Нельзя было больше Атбину оставаться в своем доме, куда в любой момент могли нагрянуть стражники Захока. Пришлось ему с женой и сыном покинуть родные места и скитаться по степям и горам. На ночь находили они прибежище в горных пещерах или густых зарослях. Там оставалась Фаронак с маленьким Фаридуном, когда Атбин уходил на поиски пищи. Но однажды, когда брел он наугад по пустыне, не зная дороги, схватили его стражники Захока и поволокли во дворец.

— Где твой сын Фаридун? — злобно вскричал дракон.

— Мой сын еще мал, но пока он будет расти, мужать, горы, степи и люди укроют его от твоих когтей. И тогда придет он и отнимет у тебя трон и венец, избавит родной край от царя-чужеземца!

Ярость охватила Захока, приказал он непокорному отрубить голову и накормить его мозгами ненасытных змей на своих плечах.

А несчастная Фаронак все скиталась с младенцем на руках, не решаясь даже близко подойти к родному дому. Изнемогала от усталости и мук бедная мать, плакал от голода ее сын.

Как-то забрела Фаронак на зеленый луг и увидела корову невиданной красоты: как оперенье павлина, имела каждая ее

шерстинка свой особый цвет. Так ослепляла взор та чудо-корова, что зажмурилась Фаронак и опустила на мягкую траву, не в силах сделать дальше ни шагу. Не знала бедная женщина, сколько времени пролежала она на траве, а когда открыла глаза, увидела, что стоит над ней старец с пастушьим кнутом.

— Кто ты и что это за чудо-корова? — спросила Фаронак.

— Я охраняю луга от потрав и пасу здесь эту волшебную корову по имени Бармоя. Подобных ей нет больше коров на земле. А кто ты?

— Меня зовут Фаронак. Я жена благородного Атбина, убитого царем Захоком. А это мой сын Фаридун.

— Кто не слышал имени доблестного Фаридуна! — вскричал пастух.— Истомился народ в ожидании своего освободителя! Ты устала и измучилась, добрая женщина, не под силу тебе дальше скитаться с младенцем по горам и степям. Отдай его мне, я приму его под свою защиту и укрою от глаз жестокого дракона. А пищей будет ему молоко волшебной коровы Бармои.

Не в силах больше говорить от горя и изнеможения протянула несчастная мать своего младенца незнакомому старцу, а сама, шатаясь, пошла прочь.

Три года растил пастух мальчика Фаридуна и был ему как родной отец. Между тем дошли до Захока слухи о дивной корове, которая молоком своим кормит маленького Фаридуна.

Почуяв, что грозит ее сыну опасность, прибежала на тот зеленый луг Фаронак, схватила дитя и, как быстрая серна, помчалась прочь, прижимая его к груди. Через степи и долины пришла она в Хиндустан, к большой горе Альбурз, где и укрылась от когтей царя-дракона.

А слуги Захока, как бешеные звери, устремились на зеленый луг. Не найдя там младенца Фаридуна, жестоко расправились они с чудесной коровой, погубили все живое вокруг, вытоптали и сожгли зеленый луг. В поисках Фаронак и ее сына бросились стражники к дому убитого Атбина, но он был пуст. В бессильном гневе сожгли нечестивцы его дом и сравняли остатки с землей.

Много лет прожил на горе Альбурз Фаридун, прежде чем узнал, что отец его — благородный Атбин, потомок славного царя Тахмураса. Рассказала ему мать о горестной судьбе отца, о злодее Захоке со змеями на плечах.

Как только ту речь услышал Фаридун,

Он весь закипел от нахлынувших дум.

Боль сердце терзала, гнев душу сжигал,

В досаде и горе он брови сдвигал.

Когда исполнилось Фаридуна шестнадцать лет, почувствовал он себя возмужавшим и сильным, готовым к великому делу, предначертанному ему судьбой. Явился он к матери своей Фаронак и сказал такие слова:

— Рожден я тобой для великого дела, а великое дело для народа только одно — поднять меч справедливости против царя-поработителя. Настало время за страдания моего народа отомстить Захоку, служителю черного беса.

Заплакала от радости мать, увидев, каким могучим и прекрасным стал ее младший сын, с гордостью выслушала она гневные слова Фаридуна, но страх за его жизнь заставил ее сказать такие слова:

— Сын мой, будь благоразумным. Захок — могущественный царь, владеющий несметным войском. Он призовет с подвластных ему земель сто тысяч воинов, покорных его злой воле. Сейчас хмель юности кружит тебе голову и может тебя погубить. Не лучше ли будет, если откажешься ты от задуманного?

Но Фаридун твердо стоял на своем, и тогда мать благословила его на священную борьбу.

Сидел Захок тем временем на троне в своем дворце, и страх перед Фаридуном не переставал точить его сердце. Дни и ночи непрестанно думал царь-дракон о том, как удержать пошатнувшийся под собой трон, как сохранить власть и богатство. «Сможет ли войско могучее и покорное мне защитить меня от Фаридуна?» — терзался сомнениями Захок, и тогда задумал найти опору себе среди простых людей. Велел он созвать во дворец мудрецов и мобедов, а когда явились они, сказал им такие слова:

— Составьте грамоту на разных языках и наречиях, скрепите ее именами всех вельмож и советников моих, а потом разнесите по всей стране. Пусть читают все мои подданные слова о том, что нет на свете владыки правдивее и справедливее, чем царь Захок, что лишь добро и благо сеет он в подвластном ему краю. Пусть уверует народ в доброту своего царя и защитит от врага моего Фаридуна.

Когда готова была лживая грамота, восхваляющая тирана и душегуба, вся знать Захока скрепила ее своими именами. Упав на колени перед царским тронном, поклялись трусливые и низкие душой вельможи во всем повиноваться своему властелину.

Однажды в тихую полуденную пору, когда дремали сытые змеи на плечах царя, услышал Захок отчаянный крик у дворцовых ворот. Трепет прошел по хилому телу тирана, и не успел он еще оправиться от страха, как вбежал в тронный чертог седой белобородый человек с непокрытой головой.

Ужас сковал кровопийцу-царя, когда увидел он перед собой грозного мужа. Во весь свой богатырский рост возвышался перед чахлым уродом седовласый великан, который, не склоняя головы перед владыкой, заговорил громким голосом:

— Ты — всемогущий царь, а я — кузнец из подвластного тебе селения. Зовут меня Кова, и я пришел к тебе за правдой и справедливым судом.

Впервые видел Захок перед своим тронном стоящего во весь рост человека, ибо до сих пор видел он лишь низко склоненные затылки своих вельмож и слуг. Впервые смотрели на тирана горящие гневом глаза, ибо до сих пор видел он лишь лица, искривленные угодливыми улыбками. Гнев и страх в одно и то же время объяли тщедушного властелина при виде мужественного и непокорного кузнеца. Уже хотел он крикнуть своим стражникам, чтобы схватили они и связали Кову, но страх перед грядущим пересилил ярость самодержца.

«Этот великан должен уверовать в мою доброжелательность и праведность и понести хвалебную грамоту по стране и показывать ее народу. Поверит народ кузнецу, сочтет меня добрым и справедливым и встанет на мою защиту в битве с Фаридуном». Так подумал коварный Захок, а вслух сказал:

— Скажи, не таясь, кто посмел тебя притеснять? Виновного покарает мой справедливый меч. Не потерплю я, чтобы страдали люди в моей стране!

Стал говорить кузнец Кова с царем прямо и гордо, не страшась его гнева:

— От тебя, царь-лиходея, терплю я обиду и притеснения. Ты вонзил острый нож в мое сердце, и оно истекает кровью. Было у меня восемнадцать сыновей, восемнадцать цветущих и статных юношей. Семнадцать из них, одного за другим безжалостно убил ты, чтобы накормить их мозгами ненасытных тварей на твоих плечах. Нет в мире сильнее привязанности, чем любовь к своим детям. Остался у меня один единственный сын, свет гаснущих очей моих, опора наступающей старости. Но и его схватили стражники этой ночью. Всю жизнь тяжким трудом добывал я хлеб, чтобы вырастить восемнадцать сыновей, а теперь, когда состарился, остался одиноким, как старый дуб

в поле. Худая слава ходит о тебе в народе, царь-кровопийца, царь-душегуб! Истерзал ты мирных тружеников, обрек их на неслыханную казнь. Хоть и подобен ты дракону своим обликом, но ты же властелин страны! Так где же твое правосудие и закон? Ты завладел всеми богатствами страны один, оставив таким, как я в удел лишь страдания и муки. Пора тебе держать ответ перед народом! Выйди наружу, покажи людям свое драконье обличье и поведай им о том, как кормишь змей на своих плечах мозгами наших юных сыновей!

Молча внимал царь Захок дерзким и смелым речам кузнеца. Никогда не слышал он таких слов, но не время было сейчас карать старика. Не терял еще тиран надежды ласковыми лживыми словами утешить его и заставить скрепить своим именем хвalebную грамоту.

— Я верну тебе твоего сына, кузнец Кова, а ты приложи свою руку вот к этому посланию и покажи его народу, чтобы все узнали, как добр и справедлив ваш царь.— Промолвил это Захок и велел стражникам привести сына кузнеца.

Бросился Кова к любимому сыну, обнял его, а потом принялся читать грамоту царя. Но едва дочитав до конца, в гневе сбернулся к советникам и вельможам и вскричал громовым голосом:

— Подлые слуги дракона! Забыв стыд и честь, дали вы дьяволу завладеть вашими душами и сердцами и скрепили своими именами эту гнусную ложь!

С этими словами в клочья изорвал бумагу Кова и растоптал ее, а потом схватил сына за руку и стремительно выбежал из тронного зала

Объятые трепетом, слушали придворные смелую речь кузнеца. А когда Кова покинул дворец, стали они возносить хвалу своему царю:

— О славный владыка земли! Вихри небесные в час грозы не смеют дышать, проносясь над твоей головой, а этот дерзкий кузнец, как равный, вел с тобой разговор. Он разорвал в клочья знак нашей верности и покорности тебе — священную грамоту, он не покорился твоей воле! Не видывал и не слыхивал еще такого подлунный мир. Зачем же не велишь ты настичь злодея, пылающего к тебе враждой, и срубить наглицу голову?

Ответил на это Захок своим вельможам:

— Поведаю я вам сейчас о чуде, которое свершилось со мной. Когда увидел я кузнеца во дворце моем и услышал громовой его голос, показалось мне, что железная стена встала между мной и им, и не в силах я был достать его и покарать за дерзкие речи. А лишь начал кузнец в горе и гневе бить се-

бя по седой голове, отдавался каждый этот удар в моем сердце, и сжималось оно от страха и предчувствия беды.

А Кова тем временем вышел из дворцовых ворот и увидел, что площадь заполнена людьми. Обступили они кузнеца и стали расспрашивать о царе-драконе.

Обо всем поведал народу храбрый кузнец Кова и призвал его восстать против тирана, за правду и справедливость. Глубоко проникали в сердце каждого бедняка слова кузнеца и находили там отклик.

Потом Кова сорвал с себя кожаный передник, какой каждый кузнец надевает по утрам, принимаясь за работу, прикрепил его к длинной палке и поднял высоко над головой как знамя. Гордо и смело шел кузнец по улицам города, и все, в ком горела жажда мщения ненавистному тирану, вставали под его знамя, вооружившись кто чем смог. Огромный этот людской поток вышел из стен города и пошел по стране под предводительством кузнеца, наполняясь все новыми и новыми бойцами. Трусливые же слуги тирана прятались в своих норах.

Шагает кузнец, непреклонен, суров;
Немало примкнуло к нему храбрых.
Передник тот — кожи нестоящей клочок —
Друзей и врагов различить им помог.

И вот уже несметное войско двигалось по стране под знаменем кузнеца Ковы. Лежал их путь к славному Фаридуну, надежде угнетенных иранцев. Семь раз день сменила ночь, когда показалась наконец вдали вершина горы Альбурз.

Стоял Фаридун на высоком гребне горы Альбурз и смотрел вдаль. Тосковало его сердце по родной земле, и печаль, как весенняя туча, застилала ему разум, зажигала гневом его глаза. И вдруг приметил юноша, как за клубилась пыль на дороге. Вгляделся он и вскоре различил толпу людей и услышал воинственные клики. То кузнец Кова вел за собой восставший народ. Приблизились люди к высокой горе, и вскричал Кова громким голосом:

— Веди нас за собой, доблестный Фаридун! Сбросим мы тирана-иноземца и посадим тебя на трон. Потомок древних иранских царей из рода Тахмураса станет нашим владыкой!

С того дня стал готовиться Фаридун к походу на твердыню Захока. Прежде всего повелел он лучшим молотобойцам выковать для себя боевую палицу. На песке вычертил молодой царь ее образец: огромную булаву венчала голова чудесной коровы Бармон. Дружно принялись за работу усердные кузнецы, и вскоре были готовы не только палица царя, но и все облачение для войска.

Знаменем Фаридуна стал кожаный фартук кузнеца. Его принял он за добрый знак, предзнаменование победы и приказал украсить кусками дорогой парчи, расшить золотом и жемчугом.

И вот наступил долгожданный час. Раннюю предутреннюю тишину нарушало журчание стремительного горного ручья. Но вот забрезжил первый луч зари, вспыхнул алой розой восток. Горы и долины огласились щебетом проснувшихся птиц. Взошло солнце. Наступил благодатный день Хордада, шестой день третьего месяца солнечного календаря. В этот день повел Фаридун свое войско в поход.

Шли навьюченные припасами верблюды и боевые слоны, ехали всадники в полном военном облачении. Впереди — Фа-

ридун с тяжелой булавой, рядом с ним кузнец Кова с высоко поднятым над головой стягом восставшего народа — кожаным фартуком молотобойца на остроконечной палице.

Он вихрем свершал переходы, спеша;
Ум жаждал отмщенья, а правды — душа.

Семидневный путь лежал от горы Альбурз до твердыни Захока — города Байт-ул-Мукаддас, где возвышались его дворец и минареты, касающиеся верхушками неба. Ночью подошли повстанцы к подножию горы Бурд и остановились на привал. Воины сбросили доспехи, сложили оружие, распрягли коней и легли спать. Расположился на ночь и Фаридун. Не успел он еще заснуть, как предстала перед ним прекрасная пери. Надела она на шею юноши талисман, разрушающий чары Захока, и скрылась, как чудесное видение. Это явился с неба благостный вестник Суруш, на этот раз принявший облик райской гурии. Фаридун догадался, кто стал его неожиданным помощником, и лицо его расцвело от радости, как тюльпан. Ощутил он счастье молодости и силы.

Вскоре погрузился Фаридун в спокойный сон, но вдруг страшный шум, грохот разбудили его. Открыл глаза молодой царь и увидел, что с вершины горы прямо на него летит огромный камень. Не растерялся храбрый юноша, вмиг прикоснулся к волшебному талисману рукой, затем этой же рукой на лету отбросил падавшую на него гранитную глыбу в сторону, и та пристала к скале. А на вершине горы, откуда сорвался камень, стояли два человека и смотрели со страхом вниз. Фаридун тотчас узнал их. То были его названные братья, сыновья пастуха с горы Альбурз, который воспитал Фаридуна и был для него отцом. Неумелыми и ленивыми были они, и в пустых их душах поселилась зависть к герою, которая породила коварство. Задумали неразумные убить Фаридуна и сбросили на него с горы гранитную глыбу.

Утром двинул в путь свое войско Фаридун. Не открыл он названным братьям своим, что знает о их злом деянии.

Подошли воины к реке Арванд и стали переправляться на другой берег. Первым погнал своего коня в реку Фаридун, за ним бросились в воду все его воины. Выбравшись на сушу, поскакали они, не останавливаясь, к столице Захока.

Приближаясь к городу, издали увидел Фаридун замок, который возвышался до самых небес, главой своей касаясь звезды Муштари, а сияние его затмевало блеск самой звезды. Так вот он дворец царя-дракона!

За воротами города против войска Фаридуна выступила

пестрая орда Захока, где смешались с людьми дивы и колдуны.

Грянул бой и на улицах города. Никто из горожан не усидел в домах, все высыпали на улицы, чтобы сразиться на стороне Фаридуна, ибо велика была их злора и ненависть к тирану Захоку. Мелькали стрелы, звенели мечи, сплетались тела в рукопашном сражении. Ливень камней и кирпичей низвергался с крыш на головы врагов. От пыли, стоявшей над городом, образовалась темная мгла, которая густой пеленой обволокла солнце.

Фаридун искал повсюду Захока, но его не было среди бойцов. Тогда решил доблестный витязь пробраться к воротам дворца. На своем коне врвался он в сомкнутые ряды драконова войска, и стало редеть оно под тяжелыми ударами его булавы, увенчанной головой чудесной Бармои.

Вспомнил тут Фаридун про талисман, коснулся его рукой, а потом приложил ее к голове своего коня. Вмиг оказался он во дворце, внезапно представ перед стражниками, как пламя, вырвавшееся из-под земли. Ударами палицы разметал Фаридун стражу дворца. Не спаслись от смертоносных ударов его булавы ни колдуны, ни дивы, ибо разрушил он таинственные чары, воздвигнутые Захоком.

Однако не оказалось во дворце царя-дракона. Зато нашел Фаридун двух красавиц — Шахноз и Арнавоз. То были сестры царя Джамшида, которых пленил Захок и держал в заточении в своем дворце.

Услышали девы странный шум в тихом до той поры чертоге и вышли из своих покоев. В тронном зале увидели они прекрасного стройного юношу с царственным лицом, сияющим как солнце. Сидел он на троне Захока и ласково улыбался красавицам. Очарованные, приблизились к трону сестры, сели по обе стороны его и стали юношу расспрашивать:

«Живи до скончания века земли!
Какого ты дивного дерева плод,
Какая благая планета ведет
Тебя, о воитель, чей царственный лик?!
Как смело ты в логово зверя проник!»

Назвался девам Фаридун и так отвечал:

«Атбин, мой отец, на иранской земле
Загублен Захоком, погрязшим во зле.
Узнав кто убийца, я в город его
Примчался — отместить за отца своего».

Радость охватила красавиц сестер, когда узнали они, что сам Фаридун перед ними, ибо слышали они, что в его руках смерть злодея Захока. Много горя и страданий выпало на долю царевен от исчадия Ахримана. Страх вынудил их покориться и служить дракону. Нет муки тяжелей и страшней той, какую испытали юные девы от соседства с двумя змеями на плечах колдуна!

Обо всем этом поведали Шахноз и Арнавоз Фаридуна, а он так отвечал им:

— Пришел я, чтобы стереть с лица земли след злобного дракона и избавить мир от этой нечисти. Но, скажите же мне, где он?

— Подался на юг страны,— отвечали царевны.— В тех местах надеется он спастись от тебя, ибо предсказали ему мудрецы, что от доблестного Фаридуна примет он смерть свою. Пророчество это жжет сердце злодею, и он убивает несчетно людей и тварей живых, сливает кровь жертв своих в огромный хауз и в крови той оmyвает свое тело, лелея надежду таким путем обрести бессмертие. И еще терзают Захока черные змеи на его плечах, причиняя страдания. Не зная покоя, мечется он по земле.

Ушли прекрасные девы в свои покои, а Фаридун стал думать и размышлять, как настичь ему скрывшегося Захока.

Слуга Захока Кундрав

Был у царя Захока верный слуга по имени Кундрав. Перед побегом приказал Захок слуге тому охранять его дворец и сокровища. Когда бились воины Фаридуна на улицах города, Кундрав спрятался и притаился. На другой день в убежище своем услышал он крики радости и веселое пение, доносившиеся снаружи. Любопытство победило в нем страх, и отважился он выйти на свет. И увидел Кундрав, что улицы города полны людей, они жгут костры, пляшут и поют. В одном месте веселят народ канатоходцы, жонглеры и фокусники, в другом — состязаются в силе богатыри. Вот уже выносят из домов и расстилают на земле скатерти, на них раскладывают всякие яства. Все славят победителей зла, храбрых воинов — Фаридуна и кузнеца Кову. И никто не покушается на богатства царского дворца. Подивился всему этому Кундрав и еще больше устранился. Боязливо дрожа, вошел он во дворец и увидел, что на троне Захока сидит юноша с венцом царя на голове. По правую руку его сидит Шахноз, по левую — Арнавоз,

две луноликие царевны. А вокруг стоят воины в дорогих одеждах и слуги в высоких шапках. Пал ниц Кундрав, поцеловал землю и восславил царя. Когда узнал Фаридун, что перед ним хранитель дворца Захока, то приказал ему устроить богатый пир для славных воинов. Бросился Кундрав исполнять веление нового царя; из закромов вынесены были благородные вина, роскошные яства, созваны были музыканты и певцы. Победители пировали и ликовали всю ночь.

А Кундрав, дождавшись рассвета, вскочил на коня и вихрем помчался туда, где скрывался Захок. Пребывал в то время царь-дракон в укромном уголке Полуденной страны, в Забулистане. Когда достиг Кундрав пристанища своего повелителя, он немедленно поведал ему обо всем, что видел в его столице. Не успел слуга Захока узнать имени того, кто сел на престол царя, а потому так рассказал о случившемся:

— О властелин! Витязи из неведомой мне страны, родившиеся под счастливой звездой, с несметным войском вступили в твою столицу и захватили царский дворец. Предводитель их строен как кипарис, прекрасен и его царственный лик. В руках у юного царя палица, увенчанная коровьей головой, и так тяжела она, что рассечет и гранитную скалу. Удалось тому гордому и могучему властелину разрушить колдовские чары, сотворенные тобой, сразил он и разметал всех твоих воинов и дивов.

Белее снега стало лицо Захока, и едва не лишился он чувств. А змеи на его плечах, будто почуяв опасность, принялись извиваться вокруг его головы и злобно шипеть. Пытаясь скрыть охвативший его страх, промолвил Захок:

— Может быть, это мой гость, и мне следует радоваться его приходу!

— Неужто тот зовется гостем, кто приходит с тяжелой булавой, увенчанной коровьей головой,— вскричал в изумлении Кундрав.— Он убил стражников дворца, захватил трон и стер твоё имя с короны и пояса! Если такого считаешь ты своим гостем, владыка, то воля твоя.

— Повремени унывать и не скули, глупец. Разве не знаешь ты, что наглый гость к добру? — сказал ему Захок.

— Ну ладно, если тот витязь — твой гость, то что делает он в твоём гареме среди твоих жен? А между тем, вдыхает он мускус волос Шахноз и целует рубиновые уста Арнавоз! — вскричал слуга.

Горше яда были те слова для Захока. Взревел он как от страшной боли и уже пожелал умереть, лишь бы избавиться от муки. А тут еще две змеи с шипением обвили его голову.

С грубой бранью набросился разгневанный Захок на злосчастного гонца, принесшего ему дурную весть:

— Отныне не быть тебе больше зрителем дворца и столицы, я прогону тебя прочь!

Усмехнулся Кундрав и так ответил:

— О властелин, сдается мне, что счастье покинуло тебя. Ты лишился трона и венца, а потому и зритель дворца тебе больше не нужен. Как волос из теста выброшен ты из царского своего дворца, так подумай лучше о себе, позаботься о своей чести.

Схватка с Фаридуном

От дерзких речей Кундрава закипела злоба в Захоке. Вскочил он и крикнул своим воинам, чтобы седлали они коней.

И вот мчится уже царь-дракон к своей столице впереди воинства из дивов и колдунов.

Когда приблизились к городу, стал Захок выбирать окольные пути, желая проникнуть в столицу воровски, незаметно. Но не дремали дозорные Фаридуна, вовремя обнаружили они, что появились враги в городе, и ударили в набат, возвещая об опасности. Поспешно вскочили на коней воины Фаридуна и преградили путь нечисти. Столкнулись противники на улицах города и стали биться. Вышли все жители города из своих домов и встали на сторону Фаридуна. Смешались на улицах войны и простые горожане в той битве. С крыш домов на воинов Захока летели камни, со стен города — кирпичи. И падали дивы и колдуны, сраженные острыми клинками сабель и ударами мечей.

А Захок, снедаемый муками ревности, думал лишь о прекрасных царевнах Шахноз и Арнавоз. Забыв о битве и своих воинах, защищавших его жизнь и трон, подло покинул царь-дракон свою рать. Сменив одежду и опустив на лицо забрало, неузнанным подкрался он к своему замку. Закинул аркан на крышу и залез по нему наверх. Оттуда удалось злодею заглянуть в покои прекрасных дев и увидеть их еще раз. Как ясный день сияли их лица и как темная ночь чернели их кудри. Помутился от ревности и злости скудный разум Захока. Не думал в тот миг он ни о троне, ни о жизни своей, а лишь о мести кровавой. С острым кинжалом, зажатым в зубах, стал спускаться с крыши Захок. Но счастье давно покинуло дракона-царя. Как только ступила на землю его нога, Фаридун занес бу-

лаву над его головой. Мощным ударом богатырь расколол пополам шлем Захока. Рухнул злодей на землю бездыханным. Даже змеи на плечах его от страха заползли внутрь. Снова взмахнул булавой Фаридун, чтобы другим ударом навсегда покончить с тем исчадием зла. Но тут раздался голос невидимого вестника Суруша:

— Не убивай дракона, храбрый Фаридун, ибо не настал еще его смертный час. На аркане протащи его через всю страну туда, где высятся две горы. И, прикованный к тем горам, будет долго висеть он над пропастью, медленно умирая в мучениях.

Метнул Фаридун аркан из львиной кожи и затянул им петлю на теле дракона. Как пойманный зверь, корчился в петле Захок. Но даже взбесившемуся слону не под силу было разорвать ее. Так на аркане выволок Фаридун Захока на дворцовую площадь, а глашатаи провозгласили по всему городу о том, что пленен ненавистный народу Захок.

Крепко привязал Фаридун поверженного Захока к шее коня и умчался с ним к вершинам Демавенда. Там заковал он руки и ноги дракона в железные кольца и неразрывной цепью приковал злодея к каменным громадам, что свисали над глухой мрачной бездонной пропастью. И повис кровожадный урод на долгие годы над той бездной. За потоки людской крови, пролитой жестоким тираном, его собственная кровь годами по капле стекала вниз. Случается, что бурлит и клокочет лава в полупотухшем вулкане на горе Демавенд. В народе говорят, что это слышны стоны и вздохи прикованного Захока.

Ни богатство, ни злые чары Ахримана не могли спасти тирана. Правдивый и добрый Фаридун поверг в прах само имя Захока, а с земли надолго исчезли злодеяния и страх.

Преступного ты опасайся пути,
Жизнь должно в служеньи добру провести.
Ни зла, ни добра не удержишь в руках,
Оставь же хоть светлую память в веках!
Червонцы, богатства, высокий дворец
Тебя не спасут, их не ищет мудрец.
Лишь слову сберечь твое имя дано.
Чти слово: поверь, всемогуще оно.
Ведь царь Фаридун был не духом святым,
Не амброй, не мускусом — прахом простым.
Он щедростью, правдой достиг высоты,—
Будь праведен, щедр — с ним сравнишься и ты.

Весь народ восславил подвиг доблестного Фаридуна. При общем ликовании был посажен он на царский престол, и славили все люди нового царя. Воздавали ему почести и во дворце, и за стенами дворца, и по всей стране. Везде пировали ликующие люди, ели обильные яства, поднимали чаши пенящегося вина, пели песни и слушали, как перебирают струны музыканты. Повсюду жгли душистую амбру, руту и шафран. Долго славили люди избрание царя, славили днем, славили и ночью при свете огней. День воцарения Фаридуна назвали праздником Мехргана, ибо произошло это в первый день месяца Мехра, седьмого месяца иранского солнечного календаря. Мехрган стал вторым большим праздником иранцев после Нового года — Хормоза.

Мудро и справедливо царствовал Фаридун пять столетий. Кожаный фартук кузнеца Ковы стал знаменем его страны, и звался тот стяг ковеевским. Украсил его Фаридун блестящей парчой, где сверкали на чистом золоте алмазные узоры. После Фаридуна каждый иранский царь, восходивший на трон, множил на знамени драгоценные камни. В парче и шелках блистал самоцветами тот удивительный стяг, как свет в ночи. В смутные времена разгонял он мрак насилия и испускал лучи надежды на счастливую жизнь, полную благоденствия и радости.

Сыновья Фаридуна

Росли во дворце иранского владыки три сына. Матерью двух старших была Шахноз, младшего — Арнавоз.

Все трое достойны престола, они
Наполнили счастьем родителя дни;
Во всем они с доблестным схожи отцом,
Свежи, что весна, и пригожи лицом

Не мог нарадоваться сыновьями Фаридун, ибо росли они сильными и храбрыми, каждый из них мог осилить слона. Но еще не дал им отец имена: по обычаю того времени имена давались уже взрослым юношам, и должны были соответствовать их характерам и способностям.

Когда пришло время сыновьям жениться, Фаридун решил подыскать им достойных невест. Призвал он к себе верного слугу по имени Джандал и так сказал:

— Ступай, обойди хоть весь свет, но сыщи трех красавиц

царского рода, таких, которые были бы под стать моим сыновьям. Царевны должны быть рождены одной четой родителей и так походить друг на друга лицом и станом, что не смог бы их различить никто. И пусть они еще не имеют имен.

Не стал медлить Джандал с приказом царя и вскоре отправился в долгое путешествие, взяв с собой несколько слуг. Много скитались они по городам и странам в поисках желанных невест, повсюду прислушивались к тому, о чем говорят люди на площадях и базарах, сами расспрашивали людей, искали. Когда же достигли они Хамаварана, то услышали, что у царя той страны Сарва есть три дочери, все статные и красивые и похожи одна на другую, как лепестки одного бутона. И рождены все три царевны одной царской четой. Словом, были, по слухам, девы точно такие, каких желал для своих сыновей доблестный царь Фаридун. Обрадовался этой удаче Джандал и поспешил к царю Хамаварана. Перед ним он почтительно склонился, воздал хвалу и поведал, для чего он прибыл в его страну.

— Я слуга царя Фаридуна,— говорил Джандал,— приехал сюда гонцом из Ирана и принес тебе от моего повелителя привет и добрые вести. Ищет дружбы с тобой Фаридун и желает породниться. А потому сватает он трех твоих дочерей, ослепляющих всех красотой и не нареченных еще именами, за своих сыновей, которые тоже ещё не наречены, как и подобает при их малых летах.

Опечалился царь Сарв, услышав слова Джандала, ибо не желал он расставаться с любимыми дочерьми своими, светочами глаз его. Но можно ли отвергнуть сватовство могучего властелина Ирана, славного Фаридуна? В думах таких пожелтел лицом царь Сарв и стал похож на жасмин, увядший без воды. Порешил он не торопиться с ответом. Отправил до тех пор Джандала отдыхать в уготовленные ему богатые покои, а сам погрузился в невесёлые думы, объятый тоской и тревогой.

И вот созывает Сарв на совет знатных людей страны, витязей, богатырей и мудрецов. А когда явились они, открыл им царь свои сомнения, которые доселе таил ото всех.

— Три луны, три светоча в ночи освещают мир перед моими очами. Это три мои любимые дочери. Но вот прибыл ко мне посланец могучего царя Фаридуна и передал желание его разлучить меня с царевнами, а их оторвать от любимого отца. Прочит он наших луноликих царевен за трех своих сыновей, наследников его богатства и власти. Если скажу, что согласен я, то солгу, ибо сердце мое противится этому, а лгать не подобает царю. Без милых дочерей померкнет день для меня и настанет темная ночь. Но страшусь я отказом нанести

обиду великому и могучему Фаридуну, да и не разумно делать своим врагом владыку многих стран. Что скажете на это, мудрейшие, как рассудите?

Посоветались умудренные жизнью советники и так ответили царю своему:

— О владыка, не подобает тебе, как травинке, колебаться от любого ветерка. Пусть могущественен и богат Фаридун, но мы не рабы его, а твои верные слуги, и если кто нанесет тебе обиду — мы смоем кровью ее. Коль хочешь оставить подле себя дочерей и уберечь страну от гнева Фаридуна, предложи такие условия, какие не сможет он никогда выполнить.

Умен и осторожен был Сарв, и потому не понравились ему речи мудрецов, ибо не принесли они ему удовлетворения. Призвал он к себе слугу иранского царя и ласково заговорил с ним:

— Считаю себя я младшим братом твоего властелина, а потому исполню все, что он велит мне. Вот каков будет мой ответ благородному Фаридуну: «Если милы тебе твои сыновья, то дочери мои мне еще милее и дороже страны, трона и короны. Когда хоть один миг не вижу их подле себя, не нахожу покоя. Но твое желание для меня свято, не могу я ослушаться, и потому обещаю, что дочери мои покинут отцовский дворец. Но прежде пусть приедут сюда твои сыновья.

Мне душу весельем они озарят,
И сам, не довольствуясь гласом молвы,
Увижу я, нравом они каковы.
А там и красавиц, очей моих свет,
Вручу им, как древний велит нам завет».

С почтением выслушал Джандал ответ Сарва царю Фаридуну, поцеловал подножие трона хамаваранского владыки и покинул дворец.

Вернулся Джандал в Иран и вручил Фаридуну ответ Сарва, рассказав о том, как он исполнил повеление царя. Призвал Фаридун к себе сыновей и поведал им обо всем. Речь свою он закончил так:

— Дочери Сарва — бесценные жемчужины, каких не сыскать больше во всем мире. Вас, любимых моих сыновей, я посылаю в Хамаваран, где послушаете вы ученые речи Сарва, дадите скорые и умные ответы на его вопросы. Будьте скромны и учтивы с владыкой, воздайте ему почет и хвалу. Выросли вы во дворце царском, так явите свои чистые души, красноречие и честность, ищите мудрость у благородных.

Поведал еще Фаридун сыновьям, что хамаваранский царь

Сарв очень умен и сведущ в разных науках. Владеет он и тайнами колдовства, не преминет пустить в ход и коварство.

— Хитрый Сарв призовет на пир в честь гостей прекрасных своих дочерей, сверкающих всеми красками весеннего сада,— говорил Фаридун сыновьям.— Красавицы сядут перед вами в ряд. Все три царевны так схожи между собой, что никто не сможет отличить одну от другой ни по лицу, ни по походке, ни по росту. Но знайте, войдут они в зал гуськом, и первой пойдет младшая дочь, а последней — старшая и лишь средняя окажется на подобающем ей месте, между старшей и младшей сестрами. В этом появлении их уготовлен вам подвох, ибо Сарв непременно попросит каждого из вас выбрать подходящую по летам себе невесту. Теперь известно стало вам, какой ответ должно дать.

Выслушали братья наставление отца, а потом собрались быстро в путь. Вместе с царевичами отправились в Хамаваран ученые мобыды и Джандал.

Когда подъехали путешественники к границе Хамаварана, остановились там в ожидании, пока оповестят царя Сарва о прибытии иранских царевичей. Сарв выслал навстречу высоким гостям отборную дружину воинов, сиявшую красочным снаряжением, как павлинье крыло. А когда вступили царевичи в город, вышли из домов все его жители и осыпали иранских всадников и коней их жемчугами, а также шафраном, мускусом и амброй. Гостей проводили в пышные дворцовые покои, украшенные яркими коврами и румийскими шелками, украшенными золотом и серебром. Там отдыхали они несколько дней от тягот пути.

Наконец настал день, когда Сарв созвал всех на веселый пир в честь дорогих гостей. В разгар пиршества явились в чертог дочери Сарва и прошли гуськом одна за другой перед гостями. Не обманул сыновей Фаридун: и впрямь всеми красками весеннего сада цвели принцессы и были схожи между собой, как лепестки одного бутона. И никто не нашел бы разницы между ними—ни в стройном стане, ни в шелку и парче одеяния, ни в чарующем лике, подобном луне. Та, что шла впереди, села рядом со старшим царевичем, явившаяся последней — рядом с младшим, а та, что шла между ними, села рядом со средним братом.

И вот слышат сыновья Фаридуна первый вопрос Сарва, который давно они ждали:

— Скажите теперь, дорогие гости, которая из моих дочерей самая младшая и которая старшая, тогда узнаете и среднюю из них.

Ответили юноши, как учил их отец, и повергли в изумление царя Хамаварана. Не удержался он и спросил потом, как сумели они проникнуть в тайну, скрытую ото всех до сего дня. А братья растерялись и замешкались, не зная, что сказать, переглянулись, но младший из них оказался острее умом других и так сказал:

— Прекрасных твоих дочерей всевышний предназначил нам в жены. Это он указал нам дорогу в Хамаваран и был хранителем в долгом пути. Не дал он нам сбиться с него и здесь, в твоём дворце, и научил, как ответить на твой вопрос, вложив нам в разум разгадку этой тайны.

С восхищением и одобрением вняли царь и придворные ответу младшего царевича. И братья его облегченно вздохнули, когда поняли, что избавились от позора. Но в душах их поселилась зависть к младшему брату, который оказался умнее их и смысленее.

А хитрый Сарв, поняв, что не удалось ему провести царевичей, задумал испытать их в другой раз. Потому как не отказался он от намерения своего ни с чем отправить их обратно к отцу — очень сильна была его любовь к дочерям и непереносима даже мысль о разлуке с ними.

А пиршество продолжалось. Пили, ели и веселились гости до глубокой ночи. И вот уже затуманились и отяжелели головы от выпитого вина. Настала пора отходить ко сну. Сыновьям Фаридуна ложе для сна приготовлено было в саду у благоухающей воды под цветущим деревом. Так приказал царь-чародей, а сам стал колдовать: призвал он в тот сад злой ветер и лютый мороз, чтобы погубить царевичей. Скоро холод сковал цветущий сад, поникли деревья и цветы, застыли камни, замерзли птицы. Радовался Сарв: ничто в саду не сможет больше возродиться к жизни.

Наутро, как только солнце показалось из-за горной вершины, царь вышел в сад, чтобы увидеть замерзших, погубленных морозом, женихов. Но снова постигло его разочарование, ибо нашел он юношей живыми и невредимыми. Пробудились они уже ото сна и сидели на берегу водоема. Наставления отца помогли царевичам сломить колдовскую силу Сарва и спастись от губительной стужи. Понял Сарв, что и на этот раз проиграл. Тогда открыл хамаваранский царь свои сокровищницы и извлек золото и драгоценные камни. Богатство то и солнцеликих дочерей своих вручил он сыновьям Фаридуна и отправил их в Иран. А про себя Сарв подумал с печалью: «Нет вины Фаридуна передо мной, это я грешен, что не сыновей, а дочерей породил. Поистине, счастлив неизменно лишь тот, кто

вырастил дочерей, не любя их». Одна мысль утешала старого Сарва — сокровища свои вручил он достойным их супругам.

В золоченых паланкинах на спинах верблюдов ехали юные девы ко двору царя Фаридуна, вслед за ними шел караван с грузом богатого приданого.

Фаридун испытывает своих сыновей

С радостью встретил царь Фаридун любимых своих сыновей, воротившихся домой с прекрасными невестами. Решил он, что теперь настало время дать им имена, а для того нужно прежде испытать их доблесть и ум.

Когда охотились трое юношей на склонах высоких гор, вылетел им навстречу отец их Фаридун в обличье страшного дракона, с шипеньем и свистом изрыгающего из пасти огонь. Бросился на старшего сына лютый тот дракон, но юноша быстро сообразил: «Нельзя человеку затевать бой с грозным чудовищем»,— и пустился в бегство, надеясь скрыться в горах от опасности.

«Наделен разумом мой старший сын, но лишен доблести и отваги»,— подумал Фаридун и напал на среднего сына. Тот схватил свой лук, натянул тетиву и крикнул: «Когда враг встает на пути, витязь должен сразиться с ним, будь то дракон или кто другой, ибо не уйти ему от судьбы».

«Наделен храбростью мой средний сын, но не дал бог ему острого ума»,— сказал про себя Фаридун и вдруг он увидел, что бросился на выручку брата его младший сын. Отвагой светилось его лицо. Не дрогнув, выхватил он острый меч из ножен и грозно крикнул дракону:

— Не трать зря силы, дерзкое чудовище, уступи нам дорогу подобию-поздорову! Даже самому могучему тигру не совладать в бою с тремя львами, с тремя сынами славного царя Фаридуна. Разят насмерть наши палицы!

«И смел и умен мой младший сын,— решил Фаридун,— и еще наделен он благородством души. Такой никогда не покинет в беде друга».

Прояснились Фаридуну качества сыновей его. Скрылся он с глаз юношей, вернулся домой и снова обратился в человека.

А когда возвратились с охоты сыновья, отец встретил их с почестями, взяв за руки, повел во дворец и усадил по обе стороны от себя.

— Знайте же, славные мои сыновья,— молвил царь,— я был тем яростным чудищем, что встретился вам на пути. Теперь

известен мне прав каждого, и нареку я вас достойными именами. Ты, первенец мой, зовись отныне Сальмом, что означает осторожность, осмотрительность. Невредимым сумел ты избежать пасти дракона, ибо отступил в нужный момент, а не бросился, как неразумный, в битву с яростным врагом. Тебе, средний мой сын, даю имя Тур — бык. Явил ты безмерную храбрость и гнев, способный сокрушить свирепого слона. В тебе же, младший мой сын, сочетаются все достоинства, которыми обладают братья твои каждый в отдельности. Доблесть и смелость твои под стать разуму. Подобаает назвать тебя Ираджем, что значит благородный иранец.

Минули годы, состарился царь Фаридун, и решил он разделить обширные свои владения между тремя сыновьями.

Старший сын Сальм получил во владение западную часть под названием Рум. Средний сын Тур — восточную с Чином, которую стали потом называть Тураном. Срединную землю, собственно Иран, отдал Фаридун младшему сыну Ираджу и сделал его владыкой всего огромного государства. Старшие братья стали его вассалами. Завещал Фаридун своим детям, чтобы правили они мудро и справедливо, жили в дружбе друг с другом и постоянно заботились о единстве и могуществе государства иранцев, чтобы в благоденствии и счастливо жили в нем люди.

Разъехались сыновья Фаридуна по своим владениям, но не долго длились в Иране мирные и счастливые дни. Злобный Ахриман снова пустил в ход свои козни. Сделал он так, что Сальма и Тура обуяла корыстная зависть к брату Ираджу, которого отец вознес над ними. Собрались братья и стали думать, что предпринять им.

Молвил Сальм:

— Горд и славен наш отец, но низок душой и жесток сердцем. С незапамятных времен не видывал свет такого, чтобы младший брат управлял старшими. Мне подобаает быть верховным владыкой, а не Ираджу, ибо старше я всех годами, а потому и мудрее. А после меня ты, Тур, как средний брат по праву взойдешь на иранский престол. Тяжко оскорбил нас отец, осветив венцом Ираджа, самого младшего из нас.

Такими словами посеял Сальм в сердце брата ненависть. Разъярился от злобы недалекий умом Тур и вскричал, как раненый зверь:

— Воистину, предал нас отец, пользуясь молодостью нашей и неопытностью!

Забыв стыд и сыновнюю учтивость, послали братья отцу гневное письмо. В конце его так написали они: «Пусть Ирадж сни-

мет с себя венец властелина и отдаст старшему брату, а не то двинутся разом воины Турана и Рума на его страну и истребят всё копьём и мечом».

Предстал быстроходный гонец Сальма и Тура перед Фаридуном. Но как только увидел он благородное лицо царя, обрамленное серебром седины и сияющее, словно солнце, едва услышал его речи, звучащие приветливо, ласково, тотчас ощутил всю низость и подлость деяния его сыновей. Поклонился гонец Фаридуноу и молвил:

— О прославленный царь, весь народ живет твоим светлым именем. Я же прибыл к тебе злым вестником, хоть и не моя в том вина. Принес я тебе послание от безумных твоих сыновей.

Прочел Фаридун слова недостойных своих сынов, и вспыхнуло гневом его лицо. Встал он с трона и молвил:

— Низкую природу свою явили мои сыновья. Пошли они неправедным путем алчности и зависти, не хватило у них разума устоять перед злобным Ахриманом. Ступай обратно и скажи тем исчадиям зла, что не дети они своему отцу, если готовы продать родного брата за золото и власть. Недаром гласит народная мудрость: «Сердце, свободное от жадности, останется равнодушным и перед пылью земной, и перед царским богатством».

Покинул гонец дворец Фаридуна и вихрем помчался назад к Сальму и Туру.

А Фаридун призвал к себе любимого сына и рассказал о грозящих ему бедах.

— Собирай войско и готовься в поход, чтобы защитить себя и страну от врагов,— говорил он.— Обделила судьба твоих братьев разумом и царственной мудростью, не смогли они устоять перед бесовскими чарами Ахримана, только дурные дела у них на уме. Но тебе опорой в борьбе будет твоя правота.

На это отвечал отцу добрый и справедливый Ирадж:

— Не хочу я изнывать от тщеславия и алчности подобно Сальму и Туру, буду верен я зову добра, которое могу творить без венца и престола. К братьям поеду один без войска и по тушу их вражду ко мне любовью и добротой.

Изумился Фаридун благородному ответу Ираджа, и засияла в сердце его надежда, что сумеет мудрый юноша погасить огонь ненависти в сердцах своих братьев.

Между тем войска Сальма и Тура в полном военном облачении приближались к иранской столице. Один и безоружный вышел навстречу братьям Ирадж. Любовью и добротой светился его открытый взор, когда приветствовал он царевичей.

И те напустили на себя кротость и притворно улыбались, хотя пылали ненавистью и жадной мести.

А сердца воинов Сальма и Тура захлестнули добрые чувства к прекрасному царевичу. Приковались к нему их взоры, и приглушенная их речь, как волна, прокатилась по стройным рядам: «Такому витязю пристало быть властелином страны и предводителем храброго войска!»

Почувствовал Сальм страх и еще большую ненависть к младшему брату, заметив восхищенные взгляды ратников. Когда остались смутьяны одни в своем шатре, сказал Сальм Туру:

— Видел ли ты, что делалось с войском, когда шли мы с Ираджем в шатер? Никто не сводил с него восторженных глаз. И твое войско, и мое, поверь мне, не желают иного царя, кроме Ираджа. Если не уберем его с нашего пути, не удержаться нам на престоле.

Окончив совет, легли они спать, но всю ночь не сомкнули глаз, томимые злыми помыслами.

Лишь только откинуло солнце покров ночи, вскочили братья с ложа сна и бросились к шатру Ираджа, объятые гордыней и злобой. Навстречу им вышел младший брат и приветствовал их, исполненный доброжелательства. Но Сальм с Туром не стали больше притворяться кроткими и излили яд своих коварных замыслов. Спокойна и смиренна была ответная речь Ираджа:

— Отцом нашим назначен мне иранский престол, но я готов добром уступить вам трон, чтобы сохранить мир между нами.

Разумная речь Ираджа не нашла отклика в злобном сердце Сальма. И Тура разъярила кротость брата. Как зверь, заметался он по шатру, сжигаемый ненавистью, и вдруг схватил тяжелую скамью и ударил Ираджа по голове. Помутился свет в глазах юного царевича, но велико было его доверие и не терял он надежды пробудить совесть в братьях:

— Неужто запяtnаете вы братоубийством честь сыновей благородного Фаридуна? — воззвал он к злодеям. — Неужто безжалостно разорвете сердце отцу нашему? Все живое на земле дорожит своей жизнью, не должно убить даже муравья, который тащит зерно в свое жилище. Вы же готовы погубить человека, родного своего брата!

Но слепы и глухи были братья в своей безграничной злобе и лютой ярости. Выхватил Сальм из ножен острый клинок и безжалостно вонзил его в грудь младшего брата.

И рухнул во прах величавый платан,

Истерзан безжалостно царственный стан.

Кровь льется на розы пунцовые шек,

Ирадж, украшение венца, изнемог.

Даже хищный зверь содрогнулся бы при виде такого злодеяния, а безумные братья не чувствовали раскаяния в содеянном, так низко пали они в бездну порока. Отсекли убийцы острым кинжалом голову Ираджа от могучего тела, пропитали его мускусом и послали отцу вместе с письмом: «Вот та голова, которую венчал ты короной».

В это время во дворце Фаридуна всё было готово для встречи молодого царя. Державный трон украшали алмазы и бирюза, искрилось и переливалось вино в хрустальных бокалах, пели сладкоголосые певцы под звуки руда. Фаридун не спускал глаз с дороги, по которой уехал Ирадж на свидание с братьями. И вот увидел он, как закружилась вдали черная пыль. Прошло немного времени, и вместо пышного каравана появился перед дворцом утомленный всадник на взмыленном скакуне, и его скорбный крик болью отдался в сердце Фаридуна.

Приблизился всадник тот ко дворцу и слез с коня, обнимая дрожащей рукой золотой ларец. Слезы струились по его лицу, когда протягивал он ларец царю. Там на парчовой подушке под тончайшей тафтой покоилась голова молодого царевича.

Потемнел в глазах Фаридуна белый свет, и грохнулся на землю несчастный старик. А люди все от горя принялись раздирать на себе одежды, терзать лица ногтями, посыпать головы пеплом.

Долго убивался Фаридун, проклиная братоубийц. Приказал он в знак печали своей сжечь дворец Ираджа, разорить его цветники и вырвать с корнями деревья. Вся страна оделась в синие траурные одежды.

И плач из груди его рвался и стон
Такой, что и звери забыли про сон.
Мужчины и женщины, скорби полны,
Повсюду, от края до края страны
Рыдали над участью горькой царя,
Печалью терзаясь и гневом горя.
Чреда потянулась безрадостных дней,
И смертью казалась та жизнь для людей...

С этого времени пошла страшная распря, которая разделила край иранцев на Иран и Туран, Лютая вражда между ними длилась веками.

Пронеслось несколько горестных месяцев. Вся страна ждала, когда разрешится от бремени прекрасная Махофарид, супруга погибшего Ираджа. Седовласый Фаридун страстно желал рождения внука, который бы отомстил за ужасную смерть своего отца. Но судьба отдалила долгожданный срок: родилась у Махофарид дочь, прекрасная, как только что распустившийся тюльпан.

Берег и лелеял милую внучку старый Фаридун, а когда она подросла, выдал замуж за витязя Пушанга из рода славного Джамшида.

Потекли месяц за месяцем, и вот уже завершил голубой небосвод свой девятилунный бег, когда родился у красавицы сын, достойный венца и престола владыки. Вновь обрел радость и счастье седой царь; казалось Фаридуну, что небо вернуло ему ожившего Ираджа. Прижал он к груди дорогое дитя и молвил:

— Райским обликом обладает младенец, так пусть же зовется он Манучехром. Суждено ему мечом правды пронзить сердца злодеев — убийц Ираджа.

Год за годом рос царевич, не зная печалей. Обучил его Фаридун разным наукам и искусствам, какими владел сам. И вот вырос царевич, стал сильным и смелым, телом и душой созрел для большого дела. Тогда подарил Фаридун правнуку парчовый шатер для пиров и военных походов, еще много шатров из тигровых шкур, подарил аравийских коней, индийские булатные мечи, румийские кольчуги, шлемы и гибкие луки из Чача. Велел стареющий царь всем доблестным витязям Ирана явиться к Манучехру и присягнуть ему в верности.

Наступил день, когда передал Фаридун Манучехру свой престол и золотую корону, украшенную сапфирами и алмазами. При общем ликовании взшел молодой царь на трон и его осыпали изумрудами и серебром. Один за другим подходили к трону

доблестные витязи, прославленные богатыри страны, и клялись Манучехру в верности и готовности сражаться за добрые дела. Среди них были сыновья кузнеца Ковы Коран и Кубод, исполин Шируй, удалой меченосец Гершасп, доблестный Сом — герои, слава о которых гремела по всей стране.

Быстрокрылая молва донесла Сальму и Туру весть о воцарении Манучехра, и страх напал на братьев. Поняли убийцы, что навсегда погасла звезда их счастья и не получат они желанной власти. Задумали тогда злобные слуги Ахримана просить отца о прощении. Послали они в Иран караван с дорогими дарами, забыв стыд и честь, предлагали динары, парчу и атлас, золото и алмазы за кровь Ираджа. И еще пожелали убийцы, чтобы Фаридун прислал к ним юного Манучехра, которому присягнут они в верности.

Не принял седовласый Фаридун даров проклятых им сыновей, велел отправиться назад каравану, а на послание злодеев так ответил: «Открылся мне злой ваш умысел, который надеялись вы скрыть от моих невидящих глаз. Ясно как день стало мне, что задумали вы убить Манучехра, как когда-то безжалостно лишили жизни деда его, Ираджа. Ждите, подлые убийцы, скоро явится к вам молодой царь, но в стальном шлеме и с железной булавой. Сверкающий стяг Ковы будет парить над ним, и под этим знаменем еще не раз низвергнет он зло и насилие и даст восторжествовать правде!»

Прочли Сальм и Тур гневное послание отца и стали собирать по всему Турану полчища для войны.

Как только дошла до Манучехра весть о том, что туранская рать перешла реку Джайхун, поднял он ковеевское знамя и вывел войско свое из города в поле.

Там, на широком просторе, разбили стан и поставили шатры. На версты от ратного стана грозными рядами двигались свирепые слоны, одетые в крепкую броню с отверстиями для глаз. Шестьдесят слонов из трехсот несли на своих широких спинах нарядные паланкины военачальников. Искусно построил свою рать Манучехр: в центре триста тысяч воинов выстроились под началом храброго Корана; у каждого в сталь окована грудь, а в руках — тяжелая палица. Левое крыло возглавил могучий Гершасп, правое — доблестный Сом. Впереди, как месяц, блистал юный Манучехр, и пламенеющий стяг Ковы развевался над ним. Все огромное войско горело желанием отомстить за гибель славного Ираджа.

А два злодея с несметной ордой уже неслись к стану Манучехра.

Засиял над проснувшимся миром рассвет, сокрушив хребет

темной ночи. К этому времени иранская дружина сомкнулась в боевом строю, и кликнул царь воинственный клич.

Оглушительно гремели трубы, ржали арабские скакуны, ревели слоны. Подняв копья к небесам, столкнулись воители на поле кровавой борьбы. Сошлись два войска, как две горы, и двинулся навстречу друг другу лес копий. Пыль, подымавшаяся к небесам, окутала мглою солнце и затмила сияющий день. Яростно сражались воины обеих сторон, словно расцветшие красные тюльпаны адела кровь на траве.

До самого вечера продолжалась битва, а когда скрылось ясное солнце, опустили воины мечи и пики и ушли в шатры отдыхать, чтобы утром снова померяться силами.

Сальм и Тур боялись за исход сражения. Эта первая битва показала, что мощь и отвага иранского воинства превосходили силу туранцев. И тогда пустились братья на хитрость: решили они не вступать утром в бой, целый день провести в своем стане, а с наступлением ночи ворваться неожиданно в лагерь Манучехра и потопить в крови его войско.

Когда отогнала светлый день сошедшая на землю ночь, злодеи построили свою рать и бесшумно двинулись к лагерю Манучехра. Но дозорные молодого царя донесли ему о злом умысле туранцев. Приготовлена к бою была иранская рать, а сам Манучехр с тридцатью тысячами всадников уже ожидал в засаде прихода вражеского войска.

Стемнело. Храня тишину, подбирался Тур с сотней тысяч бойцов к стану иранцев, чтобы начать кровавую бойню. Но врага встретила готовая к бою дружина, и завязалось сражение. Истекала кровью туранская рать. Тогда Тур натянул узду и повернул своего коня вспять, желая бегством спастись от гибели. Выскочил Манучехр с отрядом бойцов из засады и преградил трусливому злодею путь к отступлению. Как вихрь набросился он на Тура и крикнул громовым голосом:

— Стой, гнусный убийца! Настал час, когда меч возмездия покарает тебя за твои злодеяния!

С этими словами Манучехр пронзил супостата острым мечом и сбросил с седла.

Дошла до Сальма весть о позорной гибели Тура, и страх обступил его со всех сторон. Забыл он уже о венце, а думал только о своем спасении. Решил он укрыться за стенами крепости Алонон, что стояла на острове среди моря. При помощи колдовства возвели ее дивы Ахримана из водных глубин.

Но Манучехр разгадал замысел Сальма, когда не нашел его в боевом стане. Призвал он к себе богатыря Корана и сказал:

— Не отважится Сальм воевать со мной. Забыв про славу и

честь, поспешит он укрыться в крепости Алонон. Но если засядет он в той твердыне, нелегко будет выбить его оттуда, ибо живущим в той крепости помогает вещая птица Хумой, обитающая на вершине высокой горы.

— Мы отрежем Сальму путь к Алонону, не ускользнет злодей от возмездия,— ответил Коран.— Дозволь только, владыка, взять мне перстень и печать поверженного Тура.

Трудно было силой захватить тот неприступный оплот туранцев, и задумал тогда Коран пойти на хитрость. Лишь спустилась черная ночь на землю, направился он с отрядом опытных бойцов к высоким крепостным стенам. Недалеко от ворот оставил он свое войско витязю Ширую и сказал:

— Стойте за стеной наготове. Как только увидите иранское знамя над высокой башней, без промедления входите в ворота крепости.

Приблизился Коран к воротам и стал звать начальника стражи. Вышел тот к нему и, увидев перстень Тура, приказал открыть ворота для пришедших воинов, не подозревая о хитрости Корана.

Войдя в крепость, поднял Коран сияющий стяг над высокой башней и кликнул клич иранским бойцам. Шируй поспешил на призыв Корана с дружиной. Отважно бились доблестные витязи Манучехра Коран и Шируй, много туранцев полегло в той битве, а когда наступило утро, разрушились колдовские чары и крепость вместе с остатками разбитой рати погрузилась на дно морское. До небес поднялся черный дым, как от пепелища, и заволок мрачной тучей небо. Когда же мгла рассеялась, остался лежать среди моря пустынный остров. Его и увидел Сальм, подошедший с воинами к тому месту, где стояла неприступная крепость Алонон. Здесь, в засаде поджидал Сальма Манучехр. Вихрем налетел он на туранца и одним ударом меча рассек его пополам. Потом острым кинжалом отсек царь голову убийцы и поднял ее на копье. Как стадо коров, разбежалась по полю рать, увидев отрубленную голову своего предводителя.

С победой и богатой добычей возвращался Манучехр в свою столицу. Настал день, которого так долго ждал Фаридуна в тоске и печали: справедливый меч Манучехра покарал убийц благородного Ираджа.

Приблизился с войском венчанный герой,
И встретил их пеший владыка седой.
Лишь стяг Фаридуна пред ними возник,
Бойцы Манучехра построились вмиг.
С коня молодой венценосец сошел,
Сказал бы — цветущего дерева ствол.

Одряхлевший Фаридун доживал свой долгий век, освободившись от забот правления. Но тяжки были для него последние дни: седая голова никла в тоске, сердце раздирало горе. В сыновьях своих надеялся царь увидеть опору страны и утешение в старости. Но бесславно погибли его старшие сыновья, запятнав себя позором братоубийц.

И вот не стало мудрого Фаридуна. Но память о нем еще долго жила в народе. Никто не рожден для вечной жизни на земле, но бессмертен тот, кто прославился добрыми делами, будь то царь или раб.

Воздвиг Манучехр гробницу из золота. По обычаю того времени усопший царь был посажен на трон, и каждый подходил проститься с ним. Семь дней пребывал Манучехр в трауре, а вместе с ним скорбела и горевала вся страна.

Когда прошла неделя печали и слез, молодой царь приступил к управлению страной и процарствовал сто двадцать блистательных лет.

Сом

На обширной равнине, со всех сторон окруженной высокими горами, лежала в низовьях реки Хильменд страна Систан. Называли люди тот край Нимруз, что значит полуденный. Украшали ту землю пышные сады, цветники с редкостными цветами и вспаханные поля. То был родовой удел доблестного витязя Сомы, могучего богатыря. В столице Систана, городе Забуле, возвышался его прекрасный дворец, но редко находился в нем Сом. Ретивый конь и жесткое седло были престолом храброго витязя. Все время проводил он в походах и сражениях с врагами и чудовищами, добывая славу родной стране.

Повествуют нам древние сказания, что поселился в те далекие времена на реке Кашаф страшный змей Сувар. Был тот дракон широк, как бескрайняя степь, и длинен, как долгий путь от одного города до другого. Огненное дыхание его огромной пасти настигало парящих высоко в небе птиц, и падали на землю их опаленные тела. Изрыгаемый змеем яд отравлял воздух и сжигал все живое. Постепенно опустел тот некогда благодатный край. Покидали люди те места, уходили в горы, ибо гибли их посевы и умирал скот. Скоро не осталось там ни одной птицы в небе, ни одного зверя в лесах. И не было никого, кто бы мог сразиться с тем страшным чудовищем и одолеть его, потому как всякого охватывал страх при одной только мысли о нем.

Задумал тогда доблестный витязь Сом помериться силой с

чудовищем. Изгнал он из сердца робость и сомнение, сел на своего слоноподобного коня, повесил лук на плечо и отправился в путь. В руках держал богатырь палицу с бычьей головой на рукоятке. Пока ехал он по стране, выходили ему навстречу люди из своих домов и навеки прощались с любимым богатырем, ибо никто не верил, что есть такая сила на земле, которая могла бы одолеть того чудовищного дракона.

И вот увидел доблестный Сом перед собой исполинского змея. Густая черная грива космами свисала с его шеи, из раскрытой пасти вываливался длинный и толстый, как ствол дерева, язык. Люто заревел дракон, когда увидел витязя Сома, стал вращать багровыми зрачками, блуждавшими в глубоких глазницах, как в кровавых озерах. От рева дракона задрожала земля, а ядовитое его дыхание окутало небо густым непроглядным туманом.

Но испустил громкий боевой клич Сом, и прозвучал его голос, как рычание разъяренного льва. Вложил богатырь в свой лук толстую стрелу с алмазным наконечником и метнул ее в чудовище. Быстрая и меткая стрела, словно острая игла, пронзила его ядовитую пасть. Дракон не успел спрятать свой долгий язык, как тотчас другая стрела храбреца пригвоздила черный язык чудовища к земле. От ярости и нестерпимой боли забился, заметался змей. Но в это время третья стрела угодила ему в голову, и хлынула рекой темная кровь. Собрав все силы, приподнялся дракон и неистово ринулся на богатыря. Но тут взмахнул рогатой булавой доблестный Сом, пустил с места коня и, приблизившись к змею, нанес ему по темени удар огромной силы. Замертво рухнул на землю дракон, как будто был поражен громадной каменной глыбой, упавшей с неба. Так одним ударом рогатой палицы убил отважный витязь Сом страшного дракона и вернул на землю покой и благоденствие.

Глянул витязь на свою кольчугу и увидел, что от жаркого сражения расплавилось стальное литье, и кольца отделились друг от друга. Тут сбежались со всех сторон люди, скрывавшиеся до той поры в горах. Изумленные смотрели они на поверженного дракона и прославляли доблестного богатыря. Прозвали Сома с тех пор единоударным.

Вскоре собрал доблестный Сом могучую рать и отправился на Каргасаран — страну, населенную дивами и колдунами. Были они люты, как дикие львы, быстры и ретивы в беге, как арабские скакуны. Свирепостью своей дивы наводили ужас на людей, когда, подобно табунам диких коней, вихрем устремлялись из-за гор на их селения, топча посевы и губя на своем пути все живое.

Когда узнали лютые дивы, что движется в Каргасаран иранская рать, обуяла их безумная злоба и ярость. С дикими криками вылезли они из-за гор и заполнили своей ордой широкую степь между высокими хребтами. Возглавлял ту бесовскую рать вник Захока Коркуй.

Двинулась несметная орда навстречу людскому войску, и дрогнули в ужасе иранские бойцы: показались им дивы неукротимыми, с которыми не справиться простым людям. Заметил Сом замешательство воинов своих и, охваченный гневом, один помчался на дивов. Стал он беспощадно разить их многопудовой палицей, как вдруг налетел на него сам Коркуй, и завязался между ними рукопашный бой. Но вот изловчился Сом и крепко ухватил Коркуя за широкий пояс, мощным рывком приподнял его над головой и с силой швырнул на землю. Не поднялся больше с земли Коркуй, остался лежать в пыли с перебитым хребтом. Дрогнула орда дивов, увидев мертвым своего предводителя, и пустилась бежать в страхе. Многих дивов настигли стальные стрелы с алмазными наконечниками, а оставшиеся в живых были взяты в плен. Так покорил доблестный Сом каргасаранских дивов и заставил их служить людям.

Много подвигов совершил еще Сом, чтобы очистить землю от зла, и имя его прославилось повсюду. Но не только подвиги Сома хранит память народа. Из глубины веков дошло до нас удивительное сказание о сыне его Золе-Достоне.

Золь

Долго не было у доблестного витязя детей. Но вот одна из его жен родила младенца, прекрасного, как ясное солнце. Только вот беда — совсем седая была у ребенка голова.

Семь дней не показывали витязю Сому долгожданного сына, и никто во дворце не осмеливался сказать ему о седоволосом младенце. Однако нельзя было уже дольше скрывать от отца новорожденного. Призвала несчастная мать к себе одну из служанок, смелую и бойкую на язык, и велела ей пойти к Сому и рассказать ему обо всем. Предстала перед доблестным витязем посланница и повела такие речи:

— Принесла я тебе радостную весть, о прославленный витязь Сом! Свершилось то, чего страстно желал ты долгие годы: прекраснейшая из твоих жен с лицом нежным как лепесток тюльпана, и косой, черной и блестящей как благоухающий мускус, родила пленительное дитя. Как маленький львенок, лежит в колыбели твой сын, но уже сейчас видны в нем приметы мо-

гучего богатыря. Но есть один изъян у младенца: прекрасная головка его седая. Видно суждено ему было родиться белоголовым, и не подобает тебе роптать на судьбу, доблестный витязь.

Смутила и встревожила Сома речь бойкой служанки. Бросился он в покои любимой жены и увидел в колыбели седое свое дитя. Белее снега был каждый волосок на головке ребенка. Заплакал, зарыдал могучий богатырь, не знающий страха перед врагами, и были то слезы не радости, а горя. «Должно быть примешана здесь нечистая, злая сила. Что скажут люди, когда узнают, что поседел сын Сома, едва появившись на свет?» — думал он.

Доблестный храбрый витязь Сом устранился насмешек и не захотел растить в своем дворце белоголового сына. Призвал он верных слуг и велел им тайком от матери унести ребенка к подножию горы Альбурз.

Привезли слуги младенца к горе, вершина которой возносила до самых туч, положили на голую землю и уехали. И дитя, жестоко оторванное от материнской груди, осталось лежать в пыли у вековой скалы.

Еще не познавший ни света, ни мглы,
Ребенок лежал у подножья скалы,
Забывтый отцом маловерным своим,
Пригретый творцом милосердным одним.

Сырая земля стала ему матерью, а колыбелью — раскаленный солнцем гранит. По ночам холод пронизывал голое тельце ребенка, а днем нещадно палило над ним знойное солнце.

С давних пор был пуст и безлюден высокий хребет той горы, по крутым и отвесным скалам которого никогда не ступала нога человека. Но на самом высоком гребне его жила волшебная птица Симург со своими птенцами.

Однажды вылетела Симург из гнезда, чтобы добыть пищу птенцам, и заметила у подножья горы плачущего ребенка. Спустилась огромная птица вниз, схватила клювом дитя и снова вознеслась на гребень хребта, где ждали ее возвращения голодные птенцы. Симург положила перед детенышами своими добычу, чтобы смогли они утолить голод. Но, о чудо, голодные птенцы не бросились на младенца и не стали рвать его тельце острыми когтями. Пленила птиц красота человеческого детеныша, растрогали жгучие слезы, струившиеся из его глаз, и нежная любовь согрела их сердца.

Так стал мальчик жить в птичьем гнезде, а чудесная птица Симург заботилась о нем, как о родном детеныше. Вместе с

птицами питался мальчик сырым мясом зверей и рыб, их кровь заменяла ему материнское молоко.

Шли годы, и брошенный когда-то отцом младенец вырос и возмужал, стал прекрасным и сильным юношей. Умел он теперь спускаться с высокого утеса к подножию горы и охотиться там на диких зверей.

Однажды увидели его проходившие путники и разнесли по стране молву о юноше с белыми волосами, что живет на высоком утесе пустынных скал. Та молва, легкая и быстрая, как горная серна, побежала по свету и вскоре достигла ушей доблестного Сомы. Вспомнил витязь о сыне, которого бросил у подножия горы много лет назад, и щемящая тоска охватила его сердце; ни днем, ни ночью не мог обрести он покоя.

Как-то, измученный горькими думами, крепко заснул витязь, и привиделся ему вещий сон: будто приехал из Индии могучий воин и рассказал о том, что живет на горе Альбурз сын Сомы — прекрасный юноша, наделенный силой богатыря, разумом мудреца и честью витязя. Проснулся Сом и долго лежал без сна, смущенный и потрясенный, не в силах подняться. В тот же день созвал он мудрых мобедов и стал их вопрошать:

— Дошла до меня весть, что живет на вершине горы Альбурз седовласый юноша. Ответьте мне, мудрецы, мог ли седой мой сын, брошенный на голый гранит, спастись от голода, зноя и стужи и вырасти могучим богатырем?

Отвечали мудрецы-мобеды:

— Все звери и птицы нежно лелеют потомство. Ты, доблестный Сом, преступил тот великий закон, царящий в природе. Младенца, едва увидавшего свет, ты хотел обречь на ужасную смерть, ибо не по нраву пришла тебе его седина. Видно помutil твой разум злой Ахриман. Но чары его обуздал добрый Ормузд: наделил он птицу Симург материнской любовью, и вскормила она твоего сына вместе со своими птенцами в гнезде, не дала ему погибнуть на голых камнях.

Пришла в смущенье душа Сомы от слов мобедов, устыдился храбрый богатырь, что не прославленный подвигами отец, а дикая птица позаботилась о мальчике. И объятый вдруг страстным желанием прижать к груди неведомого сына, вскочил доблестный Сом на коня и помчался к далекой горе Альбурз. За ним последовали его воины.

Подъехали к горе Альбурз и видят: вознеслась к самому небу высокая скала, а там, на ее вершине, опираясь на стволы сандала и эбена, лежит гигантское гнездо, сплетенное из мощных ветвей алоэ. Застыл в изумлении витязь Сом при виде го-го сооружения. Но еще больше удивился богатырь, когда уви-

дел на вершине статного юношу, прекрасного телом и лицом, и рядом с ним огромных птенцов. Радостью наполнилось сердце отца при виде живого и невредимого сына. Но как же забраться на ту высокую кручу и обнять вновь обретенного сына? Не видно было ни одной тропинки, кругом нависали лишь голые скалы.

Но тут вернулась с добычей чудесная птица Симург. Опустилась она на острый утес, взглянула вниз и там, у подножия горы, заметила доблестного Сома со своей свитой. Поняла мудрая птица, зачем приехал витязь к ее гнезду. Подозвав своего питомца, обратилась к нему Симург с такими словами:

— Много дней рос ты во мраке моего гнезда, забытый отцом. Была я тебе и матерью, и кормилицей, и верной опорой. Не успел дать тебе имя отец, когда бросил ребенком к подножию этой скалы, и нарекла я тебя Достоном, ибо стал ты жертвой коварства родного отца. А теперь, посмотри вниз, видишь—сюда к этим диким отвесным скалам примчался родитель твой, прославленный витязь Сом. Настало время вернуться тебе в его дворец, чтобы отныне жить окруженным богатством и любовью. Решайся! Я подниму тебя ввысь и невредимым опущу на землю, к подножию горы.

Хоть и вырос юный Достон вдали от людей и не видел ничего, кроме суровых скал, научила его птица Симург человеческой речи и наделила разумом. А гнездо чудесной птицы стало ему родным домом. От слов Симург тяжело вздохнул юноша, объятый печалью, и слезы затуманили ему глаза.

— Неужто так наскучил тебе твой питомец, что гонишь его прочь от себя? — вскричал Достон.— Лучше всякого дворца для меня это гнездо, и лучше дорогих одежд — твои крылья, укрывавшие меня от стужи и зноя.

На это ответила юноше мудрая Симург:

— Не наскучил ты мне, дорогой Достон, и не со зла удаляю я тебя из гнезда, да и тяжело мне расставаться с тобой. Но не в моем гнезде, а во дворце отца ожидает тебя счастье. Я же никогда не забуду тебя и не оставлю в трудную минуту; и на земле ты будешь вечно находиться под моей сенью. Возьми мое перо, оно поможет тебе в беде. Только поднеси его к огню, и я тотчас же явлюсь перед тобой, схвачу и унесу в родное гнездо.

С этими словами Симург бережно обхватила Достона за пояс, как молния, низринулась с утеса на землю и опустила юношу перед ошеломленным отцом.

Сом, юношу взглядом окинув, нашел,
Что сыну пристали венец и престол.

Лик — солнце, грудь львиная, кровь горяча,
Рука богатырская ищет меча.
Уста, словно лал, очи — цвета смолы,
Ланиты, что мак, но ресницы белы.
Когда б не врожденная та седина,
Была бы его красота без пятна.

Сом зарыдал от восторга и счастья, а потом воздал хвалу и благодарность чудесной птице Симург, доброй защитнице обездоленных и грозе злодеев.

А громадная птица поднялась к темным вершинам скал. Долго провожали ее взором стоящие у подножия горы люди, пока не скрылось белое пушистое облако в высоком гнезде. Крепко обнял дорогого сына доблестный Сом и молвил:

— Прости мне обиду и забудь о прошлом, отныне тебе одному посвящу я всю свою жизнь. Клянусь, что станет законом для меня любое твоё желание.

Велел Сом подать юноше одежду витязя, а потом отправились все в обратный путь.

Нарек Сом седого сына Золем. Не жалея сил и уменья, стал он обучать его разным наукам и искусствам. И вскоре не было Золю равных по уму и достоинствам. Еще изумлял он всех своей необычной красотой: дивился народ на прекрасного витязя, у которого кудри блестели не чернотой мускуса, а серебром камфары.

Вскоре доблестный Сом снова отправился в поход против врагов иранской земли, а управлять уделом оставил юного Золя. На прощанье сказал он сыну:

— Будь справедлив и щедр, мой сын. Здесь, в славном Забуле, твоя родина и твой дом. Постоянно стремись вперед в науках и искусствах, ибо всякое новое знание приносит нам счастье и благополучие.

Долго печалился юный Золь, не зная, чем утешиться в разлуке с отцом. И вот задумал однажды объехать от края до края весь свой удел. Взял он с собой верных витязей, испытанных в боях, и отправился посетить Кабул, Данбар, Марг и Май.

Золь и Рудоба

Много городов и селений своей страны объехал Достон-Золь, и повсюду радостно встречали его люди. И вот вступил он на земли Кебула. Правил Кабулом в то время царь Мехроб, а

вел он свой род от дракона Захока. С тех пор как воссел Мехроб на кабульский престол, платил он доблестному Сому как вассал ежегодную дань.

Как только узнал Мехроб Кабульский, что сын доблестного Сома разбил свой шатер у ворот его города, на заре вышел навстречу властелину с богатыми дарами. Ласково приветствовал кабульца юный Золь и долго не мог оторвать взора от прекрасного царя: сияло, как утренняя заря, его лицо, подобно стройному кипарису был его стан, а гордая осанка и мощные плечи говорили о доблести отважного воина. Невольно потянулась к Мехробу добрая душа Золя, и воскликнул юноша с жаром:

— Не знал я, что есть среди моих вассалов такой воин-богатырь!

Похъстили слова Достона-Золя Мехробу, и склонил он голову в почтительном поклоне перед юным владыкой. А один из придворных его осмелился произнести:

— Не один наш царь так прекрасен. Красавицу дочь растит несравненный Мехроб. Даже солнце не в силах тягаться с ее красотой. Будто из слоновой кости выточил Рудобу искусный ваятель, так прелестен ее лик и строен стан. По плечам ее скользят черные как мускус косы и свиваются у пят в блестящие кольца. Цвета нежных лепестков тюльпана ее яркие щеки, а алый рот похож на зерно граната. Над прекрасными глазами изогнулись черные брови, подобно луку, а ресницы темны, как крылья ворона. Свежее амбры благоуханное дыхание красавицы, и сравнить ее красоту можно разве с расцветшим весной цветником, который улаживает взор и обещает счастье.

Услышав о девице прекрасной такой,
Золь разум утратил, утратил покой
Ведь если прекрасен отец, как весна,—
Какая же дочь от него рождена?
До света не спал он, тоскою томим
По девице, ни разу не виденной им ..

Путру снова вошел в шатер Золя прекрасный владыка кабульской земли. Радостно встретил Мехроба юный витязь и, усадив рядом с собой, молвил:

— Мил и дорог стал ты моему сердцу. Проси у меня, что хочешь, исполню все, что пожелаешь.

Ответил на это Мехроб:

— Есть у меня затаенное желание, мой повелитель, не трудно тебе его исполнить. Хочу, чтобы пришел ты под кровлю моего дворца и пировал среди нас, верных друзей. Тем согреешь ты сердце мне и озаришь счастьем и радостью мой дом.

— Нет, не бывать тому, — молвил Золь. — Не подобает иранскому витязю пировать в доме потомка Захока. Разгневаются на меня доблестный Сом и царь Манучехр. Проси, что хочешь, но только не это.

Склонился почтительно Мехроб перед Зодем и вышел из шатра его, объятый печалью.

А Золь устремился душой вслед ушедшему и воздал ему хвалу перед своими воинами. Не почитали Мехроба доселе знатные люди Ирана, считая его чужим, рожденным от дива Захока. Но видя доброе отношение к нему Золя, иранские витязи также прониклись к нему почтением, дивились стройной осанке его и красоте лица.

Когда несравненный Мехроб вернулся в свой дворец, встретили его во внутренних покоях два ясных солнца — прекрасная супруга его Синдухт и красавица дочь Рудоба. Раскрыла рубиновые уста Синдухт и принялась спрашивать Мехроба:

— Как встретил тебя славный Золь-Достон и каким нашел ты наследника доблестного Сомы? Достоин ли он восседать на престоле или лучше подходит ему гнездо птицы? Похож ли он нравом и умом на прочих людей и видны ли в нем доблесть и благородство славных его предков?

Ответил на это жене Мехроб:

— Подобного ему витязя не отыскать больше на всей земле, не видел я такого богатыря и на росписях стен древних дворцов. Сочетаются в нем смелое сердце льва и исполинская сила слона, ни один из наших богатырей не осилил бы его в бою. Унаследовал он благородство доблестного Сомы, а щедрость его безмерна, словно Нил. Молод юный владыка и молодо его счастье, сияет гордостью и торжеством его прекрасное лицо. Немало славных подвигов совершит он на благо своей страны. Лишь один недостаток в нем — белизна его кудрей, но и эти седые волосы к лицу прекрасному юноше.

Как гранатовый цвет вспыхнула красавица Рудоба, выслушав рассказ отца. Занялось огнем любви к неведомому богатырю ее юное чистое сердце. С этого дня забыла девушка о пище и сне, и страсть, поселившаяся в груди, овладела ее разумом и сердцем. Недаром гласят слова мудреца: «Остерегайся славы при женщинах доблестных мужей».

Охваченная тоской по Золю, не в силах была Рудоба в себе хранить жгучую тайну. Позвала она верных служанок и открыла перед ними свое сердце:

— Всегда утешали вы меня в горе и хранили от всякой печали. Выслушайте и теперь мои сокровенные слова. Узнала я любовь, и страсть, словно морская волна, бушует в моей груди.

Тоска по прекрасному витязю Золю охватила меня, и нет мне ни днем, ни ночью покоя. Горят мой разум и сердце огнем, зажженным им. Придите же мне на помощь, найдите средство избавить меня от тяжких страданий.

С изумлением внимали служанки страстным речам госпожи и не верили ушам своим. «Забыв честь и стыд, влюбилась дочь венценосного Мехроба в седовласого богатыря, вскормленного птицей!» — подумали они, а одна из служанок сказала:

— Слава о красоте твоей разошлась повсюду среди знатных и простых людей; от Чина и до Хинда идет молва о царевне, блистающей красотой, словно алмаз во мраке ночи. Нет светила в небе яснее, ярче, чем твой лик, нет тополя на земле стройнее, чем твой стан. Многие прославленные витязи и цари безуспешно добивались твоей руки. Так неужто опозоришь ты теперь родительский дом, предавшись любви к неведомому Достону, которого не пожелал растить в своем доме даже родной отец! Подобает ли тебе с твоей красотой и знатностью стремиться к седому юноше, выросшему в гнезде птицы?

Сурово внимала прекрасная Рудоба речам бойкой служанки. Жарким пламенем разгорелся гнев в ее сердце, а сияющий лик омрачила тень печали. Резко молвила она в ответ:

— Не стоило слушать мне неразумные ваши слова. Когда сердце озаряет маленькая звезда, не приносит радости сияющий месяц. Недаром говорит народ: кто пленился темной глиной, не поднимет глаз на душистую розу, хоть и воспета она не раз. Целебнейший мед повредит тому, кому пришелся по вкусу острый уксус. Не нужны мне ни раджа индийский, ни хакан китайский, ни владыка всего Ирана. Полюбился мне отважный Золь-Достон, сын доблестного Сомы. Убелен ли он сединой или как мускус блестят его кудри, только он один царит в моем сердце, и не желаю я слушать ни о ком другом! Не увидев еще героя, полюбила я его не за кудри и не за стройный стан, а за славные, доблестные его дела.

С грустью выслушали служанки сердечный стон царевны, поняли страдания ее истомленной души и ответили так:

— Мы—верные и любящие слуги твои. Известно нам, что лишь к добру могут привести твои желания, а потому готовы с радостью исполнить их. Прикажи только, и, как быстрые птицы, взлетим мы к тучам, как легкие серны, промчимся по горным кручам. Скажи, что нам сделать, чтобы увидела ты своего возлюбленного?

Улыбка счастья озарила рубиновые уста Рудобы, и промолвила она:

— Ступайте же скорее к шатру славного Золя, повидайте его, а после расскажете мне все о нем.

Стоял первый месяц весенней поры, самой чудесной поры года. Теплый воздух, напоенный пряным запахом цветения, дрожал и струился над зелеными лужайками, покрытыми яркими цветами. Служанки Рудобы оделись в парчовые одежды, украсили черные волосы алыми розами и, блистая свежестью и красотой, отправились к берегу реки с кувшинами для воды. Там, как стайка щебечущих птичек, разбежались они по прибрежному лугу, громко смеясь и срывая полевые цветы.

С другого берега, где раскинулись шатры Золя и его воинов, увидел молодой витязь прекрасных девушек и спросил своего слугу:

— Кто собирает цветы на том берегу?

— То служанки кабульской царевны пришли из замка Мехроба, чтобы наполнить кувшины свежей водой и собрать для своей госпожи чудесные дары весны,— ответил слуга.

Радостно възгнала душа Золя от этих слов, и поспешил он к берегу реки, сжигаемый любовью к невиданной им еще царевне. Приблизившись к реке, заметил витязь на воде стаю диких гусей. Охотничьим криком спугнул он птиц, а когда взлетели они ввысь, натянул тетиву лука и метнул стрелу в летящую стаю. Одна из птиц, пронзенная меткой стрелой, упала на другой берег. Молвил тогда Золь своему слуге:

— Переправься скорее через реку и принеси мне добычу.

Сел слуга в челн и вмиг достиг другого берега реки. Подбежали к нему девушки-служанки и стали расспрашивать:

— Скажи, кто этот грозный исполин, так ловко спустивший с тетивы стрелу?

Ответил слуга Золя:

— То сын доблестного Сома, прославленный витязь Золь. Правит он счастливой забульской землей, и нет воина под солнцем, отважнее и краше моего господина.

Но молвила на это одна из бойких служанок:

— Пусть прекрасен и могуч твой витязь, но живет в замке Мехроба царевна-луна, которая затмит красотой своей славного Золя. Стройнее тополя ее стан, белее слоновой кости ее лицо. Две дуги черных бровей подпирают точеный нос, и, как внешний тюльпан, нежен румянец ее щек

— Не понапрасну пришли мы на этот луг,— вмешалась другая девушка,— хотим мы посмотреть на юного владыку Забула, о доблести и красоте которого говорит весь Кабул. Весть о нем дошла и до царевны Рудобы.

Услышав об этом, поспешил слуга Золя обратно, оставив

на берегу изумленных девушек. Обо всем увиденном и услышанном поведал он господину, и радостно забилося сердце влюбленного витязя. «Несравненная Рудоба тоже слышала обо мне и может быть также вспылала любовью»,— подумал он. И снова послал Золь слугу на тот берег реки, а вместе с ним алмазы, рубины и сапфиры, чтобы вместе с весенними цветами отнесли их девушки в дар прекрасной царевне. А юным служанкам пожаловал витязь золототканые одежды.

Обрадовались девушки, что удалась их хитрость, и шепнула одна из них слуге Золя:

— Если твой повелитель хочет сберечь свою тайну от чужих ушей, то пусть сам пожалует к нам для беседы с глазу на глаз.

И вот отправился влюбленный витязь один на берег реки.

— Скажите мне, милые девушки, так ли прекрасна Рудоба, как говорит о ней молва? Достояна ли она того, чтобы поклонился ей отважный витязь? — вопрошал он служанок царевны.

А когда выслушал Золь рассказ девушек о Рудобе, воскликнул, объятый восторгом и любовью:

— Томится мое бедное сердце от любви к прекрасной Рудобе, горю я страстным желанием увидеть несравненную царевну. Помогите же мне, добрые девушки, найти путь к возлюбленной моей!

— Если такова твоя воля, прославленный витязь, мы немедленно поспешим к госпоже нашей и расскажем о могучем красавце-богатыре и о его сильной любви. А ты приходи вечерней порой к высокому чертогу царевны, взберись на башню, и там, в благоухающих покоях, увидишь сам, прекрасна ли Рудоба.

Вернулся витязь Золь к своему шатру, и показался ему тот день длиннее года.

Между тем воротились домой веселые девушки-служанки, принесли они с собой охапки полевых цветов и дорогие подарки витязя. Подивилась Рудоба дарам Золя и принялась спрашивать девушек:

— Скажите же мне, каков на вид этот прославленный витязь? Что говорил он вам?

Отвечали Рудобе бойкие служанки:

— Еще не видывал свет богатыря, подобного Золю. Мощный как чинар и строен как кипарис его стан, а львиная грудь широка как степь. Белоснежные кудри, обрамляющие благородный лик, совсем не изъян, а его украшение. Лицо витязя подобно алому тюльпану в серебряной кольчуге.

Жадно внимала прекрасная Рудоба речам девушек, и каждое их слово обращалось в ее душе в пламя. Еще сильнее раз-

горелась в ней любовь к седому юноше, и вспыхнула мечта о свидании с ним. К служанкам же обратилась царевна с лукавыми словами:

— На этот раз новые речи слышу я из ваших уст. Этот дикий витязь, взращенный птицей, этот юноша с седой головой вдруг стал похож на кипарис и весенний тюльпан,— сказала Рудоба, и задрожали от радостного смеха ее алые губы, а щеки зарделись как зерна спелого граната.

— А что вы обо мне наболтали Золю? — спросила она затем.

— Мы обещали ему свидание с тобой, прекрасная госпожа. Как только зайдет солнце, готовься встретить милого гостя, а сейчас прикажи, с чего начать нам приготовления в твоём чертоге.

Рудоба немедленно взялась за дело с помощью верных служанок. Ослепительные свои покои, благоухающие свежей весной, велела она украсить китайской тафтой и индийской парчой, повсюду рассыпать рубины и алмазы. Был вычищен до блеска каждый золотой кувшин, а потом наполнен ароматными винами. В серебряных кувшинах стояли благовонный жасмин, душистый нарцисс, фиалки и ландыши, сплетенные в букеты. Бирюзовые сосуды наполнены были розовой водой, чистой и прозрачной, как слеза.

Как только скрылось солнце с небес и темнота окутала землю, Золь поспешил к своей незнакомой возлюбленной.

Рудоба стояла на веранде высокой башни и жадно глядела на дорогу в ожидании Золя. Но вот показался вдаль всадник, и радостно забились сердце девушки. А когда приблизился Золь к башне дворца и спешил, произнесла Рудоба взволнованно:

— О доблестный витязь, да будет благословен твой приход сюда!

Лишь только нежный сладкозвучный голос девушки достиг слуха Золя, затрепетала его душа. Поднял он голову и увидел сияющее солнце. Засверкал перед его глазами мир всеми своими цветами, и промолвил богатырь, охвативший счастьем:

— Сколько долгих ночей молил я бога, чтобы хоть во сне явился мне твой пленительный облик. И вот теперь дано мне любоваться твоей красотой и слушать нежную и простую речь твою. Укажи мне путь к свиданию с тобой, ведь ты на высокой башне, а я на земле.

Услыхав слова витязя, распустила Рудоба свои чудо-косы и сбросила их вниз. Заструились черные кудри, сплетаясь в один толстый аркан.

— О доблестный витязь! — позвала с высоты Рудоба.— По-

дойди поближе к стене башни и крепко ухватись за мои волосы. Потом выпрями стан, напряги руки и взбирайся по ним наверх ко мне.

Как зачарованный смотрел витязь на Рудобу и дивился благородству ее речей. А потом подошел он к стене и коснулся губами волос, благоухающих мускусом. Тот поцелуй дошел до сердца Рудобы, и оно забилося от радости и счастья.

— Никогда не решусь я причинить тебе боль, луноликая Рудоба,— крикнул Золь и с этими словами снял с пояса длинный аркан, раскрутил его и мощным рывком запустил на крышу башни. Петля аркана зацепилась за острый башенный зубец. Мигом взобрался по нему витязь наверх и очутился на веранде башни, где стояла Рудоба. Прекрасная царевна с поклоном приблизилась к Золю, нежно взяла его за руку и повела в свои убранные покои. Очарованный красотой царевны, не в силах был Золь вымолвить ни слова.

Золь-зар между тем околдован, глядит
На лик ее, кудри, пленительный вид:
На ней ожерелье и серьги блещут,
Алмазами шит золотканый наряд,
Нежнее тюльпана ланит лепестки,
Ложатся в кудрях к завитку завитки.
И Золь, как владыка царей, величав,
Воссел близ красавицы, весь просияв.
Атласная перевязь, добрый кинжал,
От ярких рубинов венец его ал.
Украдкой царевна, очей не сводя,
На Золя глядит, на красавца-вождя.

Отблеск прекрасных лиц огнем разгорался в сердце каждого, росла с каждым мгновением их любовь.

Незаметно протекли часы до утра, и вот уже была на исходе ночь. Побледнело небо, за стенами замка заблестела тусклая полоса рассвета, и забили вдали барабаны, возвещая наступление дня. Настало время прощания, и только тогда почувствовали влюбленные, что повеяло холодом раннего утра... И воззвал витязь Золь к ясному солнцу:

— О светоч вселенной, не всходи так стремительно над землей! В твоей власти продлить счастье двух любящих сердец!

Но день неумолимо вступал в свои права, отесняя ночь, и понял Золь, что пора ему возвращаться в свой стан. Обернулся он к Рудобе и промолвил:

— О прекрасная Рудоба! Знаю, что разгневаешься владыка

Манучехр, когда дойдет до него весть о моей любви к тебе — дочери аравитянина Мехроба, потомка Захока. И отец мой, доблестный витязь Сом, станет корить меня и бранить. Но в этот самый счастливый день моей жизни я клянусь тебе в верности и обещаю, что мы назовемся супругами. Этот обет не нарушу я никогда, иначе не дорога мне будет больше жизнь.

Ответила Золю Рудоба:

— И я клянусь тебе в этот час, что не владеть мной никому другому, кроме славного Золя, чье имя гремит по всей стране.

Простился Золь с прекрасной подругой своей и спустился вниз по аркану...

Возвратившись в державный свой шатер, тотчас велел он созвать старейших витязей, закаленных в битвах, и мудрых мобедов. А когда явились они, обратился к ним Золь с такими словами:

— Долго скрывал я от всех сокровенные мысли свои, но изнемог от мучительных дум бедный мой разум. Открою теперь свое сердце, сжигаемое печалью. Светлее ясного дня стал для меня замок Мехроба, в котором живет кабульская царевна. Но владыка Ирана Манучехр и отец мой Сом усмотрят большой грех в моей любви к Рудобе. Дайте же мне мудрый совет, ученые мобеда и храбрые воины, как подобает мне поступить?

Безмолвно выслушали мудрецы и витязи печальную исповедь Золя. Ведомо было им, что от драконоподобного царя Захока ведет свой род Мехроб Кабульский, оттого не лежат к нему сердца владыки Манучехра и доблестного Сома.

Долго не в силах были мужи разомкнуть уста для ответа, страшась отравить мед речей Золя ядом своих упреков. Но любовь всеильна и сметет на своем пути все преграды. Истина эта ведома была и мудрецам и бойцам, а потому так ответили они Золю:

— Речи твои ввергли нас в пучину больших раздумий. Но только добра и счастья желаем тебе мы. Прекрасная и благородная супруга — не помеха величию правителя, а Мехроб Кабульский, хоть и ведет свой род от дракона, могучий и благородный владыка, чье сердце открыто навстречу добру и любви. Совет наш тебе будет таков: напиши отцу своему все то, что подскажет тебе твоя любовь. Потом доблестный Сом предстанет пред Манучехром и добьется согласия владыки на этот брак.

Послание отцу Золь отправил с быстрым и верным гонцом, дав ему пару оседланных коней, и так наставлял его:

— Если один конь устанет, скачи на другом, но не преры-

вай быстрой езды ни на мгновение, пока не достигнешь державного шатра Сома.

Прочитал Сом послание сына и застыл на месте, будто прирос к земле. Не ждал он этой горестной вести и так сказал себе:

— Чему же дивиться здесь, коль был воспитан он дикой птицей. В этом причина его безрассудного желания. Его не могла бы внушить ему родная мать.

Потеряв покой, и днем, и ночью страдал и терзался доблестный Сом, удрученный тяжкой заботой.

— Если велю Золю позабыть о праздной своей мечте, то прослышу клятвoprеступником, — думал он. — Не я ли клялся выполнять все его желания? А коль благословлю сына на этот брак, что скажет владыка Манучехр? И какой наследник может родиться у питомца птицы и внучки дракона?

Наконец созвал Сом мудрых звездочетов и обратился к ним с такими словами:

— Посмотрите на звезды небесные и узнайте, какая судьба предначертана моему сыну, который полюбил дочь Мехроба Кабульского. Золь и Рудоба — два существа, различные как пламя и вода, если соединятся они в брачном союзе, не постигнет ли несчастье нашу страну?

Долго читали звездочеты по расположению небесных светил предначертание судеб двух влюбленных, а потом явились, чтобы обрадовать Сома благой вестью.

Так молвил один из седых мудрецов:

— Возрадуйся и откинь все сомнения, о доблестный витязь, оплот нашей страны! Достойны друг друга твой прославленный сын и дочь Мехроба Кабульского. От славного союза Золя и Рудобы явится на свет могучий богатырь и совершит невиданные доселе дела. Сокрушит он всех врагов нашей страны, очистит землю от зла и подарит народу надежду на счастье. Много светлых и радостных дней принесет он Ирану, на Туран же обрушится град бед и несчастий.

Обрадовали доблестного Сома слова звездочетов, и душа его обрела утраченный покой. И вот шлет он Золю гонца с посланием, в котором обещает сыну, что с дружиной своей отправится он в Иран к царю Манучехру, чтобы узнать его волю.

Когда юный Золь получил эту весть от отца, просияла его душа от радости и удачи. Немедля послал он восточку Рудобе, чтобы успокоить ее и утешить. Посланицей у влюбленных служила одна невольница, которая носила тайно им письма друг от друга.

Узнав о том, что согласен Сом на женитьбу сына, Рудоба наградила девушку-посредницу за добрую весть дирхемами и

богатой одеждой. А возлюбленному своему Золю послала в подарок два золотых перстня, украшенных драгоценными камнями. Когда покинула девушка-служанка покои царевны и пробиравась к выходу по переходам дворца, увидела ее царица Синдухт, остановила и расспросила:

— Откуда идешь ты и куда направляешься, неизвестная девушка? Не вздумай только ложью отделаться от моих вопросов! Давно приметил я, как бродишь ты здесь каждый день, никого не опасаясь и не таясь.

Побледнела от страха служанка, упала на колени перед царицей и взмолилась:

— Я одинокая и бедная девушка, хлеб свой добываю тяжким трудом. И еще хожу по домам знатных людей и продаю им платья и украшения. Несравненная дочь ваша Рудоба велела принести ей драгоценный убор и кольца, горящие алмазами.

— Тогда покажи мне все это и развеяй мои сомнения,— приказала Синдухт.

— Все осталось в покоях царевны,— нашлась девушка.

Умная царица не поверила словам посредницы и заподозрила обман, а потому велела девушке сбросить одежду, чтобы под ней найти эти вещи. Упали на землю алмазные перстни, посланные Золю, и богатый наряд для самой посредницы. Гневом вскипела душа царицы. С силой оттолкнула Синдухт девушку и ушла в свои покои. Там надолго заперлась она, полная сомнений и тревоги. Разные мысли терзали разум царицы, тоска и подозрения разрывали ее сердце. Наконец приказала она позвать к себе дочь.

Когда Рудоба, бледная и встревоженная, появилась в покоях матери, обрушила на нее Синдухт лавину вопросов:

— Скажи, существует ли на земле что-нибудь, чего не имела бы ты, Рудоба? Ты же платишь мне недоверием за все заботы о тебе! Ответь, зачем ходит сюда эта странная девушка? Назови мне того, кто удостоился от тебя дорогих даров?..

От смущения и стыда не смела Рудоба поднять взор от земли. На пылающие, как рубины, щеки закапали слезы. Наконец промолвила она тихо:

— Я страдаю в тисках любви, которую зажег в моем сердце молодой властитель Забула Золь. Без него не мила мне больше жизнь. Довелось нам тайно увидеть друг друга и обменялись мы клятвой в вечной любви. Долго терзалась я мукой сомнений и неизвестности, а сегодня девушка эта принесла мне радостную весть: доблестный Сом благословил сына на брак со мной.

Растерялась царица Синдухт, услышав неожиданную но-

вость, и не знала, что ответить на это Рудобе. О лучшем супруге для своей дочери не могла и мечтать царица. Но позволит ли Манучехр иранскому князю взять в жены аравитянку из рода Захока? Не двинет ли он в гнев своем на Кабул огромное войско, чтобы превратить в прах их страну за такую дерзость? Ни на что не могла решиться Синдухт, а потому так сказала Рудобе:

— Пусть эта девушка и дальше действует также умно и ловко, ибо тайна твоя до времени не должна стать явной.

Удалилась царица в свои покои и провела остаток дня в слезах и печали.

Радостный и веселый воротился в тот день благородный Мехроб. Доволен он был ласковым и приветливым обращением прославленного Золя, в шатре которого проводил теперь все дни. Но при виде плачущей супруги омрачилось его лицо.

— Отчего поблекли щеки твои, на которых всегда цвели алые розы? Что ввергло тебя в печаль и горе? — спросил он Синдухт.

Заливаясь слезами, отвечала та супругу:

— Страх и тревога за наше счастье похитили мой покой. Гибель угрожает блеску и могуществу нашего рода. Сын Сомы белокурый Золь завлек в силки любви чистое сердце Рудобы. Страдает дочь наша от сердечной муки.

Услыхав те слова, потемнел в лице благородный Мехроб и в гнев схватился за меч свой.

— Мечом этим пролью я кровь дерзкой бесстыдной дочери! — вскричал он. — Почему не срубил я ей голову, как только родила ты ее на свет? Тогда не дожил бы я до такого позора. Что если разгневется Манучехр и пошлет на Кабул свою рать под предводительством доблестного Сомы? От Кабула тогда останется один только прах!

— О славный супруг мой! — воскликнула царица Синдухт. — Сначала разреши мне вымолвить слово, а потом дай волю своей ярости. Поверь, напрасны твои опасения и страх, ибо доблестный Сом уже знает, что сын его Золь воспытал к Рудобе любовью. Давно покинул он Каргасаран и отправился к Манучехру испросить позволения у владыки на брак сына с дочерью нашей.

Слова Синдухт умерили гнев Мехроба, и сказал он, успокоенный:

— Если правдивы твои речи, луноликая супруга моя, то не вижу я в том вреда, что случилось. На всем свете не сыскать нам зятя лучше, чем отважный и благородный Золь, и почетно для нас родство с доблестным Сомом.

— Осмелюсь ли я лгать тебе, именитый царь! — проговорила Синдухт.— Терзают меня та же печаль и та же забота. Недаром застал ты меня в слезах и горе. Подумаем вместе, как спасти Кабул от гнева Манучехра, а дочь нашу — от сердечной муки.

— Тогда прежде позови ко мне Рудобу,— были слова Мехроба.

Испугалась Синдухт, что в гневе отец может погубить любимую дочь. И потребовала она от Мехроба клятвы, что Рудоба уйдет невредимой из родительских покоев. После этого устремилась царица сама к Рудобе, чтобы привести ее к Мехробу.

— Усмирила я гнев твоего отца. Сбрось украшения и скромно, как робкая серна, припади к ногам царя и моли его о прощении,— сказала она.

Но гордая девушка так ответила:

— Зачем стыдиться мне украшений и притворяться бедной и робкой? Белокурый витязь Золь — мой избранник, только к нему одному стремлюсь я всей душой и не стану этого скрывать от отца.

В дорогом золототканном уборе, сверкая алмазами и рубинами, явилась Рудоба в покои отца. Как восточная заря, сияла пленительной красотой царевна. «Она прекраснее лучезарного весеннего солнца»,— восхищенно подумал Мехроб при виде ее, а вслух вымолвил:

— Навлекаешь позор на отца своего, недостойная дочь. Подбавляет ли нам напрашиваться на высокое то родство?

Молча слушала Рудоба гневные слова царственного отца. Краснее рубина было ее лицо, окрашенное кровью терзаемого сердца. Сверкающий взор прикрыло черное крыло опущенных ресниц, а коралловые уста сковало гордое молчание.

А между тем доблестный Сом уже спешил с коня перед дворцом царя Манучехра. Расступилась толпа царедворцев перед прославленным воином, и сам владыка поднялся с трона, чтобы приветствовать отважного витязя. Усадил Манучехр Сом рядом с собой и расспросил о походе в Каргасаран.

Сом поведал царю о битвах своих со слугами Ахримана, о том, как рассыпалась по горным ущельям, холмам и долинам вражеская орда. Но когда начал он говорить о Мехробе и о прекрасной дочери его Рудобе, Манучехр грозно прервал речь витязя и сказал:

— Дошла до меня весть о дружбе твоего сына с Мехробом Кабульским. Известно мне и о том, что воспылал он любовью к его дочери, в чьих жилах течет кровь дракона Захока. По-

скорей созывай храбрых своих воинов, иди на Кабул и предай крепость Мехроба огню и опустошению. Торопись, пока не заговорил в нем дух дракона и не поднял он в стране смуту.

Не осмелился Сом перечить всемогущему владыке, объятomu яростью. Потупив взор, припал он лицом к царской руке, украшенной державным перстнем, и поклялся исполнить его волю.

Вскоре двинулось на Кабул войско Сомы на быстрых конях.

Дошли до жителей Кабула печальные вести о гневe иранского владыки. Надвигающаяся беда казалась неотвратимой, и никто уже не верил в избавление. Рыдания и стоны огласили замок Мехроба.

Гнев охватил Золя, когда узнал он, что движется на Кабул грозная рать отца. Страшился он участи кабульцев, и мысль о том, что он явился причиной их несчастья, разрывала ему сердце. Вскочил Золь на коня и помчался навстречу Сому. Вскоре увидел он вдали клубы пыли и развевающиеся знамена иранского войска. И вот предстал юноша перед прославленным отцом. Сойдя с коня, бросился он в ноги отцу со словами:

— Силой и мудростью вознесся ты над людьми, прославился среди них и своей справедливостью. Лишь родного сына обделил ты любовью. С младенчества не знал я колыбели и материнской груди, вскормлен был птицей на голых камнях. Но суждено мне было вырасти сильным и смелым. По твоей воле посетил я Кабул, и стал царь кабульский мне другом. Ни с кем на земле не враждую я, потому и люди не питают ко мне ни вражды, ни ненависти. Вспомни, как клялся ты, что взрастишь любое дерево, посаженное мной, а сам покинул Каргасаран, где сражался со злобными дивами, для того лишь, чтобы разрушить мирный мой дом, еще не возведенный! Так вот какова твоя правда и справедливость! Если виновен я пред тобой, покарай меня за мои грехи, но не нарушай мир и спокойствие Кабула. Не должен страдать ни в чем не повинный народ! Горе, которое постигнет его, станет и моим горем.

С поникшей головой выслушал Сом речи сына, а потом молвил:

— Правду сказал ты мне, сын. Одно только горе причину я тебе и дам повод радоваться нашим недругам. Тяжело мне видеть твою печаль. Напишу я письмо царю Манучехру, и ты сам передашь его владыке. Когда увидит он твой прекрасный лик и познает твой ум и доблесть, не сможет нанести тебе обиду.

Печальная весть о приближении непобедимого Сомы к Кабулу повергла в смятение его властителя. Охваченный страхом и

яростью, метался Мехроб по дворцу, обрушивая свой гнев на Синдухт:

— Не так силен я, чтобы спорить с владыкой Ирана, и нет в Кабуле витязя, который смог бы сразиться с доблестным Сомом! Теперь должен я безжалостно казнить тебя и дочь на площади перед всем народом, тогда спасу я Кабул: быть может, остынет гнев Манучехра и пощадит он безвинный наш город.

Не только прекрасна, но и умна и прозорлива была Синдухт. Припав к ногам Мехроба, произнесла она такие речи:

— Внемли сначала моим словам, повелитель Кабула, а если посчитаешь недостойным совет мой, тогда поступай по своему разумению. Всякая ночь, даже долгая и полная печали, разрешается ясной зарей. Так и любую беду можно отвести мудрым решением. Поверь мне, кончится и для нас эта горестная ночь, и увидим мы еще светлый восход солнца.

— Говори, Синдухт! — согласился Мехроб.

— Не принесет тебе избавление от бед пролитая кровь наша. Между тем, отправившись к витязю Сому, пустив в ход хитрость и уменье, смогу я отвести лихую беду от Кабула. Только снаряди меня щедрыми дарами, не жалея богатств, когда речь идет о жизни.

На этот раз так ответил Мехроб:

— Открой казну и возьми все, что считаешь нужным тебе. Но не медли и скорее собирайся в путь. Быть может, еще сумеешь принести увядающему саду новое цветение.

С большим усердием принялась за сборы мудрая Синдухт. А когда готовы были к походу тридцать арабских и персидских скакунов, богато украшенных, когда нагружены были сто верблюдов алмазами, жемчугом, рубинами и бирюзой, надела она золототканый наряд из парчи с головным убором, сверкающим дорогими камнями, и отправилась в путь. Как отважный воин, ехала прекрасная царица на коне, и румийский шлем сверкал над ее лучезарным лицом. Вслед за всадником двигался богатый караван. Кроме лошадей и верблюдов везли дорогие одежды и украшения сто выносливых мулов и нагружены были чудесными коврами индийские слоны.

Когда караван приблизился к военному лагерю Сомы, послала царица слугу своего доложить доблестному витязю, что прибыл к владыке Забула кабульский посол и везет он для великого Сомы посланье и дары царя Кабула.

Приказал Сом впустить в лагерь посла, и вот явилась в державный шатер славного богатыря кабульская царица. С поклоном вознесла она хвалу иранскому витязю и вручила богатые

дары своего царя. Подивился доблестный Сом дорогим подаркам, но еще больше — красоте и гордой осанке посланницы. Смутился непобедимый витязь: «Из Кабула явилась ко мне послом сама супруга властителя, и прекрасна она как ясное солнце! Как поступить мне? Смее ли я принять богатые эти дары, не вызвав гнева иранского владыки?»

— Эти дорогие подарки велю я вручить казначею сына моего Золя от имени кабульской царевны, прекрасной Рудобы, — ответил он знатной посланнице.

«Не только могуч прославленный Сом, но он еще учтив и догадлив», — подумала Синдухт, и лицо ее расцвело от счастья. Поверила она, что оказанный ей почет и мудрые слова Сома — залог удачи, и смело повела с витязем беседу:

— По всей земле идет молва о разуме твоём и доблести, благородный Сом. Прославился ты добрыми делами, тем, что принес людям светоч знаний и счастье, поверг единоударной своей булавой черную силу. В чем же повинен наш несчастный народ, который хочешь ты истребить безжалостной рукой? Весь наш край почитает и любит тебя, и не подобает доблестному витязю проливать кровь мирных людей.

Подивился Сом умным речам прекрасной царицы и так молвил:

— Давно благословил я Золя на брак с красавицей Рудобой и отправил царю нашему Манучехру послание с мольбой о милости его к моему сыну. Клянусь тебе, супруга Мехроба, что не причину худого Кабулу. Но жажду я увидеть своими глазами ту, которая зажгла любовь в чистом сердце Золя-Достона.

— Велика будет радость и честь для правителя Кабула Мехроба, — молвила довольная Синдухт, — если благородный и доблестный Сом почтит его дворец своим посещением.

Улыбкой встретил Сом учтивые слова царицы, и поняла Синдухт, что беда их миновала. Поклонилась она витязю, а потом испросила позволения отправиться в обратный путь, чтобы вернуть надежду Кабулу и приготовиться к встрече желанного гостя.

Когда возвращалась Синдухт домой, шел за ней караван богатых даров достойному Мехробу, его супруге и прекрасной царевне.

А в это время царь Манучехр с почетом принимал витязя Золя в своем дворце, за уставленными яствами столами которого пировали также знатные вельможи иранской страны. Владыка прочел послание Сома и повелел звездочетам узнать по звездам предначертание судьбы Золя-Достона.

Три дня и три ночи, не жалея сил и умения, читали мудрецы по знакам небесных светил. На четвертый день принесли они властелину такой ответ:

— Звезды открыли нам, что устремится к высотам широкий и ясный путь витязя Золя. Возьмет он в жены несравненную Рудобу, дочь Мехроба Кабульского, и родится от этого брака знаменитый герой. Проживет он на свете сотни лет и будет изумлять всех богатырской силой и славными делами. Не найдется тому великану — грозе лютых львов и свирепых тигров — равного по силе и мощи, будет он надеждой и опорой Ирана!

Выслушал Манучехр ответ звездочетов и сказал витязю Золю:

— Бери в жены звезду Кабула и будь счастлив, Золь! Видно такова твоя и наша судьба. Но хоть и стремишься ты всей душой к прекрасной невесте своей, задержу я тебя здесь еще на несколько дней. Пусть мудрецы испытают твой ум и ученость, а ты усладишь наш слух разумными ответами.

По приказу царя завели мудрые мобеда беседа с юным витязем.

— Скажи, что это такое? — начал один мудрец. — Шумят зеленой листвою двенадцать стройных деревьев, на каждом из них по тридцать длинных ветвей. Порой опадают сухие листья с тех деревьев, порой пышно разрастается их листва, однако счет ветвей всегда остается на них неизменным.

Молвил второй мудрец в свой черед:

— Два дивных коня мчатся друг за другом. Один из них черен, как море смолы, а другой сияет белизной, как хрусталь. Стремителен и непрерывен их бег, но никогда не догонит один конь другого.

Услышал Золь от третьего мудреца:

— Бежит весенний ручей по зеленому лугу, и все вокруг освещено солнцем. Но вдруг является некто с острым серпом и начинает косить без разбора и сухую траву, и свежий расцветший бутон.

Промолвил четвертый мобед:

— Два стройных тополя вознеслись ввысь над рекой. На тех тополях живет птица; на один из них она садится вечером, а утром взлетает и пересаживается на другой. Как только покинет она один тополь, сразу вянут на нем листья и падают на землю. А как сядет на другой, тотчас начинают на нем листья зеленеть и благоухать. И так происходит всегда: когда пышно зеленеет одно дерево, увядает и сохнет другое.

А пятый мобед сказал:

— Счастливо жили люди в прекрасном городе, но однажды

они покинули его и ушли в пустыню, где только один терновник рос на высохшей земле. Там построили они себе дома и распахали землю. И никто больше не вспомнил о далеком городе, ни один человек ни разу не обмолвился словом о нем с другим. Но случилось так, что разверзлась бездна под тем поселением и поглотила людей и дома их. И тогда уцелевшим вспомнился прежний родной их город, и нахлынули на них горькие мысли... Правдивы наши слова, в них скрыт сокровенный смысл. Тебе, благородный и храбрый Золь, предстоит разгадать его и мудро ответить нам.

Погрузился Золь в глубокое раздумье: нелегко разгадать тайный смысл речей мудрецов. Но вот выпрямил он стройный стан, приосанился и заговорил:

— Готов я ответить на каждый вопрос ваш, мудрые мобеда. Сначала скажу про двенадцать зеленых деревьев, что вздымают к небу по тридцать ветвей. Это год и его двенадцать месяцев. Как полновластный владыка снисходит каждый новый месяц на землю и царствует тридцать дней и ночей. Но как только они истекают, другой месяц вступает в свои права. Таков вечный и неизменный закон природы.

А теперь скажу я про двух коней, что мчатся один за другим быстрее молнии. Проносится мимо белый конь, сверкнув, как хрусталь, а за ним устремляется вдаль черный, подобный мускусу, его собрат. Так бежит время, строго храня отведенную ему меру. Промчится светлый день, а вслед за ним — темная ночь. Извечна эта смена ночи и дня, и ничто не в силах нарушить ее закон, никогда не догонят один другого те кони.

Теперь разгадаю загадку о птице, что живет на двух тополях. Это ясное солнце, дающее жизнь всему на земле. А высокие тополя — две поры времени, приносимые ярким светилом. Слетит птица с одного тополя, и наступит для него холодная зима. В это время для другого тополя, пригретого солнцем, наступает пора тепла и цветения.

Узнал я и того неведомого с острым серпом, который шагает по зеленой лужайке и косит все без разбора — и цветущий бутон и увядшую былинку. Это смерть, что надвигается неумолимо и губит все на своем пути, не различая, кто еще молод, а кто уже сед. Таков извечный закон нашей жизни, где все рождается, чтобы умереть. Беспощадная рука времени измерила век всему живому.

А тот прекрасный сияющий город, покинутый его жителями, — память в сердцах живущих о тех, кто ушел навеки. Пустыня, куда ушли люди из счастливого города — наш временный земной приют, где горе и радость живут бок о бок. Вдруг грянет

гром, задрожит земля и прервется в пустыне этой упорный наш труд, глубокая бездна поглотит человека и его деяния. Тогда наступает для него пора печальных раздумий. Тот, кто в колыбели и зле прожил свой век, тот никогда не вернется в вечно сияющий город — память поколений грядущих. И охватят его раскаяние за содеянное и тоска по сияющему городу. А тот, кто оставил на земле плоды добрых дел своих, тот возвратится в сей город, ибо навечно останется он в памяти поколений. Доброе имя открывает к бессмертию путь.

Изумили мобедов умные и ясные ответы юного Золя, а царь Манучехр удостоил его своей похвалы.

На другой день по велению властелина устроили на широком поле ристалище, чтобы богатыри показали удаль свою и силу. Метко стреляли воины из луков, искусно владели копьем и булавой, молодецки ездили на конях. Но никто из них не мог сравниться с доблестным Зодем. Росло на краю поля огромное дерево; немало зим и лет пролетело над его пушистой кроной. Десять могучих витязей не смогли бы обхватить его ствол. А юный Золя натянул свой исполинский лук, прицелился и на всем скаку удалого коня пронзил меткой стрелой мощный ствол того дерева.

Потом установили на поле крепкие щиты, и копьеносцы вскинули ввысь свои копья. Принял и Золя свое тяжелое копьё из рук слуги, пришпорил коня и метнул копьё в сторону укрепленных щитов. Никогда еще не видели воины такого искусного метания: копьё Золя пробило три толстых щита.

Подивились испытанные в битвах воины силе и храбрости юного сына Сома, а царь Манучехр воскликнул:

— Пусть выйдет тот, кто отважится испытать в сражении этого витязя!

И вот выступил из рядов старый воин, прославленный своей непобедимостью, и умчался вдаль на коне. Как тигр, настиг его Золя в несколько прыжков, схватил за пояс и сбросил с коня на землю.

Гул одобрения пронесся над ристалищем. «Не видала еще земля такого богатыря! Под счастливой звездой родился юный удалец!» — говорили воины.

Дошла до Кабула радостная весть: царь Манучехр обладал Золя, вознес его своей милостью над всеми витязями страны и дал согласие на брак его с кабульской царевной. Расцвел от радости и счастья Мехроб, как если бы обрел снова жизнь умерший или вернулся к юности старец. Во дворце его собрались певцы и музыканты, и долго все пировали среди веселья и ликования.

Наутро обратился Мехроб к мудрой своей супруге:

— Тьма несчастья нависала над нами, но ты рассеяла ее светлым умом своим. Если так счастливо начала ты благое дело, так доведи его до конца с таким же успехом. Вручаю тебе все богатства казны, чтобы смогла ты достойно приготовиться к свадьбе милой дочери нашей.

Радостно принялась Синдухт за убранство дворца. Его широкие залы покрыли роскошные ковры, стены загорелись изумрудами и рубинами, повсюду благоухали свежие цветы. Блестели золотые винные чаши, испускали аромат драгоценные сосуды с мускусом, амброй и розовым маслом. В роскошном чертоге воздвигли для знатного жениха престол китайской работы: искусной резьбой по чистому золоту нанесен замысловатый узор. Перед престолом разложили ковер, вытканый из жемчуга; каждый перл его схож с каплей чистой воды.

В лучах радужного солнца сверкал празднично украшенный Кабул. Город готовился к встрече дорогих гостей. Вдоль главной улицы выстроилась вереница индийских слонов, покрытых румийскими накидками; на них сидели музыканты и певцы в дорогих одеждах. Повсюду разлиты были благовония, путь гостей устлала блестящим атласом и усыпали свежими розами. У ворот выстроилась кабульская рать—как оперенье фазана, блестящие на солнце пурпурные, лиловые и желтые знамена, а гривы ретивых скакунов умащены были благовонным мускусом.

Одетая к свадьбе невеста уже ждала своего достойного избранника, сияющей своей красотой освещая покои.

Золь был уже в пути. Лицо его пылало счастьем словно огненный рубин, а мысли были заняты одной Рудобой, по ней исстрадался он сердцем и истосковался душой. Вместе с сыном ехал и доблестный Сом.

Приближаясь к Кабулу, услышали забульские витязи стройный лад труб, пение свирелей, звон бубенцов, гром кимвалов. У ворот встретил Золя и Сома Мехроб Кабульский, и при общем ликовании въехали все в город. Изумились иранские витязи праздничному сиянию Кабула, казалось, стены и крыши поют серебристой трелью свирели и нежными звуками лютни и чанга.

Из дверей дворца навстречу гостям вышла прекрасная царица Синдухт и обратилась к ним со словами приветствия.

Началось свадебное пиршество. Молодых усадили на трон и окропили дождем из рубинов и алмазов. По обычаю того времени Сом и Мехроб скрепили составленный договор, а слуги внесли длинные списки сокровищ, что шли в приданое юной царице.

Семь дней и ночей не прекращалось веселье и пирование в одном дворце Кабула. После этого перешли все в другой дворец и пировали еще три недели. А потом Золь усадил в золототканый паланкин прекрасную супругу свою, мать ее и отца и повел караван этот в Систан.

Вскоре достигли они земли Нимруза и вошли в столицу Кабул. Там доблестный Сом угощал гостей еще три дня и три ночи, а затем, возложив на Золя бремя забот правителя, отправился снова в поход против врагов иранской земли. Воротился и Мехроб в свой Кабул.

Рождение Рустама

Шли дни за днями, текли недели за неделями. И вот понесла луноликая Рудоба в своем чреве плод. Еще недавно сиявшая от счастья изнемогала теперь она от страданий. Поник от огромной тяжести ее стройный стан, поблекло лучезарное лицо, не осталось в ней прежней резвости и веселья. Во мраке бессонных ночей проливала Рудоба слезы, не находя покоя от мук и страданий. Казалось, скала росла в ее чреве.

И вот наступил час рождения ребенка. Стеная от нестерпимой боли, металась на ложе несчастная Рудоба.

— Видно, не суждено мне разрешиться от тяжелого этого бремени, видно, приходит мой конец! — были ее слова.

Обезумевшая от горя Синдухт рвала на себе волосы, царапала лицо, не зная как помочь несчастной своей дочери. При виде столь тягостных страданий Рудобы, ломали руки, плакали и стонали девушки-служанки.

Тревожился и Золь, страшась беды, но вдруг вспомнил про перо чудесной Симураг, обещавшей ему помочь в трудную для него минуту.

Велел он внести в большой зал дворца жаровню с пылающими углями. Как только поднес он к углям конец пера, вспыхнуло оно и загорелось ярким пламенем. Сразу же тьма окутала небосвод, и огромная туча закрыла солнце. Это слетела с небесных высот исполинская птица Симураг и опустилась на землю у входа во дворец Золя. Тут же предстал перед ней бывший питомец ее и молвил с поклоном:

— Прости, что потревожил я тебя, добрая птица, но не нашел я другого средства облегчить страдания возлюбленной моей супруги.

Отвечала волшебная птица:

— Знаю я, отчего этот страх на твоем лице, отважный Дос-

тон, отчего влажны глаза бесстрашного витязя. Изнемогает от боли прекрасная Рудоба, но мучения ее не напрасны.

Узнай, ясноликая эта заря
Родит тебе славного богатыря.
Пред доблестным тигры лизать будут прах,
На темную тучу нагонит он страх.
Лишь крикнет он, лютому тигру грозя,
Тот рухнет, в бессилии лапы грызя.
Лишь плечи могучие он развернет,
Лишь палицей тяжкою грозно взмахнет —
Сильнейших бойцов, сокрушающих сталь,
Мгновенно повергнет он в страх и печаль;
Метать будет копыя, как перышки, он,
Осанкой — как тополь, а силой — как слон.

Невиданный по мощи тот богатырь явится на свет не так, как являются все. Вели позвать во дворец искуснейшего в Забуле целителя. Напит он Рудобу крепким вином, чтобы лишить ее сознания, рассечет чрево ей острым кинжалом, раскаленным в огне, и извлечет ребенка. При этом никакого вреда не причинит он матери, и даже боли не ощутит она. Но хлынет из свежей раны кровь горячей рекой, однако, врачеватель мудрый тут же зашьет разрезанное. А ты, Достон, приготовь бальзам из разведенного в молоке мускуса и смешанного с целебной травой. Им омоешь зашитую рану, а потом коснешься раны моим пером. От рубца не останется и следа на теле, а счастливая мать станет здоровой как прежде. Будь покоен и весел, Достон мой, и не знай никаких других забот!

Так сказала чудесная птица Симург, уронила свое перо и стремительно поднялась снова ввысь, обратив на миг светлый день в темную ночь.

Подобрал Золь чудо-перо и поспешил скорее исполнить то, что посоветовала мудрая птица. Затрепетала в страхе Синдухт: никогда доселе не слышал никто, чтобы ножом извлекали дитя из чрева матери! Но вот явился искуснейший в Забуле лекарь, одурманил Рудобу он крепким вином. Потом без труда рассек ее чрево кинжалом и осторожно вынул младенца, огромного, могучего, как слоненок. Свершилось чудо на глазах у всех: явился на свет дитя-великан и затмил своей красотой сияние солнца. Взглянул Золь на ребенка и поразился облику его: видны были в нем приметы грозного мужа, необыкновенного богатыря, рожденного для великого дела.

А Рудоба, избавившись наконец от мук и страданий, заснула крепким сном и проспала весь день и всю ночь.

А когда пришел час пробуждения, увидела молодая мать своего долгожданного сына. Был он велик, как годовалый ребенок, ибо за сутки подрос на столько, на сколько подрастают другие дети за целый год. Засветилось счастьем лицо Рудобы, и воскликнула она радостно:

— Родился мой ненаглядный сын, и я избавилась от тяжких страданий. Пусть же зовут его все Рустам!

По обычаю того времени сшили атласную куклу ростом с новорожденного, туловище набили собольими шкурками и нарисовали лицо. А потом посадили ту куклу на боевого коня, вложили в одну руку копьё, а в другую — уздечку и в сопровождении отряда воинов повезли к прославленному Сому. Увидав изображение внука, воскликнул он восторженно:

— Если так велик новорожденный мальчик, каким же могучим богатырем он станет, когда вырастет!

В честь рождения прекрасного внука Сом устроил веселое пиршество в боевом своем лагере и щедро одарил воинов, привезших ему радостную весть.

А между тем ребенок рос, и не по дням, а по часам. За каждый прошедший день становился он старше на целый год. Десять кормилиц были приставлены к богатырскому младенцу, но и они с трудом могли накормить его досыта. А когда появились у малыша зубы, стали ему готовить на один раз по пятьдесят разных кушаний. Дивились все на такие чудеса, ибо не видывал еще мир подобного дитя-богатыря.

— Доблестный Сом — ствол исполинского дерева, а юный Рустам — его побег. Но когда вырастет ветвь и станет деревом, ствол его по мощи своей превзойдет старого исполина, — говорили люди.

К девяти годам стал мальчик-богатырь ростом с огромную чинару. Могуч и строен был его стан, невиданной красотой светилось лицо, а глаза сияли, как звезды.

Однажды глубокой ночью, когда все во дворце спали крепким сном, спокойствие и тишину нарушил дикий рев в саду. Прибежали в сад испуганные слуги и увидели, что сорвался с цепи белый слон, любимец Золя. Со страшным криком носился он по саду, сокрушая все вокруг. В ужасе метались по саду и дворцу слуги, и крики их разбудили малолетнего Рустама. Вскочил он с ложа сна, ощутив в груди воинственный гнев, сорвал со стены тяжелую палицу деда и устремился к дверям. Однако слуги загородили мальчику путь и принялись его увещевать:

— Сорвался с цепи дикий зверь и буйствует среди ночи. Разумно ли выходить сейчас в сад? Если мы выпустим тебя из дворца на растерзание взбесившемуся слону, что скажет на

это владыка наш Золь? Сурово покарает он всех нас за то, что не уберегли любимого сына!

Но юный богатырь взволнован был уже жаждой битвы. Гневом пылал его львиный лик и яростью сверкали звездные очи. Как щепок, разбросал он в разные стороны слуг, раздробил палицей железный засов двери и выбежал в сад.

Увидев Рустама, еще громче затрубил разъяренный слон и стал наступать на него огромной горой. Казалось, ничто не устоит на пути зверя, даже пыль закипала под его ногами. Но Рустам встал и стоял не двинувшись с места. Слон поднял змеей извивавшийся хобот и приготовился обрушить его на голову дерзкого мальчика. Но Рустам взмахнул палицей, и столько силы было в этом ударе, что рухнул на землю бешеный слон и замер, испустив дух. А маленький богатырь вернулся в свои покои и уснул крепким сном.

Утром все уже знали, что Рустам сразил одним ударом белого слона. И воскликнул Золь:

— Грозен и страшен в сражении был белый слон. Одним своим появлением обращал он в бегство вражескую рать. И этот слон сражен моим сыном, которому от роду девять лет! Сейчас он львенок, исполненный невиданной силы, но скоро станет мощным львом и прославит народ свой добрыми делами.

Вскоре молва о битве малолетнего Рустама с боевым разъяренным слоном разнеслась по всей стране. Дивились тому в городах и селах даже испытанные в боях воины и повидавшие жизнь мудрецы. Как поверить в такое чудо? Где это видано, чтобы ребенок девяти лет отроду совершил подобное, хоть он и внук прославленного богатыря Сомы и сын отважного Золя-Достона? Значит и в самом деле родился в Иране могучий богатырь, какого доселе не видел мир.

Поход Афросияба войной на Иран

Сто двадцать блистательных лет провел на иранском престоле царь Манучехр. Правил он справедливо и мудро, защищал страну от недругов, не чуждался и простой работы. При нем не осмеливались темные силы Турана нарушить мирную жизнь иранцев. Но приблизился к концу путь Манучехра, и скончался прославленный властитель.

На престол сел его сын Навзар. Но не сумел он править страной по заветам отца. Алчность и зло затмили его рассудок, стал он попираť справедливые законы Манучехра, притеснять простых людей и знатных. Тяжело страдал иранский народ от недобрых дел царя Навзара.

А в это время в Туране правил царь Пашанг, внук воинственного Тура. Дошли до него вести о смуте и раздорах в Иране, и решил он, что настал час отомстить за Сальма и Тура. Задумал Пашанг идти войной на Иран.

У Пашанга был сын, наследник престола, могучий богатырь Афросияб. Давно питал он ненависть к силам добра и мечтал о власти не только над Тураном, но и над всем Ираном. Явился тот витязь зла к отцу своему Пашангу и так сказал:

— Настало время подчинить народ Ирана нашей воле. По плечу мне это великое дело.

Взглянул Пашанг на своего сына и остался доволен: статен и строен могучий витязь, львиная грудь у него, а шея слона, тень же его тянется в длину на несколько фарсангов¹. Повелел ему туранский царь вести рать на Иран.

Не одобрял лишь Агрирес воинственных замыслов своего родного брата. Объятый тревожной думой за судьбу Турана, сказал царю Пашангу:

— Пусть не стало царя Манучехра, но есть в Иране доблестный витязь Сом, его богатыри Коран и Кубод. Вспомни, как повержены были во прах Сальм и Тур. Не должно нам призывать к брани, в час мира и спокойствия обрекать на гибель родной край!

Но Пашанг ответил на это Агриресу:

— Сила богатыря Афросияба превосходит силу дракона. Как воинственный слон, налетит он на страну иранцев, истопчет посевы и разрушит их города, окрасит кровью воды их рек.

Когда оделась в зеленый наряд и украсила себя яркими цветами степь, когда поднялись высокие травы в рост великанов, двинулась на Иран несметная туранская рать, и не видно было ей конца и края. Вздымалась дыбом земля под ногами воинов, мгла от поднятой пыли окутывала солнце.

На рассвете донес Афросиябу туранский дозор:

— Не сравнится иранское войско числом воинов с нашей ратью. К тому же, вслед за Манучехром отошел в иной мир и доблестный Сом. Он один устрашал туранских бойцов. Но теперь мы все полны надежды на победу. Правда, остался еще непобедимый витязь Золь, но не до войны теперь ему: удрученный горем, строит он пышную гробницу прославленному своему отцу.

Как только вышло из-за гор солнце и осветило еще робкими лучами своими степь, сошлись на битву две могучие дружины. Но не равны силами были рати: как море, бурлило войско Аф-

¹ Фарсанг — расстояние, проходимое за час пути, равное 6—7 км.

росияба, небольшой рекой в сравнении с ним казалось войско царя Навзара. И вот:

Литавры гремят, трубы подняли вой;
Всю степь всколыхнул грозный гул боевой.
Владыка Турана, ведя свою рать,
Спешит против войска иранского встать.
От конских копыт встала пыль до небес,
Лик ясного солнца средь пыли исчез.
Ни степь не видна, ни долина, ни склон.
Клич бранный раздался с обеих сторон.
Вплотную сошлись и схватились войска,
И льется воителей кровь, что река.

Молодой туранский витязь Барман вступил в единоборство с богатырем Кубодом, сыном кузнеца Ковы. То один, то другой брал верх. Но вот, как вихрь, налетел Барман на поседевшего в боях Кубода и ударил его острой секирой в бедро. Кровь иранского витязя окрасила зеленую траву в красный цвет. Упал с коня седой ратоборец и не поднялся больше. А гордый этой победой Барман погнал коня своего к Афросиябу.

Увидел богатырь Коран, как пал в поединке брат его, и устремился на орду врагов, что степной ураган. За ним понеслась его верная дружина. Стонала земля под копытами коней, повсюду слышались грохот, гул и ржание. Пыль тучей взметнулась к небу, и в этой мгле алмазами блистали острые мечи, сверкали раскаленные от горячей крови копыя.

Словно молнией зажег поле брани Коран, мстя за гибель отважного брата; не припомнит земля подобных битв. Пало уже много иранцев, а войску туранцев все не было видно конца. И вот, не выдержав натиска вражьей силы, побежали с поля боя иранские воины, оставив одного царя Навзара, который бился в поединке с Афросиябом. Скрестились копыя знатных воинов, сплелось острие с острием, как две извивающиеся змеи. Но не под силу было царю Навзару одолеть могучего Афросияба, и устремился он в бегство вслед за своим войском.

Немало погибло в том кровавом бою иранских воинов, прославленных в битвах. Видя, что теснит их ярый враг, царь Навзар решил увести войско вместе с предводителями его к крепости Дехастан и укрыться за ее стенами. Когда разбитая рать добралась до той крепости, с другой стороны к ней подступили туранцы во главе с Барманом. При виде убийцы брата, устремился к нему Коран, забыв об опасности. Не давая туранцу опомниться, нанес он ему мощный удар пикой в самую поясни-

цу. Вылетел из седла исполин и рухнул замертво на землю. Так отомстил славный Коран за гибель брата своего.

А царь Навзар, напуганный жаркой схваткой, бросился прочь из крепости, надеясь спасти свою жизнь. Однако Афросияб заметил внезапное бегство Навзара и погнался за ним вслед словно хищный зверь за ускользающей от него добычей. И вот уже схвачен недругом царь Навзар, и вместе с ним в плен попали многие его воины, которые пытались убежать от смерти в бою дорогой спасения.

В глубокий траур погружен был в эти дни Забул: скорбящие жители его провожали в последний путь доблестного Сома. Опечаленный сын его Золь покинул столицу и вдали от нее, на высоком холме, возводил отцу величественную гробницу. На это время управлять страной поручил он Мехробу. Всем сердцем предан он был Золю и иранцам, хоть и вел свой род от дракона Захока. Не сумел черный Ахриман свернуть Мехроба с праведного пути.

Тяжелые дни переживал Забул. Но вдруг дошли до него вести о том, что приближаются к городу полчища туранцев под предводительством Шемасаса и Хазарвана. Тогда мудрый Мехроб послал в стан туранцев гонца с письмом Шемасасу. «Оувенчанный боевой славой предводитель туранского войска,— говорилось в послании,— Я, Мехроб Кабульский, потомок царя Захока. Горькая беда породнила меня с владыкой Забула, ибо не видел я иного пути, чтобы отвести гибель от страны моей и семьи. Теперь, когда в скорби возводит Золь гробницу усопшему своему отцу, когда остался я один царствовать в Забуле, настало время торжества моего и мести. Дай срок мне, доблестный витязь, не нападай на Забул со своей дружиной. Отправлю я на быстроходном коне гонца к могучему повелителю Афросиябу с известием, что готов сдаться ему и выслать Турану щедрую дань. А если ваш повелитель призовет меня на службу к себе, с радостью склоню я голову покорного раба у его престола. Тогда и ты, храбрый Шемасас, удостоишься высоких почестей от Афросияба и потеряешь счет богатым даром его».

Так писал прозорливый Мехроб, надеясь хитрыми словами лести завлечь в капкан врага и отвести опасность от Забула, ставшего ему дорогим. Как только гонец его умчался в стан Шемасаса, тотчас же известил Мехроб Золя о том, что идут на Забул два могучих туранца с огромной ратью.

Гневом и ненавистью запылало скорбящее сердце молодого владыки. Вскочил он на верного коня и быстрее ветра помчался на зов кабульца. Приближаясь к Забулу, заметил Золь вда-

ли едва различимые шатры вражеского стана. Поднял он свой исполинский лук и послал в стан врагов три меткие стрелы. Когда развеяло утро ночную мглу, заметили эти стрелы туранские воины, и тревога охватила их.

— Это стрелы витязя Золя, никто кроме него не мечет таких стрел! — переговаривались бойцы, а Хазарван в гневе крикнул Шемасасу:

— Напрасно поверил ты письму Мехроба. Если бы развеяли мы в прах ничтожное его войско, не смел бы теперь угрожать нам Золя.

В полдень туранцы двинули свою рать на Забул. На быстрых конях вихрем летели они по равнинам и долинам, пока не достигли широкой степи перед городом иранцев.

А в Забале уже грохотали литавры, оглушительно ревели трубы, воинственно звучали индийские гонги. Так гремел над страной грозный клич войны, призывая всех подниматься на битву. Облачился доблестный Золя в доспехи, вскочил на боевого коня и повел храбрых воинов на степной простор. Там, среди широкого поля, раскинули они боевой лагерь.

Стремительно и неудержимо, подобно весенней грозе, приближалась цепь туранских полчищ. Казалось, огромная черная гора двигалась по степи. Подошло войско к военному лагерю иранцев и с хода ринулось в бой. Засверкали на солнце острые копья и обнаженные мечи, земля загудела от тяжелой поступи воинов и топота коней, воздух задрожал от воинственных криков бойцов и ржания лошадей. В бешеной ярости и исступлении летали по полю жаждущие крови туранские воины. С вытаращенными, налитыми кровью глазами мчались они на стремительных конях и испускали хриплые крики. Вот вырвался вперед злобный витязь Хазарван и с размаху обрушил тяжелый свой меч на Золя. От удара такого лишь пошатнулся в седле могучий иранский витязь да посыпались рассеченные кольца стальной кольчуги. И тут на помощь ему подоспела кабульская рать Мехроба, и Золя успел облачиться в новый панцирь. Стиснув сильной рукой отцовскую палицу, закаленную в славных боях, ринулся Золя в бой, охваченный гневом на врагов земли своей. Снова, как из-под земли, вырос перед ним Хазарван, испустив грозный рев разъяренного льва. Но на этот раз не успел еще черный витязь поднять свою тяжелую палицу, как был сражен и повержен на землю рогатой булавой Золя. Радостными криками иранских воителей огласилась степь. Торжествовали они славную победу своего предводителя, которая еще больше подняла их боевой дух.

А храбрый и бесстрашный Золя снова помчался навстречу

врагу. Жаждал он отыскать Шемасаса, чтобы вызвать его на битву. Но тот, охваченный страхом, бежал прочь с ратного поля, желая скрыться и уберечь себя от смерти. Тогда Золь натянул тетиву лука и пустил стрелу в гущу врагов. Стрела толщиною в сук дерева угодила в поясну туранскому витязю Гольбаду. Замер тот на месте, пригвожденный к седлу, и больше уже не смог выпрямить могучий свой стан.

В тоске и ужасе взирали туранцы на умирающего Гольбада, а затем обратились в бегство, бросая на ходу оружие и доспехи. Страх за свою жизнь охватил бойцов, ведь на их глазах пали в бою два могучих туранских витязя!

Вслед за бегущим войском врага мчались меченосцы Забула и Кабула. Казалось, стала тесна для сражения усеянная трупами туранцев земля.

Когда узнал Афросияб, что полегли в бою все его могучие витязи, и понял он, что не владеть ему желанным иранским престолом, гневом и бессильной яростью запылала его душа. Вспомнил злобный владыка о царе Навзаре и его войнах, плененных им, и вскричал, охваченный жаждой мести:

— Приведите ко мне Навзара. Я пролью его кровь, чтобы потушить пожар гнева в моем сердце, и отомщу тем за павших моих витязей!

Ворвались в темницу жестокие стражники, связали царя Навзара и поволокли к Афросиябу босого, с непокрытой головой. При виде его схватился за меч Афросияб, одержимый злобой мести, и одним ударом обезглавил плененного царя, забыв про совесть и честь.

Такая же участь ожидала и других пленников Афросияба, а было их больше тысячи, и находились среди них не только простые люди, но и знатные, именитые. На защиту их встал брат Афросияба Агрирес, ибо испытывал он жалость к несчастным и не мог стерпеть несправедливости. В гневе молвил он Афросиябу:

— Недостойно царя казнить безоружных пленников! Позором и бесчестьем покроет себя владыка, проливший кровь тех, кто сдался на милость победителя. Поручи мне своих пленников, я заточу их в темницу, пусть лучше умрут они своей смертью.

Внял Афросияб гневным и горестным словам брата и отдал пленников в его руки. Заковали несчастных в тяжелые цепи и повели под охраной в город Сари.

После этого Афросияб повел свое войско в сторону Рея, чтобы захватить весь центр Ирана. Удалось ему овладеть теми землями, покорить их и занять иранский престол. Так утратил

Иран свою независимость, и установилась в стране власть чужеземцев. Притеснения, убийства и грабежи чинили завоеватели, несчастье постигло иранский народ.

Но не покорились чужеземцам отважные витязи иранской земли. Устремились они в Забул к Золю-Достону, чтобы призвать его в предводители храброго войска. Под его началом готовы были они подняться на битву за освобождение своей страны от туранского владычества.

Сплотимся, мечи как один обнажим,
Сразимся и злобных врагов сокрушим.
Пусть каждый наденет броню и шёлм!
Старинную ненависть вновь разожжем.

После смерти прославленного Сома сын его Золь стал первым богатырем Ирана. Отличался он знанием жизни, мудростью и ученостью. Сильно опечалила его гибель царя Навзара от вражьей руки и горевал он, что остался без вождя покоренный Иран. Но, услышав призыв отважных воителей, воспрял духом доблестный Золь и так ответил им:

— Клянусь, пока не освобожу родную землю, только седло коня будет моим тронem, только в стремях будут покоиться мои ноги. И острый мой меч не увидит ножен до тех пор, и на голове моей не будет другого венца, кроме железного шлема.

Разослал Золь во все стороны своих гонцов, чтобы призвали они народ готовиться к новым битвам. И скоро собралось в Забуле несметное войско.

Но как начинать борьбу, если томятся в заточении пленные иранцы? Ведь им грозит жестокая месть Афросияба! Пока были они еще в руках справедливого Агриреса, к нему в Сари и отправил Золь своего посла, чтобы передал он ему такие слова:

— Известно тебе, что не смирятся с властью чужеземцев иранские витязи. Золь-Достон и Мехроб Кабульский уже выстроили свои дружины в боевом порядке. С ними идут богатыри Коран, Хуррад и Гашвад. Скоро двинется могучее это войско против Афросияба. Когда дойдет о том весть до твоего злобного брата, расправится он жестоко со всеми пленниками. Ты один, справедливый Агрирес, можешь спасти их от смерти, если освободишь узников из заточения и отпустишь на волю.

Выслушал Агрирес слова посланника Золя и ответил:

— Не могу я сам отпустить узников, вверенных мне Афросиябом, ибо обвинит он меня в измене и покарает. Знаю я другое средство спасения их. Пусть доблестный Золь приведет сюда свое войско, якобы силой отбить у меня плененных иранцев. Как только достигнет он города Сари, отступлю я в сторону

Аму и Рея, оставив узников без охраны. Так останутся они не-
вредимыми и примкнут к войску храброго Золя.

Вернулся гонец в Забул и привез Золю ответ Агриреса. Золь
нашел достойным и правильным план царевича и воздал хвалу
его уму и отваге. Затем по приказу Золя немедля отправился
с войском в Сари витязь Кашвад. Там и стал явью замысел Агр-
иреса: все плененные иранцы обрели свободу и присоеди-
нились к Кашваду; и он повел это войско обратно в Забул.

А в это время жестокая расправа поджидала Агриреса за
его благодеяние. Когда пришел он в Рей, до Афросияба дошло
известие, что брат его сдал без боя Амол и отпустил на волю
пленных иранцев. Грозными словами встретил Афросияб Агр-
иреса:

— Что натворил ты, неразумный юнец! Тогда сладкими ре-
чами склонил ты меня к пощаде, а на деле в мед твоих слов
подмешан был яд! Разве не велел я тебе убить наших врагов?
Холодным и жестоким должно быть сердце воителя. Тот, кто
воюет, тот не мудрствует. Никогда не ходят рука об руку разум
с враждой и ненавистью!

— Напротив, воителю подобают не только сила и отвага, но
также совесть и честь. Побойся бога и отступись от злых своих
умыслов, Афросияб! — прозвучал гневный ответ Агриреса.

Злобная ненависть и ярость охватили черного витязя и за-
тмили его разум. Выхватил Афросияб меч и мощным ударом
рассек Агриреса пополам.

Когда дошло до Золя известие о печальной судьбе благо-
родного Агриреса, он сказал:

— Злобствует и мечется Афросияб, а это хороший знак. Вид-
но, закатилась звезда туранского владыки и пошатнулся под
ним престол.

А в это время после долгих поисков витязи и богатыри Ира-
на выбрали нового царя и возвели на престол. То был Зов
Тахмасп, потомок Фаридуна в четвертом колене. Было ему уже
более восьмидесяти лет, и жил он до этого в тихом уголке стра-
ны вдали от распрей и битв.

Мудр и справедлив был старый Зов, войны и раздоры пре-
тили ему, как мог, удерживал он воителей от кровопролитных
битв и призывал к миролюбию.

Но еще раз столкнулись в сражении две враждующие рати —
иранская и туранская. Случилось это в Парсе, куда привел сво-
их воинов из Забула доблестный Золь. Афросияб, как только
узнал об этом, тоже повел свое войско в ту сторону.

Две недели длилось сражение, но никому не давалась побе-
да. Тогда отступили назад всадники и пешие воины обеих дру-

жин, решив прекратить войну, ибо слишком затянулась она и обессилели воины.

Предводители иранского войска отправили к царю своему Зову гонца с посланием, в котором умоляли они владыку заключить с Тураном мир любыми средствами. Царь Зов внял просьбе воителей и известил об этом Афросияба, а после того сошлись на совет посланцы Ирана и Турана. На великом том совете порешили они положить конец вековой вражде, установить мир между странами, а землю поделить так, чтобы не были нарушены закон и справедливость.

Рубеж между Ираном и Тураном прошел по реке Джайхун. От нее до Китая и Хутана — туранская земля. По другую сторону реки — иранская. И никто отныне не должен посягать на чужое.

Как только скрепили этот договор, туранское войско ушло с завоеванной земли в свою страну, а иранская дружина отступила в Парс. Вернулся в родной Забулистан и благородный витязь Золь.

Покой и счастье снизошли на измученный войной край, и небо, давно не посылавшее дождя, казалось, смилостивилось над людьми и напоило водой истомившуюся от жажды землю.

Уж гром благодатный грохочет меж гор,
И землю украсил многоцветный убор.
Садами красуясь, хрустальной водой,
Невестой казалась она молодой.
Не будь кровожаден, как барс, человек —
Он мрачных времен не видал бы вовек.

Рустам выбирает коня

А тем временем в благословенном Забуле рос и мужал сын Золя Рустам. Одарен он был умом, красотой и силой необыкновенной, исполинской. Вскоре почувствовал молодой богатырь, что готов совершать невиданные подвиги, и охватила его жажда испытать себя. Явился Рустам к отцу и сказал:

— Еще не повержен злобный враг Ирана Афросияб, и нужен стране нашей сильный защитник. Так не пора ли мне надеть воинские доспехи, не пришло ли время навсегда избавить родной край от грозной опасности?

Безмерно гордился сыном своим Золь, и радостью засветилось его лицо. Ответил он юному Рустаму:

— Пришла пора надеть тебе шлем воителя и взять в руки

рогатую булаву, завещанную доблестным Сомом. Сила и ум даны человеку для борьбы со злом. Так уничтожь зло и очисти землю от врагов наших! Но помни: чем сильнее человек, тем тяжелее его жизнь.

Выслушав наставления отца, рассказал Рустам ему о том, что заботило его:

— Нужен мне добрый конь, который без труда мог бы носить такого, как я, исполина. Тогда возьму я палицу деда, что крепче скалы, и развею в пыль туранскую орду.

Велел доблестный Золь согнать на ширское поле все табуны коней, что паслись в Забуле и Кабуле. Стали выпускать их одного за другим перед Рустамом, чтобы выбрал он себе среди них достойного.

Много сильных и красивых скакунов испытал юный богатырь, но ни один из них не мог его выдержать: лишь только он нажимал могучей рукой на их спины, гнулись кони в бессилье к земле, касаясь животом пыли. Вскоре утомился и пресытился взор витязя от вида многочисленных коней разной масти, и уже отчаялся он найти скакуна под стать своей могучести. Но тут увидел он стройную кобылицу серой масти с черными ушами, торчавшими, как два клинка. Словно дикая львица, промчалась она по полю, удивив Рустама своим прекрасным сложением. Залюбовался он красивой и сильной кобылицей и лишь после увидел рядом с ней жеребца золотисто-гнедой масти с яркими пятнами: казалось, что вытканы по золотому полю лепестки роз. Огромный тот жеребенок был ростом с верблюда, из-под копыт его, крепких, как сталь, вылетали искры. Сразу угадал Рустам в том коне мощь слона и закинул аркан, чтобы отделить его от табуна. Но тут окликнул его седой табунщик:

— Не тронь этого коня, храбрый витязь. Видишь, нет на нем тавра, значит, ничей он, нет пока у него хозяина. Идет о нем удивительная молва: будто горяч он, как пламя, и игрив, как ручей, а сидеть на нем — только богатырю Рустаму, который свершит невиданные дела и прославится на все времена. Зовут жеребца Рахшем. Давно пришло время идти ему под седло, немало именитых витязей желало завладеть этим конем, но как только завидит мать-кобылица петлю аркана над его головой, тут же кидается на обидчика, словно львица. Вижу, что горд и могуч ты, юный витязь, но вот мой совет тебе: берегись этого коня.

Выслушал рассказ седого табунщика Рустам, потом стремительным взмахом руки вскинул аркан и ловко набросил его на голову невиданного скакуна. Свирепо кинулась на витязя мать-кобылица, в гнев готовая растерзать и тигра, и льва за своего

жеребенка. Но Рустам ударом мощного своего кулака отбросил ее в сторону. Отдышавшись, вскочила на ноги кобылица и умчалась вихрем прочь от этого места. А Рустам затянул аркан на шее коня, крепко уперся ногами в землю и притянул его к себе. Сначала ласково погладил он Рахша по крупу, а потом сильно надавил мощной рукой на его спину. Скакун даже не дрогнул под огромной тяжестью, как будто и не почуял ее совсем.

— Вот этот конь по мне! — радостно вскричал Рустам и ловко вскочил на Рахша. Пытался было сбросить скакун мощного седока, но скоро смирился и покорно последовал его воле.

— Скажи мне, табунщик, во сколько оценил ты этого коня? Отдам тебе за него все, что только пожелаешь, — крикнул Рустам табунщику. Ответил ему на это старик:

— Чтобы заплатить за Рахша, не хватит всех богатств Ирана. Но теперь вижу я, что ты и есть великий витязь Рустам. Бери коня и владей им. На нем совершишь ты подвиги, каких до тебя не совершал никто в мире, и одержишь много славных побед над врагами нашей страны.

Так оседлал богатырь. Рустам огнецветного красавца-коня, могучего, как слон и стремительного, как лань. С тех пор стал Рахш верным другом Рустама и сопутствовал ему во всех походах и битвах.

Четырнадцать лет царствовал мир на иранской земле, счастливо и покойно жили люди.

Но вот умер престарелый Зов Тахмасп. Занял престол сын его Гаршасп. Однако через девять лет царствования и он покинул этот мир, не оставив после себя наследника.

И, прослышав, что свободен иранский трон, Афросияб вероломно нарушил мир и во второй раз двинул на Иран огромное войско. Уверен был Афросияб, что на сей раз завладеет заветной короной древних иранских царей.

И слух до Ирана тотчас дошел,
Что враг посягает на древний престол.
Поднялся на улицах ропот людской,
Гул встал над Ираном, забывшим покой

Доблестные иранские воины, витязи и богатыри были готовы постоять за свою страну. Но не было на престоле владыки, достойного своих великих предков.

— Нужен нам царь и предводитель зойска из рода древних царей,— говорили все.

Сошлись тогда на большой совет знатные люди страны и седые мобыды-мудрецы и стали думать, как поступить. Сказал один из них:

— Есть на вершине горы Альбурз чудесная долина, ослепляющая красотой взор путника. Живут там счастливые поселенцы, а царем у них — благородный Кубод, что ведет свой род от славного Фаридуна.

— Пошлем туда храброго витязя с дружиной, пусть он привезет царя Кубода в нашу столицу,— сказал другой.

Все признали, что только богатырю Рустаму по плечу эта задача. Встал доблестный Золь и обратился к сыну своему с такими словами:

— Возьми тяжелую палицу, увенчанную головой коровы, садись на верного своего Рахша и скачи быстрее ветра к вершинам Альбурза. Вместе с тобой поедет отряд самых храбрых воинов. Нелегкая предстоит вам дорога, ибо повсюду рыщут туранские орды. Но только тебе, богатырю-исполину, под силу исполнить это. Поезжай и возвести царю Кубоду волю народа и войска видеть на иранском престоле потомка славного Фаридуна.

Выслушал Рустам слова Золя и тотчас помчался к горе Альбурз. Дружина отважных бойцов едва поспевала за ним. Когда они подъезжали к подножию горы, увидели сидящих возле журчащего ручья под тенистой сенью деревьев воинов в доспехах и мирных людей в богатых одеждах. Среди них выделялся юноша с лицом, как ясный месяц, и в одеждах, сверкающих самоцветными камнями. Обратились те люди к Рустаму:

— Куда ты спешишь, храбрый витязь? Остановись здесь. Коль прошел твой путь по этой тропе, станешь нашим желанным гостем, вместе с тобой осушим мы кубки пенистого вина.

— Не могу я, о почтенные мужи, принять приглашение ваше, ибо предстоит мне исполнить важное дело. Родной стране угрожает враг, а престол наш остался без царя, рать — без предводителя. Спешу я к вершинам горы Альбурз, где живет ясноликий царь по имени Кубод. Ведет он свой род от славного Фаридуна.

Молвил в ответ один из пировавших воинов:

— Здесь перед тобой сидит наш царь, благородный Кубод, а мы — витязи его благодатной страны.

Лишь только услышал Рустам имя Кубода, сразу понял кто есть этот прекрасный юноша на золотом троне. Спрыгнул он с коня и устремился к царю.

— О славный владыка! — молвил он. — Волею дружины и всего народа избран ты иранским царем. Будь счастлив и благословен! Садись на коня и следуй за нами в Иран. Прими там власть над всем народом, предназначенную богом тебе и твоим потомкам!

Взыграло от радости сердце в груди молодого царя. Велел он принести чашу пенистого вина, чтобы выпить за здоровье могучего Рустама, а потом вскочил на огненного коня и помчался вслед за Рустамом и его дружиной в Иран.

Там, в столице, ввели Кубода во дворец, посадили на царский трон и воздали великие почести. К имени его прибавили слово Кай, что означало «царский», и стал Кай-Кубод царем Ирана.

Когда кончились празднества и пиршества в честь воцаре-

ния нового владыки, настало время подумать о борьбе с туранцами.

И вот построилась иранская рать для битвы за родную страну. На одном крыле — Мехроб Кабульский, на другом — богатырь Густахам, посередине — отважный Коран. Был среди витязей и благородный Золь-Достон. Но прошло то время, когда на быстром коне он повергал в бегство врагов своей громоударной булавой. Ныне старость согнула его богатырский стан, и трудно было удерживать ослабевшими руками железную палицу. Но по-прежнему почитали Золя храбрые и сильные витязи, прислушивались к его мудрым советам.

Над могучим воинством пылал алый стяг кузнеца Ковы, озаряя все вокруг своим сиянием. Столкнулись два войска, как две горные громады. Казалось, всколыхнулась земля от грохота и рева и закачалась, как челн на бурных волнах. Пыльная мгла так заволокла небо, что солнце потеряло свой путь. И только блистали в наступившей темноте искры от раскаленных в битве мечей и щитов.

Вырвался вперед богатырь Коран. От каждого взмаха его меча вправо и влево падали сраженные враги. Другой рукой держал он копьё, мелькавшее в воздухе серебристой стрелой. Много туранских всадников полегло от его рук; недаром славился по всей стране отважный Коран, победитель крепости Алонон. И вот уже дрогнуло туранское воинство. Вдруг заметил Коран, что мчится на него вражеский витязь Шемасас, испуская воинственный клич, подобный рычанию льва. Это он чудом избежал смерти в Забульской степи много лет назад, когда войско его разгромил храбрый Коран.

И вот снова столкнулись в единоборстве два неприятеля, два сильных богатыря. Подскочил Шемасас к Корану, но не успел еще выхватить свой меч из ножен, как был сражен ударом меча именитого иранца. Вылетел могучий туранец из седла и упал бездыханным на землю.

Да, вот они, дряхлого рока дела!

То крив словно лук он, то прям как стрела.

В разгаре битвы устремился к отцу богатырь Рустам и молвил:

— Скажи, как найти мне могучего Афросияба? В каких доспехах сражается он и какой флаг развевается над ним? Хочу помериться силой с тем непобедимым витязем.

На это ответил Рустаму Золь:

— Ты еще молод, а Афросияб закален в сражениях. Как туца, налетает он на врага и сметает все живое на пути. Побереги

себя и не бросайся безрассудно в битву с врагом, что сильнее тебя.

— Ты сам, отец, подарил мне рогатую булаву деда моего Сома и благословил на ратные подвиги. Наделен я могучей силой и давно готов сразиться с сильнейшим из витязей. Жаждет душа испытать мою мощь.

Не мог Золь противостоять уговорам юного богатыря и так ответил ему:

— Пусть отвага и сила будут тебе оплотом в жестоком бою. Афросияба узнаешь ты по черным доспехам, обрамленным золотом, и развеивается над ним черный стяг Ахримана. Но помни: неустрашим в бою могучий Афросияб, всегда до сих пор сопутствовала ему удача.

Пришпорил Рустам своего коня свинцовокопытного и, издав воинственный клич, помчался в гущу туранской рати. Храбро бросался он в самые опасные места битвы, пока не заметил витязя в черных доспехам.

— Кто этот юный богатырь, что так бесстрашно разит наших бойцов? — спросил Афросияб своих воителей.

— Это внук доблестного Сома, сын могучего Золя. Имя ему — Рустам слоновотелый, — ответили воины.

Ринулся Афросияб навстречу исполину, словно челн, взметенный прибоем бушующих волн. Рустам же, крепко стиснув бока верного Рахша, сжал мощной рукой рогатую палицу и вплотную подбежал к Афросиябу. Сначала кружили они один вокруг другого, как хищные звери, а потом разом столкнулись и стали теснить друг друга, приторочив палицы к седлу. Но вот схватил Рустам могучего туранца за кушак, оторвал от седла и поднял высоко над головой. Рванулся Афросияб изо всех сил, но руки Рустама, сжимавшие его пояс, даже не дрогнули. Пришпорил он коня и помчался назад к царю Кай-Кубоду с ценной добычей в руках. Но кожаный пояс Афросияба не выдержал тяжести витязя, лопнул, и могучий туранец свалился на землю. Подоспели к нему всадники, помогли подняться и умчались вместе с ним прочь от страшного для них места.

Очень досадовал Рустам, что не смог дотащить черного витязя до державного шатра. А среди войска туранского пронесся тревожный гул голосов: «Исполин Рустам поверг на землю могучего непобедимого Афросияба!»

Чудом избежавший гибели, быстрее ветра умчался Афросияб в свой стан, оставив войско на поле брани. В тот час думал он только о спасении своей жизни.

А жестокая битва продолжалась. Сверкала сталь мечей, летели стрелы, стучали тяжелые палицы по медным щитам. Вско-

ре не выдержала туранская рать и отступила, лишившись оружия и потеряв боевую славу. А весть о победе иранцев разлетелась по всему краю.

Лишь на восьмой день безостановочного пути прибыл к царю Пашангу бежавший с поля боя Афросияб. Не сумел он утаить страха и, бледный от досады и злобы, поведал отцу о страшном своем поражении:

— Есть у иранцев великан-богатырь по имени Рустам. Подобен он исполинской горе, а по свирепости сравнится лишь с морским драконом. Не рождала еще земля подобного витязя. Весь наш воинский строй разбил он и развеял, как пыль, а меня самого, как букашку, вытряхнул из седла. Только чудом удалось мне вырваться из его рук. Ты знаешь, отец, что силен, отважен и ловок я в бою, но в руках Рустама был подобен былинке. Поверь, не по плечу нам больше воевать с Ираном, надобно искать мира; нет другого пути. Если я, сильнейший воитель Турана и опора страны, не смог одолеть Рустама, то никто другой не сможет этого сделать. Беспредельна его сила, как сила самой земли.

Омрачилось горем лицо царя Пашанга. Война с Ираном мнилась ему игрой; одним ударом надеялся он отомстить за Салма и Тура, но полегли в этой битве лучшие витязи Турана и повержена во прах их воинская честь. Велико было горе Пашанга, но еще больше было его удивление, когда услышал он, что хочет мира Афросияб. Лишь о войне и вражде были всегда помыслы черного витязя, и вдруг просит он царя отправить посла с письмом к царю Кай-Кубоду.

Когда Кай-Кубод скрепил своим именем договор о мире, увел Пашанг остатки своей рати за реку Джайхун, ушел от сражений и битв, напуганный силой Рустама.

А Кай-Кубод вернулся в свою столицу, воссел на царский престол и продолжал править честно и мирно.

Когда отошел в вечность царь Кай-Кубод, возведен был на иранский престол его сын Кай-Ковус.

Вот выросло древо и плод принесло.
Но стало точить его тайное зло,
И корень ослаб, и поблекла листва,—
Склоняется книзу вершина сперва,
А там, как подкошенный, рушится ствол.
Но новый побег уж на смену пришел,
В наследие дан ему солнечный сад,
Сиянье весны и цветов аромат.
Был корень здоров, а в побеге порок,
Но этого корню не ставь ты в упрек.
Коль сыну владенья отец завещал,
О тайнах ему сокровенных вещал,
Но слава отцовская поправа им —
Не сыном его ты считай, а чужим.
С дороги наставника, дерзок и слеп,
Он сбился, и кару заслужит судеб.
Кто ложной дорогой стремится вперед,
На жалкую гибель себя обречет.

Такими словами великий поэт прошлого начинает поучительный рассказ об этом своенравном и заносчивом властелине Ирана.

Огромную страну и несметные богатства унаследовал молодой царь: горы золота, драгоценных украшений, камней-самоцветов наполняли казну, большие стада скота и несчетные табуны арабских коней паслись на сочных пастбищах. Сильно возгордился богатый и могущественный повелитель Ирана, решил он, что нет в мире другого такого властителя, что только ему одному пристало царить на земле.

Однажды пировал царь с храбрыми своими воинами в цветущем саду среди благоухающих роз, захмелел и стал похваляться перед придворными:

— Подобного мне властелина нет больше в целом мире. Найдется ли такой, кто дерзнет состязаться со мной в могуществе и богатстве?

В это время приблизился к пирующим стражник и сообщил, что какой-то бродячий певец стоит у ворот дворца и просит допустить его к царю. Кай-Ковус милостиво разрешил ему подойти, а когда странник явился, спросил его:

— Кто ты и откуда идешь?

— Иду я из далекого Мазандарана, умею петь и играть на лютне. Если позволит владыка, я попробую усладить его слух музыкой и пением.

Царь велел посадить того странника среди своих придворных музыкантов. Пришелец настроил сладкозвучные струны своей лютни и запел. Песня его была о цветущем солнечном Мазандаране, где в тенистых садах растут невянущие розы и тюльпаны, струится нежная соловьиная трель. Ни холода, ни зноя не знает чудесная та страна, вечно цветут там деревья и зеленеет трава, бегут звенящие хрустальные ручьи, резвятся на их берегах стройные серны:

«Да славится солнечный Мазандаран,
Да будет он счастьем навек осяян!
Богатого града пленителен вид,
Парча златотканная всюду блестит.
Прекрасные девы — в венцах золотых,
Мужи-удальцы — в поясах золотых
Кто не был, кто не жил в том дивном краю,—
Ни разу не радовал душу свою».

Песня эта зажгла в сердце Кай-Ковуса страстное желание увидеть чудесную страну, и задумал он пойти на Мазандаран войной, чтобы завладеть тем краем.

— О славные витязи мои! — воскликнул царь. — Слишком долго предаемся мы здесь праздности и веселью. Собирайте свои дружины, я поведу вас в поход на Мазандаран!

В смятении слушали витязи речи царя, ибо знали, что обитают в Мазандаране свирепые дивы. Но никто не осмелился перечить владыке.

А когда кончился пир и царь ушел на покой, собрались знатные люди и военачальники в полуночной тьме и стали думать, как отвести беду, нависшую над страной, как удержать царя от безумного его желанья.

— Если, проснувшись поутру, Кай-Ковус не забудет слов, сказанных им на хмельном пиру, горе постигнет нашу страну,— молвил один витязь.

— Пошлем гонца в Нимруз к витязю Золю. Пусть приедет он в столицу и отговорит царя от похода в логовище дивов,— сказал другой.

На рассвете помчался в Систан гонец на быстром коне. Повесть он Золю тревожное послание иранских витязей.

Прочитав письмо, горестно опустил голову Золь.

— Злобный Ахриман совратил нашего царя с праведного пути,— сказал он.— Мало стало ему богатств, накопленных его предками, прельстился он новой добычей, хочет завоевать мазандаранский трон.

Всю долгую ночь размышлял престарелый Золь над посланием витязей, а наутро надел воинские доспехи и отправился в иранскую столицу.

Беспечный и веселый восседал на троне царь Кай-Ковус. Приветливо и ласково встретил он славного Золя и усадил рядом с собой.

— О царь-победитель,— начал свою речь Золь.— Все мы счастливы и горды служить тебе верой и правдой. Но тревожная весть повергла нас всех в печаль и уныние: дошло до нас, что хочешь ты, наш владыка, повести войско на Мазандаран. Ни один властелин до тебя не навлекал на страну такую опасность. Ни сила наша, ни мудрость не смогут разбить чары дивов и волшебников, обитающих в Мазандаране, и народ не одобрит поход, который грозит всем нам бедой.

Отвечал на это без меры возгордившийся царь:

— Ни Джамшид, ни Фаридун не сравнятся со мной могуществом и силой. Пусть не водили в Мазандаран свои дружины ни Манучехр, ни Кай-Кубод. Много богаче моя казна и еще сильнее мое войско, а потому не желаю я больше держать свой меч в ножнах. Я пойду на Мазандаран, одолею дивов, разорю эту страну и наложу на нее тяжелую дань.

Услыхав слова Кай-Ковуса, огорчился Золь, ибо понял, что глубоко погряз властелин Ирана в довольстве собой и тщеславии. Видно, только поражение станет ему горьким уроком.

Вскоре двинулся Кай-Ковус в Мазандаран во главе боевой дружины, а страной управлять на время своего похода оставил славного Золя вместе с сыном его Рустамом.

После долгого пути раскинули воины лагерь у высокой горы. Утомленные переходом отдыхали они в тени деревьев у журчащей воды. На другой день дружина царя была уже в Мазандаране. Обратился Кай-Ковус к воинам своим:

— Пока не проведали дивы о нашем приходе сюда и не вышли навстречу нам, жгите и крушите все, что попадется на пути.

И принялись бойцы все истреблять беспощадной рукой. Но прошла неделя, и устыдились они того, что сотворили. Опустыдела им эта война без повода и без смысла. Но поздним оказалось раскаяние. До владыки Мазандарана дошел уже слух о нашествии иранского войска, и послал он верного своего слугу, лютого дива Санджу, к Белому Диву — предводителю всех колдунов и дивов Мазандарана.

Поднялся со своего ложа Белый Див, как огромная гора, уперся плечами в небосвод и проговорил громовым голосом:

— Поезжай к царю Мазандарана, Санджа, успокой его, скажи, что Белый Див сокрушит пришельцев.

В ту же ночь заметили воины Кай-Ковуса огромную черную тучу, как тяжелая смола растекавшуюся по небу. Затянула она все небо и дымным шатром окутала войско. Наступила крошечная тьма, и тут посыпались с неба остроконечные камни. С громкими криками и стонами разбежались воины в разные стороны, но не многим удалось спастись от каменного дождя. Когда поредел мрак и снова встал над землей сияющий день, увидели Кай-Ковус и его витязи ужасающую картину: две трети иранцев лежали бездыханными на земле, сраженные камнями, остальные были прикованы к гранитным скалам тяжелыми цепями. Вдруг раздался громовой голос Белого Дива:

— Жалок и несчастен твой удел, Кай-Ковус! Жаждал ты мазандаранских сокровищ и господства над всей землей, но теперь узнаешь силу дивов Мазандарана и не уйдешь от возмездия.

Дошли до славного Золя печальные вести о гибели иранской дружины и пленении царя их дивами Мазандарана. И вот призвал он могучего Рустама и говорит ему такие слова:

— Горе постигло нашу страну: в пасть дракона угодило войско вместе с царем Кай-Ковусом. Вынимай меч из ножен, седлай Рахша и скачи быстрее ветра в Мазандаран. Там суждено тебе обратить силу и мощь свою на благо отчизны. Ты один можешь сокрушить темное воинство дивов и отвести беду от Ирана. Стар я, мне уже двести с лишним лет, настал твой черед идти на врага и спасти владыку нашего, Кай-Ковуса,

Кто в битве увидел стрелы твоей взлет,
Покоя вовек для себя не найдет.
Ты кровью и море окрасишь в боях,
Ты кличем и гору низвергнешь во прах.

Если совершишь ты этот подвиг, принесет он тебе славу на многие века.

— Только скажи мне, отец, как скорее добраться до Мазандарана,— спросил его Рустам.

— Ведут в тот край две дороги. Одна — длинная, та, которой шел Кай-Ковус. Другая дорога короче, ее ты пройдешь за четырнадцать дней, но встретишь там на своем пути чудовищ и дивов, наводящих ужас и страх. Ты иди по второй дороге, не страшась опасности. Тебе поможет всевышний да и верный твой Рахш без труда одолеет тяжелый тот путь. Я же стану день и ночь возносить молитвы праведному нашему богу, чтобы дал он мне снова увидеть твой богатырский стан и мощные плечи. А если в той битве найдешь ты смерть свою, знать, суждено тому свершиться. Никто не в силах пойти судьбе наперекор.

Окончит могилой свой путь человек,
Какой бы ему ни отмерен был век.

— Не смею я ослушаться твоего повеления, доблестный мой отец,— отвечал Рустам.— Хоть и дорожу я жизнью моей и не стану без нужды бросаться в львиную пасть, но готов сразиться за нашего владыку. На благо страны совладаю я со злыми чарами колдунов и дивов.

Стал Рустам снаряжаться в далекий путь. Облачился он в боевую кольчугу, а поверх нее надел шкуру барса. На пояс повесил богатырь длинный аркан с шестьюдесятью петлями, а в руки взял рогатую палицу Сома.

Доблестный Золь благословил сына в трудный поход, и слоновотелый Рустам сел на верного Рахша.

Вышла проститься с ненаглядным сыном своим прекрасная Рудоба. Горькие слезы лились из ее очей, когда произносила она слова прощания:

— О богатырь, рожденный мной в муках для ратных дел! Идешь ты навстречу грозной опасности, оставляя меня в печали и грусти.

— Милая и добрая мать моя! — промолвил Рустам.— Не своей волей выбрал я этот путь, а предначертан он мне моей судьбой. Поручи мою жизнь творцу всемогущему, а сама будь покойна и счастлива.

Подвиги Рустама на пути в Мазандаран

Простился богатырь Рустам с отцом, матерью и отправился в путь на верном коне своем Рахше. Долго скакал он без отдыха, за день проделывая двухдневный путь, и вот увидел вла-

ли стадо онагров¹. Тут почувствовал Рустам сильный голод и решил сделать привал, чтобы насытиться и отдохнуть. Метнул он свой невиданный длинный аркан и сразу же поймал огромного онагра. Потом он высек стрелой искру из камня, разжег из сухих сучьев костер и зажарил над ним свою добычу целиком. После сытного ужина уснул богатырь крепким сном, а расседланный Рахш пасся рядом на зеленом лугу.

Но неведомая роща, где спал витязь, скрывала в себе опасность. В густых ее зарослях обитал лютый лев, с которым не решился бы сразиться и могучий слон. Когда ночь опустилась на землю, возвращался он с водопоя в свое логово и тут на пути увидел спящего богатыря и коня-исполина, сторожившего безмятежный сон хозяина своего. Бросился лев на Рахша, но могучий скакун зажегся яростью, взвился на дыбы и так отбросил дикого зверя передними ногами, что тот замертво упал на землю.

На заре проснулся Рустам и увидел у ног Рахша мертвого льва. Изумился он силе своего коня и воскликнул:

— О храбрый, но безрассудный мой конь! Как решился ты биться со свирепым львом? А я, твой беспечный хозяин, спал крепким сном и не ведал, какая опасность тебе угрожает!

А верный Рахш опустил голову и потерял ею о могучую руку Рустама.

Скоро показалось из-за горных вершин ясное солнце. Почистил Рустам Рахша скребницей, взнуздal его и снова отправился в путь, не зная, какие новые опасности подстерегают его на пути.

Вот неожиданно возникла перед Рустамом безводная пустыня. Вокруг ни реки, ни деревьев, ни людского жилья — только песок и небо. Горячие лучи солнца сжигали землю, и струился от нее жар, как от пламени. «Что же делать? Куда занесла нас судьба? Пропадем мы здесь и никогда не увидим родного края...» — думал Рустам. Но не было другого пути, и поехал богатырь по этой пустыне.

Уже изнемог от зноя и жажды Рахш, у Рустама спеклись и потрескались губы. Жалея коня, пошел исполин пешком по зыбучим пескам, без тропы, шатаясь, словно в бреду. Так бродил Рустам до темноты по бескрайней пустыне, а потом рухнул в изнеможении на горячий песок и остался лежать, неподвижный, изнывающий от жажды.

Но в этой безводной и знойной пустыне Рустам был не один. Покровитель людей добрый Ормузд знал, что злой Ахриман

¹ Онагр — дикий осел.

уготовит опасности на пути воителя, и потому послал к нему своего вестника Суруша. Не дал он погибнуть богатырю, шедшему к великой цели,— спасти от гибели свою страну, уберечь ее от свирепых дивов Мазандарана.

С небесных высот увидел Суруш зеленую рощу на краю пустыни, прохладный ручей и косулю, спешащую к нему на водопой. И Суруш сделал так, чтобы путь ее к воде прошел мимо Рустама, без сил лежащего на сухом песке.

Услышав шорох, поднял голову богатырь и тут, не веря глазам своим, увидел стройную косулю. Возглас изумления и ликования вырвался из пересохшего рта Рустама:

— Неужто поблизости есть водопой, если легко и проворно спешит туда дивная серна!

Собрав последние силы, встал богатырь и побрел за косулей, рукой опираясь на меч. Вскоре сверкнула перед глазами Рустама серебряная лента воды рядом с рощей, шумевшей свежей зеленой листвой. Напился Рустам прохладной прозрачной воды и напоил коня. Потом омыл он свое истомленное зноем тело и прилег отдохнуть. Скоро крепкий сон сковал богатыря.

В тех зеленых зарослях обитал свирепый дракон. В железных его тисках находили смерть могучие слоны и львы. Среди ночи явился дракон к источнику, чтобы напиться, и увидел спящего богатыря. Удивился зверь, ибо давно никто не решался вторгаться в его владения. А Рахш, почуяв опасность, стал бить копытами землю и громко ржать, чтобы разбудить Рустама. Пробудился богатырь от сладкого сна и огляделся вокруг, но ничего не увидел тревожного, ибо дракон внезапно исчез. Рассердился Рустам на Рахша и принялся бранить своего коня:

— Как посмел ты, дерзкий конь, напрасно будить меня среди ночи?

Но как только сон снова одолел богатыря, опять появился дракон. И вновь заржал и забил копытами Рахш.

Вскочил с ложа сна разбуженный Рустам, огляделся вокруг, но лишь глухая, черная тьма окружала его. С бранью набросился он на зоркого своего коня:

— Если еще раз поднимешь меня напрасно, я отсеку тебе голову острым мечом и дальше пойду пешим.

Увидев свирепого дракона в третий раз, не решился Рахш будить своего хозяина и пустился прочь от того места, надеясь увлечь за собой чудовище. Но дракон приблизился к спящему Рустаму. Вернулся обратно верный конь Рустама, громко заржал, забил о землю тяжелыми копытами. Богатырь пробудился и увидел перед собой огнедышащего змея. Выхватил он тяжелый свой меч из ножен и крикнул громовым голосом:

— Кто ты такой, назовись, прежде чем я выпущу из нечистого твоего тела черную душу!

Свирепый дракон набросился на Рустама, и схватился богатырь с чудовищем. После короткой битвы отсек Рустам ему голову острым клинком, и рухнул на землю змей, обагрив все вокруг своей кровью. А могучий исполин сел на Рахша и поскакал в Мазандаран, страну чародеев и дивов.

Долго скакал Рустам на неутомимом коне, пока не пересек границу Мазандарана. А когда солнце опустилось за высокую гору, увидел прекрасное место для отдыха: под тенью густых деревьев протекал прозрачный ручей, на берегу его расстиралась скатерть, уставленная яствами, среди них был румяно зажаренный барашек, обильно приправленный пряностями, стояли золотые кубки с красным, как рубин, вином. Подивился богатырь на такое чудо, расседлал Рахша и присел у края той удивительной скатерти. Не знал он только, что хозяевами пиршества этого были дивы, которые скрылись от глаз Рустама при его появлении. Протянул богатырь руку за кубком с вином и заметил лежащий рядом с ним руд¹. Взяв инструмент, провел он пальцами по струнам. Зазвенели они нежно, и полилась печальная песня. О своей тяжелой доле запел непобедимый герой. Не даром говорил ему отец, доблестный Золь, что чем сильнее человек, тем труднее его жизнь. Постоянно Рустам сражается с дивами и драконами, борется со злом на земле, очищая ее от врагов. Редко доводится ему вкушать спокойную радость на лоне чудесной природы.

«Я бедный Рустам, всех скитальцев бедней.
Немного досталось мне радостных дней!
Мне вместо ристалища — поле войны,
Взамен цветников мне пустыни даны.
То див на пути у меня, то дракон,
То чаща, то бурь завыванье и стон.
А вешние розы, вино на лугу —
Я радостей этих вкусить не могу.
То с нечистью бьюсь я зловерной речной,
То насмерть борюсь я с пантерой степной».

Так пел Рустам, как вдруг явилась перед ним пленительная красавица и повела ласковые речи. Еще большая радость охватила героя: не думал он найти в пустыне уставленную яствами скатерть и совсем не ждал встретить прекрасную деву. Но не доброй красавицей была незнакомка, а старой уродливой ведь-

¹ Руд — струнный музыкальный инструмент схожий с лютней.

мой. Злобный Ахриман подослал ее к Рустаму, чтобы помешать ему сразиться с дивами Мазандарана. Услыхав грустную песню богатыря, явилась она перед ним в образе прекрасной девы и стала нежными словами уговаривать его, чтобы остался он в этом чудесном месте и отдохнул от ратных дел. Но не дремал вестник Ормузда Суруш. Незримо освещал он Рустаму путь к добрым делам. Когда богатырь уже стал поддаваться чарам красавицы, сделал Суруш так, что начало темнеть прекрасное лицо девы и скоро стало совсем черным. Взглянул Рустам на нее пристально и почувал недоброе. В одно мгновение накиннул он ей на шею аркан, затянул крепко петлю и спросил грозно:

— Кто ты, неведомая колдунья? Явись передо мной в своем настоящем виде!

И вот вместо молодой красавицы оказалась в петле старуха с безобразным лицом. Гнев охватил Рустама, и разрубил он колдунью пополам своим тяжелым мечом.

Снова устремился в путь храбрый витязь, но оказался внезапно в полной темноте. На почерневшем небе не было ни звезд, ни луны. Долго ехал Рустам во мраке, не видя перед собой пути, и выбрался наконец на дивный зеленый луг. Изумлялся богатырь, какие чудеса являет ему волшебная страна Мазандаран.

Долгая дорога утомила Рустама. При виде мягкой манящей травы сбросил он с плеч шкуру барса и доспехи, расседлал коня и лег на зеленый ковер в предвкушении долгого приятного сна, как вдруг услышал громкий голос:

— Зачем пустил своего коня топтать посевы, которые не ты взрастил?

Поднял голову богатырь и увидел караульщика полей. Разгневанный дерзкими его речами, схватил Рустам его за уши и так рванул их, что оторвал оба разом. Объятый ужасом и страхом, побежал окровавленный караульщик к правителю того края Авлоду.

Услыхав рассказ о Рустаме, взял Авлод верную дружину воинов и поскакал к тому месту, где отдыхал богатырь.

— Как осмелился ты, дерзкий чужестранец, приехать сюда, где властвуют свирепые дивы? Выходи на бой со мной, я повергну тебя во прах! — крикнул Авлод, завидев Рустама.

— В битве со мной тебя ожидает такой же успех, как если бы ты задумал забросить орех на купол высочайшей башни, — ответил Рустам и, выхватив меч из ножен, смело устремился на дружину Авлода.

После недолгой битвы весь луг был усыпан телами мазандаранцев, а оставшиеся в живых обратились в бегство вместе

со своим правителем. Но забросил Рустам свой аркан в шестьдесят колец и поймал Авлода.

— Поведай мне без обмана, где заточен царь Кай-Ковус и где скрывается Белый Див? — спросил его богатырь. — Если правдиво расскажешь мне обо всем, станешь правителем всего Мазандарана после того, как сокрушу я Белого Дива. А коль дерзнешь обмануть меня, пронзит твое сердце стальное мое копьё.

Отвечал ему плененный Авлод:

— Не лишай меня жизни! Я укажу тебе путь к Белому Диву и к месту, где томится в заточении Кай-Ковус. Но знай, что предстоит тебе трудный путь. Сначала пойдем мы по гранитному ущелью, куда не попадают лучи солнца, а потом по острым кручам семи горных хребтов над глубокой пропастью, у которой не видно дна. Каждую ночь там выходят в дозор огромные полчища дивов. Никому не под силу бороться с теми чудовищами... Дальше путь наш пройдет по каменистой голой пустыне, куда не отваживаются вступать даже дикие звери. Потом разольется на нашем пути шумная и широкая, словно море, река. Никому не удавалось еще перейти ее... Если все же пройдем мы этот, полный опасностей, путь, то достигнем логова Белого Дива, перед которым дрожат горы, как листья осиновые. И будь ты весь выкован из стали, не одолеть тебе страшного чудовища, подобного исполинской горе.

Рассмеялся могучий Рустам в ответ на предостережения Авлода и молвил только:

— Показывай мне дорогу, а я пойду вслед за тобой.

И снова отправился в путь богатырь Рустам. Ощущал он в душе жажду подвига, а в сердце — отвагу. Миновали путники темное гранитное ущелье и семь горных хребтов, усыпанных дивами. Прошли они и по горячей каменистой пустыне, переправились через бурную безбрежную реку... Не остановили могучего Рустама опасности и преграды, все преодолел он благодаря богатырской силе своей и храбрости.

Наконец достигли путники логова Белого Дива. Но было на пути у них еще глубокое бездонное ущелье, окруженное грозной ратью дивов.

Попятился назад Авлод и обернулся к Рустаму. Хотел он сказать ему, что нужно подождать полудня, когда горячие лучи солнца усыпят чудовищ. Легче тогда будет расправиться с ними... Но не успел Авлод вымолвить ни одного слова, как выхватил Рустам из ножен булатный меч, сжал рогатую палицу и издал громовой воинственный клич. Бесстрашно набросился он на строй чудовищ и стал косить их головы одну за другой. Всех

истребил богатырь на своем пути и остановился перед логовом Белого Дива. Заглянул он в бездонную пропасть и ничего не смог увидеть в кромешном мраке теснины. С кем сражаться ему? Куда идти? А когда привыкли глаза Рустама к темноте, различил наконец он врага, с которым предстояло биться ему: как огромная глыба лежал в теснине Белый Див, заслонив собой все ущелье. Был он весь черный как смола, и только белая грива украшала его голову. Белый Див спал, но громкий клич Рустама разбудил его. Увидев богатыря на скале, поднял он огромную лапу и занес ее над Рустамом. Ужас охватил непобедимого витязя, и впервые дрогнул он перед врагом, поверив, что здесь найдет свой конец. Но не хотел он погибнуть без боя, а потому, охваченный яростью, взмахнул булатным мечом и ударил дива поперек туловища. Огромная сила, неведомая ему самому, заключалась в том ударе. Отсек он Белому Диву бедро. Окрыленный удачей, вступил Рустам с чудовищем в единоборство. Яростно бился раненый див, разворотив вокруг нависшие горные громады. Но также упорно и яростно сражался с ним слоновотелый богатырь. И вот вцепился он в белую гриву чудовища, как пантера в свою добычу, напруг все силы и поднял его над головой. Так держал он мгновение извивающегося дива, а потом с размаху ударил о скалы. Бездыханным грохнулось огромное тело на горные выступы, потом свалилось вниз, заполнив собой все ущелье.

— Теперь укажи мне то место, где заточен царь Кай-Ковус с дружиной! — крикнул Рустам Авлоду.

Выбрался Авлод из пещеры, где укрывался в страхе, когда увидел жестокое единоборство, и пошел впереди Рустама, указывая ему путь.

Радостно заржал Рахш, снова почувствовав на спине своего хозяина, и ржанье это услышал в темнице царь Кай-Ковус. Всныхнула в его сердце надежда на освобождение, и воскликнул он:

— Слышу я ржанье Рахша вдали. Это прибыл могучий Рустам, чтобы вызволить нас из плена и отомстить за позор.

— Видно, затуманился разум царя от перенесенных невзгод. В бреду слышалось ему конское ржанье,— заговорили между собой плененные воины.— Неоткуда ждать нам избавленья в этой заколдованной стране и суждено погибнуть в цепях.

Вдруг распахнулись двери мрачной темницы и ворвался к узникам могучий Рустам. Окружили богатыря пленные и принялись обнимать, рыдая от радости...

Одолол могучий Рустам дивов и колдунов Мазандарана, по-

вержен им даже Белый Див, и снова на свободе царь Кай-Ковус с дружиной. Но предстояла богатырю еще одна битва.

Царь Мазандарана не пожелал покориться Ирану и платить ему дань, не захотел он расстаться с дворцом и тронем, а потому дерзко вознамерился померяться силой с могучим Рустамом и одолеть его в битве.

Когда подъехал Рустам ко дворцу царя Мазандарана, увидел ряды воинов в доспехах. И вот на глазах у всех схватил он за ветви огромное дерево, раскачал его ствол и с корнями вырвал из земли. С деревом в руке, как с булавой, промчался он перед лицом вражеской рати прямо в царский дворец. А воины Мазандарана смотрели на невиданного богатыря в страхе и изумлении.

Навстречу Рустаму вышел сильнейший витязь Мазандарана и протянул для приветствия руку. Втайне намеревался он пожатием испытать мощь руки прибывшего воина. Отбросив в сторону вырванное с корнями дерево, Рустам сжал руку витязя могучей своей рукой. Пожелтело от боли лицо мазандаранца, с руки его посыпались ногти, как листья с ивы, и повисла она безжизненно плетью.

Мазандаранский царь вызвался сам сразиться с Рустамом, ибо жаль ему было расстаться с тронем и богатством. Надеялся он волшебными чарами одолеть могучего непобедимого богатыря.

Царь-чародей вышел на бой с Рустамом в образе дикого зверя, но вскоре почувствовал, что не осилить ему исполина. Утратив смелость, побежал он прочь с места схватки. А Рустам вслед ему метнул копье и пронзил им тело чародея. Упал на землю мазандаранский царь и вдруг на глазах у всех обернулся глыбой гранитной. С изумлением взирал Рустам на огромную скалу у ног своих, а потом сказал:

— Все равно не избежать ему злой участи. Я отнесу эту глыбу гранита в наш боевой стан, а там не помогут ему волшебные чары.

Подошли к каменной глыбе воины и хотели приподнять ее, но не смогли даже сдвинуть с места. Тогда Рустам рывком оторвал скалу от земли и взвалил на плечи себе. С этой ношей явился он в стан Кай-Ковуса. Свалил он глыбу перед державным шатром и крикнул:

— Выходи, нечистый колдун, откажись от заклинаний и чар! А не то искрошу я в пыль твой гранитный дом тяжелой секирой.

Разрушилось волшебство, и вышел из скалы царь-див в настоящем своем облике: был он худ и долговяз, с шеей яще-

рицы и клыками вепря. Взмахнул Рустам тяжелым мечом своим и на куски изрубил уroda.

Так избавил могучий богатырь Рустам Мазандаран от дивов и колдунов, которые угнетали и истребляли людей. И пошла по всему свету громкая слава о его подвигах. Отныне стали страшиться черные силы творить злые дела свои.

Помня свое обещание, просил Рустам Кай-Ковуса отдать Мазандаран во власть верному Авлоду.

Кай-Ковус и царь Барбаристана

Рассказывают мудрые повествователи, что после мазандаранской войны ходил повелитель Ирана военными походами в разные страны, как в далекие, так и близкие. Сначала повел он рать на Туран и Чин, потом прошел через землю макранскую и дошел до самого моря. Храбрые предводители войска его, искусные полководцы Тус, Гав, Гударз, Фарибурз, Густахам, Гургин и Хуррод повсюду одерживали победы и делали покоренных властителей тех земель данниками могущественного шаха Ирана.

После того Кай-Ковус переплыл море и высадился на берегу Африки. Там затеял он войну с царем Барбаристана, победил его и подчинил своей власти. Из Барбаристана вернулся властитель мира к себе в Иран и направился в Систан. В городе Забуле стал он гостем правителя того края, прославленного богатыря Рустама.

Но гласит народная мудрость: подъемы всегда чередуются со спусками, поднявшийся на вершину горы спустится вниз по другому ее склону. Целый месяц пребывал царь Кай-Ковус в благословенном Забулистане.

То шумно при говоре струн пировал,
То с соколом, с гончими лов затевал.
Так время вперед целый месяц неслоь.
Но вскоре шипы проросли между роз
Казалось, спокойствие в мир снизошло,
Но вести пришли про неожиданное зло.

Узнал всемогущий царь, что Хамаваран, Барбаристан, Миср и Шом, покоренные им, воспротивились его полновластию и перестали платить дань Ирану. Страшно вознегодовал Кай-Ковус и потому решил снова идти войной на ослушников.

Под бой барабанов иранское войско выступило из Забула. На щите каждого воителя было выбито его имя, у каждого в

ножнах горел острый стальной меч, руки сжимали тяжелую булаву. Морем решил идти царь Кай-Ковус, ибо путь этот был коротче и неожидан для врагов, ждавших иранское войско со стороны суши. Быстро соорудив челны и плоты, все огромное войско разместилось на них и поплыло по морю.

По прошествии нескольких дней высадилось иранское войско на берег. Миср остался по левую сторону, по правую — был Барбаристан, а впереди простирался Хамаваран. В странах этих сразу узнали, что явился царь Ирана Кай-Ковус со своей неустрашимой дружиной, и сговорились между собой правители их объединить свои рати и двинуть огромное войско против иранского шаха. Бесчисленным, несметным было войско тех трех государств.

...Наполнились гулом поля,
От крика бойцов стоном стонет земля.
Там барс и орел, житель каменных круч,
Паля наравне с караванами туч,
Напрасно пытались бы путь отыскать —
Такая сошлась там огромная рать.

Кай-Ковус без промедления построил на поле брани ряды своего войска, готового к жестокой битве. Раздались воинственные кличи отважных предводителей, загревели литавры и, пришпорив ретивых коней, ринулись в бой иранские воины. Стучали секиры, звенели мечи, по ратному полю неслись тысячи всадников, так что не стало видно, где горы, а где равнина. Казалось, земная природа оделась в железные доспехи, а звезды на небе зажигались от искр, высекаемых копьями.

Весь мир, ты сказал бы,— поток золотой,
Кровь с длинных клинков так и хлещет рекой.
Лик ясный земли весь эбеновым стал,
И воздух от пыли темней, чем сандал,
Кряж горный от трубного рева гудит,
Трясется земля под напором копыт.

Сначала войска те стали теснить иранцев, и дрогнула рать Кай-Ковуса, готовая обратиться в бегство. Но путь к отступлению растерявшимся воинам преградил воинственный и бесстрашный Гив.

— Не подобает доблестным бойцам покидать поле брани, пока не побежден их враг! Достойнее сложить свои головы! — грянул его громовой голос.

После этого иранцы снова ринулись в жаркое сражение, ведомые именитыми предводителями, и тогда повержены были все три рати врагов их. Первым сдался правитель Хамаварана.

Бросил он меч свой на землю и явился перед царем Кай-Ковусом со склоненной повинной головой. Вслед за ним сложили оружие властители Барбаристана и Мисра. Победителю покоренные правители прислали богатую дань, и были то троны, венцы, украшенные драгоценными камнями оружия, арабские быстроногие скакуны... «Получит царь Кай-Ковус от нас столь богатое подношение и уйдет обратно в Иран, не подвергая разорению наши земли»,— думали побежденные.

А посол хамаваранского царя, желая услужить властелину мира, рассказал ему в уединенной тиши, что есть у покоренного владыки дочь несравненной красоты, достойная украсить царский его дворец.

Мол, стан кипариса стройней у нее,
Корона из мускуса — кудри ее,
Коса — что аркан, ниспадающий с плеч,
Уста — словно сахар, язык — словно меч.
Небесной пленя она красотой,
Сняет, как солнце весны золотой

Смутили речи эти душу Кай-Ковуса и заставили сильно забиться сердце.

— Красавицу эту я возьму себе в жены. В моем дворце надлежит обитать ей,— молвил он и тотчас послал своего витязя, искусного в науках, красноречивого к покоренному властителю Хамаварана, веля ему сказать от имени его, Кай-Ковуса, такие слова: «Знатнейшие мужи мира мечтают породниться со мной, ибо свет солнца зажигается от жемчужин в моей короне, а весь мир распростерся у подножия моего трона. Тот, кто не ищет защиты под моей сенью, тот не увидит счастливого дня. Я же тебе предлагаю высокое родство со мной, ибо услышал, что скрываешь за пологом дочь, достойную стать царицей мира. В зятя себе возьмешь ты сына славного Кай-Кубода, чем будешь горд и возвыснись до самого солнца».

Слова эти посол шахиншаха донес до ушей царя Хамаварана, а затем вкрадчивой речью, услаждающей слух, стал уговаривать его отдать несравненную дочь свою Судабу за властелина Ирана Кай-Ковуса.

Когда умолк иранский посол, хамаваранский владыка долго молчал, не поднимая глаз от земли. Смущен он был и удручен неожиданным сватовством. Прежде всего думал он о непереносимой для него разлуке с единственной, любимой, ненаглядной дочерью. Мог ли он отпустить ее от себя в столь далекий от родного Хамаварана Иран? Другая дума была об утраченной независимости его страны. Коль породнится он, управитель Хамаварана, с могучим шахиншахом, укрепит тем самым власть Кай-

Ковус над его страной, и навечно останется Хамаваран вассалом Ирана. А ведь лелеял он одну заветную мечту: лишь только вернется победитель в Иран, покоренный владыка Хамаварана сразу тайно начнет собирать силы, чтобы сбросить позорные оковы рабства и вернуть стране потерянную свободу. Но как сможет восстать он против Кай-Ковуса, если дочь его Судаба станет царицей Ирана? Тяжкие думы эти разрывали сердце царя Хамаварана, ибо не видел он средства помочь своему горю. Ведь он — побежденный правитель, и нет у него силы противиться победителю. А потому, прервав свои размышления, так ответил он послу Кай-Ковуса:

— Сила моя и опора были в богатстве моем, а отрада сердца — в любимой дочери. Царь Кай-Ковус лишил меня первого моего драгоценного блага, а теперь хочет лишить и второго — похитить сердце. Но как могу я пренебречь волей шаха, покорившего мир? Коль повелит он мне, отдам ему все свои сокровища. Но есть обычай у нас: когда сватают девушку, то спрашивают ее желание.

Призвал к себе дочь царь Хамаварана, и явилась она, подобная нежному тонкому побегу тюльпана, и осветила чертог сияющим блеском своей красоты. Не раскрыл ей царь сокровенные думы свои о благе страны, ибо опасно говорить с дочерьми и женами о делах государства: как бы тайное не стало до срока явным! Поведал он прекрасной царевне о сватовстве шаха Ирана, выразил ей досаду свою и огорчение тем, что хочет властелин мира похитить его сокровище. Спрашивая о воле дочери, в тайниках сердца лелеял царь надежду, что отвергнет Судаба сватовство Кай-Ковуса, и тогда появится у него повод отклонить притязания шахиншаха. Но, увы, чаяния его рухнули тотчас же.

— Какое счастье! — радостно воскликнула прекрасная Судаба. — Родства с тобой ищет властелин мира, отец. Не найти тебе лучшего защитника, чем могучий Кай-Ковус!

— Но ты, Судаба, единственное мое дитя, утешение души и улада сердца! Разве не жаль тебе покидать в несчастье и одиночестве старого отца своего?.. Мечтал я найти тебе достойного супруга среди знатных и благородных витязей Хамаварана...

— Разве найдется в мире жених для меня достойнее шахиншаха Ирана? — возразила Судаба. — Защита и покровительство властелина мира снизойдут и на тебя, благородный отец мой. Скажи посланцу Кай-Ковуса, что горд ты сватовством шахиншаха и с радостью даешь на то свое согласие, что дочь твоя тоже не противится этому браку.

Ничего другого не оставалось опечаленному царю Хамаварана, как сделать все так, как сказала дочь его Судаба. В согласии с законами и обычаями веры заключен был брачный договор.

Собрал повелитель, печален, суров,
Три сотни рабынь, сорок пышных шатров.
По тысяче мулов, верблюдов, коней
Под грузом динаров, парчи и камней.
И вот в паланкине церевна-луна;
С дарами богатыми едет она.

Когда вышла Судаба из золотого паланкина перед царским шатром Кай-Ковуса, ослепив взоры всех несравненной своей красотой, безмерно очарован был ею властелин Ирана, и охватила его вмиг страстная любовь. Призвал он мудрых и всеми чтимых мубедов и велел им совершить брачный обряд и отдать ему в жены луноликую царевну. «Не было еще на свете достойнее супруги властелина мира»,— думал счастливый и могучий царь.

Хитрость царя Хамаварана

В горе и унынии пребывал побежденный царь Хамаварана: покорена страна его чужеземцем и наложена на нее тяжелая дань, да еще разлучился он с любимой своей дочерью. Теперь дни и ночи размышлял удрученный владыка, гадал и рядил, какое найти средство, чтобы помочь своему горю.

Прошло семь дней и ночей в печальных думах, а на утро восьмого дня осенила царя Хамаварана смелая мысль: хитростью погубить могущественного шахиншаха и таким путем сбросить ненавистное и позорное ярмо рабства. Для цели великой такой хорошо будут все средства. Вот какой замысел созрел в голове гордого властелина: высокородного зятя своего вместе с предводителями его войска позовет он в Хамаваран погостить, а в разгаре веселого пира все они будут связаны и брошены в темницу. Оставшееся без повелителя и военачальников войско иранское развеется по стране, утратив единство и силу.

Не медля с исполнением коварного замысла своего, послал царь Хамаварана в стан Кай-Ковуса гонца с посланием:

«Коль шаху угодно, прошу я о том,
Чтоб гостем почетным вошел он в мой дом.
Безмерно возвысится Хамаваран,
Коль будет он ликом царя осиян».

Доброе и подобострастное приглашение это скрывало в себе злобное коварство. Однако прозорливая и умная Судаба разгадала злой умысел уязвленного отца своего и сказала царю Кай-Ковусу:

— Внемли совету моему, венценосный супруг, и не едь в гости к царю Хамаварана. Пир его обращен будет в войну, а ты попадешь в коварно расставленные силки. Не отказался любящий отец мой от мысли вернуть меня в Хамаваран, а потому не сулит тебе пребывание в гостях у него ничего, кроме печали и горя.

Но шах Кай-Ковус не поверил речам Судабы, ибо не считал он царя Хамаварана и приближенных его ни отважными, ни хитрыми, ни равными себе по уму и могуществу. Вместе с предводителями войска иранского отправился он по зову побежденного царя к нему во дворец без опасения и страха.

Для пышного празднества того царь Хамаварана избрал город Шахà, что был подобен расцветшему саду. Его велел он украсить и приготовить для встречи властелина мира.

К ногам властелина алмазы летят,
Шафрана и амбры разит аромат.
Веселье песни со звоном струны,
Как в шелке основа с утком, сплетены
До самого входа в престольный чертог
Рассыпаны жемчуг и злато у ног.
Сверкающий трон во дворце водружён,
И весел восходит владыка на трон.

Семь дней и ночей пировали высокие гости в радости и веселье, а правитель дворца был покорен и ласков, как раб перед своим господином. Придворным своим и воинам повелел он служить дорогим и почетным гостям усердно и подобострастно.

Ночью под утро восьмого дня неслышно подошло к городу Шахà войско из Барбаристана, которое раньше призвал на помощь себе хамаваранский владыка. А на рассвете, когда крепко спали гости, хмельно и беспечно, на дворец, где пребывали они, налетели хамаваранские и барбарийские воины. По знаку коварного царя Хамаварана схватили они Кай-Ковуса и витязей его Туса, Гава, Гударза, Гургина, Зангу, повязали, а потом сковали цепями. Какую же мудрость извлечет из происшествия этого прозорливый?

Не должно надеяться нам на того,
С кем кровное нас не связует родство,
Хотя и по крови наш родич иной
Нас может предать из корысти одной.

И в счастье и в горе спешу испытать
Того, кого другом хотел бы считать.
Коль ниже величия он твоего,
То зависть, быть может, снесет его.
Увы, этот мир к вероломству влеком,
Колелем он каждым шальным ветерком.

Удалась хитрость уязвленного царя, пленил он властелина Ирана вместе со знатными витязями его и воинами и повелел отвести в мрачную крепость, что возвышалась до неба на крутой горе, окруженной водой. Туда заточили пленников, закованных в тяжелые цепи, а к крепости приставили тысячу стражников. После того разгромили и разорили военный лагерь иранцев, а сами войны, оставшиеся без предводителей, не смогли противостоять врагу и пустились в бегство.

В разоренный стан царя Кай-Ковуса послал хамаваранский властитель длинную череду невольниц под покрывалами, и несли они с собой золотой паланкин. Велено им было доставить в Хамаваран царицу Ирана, прекрасную Судабу.

Когда услышала Судаба о горькой участи, постигшей Кай-Ковуса и полководцев его, испустила громкий крик. В отчаянии порвала на себе царский убор красавица, растрепала мускусные локоны, исцарапала ногтями лицо.

— Коварно и подло схватили великого царя — не в честном бою, а на веселом пиру, и не смог он защитить себя, как подобает отважному воителю! — стонала Судаба. — Но никогда не разлучусь я с моим супругом, даже если ввергнут его в могилу низкие завистники. Пусть и мне, невинной, отрубят голову, когда предан будет казни царь Кай-Ковус!

Прибывших невольниц царица осыпала бранью и прогнала прочь с глаз своих. Когда вернулись они в столицу с пустым паланкином и рассказали обо всем царю Хамаварана, почернел от горя и гнева он. Волей-неволей велел отвести непокорную дочь к плененному ее супругу в крепость на крутой горе. Верная Судаба на долгие годы разделила заточение царя Кай-Ковуса, преданно и заботливо скрашивая его печаль и утешая в горести.

Рустам вызволяет Кай-Ковуса из плена и освобождает Иран от завоевателей

Иранские войны, оставшиеся без предводителей, покинули Хамаваран и вскоре достигли родного Ирана. Вместе с ними пришла в страну печальная весть о том, что заточен в темницу

ее властелин. И начались в Иране раздоры и смута, ибо много нашлось охотников сесть на свободный царский престол. Тревожное это время не упустили извечные недруги Ирана, и хлынули на землю его воинственные орды туранцев и арабов. Безжалостно убивали они людей, учиняли разбой и насилие.

И тогда иранцы направились в Забулистан к прославленному богатырю Рустаму. Просили они его защитить несчастную страну, лишившуюся царственного света Кай-Ковуса.

Откликнулся на отчаянный тот зов богатырь Рустам и разослал во все стороны своих гонцов. И вот явились на помощь герою дружины из Хинда и Кабула. Собралось в Забуле огромное войско, и Рустам повел его прежде в Хамаваран, чтобы выволить из плена шаха Кай-Ковуса.

Достигнув границы Хамаварана, Рустам тайно отправил к Кай-Ковусу гонца, чтобы уведомить его о своем прибытии. Послал он письмо и царю Хамаварана, в котором грозил ему войной, если не выпустит он добром из заточения царя Ирана. Но не устрасился угроз хамаваранский правитель, не ответил покорностью и согласием, а двинул против Рустама свое войско.

Стало известно об этом прославленному богатырю. Стремясь к короткому пути, вместе со своими воинами быстро достиг он столицы Хамаварана и возник перед войском вражеским внезапно и грозно. Завязалась жестокая битва. Хамаваранцы не устояли против мощных ударов тяжелой палицы Рустама и мечей верных его бойцов, бежали с поля сражения, оставив убитых без числа и счета.

Царь Хамаварана не желал такого конца войне, а потому попросил помощи у властителей Мисра и Барбаристана. Те послали в Хамаваран свои дружины, и вот три несметные рати с трех сторон окружили иранцев. Казалось, что на равнине той между двумя кручами поднялась новая гора, а солнце не покажет впредь свой лик из-за вздыбившейся пыли.

Но прежде чем начать битву, послал Рустам письмо плененному Кай-Ковусу. Извещал он его о том, что на него, сговорившись, войной пошли войска трех стран. «Против них готов я двинуть могучую свою рать, и побегут от меня враги, не помня себя. Однако страшит меня судьба плененного моего властелина; как бы не причинили тебе, царь Кай-Ковус, вреда злобные те силы. А коль погибнет владыка Ирана, не надобна будет мне эта победа и даже трон Барбаристана и Мисра». Так написал могучий Рустам царю, и в ответ ему пришло послание Кай-Ковуса.

Ковус отвечал: «Обо мне не жалея,
Ведь мир не погибнет со смертью моей.

С любовью вражда и с отравою мед
В соседстве с тех пор, как вращается свод.
Мчись бурно на пламенном Рахше своем,
Украшь его ухо стрелы острием.
Не дай никому из соперников злых
Открыто иль тайно остаться в живых».

Тогда славный Рустам построил для битвы храбрую свою рать. Правое и левое крыло возглавляли его самые отважные и сильные витязи, а сам он встал в сердцевине войска. Воинственным кличем призвал именитый герой своих воителей яростно ринуться в бой с врагами:

— Во прах повергнете вы их, если веру в победу поселите в своих сердцах и метко в цель попадать будут ваши стрелы и стальные копыя!

С раннего утра и до захода солнца продолжалась та битва, много воинов полегло на ратном поле, и оно окрасилось в алый цвет от пролитой крови. Но вот затянулась петля рустамова аркана на шее царя Мисра, и сброшен он с седла на землю. А царь Барбаристана вместе с приближенными его воителями пойман в плен богатырем Гуразом, который предводительствовал правым крылом иранского войска. Дружины поверженных царей в страхе бежали с ратного поля.

Понял царь Хамаварана, что нет у него другого средства спасения, кроме мольбы о пощаде. И помчался посол его к Рустаму с повинной грамотой. Писал он иранскому богатырю, что дает обет выпустить Кай-Ковуса из заточения и покориться его воле. Так и сделал он. Вместе с царем освободились из плена богатыри Тус, Гав, Гударз, Гургин, Занга и многие знатные иранцы.

Кай-Ковус простил неразумного отца супруги своей Судабы, заключил с ним мир и договор впредь больше не враждовать друг с другом.

Вознесение Кай-Ковуса на небо

Вернулся Кай-Ковус в свой родной дворец и снова стал править страной. Невиданная сила Рустама принесла царю власть не только над многими государями, но еще над колдунами и дивами. Теперь они верно служили ему, создавали чудесные дворцы из хрусталя, бирюзы, изумрудных камней. Снова покой и благо сошли на Иран, не ведали люди ни зла, ни горя, и только для дивов наступили горькие дни.

И тогда по совету злобного Ахримана надумали дивы оболь-

стить и смутить душу Кай-Ковуса. Послали они к нему свирепого и сильного дива в образе прекрасного юноши, умевшего говорить приятные речи.

Появился тот юноша на пути Кай-Ковуса, когда ехал царь на охоту, упал на колени перед владыкой и протянул ему букет благоухающих роз. Понравилась шаху красивые цветы, и решил он юноше молвить слово. И тот повел свои хитрые речи:

— О славный и могущественный царь! Достиг ты всего на земле, и настало время узнать тебе тайны небес, понять, как уходит солнце и как оно восходит. Лишь небо — достойная обитель такому, как ты, владыке. Давно пристало тебе парить в небесах над всей землей.

Смутили душу тщеславного царя слова дива в облике сладкоречивого юноши, и затуманила его голову гордыня. С тех пор стал он думать лишь о том, как подняться ему в небо.

Царь думал, что вечно его торжество,
Что купол небес сотворён для него.

Вскоре мобеды и мудрецы страны придумали способ как вознести царю на небо. Из гнезда могучих орлов похитили только что вылупившихся птенцов и принялись кормить их мясной пищей. Вскоре птенцы выросли и стали огромными и сильными орлами.

Между тем искусные мастера соорудили трон из гибких стеблей алоэ и обили его золототканной парчой. К краям трона прикрепили длинные копы и повесили на острие каждого из них по бараньей ноге. Из мощных орлов, что выросли во дворце, выбрали четырех и привязали их к трону. На трон этот воссел высокомерный властелин Ирана.

Увидев сырое мясо, рванулись к приманке голодные орлы и устремились вверх вместе с тронном и сидящим на нем Кай-Ковусом. Поднялся трон над землей и понесся среди облаков.

Вскоре орлы утомились и совсем выбились из сил. Не могли они больше взмахивать ослабевшими крыльями и упали вниз, увлекая за собой и трон вместе с его владельцем. Очутился Кай-Ковус в китайских лесах, утратив престол и царское величие. Долго скитался шах как бездомный бродяга, томимый муками позднего раскаяния и лишений, пока не разыскал его богатырь Рустам. И на этот раз спас он царя Кай-Ковуса от гибели и позора и вернул на престол Ирана.

Рождение Сухроба

Поведали нам древние сказания правдивую и печальную повесть о Рустаме и сыне его Сухробе, которая грустью наполняет сердца и слезами омывает глаза. Может быть, запылает гневом против Рустама добрая душа, но как узнать, прав или нет быстрый вихрь, взметающий пыль на дорогах и срывающий с деревьев незрелые плоды?

Однажды сел Рустам на верного Рахша и отправился искать место для охоты. Преодолев горы, реки и долины, исполинский конь Рустама принес его в Туран, в зеленую рощу, где паслись на воле онагры. Радостно забилося сердце витязя в предвкушении хорошей охоты, и погнался он за теми онаграми, набрасывая на их головы длинный аркан или настигая их меткой стрелой. Так без усталости охотился богатырь, вдыхая полной грудью благодатную прохладу, а когда вволю насладился удачной охотой, расседлал своего коня и разбил шатер на зеленом лугу. Там же развел он костер, а над ним укрепил вертел из ствола огромного дерева. На вертеле он изжарил самого большого онагра и съел его целиком. После сытного ужина утолил Рустам жажду из прозрачного ручья, а потом лег на берегу его и уснул под шум воды, забыв обо всех заботах. А Рахш тем временем пасся на лужайке, покрытой сочной зеленой травой.

Той порой проезжали мимо туранские всадники и, увидев Рахша, метнули в его сторону аркан. Как дикий зверь, не привыкший к неволе, забился в петле Рахш, топчя траву мощными копытами, но так и не смог высвободиться из нее. И туранцы увели коня в свой город Саманган.

Долго потом искал Рустам, но нигде не находил своего верного Рахша. Опечаленный и удрученный, отправился он в путь пешком, сгибаясь под грузом тяжелой кольчуги, меча, шлема, щита да еще седла и сбруи своего коня.

Так и шел богатырь до самого Самангана. Жители его сразу узнали Рустама, ибо молва о подвигах его разносилась повсюду, и сам правитель вышел навстречу прославленному герою. Он приветствовал его такими словами:

— Как радуются люди утреннему солнцу, так и мы счастливы видеть тебя в Самангане, могучий Рустам. Скажи, что привело тебя в наш город? Все мы желаем тебе лишь добра и исполним любую твою волю.

Приветливые слова царя рассеяли тревогу Рустама, и он ответил ему:

— Пока я спал, утомленный охотой, неведомо куда пропал мой конь любимый. Сюда, к воротам Самангана привели меня

его следы. Прикажи, о благородный царь, чтобы нашли моего Рахша, и я щедро воздам тебе за доброе дело.

— Будь нашим славным гостем, очастливленный судьбой богатырь. Сегодня в твою честь будет у нас веселый пир, где забудем все тревоги и заботы, а завтра найдем мы непременно твоего коня. Подобных Рахшу твоему нет на земле коней, и грудно утаить его от наших глаз.

Так говорил правитель Самангана, и Рустам обрадовался словам его. Остался богатырь Ирана попить в кругу достойных витязей того края.

Направились вместе они ко дворцу,
И служит почтительно царь удалцу.
Призвав городскую и ратную знать,
Владыка гостей усадил пировать,
И вот уже яства несут повара,
И кравчему кубки наполнить пора.
Порхают плясуньи, свежее весны;
Их розовы лица и очи темны,
И руд сладкозвучный в руках у певца
Звенит, разгоняя печаль удалца.

После веселого пира отвели могучего Рустама на мягкое ложе, где он уснул крепким богатырским сном, без сновидений.

Но лишь пробило полночь и сменилась первая ночная стража, внезапно пробудилась исполин и увидел, как отворилась бесшумно дверь его опочивальни и вошла девушка необыкновенной красоты. Стройнее кипариса был нежный ее стан, лицо сияло словно месяц, локоны ее черных благоухающих волос касались земли. Разомкнула она рубиновые уста свои, и показалось богатырю, что раскрылся ларец, полный жемчужин.

— Я — Тахмина, дочь царя Самангана, — молвила прекрасная дева. — С детских лет слыхала я рассказы про невиданного богатыря, похожие на сказку дивную. Перед тобой трепещут могущественнейшие из царей, мечется в страхе свирепый лев, завидев палицу в твоей руке, и выпускает из когтей добычу горный орел, когда заметит натянутый тобой лук. Дивилась я небывалой такой судьбе богатыря и страстно полюбила героя, мечтая втайне воочию увидеть когда-нибудь стан богатырский и плечи широкие Рустама. Давно в тоске по тебе изнывает моя душа. И вот ты сам явился к нам в Саманган. Коль пожелаешь, я стану тебе супругой верной и любящей, и сына подарю такого же могучего и непобедимого, как ты. И еще обещаю найти твоего Рахша и положить к ногам твоим весь Саманган.

Очарован был несравненной красотой и кротостью царевны

Рустам, дрогнуло львиное сердце храброго воина. Пленили его сладкие речи Тахмины и обещание найти его любимого коня. Тотчас же Рустам призвал писца и повелел составить послание царю Самангана, в котором просил он славного владыку согласия и благословения на брак с прекрасной дочерью его — Тахминой.

Несказанно обрадовался престарелый царь, что ниспослала ему судьба такое счастье, что породнится он с прославленным Рустамом. Велел он созвать гостей на пир и по обычаям священной веры отпраздновал свадьбу любимой дочери с именитым богатырем.

Утром следующего дня Рустам стал собираться в обратный путь, ибо не пристало ему находиться долго на чужбине. Прощаясь с Тахминой, снял он с руки браслет с драгоценным камнем и протянул ей со словами:

— Всегда при мне был этот благословенный талисман и приносил удачу. Сохрани его у себя, Тахмина. Если родится у нас дочь, пусть украсит сияющий камень счастья ее волосы. А если сына пошлет нам судьба, повесь талисман ему на грудь в память о его отце.

Сказав это, простился богатырь Рустам с прекрасной своей супругой и вышел из дворца, оставив ее в слезах и печали. У ворот ждал Рустама оседланный Рахш, и радость встречи с дорогим конем заглушила боль расставанья с возлюбленной женой. Умчался богатырь в родной Забулистан и никому не рассказал о том, что с ним произошло в пути.

Когда миновало девять лун, у красавицы Тахмины родился сын, прекрасный, как молодой месяц. Так сильно походил младенец на отца своего Рустама, что счастьем матери не было границ. Нарекла она сына Сухробом. Когда исполнился мальчику месяц, был он подобен годовалому ребенку, а в три года выходил уже на ристалище состязаться в силе с воителями. В пять лет стал он храбрым и сильным, как лев, а уже с десятилетним богатырем никто не осмеливался меряться силой.

Однажды Сухроб спросил у матери своей:

— Скажи мне, отчего перерос я всех своих сверстников, и голова моя возвышается до небес? Откуда веду я свой род, и что рассказать мне тем, кто спрашивает меня об отце?

— Послушай, сын мой,— отвечала ему Тахмина.— Пусть порадуют тебя мои слова, ибо род твой знаменит и благороден. Рожден ты могучим Рустамом с сердцем льва и силой слона. Дед твой — отважный и благородный Золь, а прадед — славный доблестный Сом Нариман. Вижу я, что вырос ты и достоин уже

носить талисман, завещанный неустрашимым отцом твоим. Принесет он счастье тебе и славу непобедимого богатыря.

С этими словами Тахмина извлекла из ларца браслет с драгоценным камнем, отданный ей супругом при расставании, и повесила на шею Сухробу.

— Верю я, что слава о благородных твоих деяниях достигнет ушей доблестного Рустама, а по этому талисману признает он в тебе своего сына,— сказала она.— В тот день долгожданный, когда отец сожмет тебя в своих объятиях, избавлюсь я наконец от тоски и печали. Но страшусь я, однако, что долго хранящая тайна эта достигнет ушей злого Афросияба! Горе нам, если узнает он, что мой Сухроб — сын прославленного Рустама.

— Истину эту нельзя удержать в тайне, как невозможно спрятать луч солнца! — воскликнул юный Сухроб.— Разве не правдивы песни и сказания, которые народ сложил о подвигах Рустама? Не скрывать от людей, а гордиться должно тебе и мне, что я сын его!

Очень хотелось Сухробу увидеть знаменитого отца своего, и решил он отправиться в Иран с дружиной храбрых бойцов. Однако не было еще у юного витязя доброго коня, резвого, как степная газель и быстрого, как небесная птица.

Повелела Тахмина всем пастухам и табунщикам поскорее пригнать в Саманган самых ретивых коней. Принялся юный Сухроб выбирать среди них скакуна для себя. Как только приглянется ему какой-нибудь конь, метнет он длинный аркан и притягивает к себе того скакуна. Но лишь только положит он ему на спину могучую руку, сгибается конь, касаясь земли животом, и падает с переломленным хребтом. Много отборных лихих коней сокрушил невольно Сухроб мощной своей рукой, но так и не смог найти скакуна по себе.

Тут подошел к молодому витязю седой пастух и молвил:

— Есть конь у меня, рожденный от исполинского Рахша. Могуч он словно лев и горяч как огонь. Когда резво несется он по степи, кажется, что кусок огромной скалы оторвался от гор и летит по земле, гонимый ураганом. Не нагонит его тогда и быстрокрылая птица.

Слова пастуха возродили надежду в сердце Сухроба, и пожелал он скорее увидеть чудо-коня. Пошел он вслед за седым пастухом, — и вот пред ним мощный конь. Надавил ему на спину Сухроб, но не дрогнул и не ослаб скакун. Вскочил молодой богатырь на того коня и радостный воротился домой.

Дошло до туранского царя Афросияба известие о том, что Сухроб из Самангана собирает дружину воинов для похода в

Иран. Ведомо было коварному владыке, что малолетний витязь тот — сын могучего иранского богатыря Рустама. И вот созрел в голове его черный план, а в душе зажглось злобное торжество. «Настало время отомстить Рустаму за беды, причиненные Турану», — думал он.

Послал Афросияб витязей Хумана и Бармана с богатыми дарами к Сухробу с такими напутствиями:

— Молод и неопытен Сухроб; лишь пятнадцать лет исполнилось богатырю, хоть могуч он и наделен силой льва. Хочет отправиться он в Иран, чтобы увидеть прославленного отца своего. Но должно вам прибегнуть к хитрости и побудить малолетнего витязя пойти на Иран войной. Пусть столкнутся на поле брани отец с сыном, не узнав друг друга. Могуч и отважен Сухроб, и может случиться, что повержен будет им непобедимый Рустам. А если падет от руки отца неузнанный сын его, погубят Рустама муки раскаяния. Без исполина Рустама, сильнейшего витязя своего, не устоит больше Иран перед Тураном и покорится нашей власти.

Удался Афросиябу коварный его замысел, и двинулась на Иран туранская рать, как степной ураган, несущий гибель и разорение.

Гурдофарид

На земле, что лежала на границе Ирана с Тураном, княжил храбрый витязь Гуждахам. Была у него дочь, и славилась она не только красотой и умом, но и отвагой воина, не знающего страха в бою. Потому и звали ее Гурдофарид — благословенная героиня.

На краю владений Гуждахам стояла Белая крепость — надежный оплот Ирана против туранских полчищ. Вверена она была доблестному воину Хаджиру, закаленному в жестоких битвах.

Заметил Хаджир с высокой башни, что приближается к крепости вражеское войско во главе с витязем-исполином, вскочил на коня и выехал навстречу туранцам.

Завидя одинокого всадника в поле, закричал Сухроб:

— Несчастный, коль вышел ты один на поле сражения, быть тебе добычей своей беды!

И услышал он в ответ:

— Я — Хаджир, глава храбрых воинов Белой крепости. Не ведомо мне имя твое, туранец, но срублю я с плеч твою голову за то, что дерзко напал ты на нашу страну.

Засмеялся презрительно юный Сухроб и, сжав ногами бока своего коня, подобно горной громаде, ринулся в битву. Не долго сражались витязи, и вот уже сброшен с седла храбрый Хаджир, крепко связаны руки и ноги его арканом. Сухроб велел отвезти пленного в свой стан.

Когда в Белой крепости узнали о том, что сражен в бою воин Хаджир, померк для всех обитателей ее свет ясного дня, и понеслись в небо рыдания и вопли. Побледили от гнева розовые щеки дочери Гуждахамы, отважной Гурдофарид, и загорелась в ней жажда мщения, ибо жила в той деве душа ратоборца, не знающего страха перед врагами. Вмиг облачилась она в доспехи воина, спрятала под румийским шлемом длинные черные косы, скрепила завязки кольчуги и туго затянула кушак на стройном своем стане.

Покинув Белую крепость, отважно помчалась героиня Ирана навстречу врагу, и пронесся над полем воинственный ее клич.

Приблизившись к стану туранцев, натянула наездница лук, и вот уже стрелы смертоносной тучей летят над ратью Сухроба. Когда увидел он, как падают один за другим храбрые его бойцы, охватили его стыд и жажда мщения. Заслонившись щитом от яростных стрел, помчался Сухроб к неведомому недругу. А Гурдофарид повесила лук на плечо, взвила коня и с разбегу метнула копьё в широкую грудь великана. Ударилось копьё о стальную кольчугу и отлетело прочь. Богатырь же, рассвирепев от дерзкого натиска, тоже вздыбил коня и нанес врагу сильный удар копьём. Вылетела из седла всадница и упала на землю. Однако сразу ловко вскочила в седло и умчалась прочь, словно птица, взметнув за собой тучу пыли.

Сухроб помчался вслед за убегающим врагом своим и, настигнув, сорвал шлем с головы. И заструились по кольчуге черные волосы и сверкнула, как солнце, девичья краса перед изумленным взором юноши. Удивился богатырь такому чуду: если так отважны иранские девы, то каковы же мужи в их войске! «Не упустить бы мне эту драгоценную добычу из рук», — подумал он и накинул аркан на тонкий стан Гурдофарид. Попалась в плен к Сухробу отважная воительница и поняла, что теперь лишь в женской хитрости ее спасение. Обернулась она к витязю лицом и молвила:

— Два войска глядят на наше сражение, и хоть одержал победу ты, осыпят градом насмешек все воины, когда разглядят под шлемом девичьи косы. «Отважный воитель бился не с доблестным мужем, а с женщиной слабой!» — скажут они, смеясь над тобой. Так не пристало тебе продолжать битву, сулящую лишь позор могучему витязю. Лучше поладим миром. Ты

поедешь со мною в Белую крепость и встретишь там покорную тебе дружину. Станут твоими все богатства этого замка.

Очарованно взирал Сухроб на Гурдофарид, на стройную и нежную стать ее, на глаза, подобные черной ночи, над которыми взметнулись дуги темных бровей. Когда раскрылись уста Гурдофарид, показалось юноше, что между лепестками свежего тюльпана блеснул ровный ряд сверкающих жемчужин. Затрепетало сердце Сухроба, попав в сети любви к прекрасной деве. Поверил богатырь ласковым словам красавицы и последовал за ней. Но, как только девушка вошла в крепость, ворота замка тут же закрылись перед Сухробом.

Бросился к дочери седой Гуждахам

— Долго ждали мы исхода опасной той битвы, томясь тревогой. Но ты не посрамила доблестный наш род, не только храбростью, но и хитростью одолела врага!

Засмеялась беспечно прекрасная Гурдофарид, спрыгнула с коня и легко взбежала на высокую башню замка. Увидев внизу у ворот изумленного Сухроба, крикнула ему с насмешкой:

— Скажи, доблестный витязь, не туранец ли ты родом? За могучую осанку твою и крепкую грудь чтили бы тебя и мужи Ирана! Но оставь мечту об осаде и забудь о захвате Белой крепости. Как вихрь, примчится сюда славный Рустам и развеет в пыль твое войско. Не сладить тебе с грозным исполином, хоть силен ты и храбр.

Горькая обида сжигала львиное сердце Сухроба.

— Клянусь солнцем, что в замок этот войду я победителем и уведу тебя в плен, неведомая красавица! — воскликнул в ответ он, пришпорил коня и умчался в свой стан. Решил Сухроб поутру начать осаду Белой крепости.

Дождавшись ночи, князь Гуждахам отправил царю Кай-Ковусу весть о грозной опасности. А когда умчался быстрый гонец, увел он всех жителей через тайный подземный ход, оставив крепость пустой.

Лишь только взошло солнце над высокой горой, двинулось туранское войско на Белую крепость. С воинственными криками подошли воины к воротам и разбили тяжелый засов. Но внутри встретила их необычная тишина. Пустынна и заброшена была крепость, улицы ее безлюдны, дома заперты наглухо. Нигде не было видно людей, бесследно исчезло войско, скрылась и прекрасная Гурдофарид, похитив сердце Сухроба.

Подобно перу промелькнула, и вот
Похищено сердце, а боль все растет
В груди опустевшей, все злее печаль,

Любимая скрылась в безвестную даль!
Увы, ускользнула, исчезла во мгле...

Руста и Сухроб

Между тем, дошла до Кай-Ковуса весть, что снова угрожает Ирану войной туранская рать. Но теперь во главе вражеского войска стоит юноша невиданной силы, и нет ему соперника достойного среди витязей Ирана. Тогда послал царь гонца в Забулистан с письмом к Рустаму: «Молодой туранский богатырь идет сюда со своим войском. Силен он, как тигр, и огромен, как слон. Ты один сможешь затмить его доблестью и силой и защитить родную страну от врага».

Прочитав послание, смутился прославленный богатырь и молвил:

— Слышал я, что похож на доблестного Сома тот могучий вонтель. Откуда взялся в Туране столь сильный богатырь и какого он рода? Правда, есть сын у меня в Самангане, но он еще дитя, и пахнут молоком его губы. Рано ему водить в сражение рать, и не сумел бы он сбросить с коня отважного Хаджира.

— Пора вам мчаться в столицу, могучий витязь,— осмелился напомнить ему гонец Кай-Ковуса.— У самых ворот Белой крепости стоят наши враги и грозят Ирану бедой.

Но Рустам не торопился в военный поход, а хотел, оставив тревоги и заботы, попить в кругу добрых друзей.

— Забудем сегодня про битвы и сражения и будем веселиться под звуки лютни и песни сладкоголосых певцов. А завтра на заре поскачу я в столицу и поведу в поход отважное войско. Еще не погасла счастливая звезда Рустама, и без труда одолею я сильного врага.

Сели за пир забульские мужи. Краснело вино в серебряных кубках, обильные яства заполняли столы. И лишь на утро третьего дня оседлал Рустам своего Рахша и под гром труб и барабанов повел забульских бойцов в иранскую столицу.

Мрачный и злой ожидал Кай-Ковус прибытия Рустама с его дружиной, как огонь в тростнике, бушевал гнев в его душе: ослушался царя могучий витязь и не приехал в назначенный им срок!

Когда прибыл Рустам наконец в столицу, вся иранская рать с почетом встретила прославленного героя. Но вот вышел из дворца царь Кай-Ковус и закричал грозно:

— Кто ты такой, что осмелился нарушить волю владыки? Был бы в руках моих меч, я снес бы с плеч голову ослушника!

Уведите его, стражники, и предайте казни. Пусть даже ~~ц-м-я-г-ь~~ о нем изгладится из сердца народа!

В молчании слушали витязи и воины гневные речи царя. «Неужто посягнет на жизнь славного героя неразумный царь?» — думали они.

Но смело взглянул на Кай-Ковуса гордый богатырь и крикнул гневно в ответ:

— Если ты так силен и могуч, государь, лучше вели казнить исполина туранца, что грозит Ирану войной. Вспомни, как склоняли головы к копытам моего Рахша Каргасаран и Мазандаран. Вспомни, сколько раз спасал я от гибели тебя самого. Не будь меня, не сидеть тебе нынче на иранском престоле. Не ведаю я страха даже в бою с чудовищами и дивами, так что для меня Кай-Ковус! Не царем дана мне победоносная сила, так как же смеет он посягать на мою жизнь? Свободным родился я, а не рабом царя. Не раз желали храбрые воины после побед моих возвести меня на иранский престол, но всегда отвращал я от него взор свой. Родная земля — моя держава, а трон — седло верного Рахша. Державным жезлом служит мне рогатая булава Сомы, а царским венцом — боевой шлем. Могучей рукой и смелым сердцем своим сумею я постоять за родную страну и защитить ее от врагов.

Сказав так, вскочил в седло гордый витязь и умчался прочь от царского дворца.

Произнеся гул возмущения и недовольства над головами воинов: «Несправедлив и жесток царь Кай-Ковус, не ценит он доблести храбрых витязей Ирана. Могучий Рустам — первый воин среди всех нас, а наградой ему стала петля. Не подобает сидеть на троне Кай-Ковусу, но не время теперь для пустых речей, ибо в опасности страна, и мы должны защитить ее!»

Приблизился к трону царя именитый витязь Гударз и сказал:

— Не к лицу властелину неразумные речи и хвастовство. Зачем обрекаешь ты на гибель Иран? Если не станет Рустама, кого пошлешь ты на битву с туранским исполином?

Раскаялся царь Кай-Ковус в скороспелых своих решениях, ибо больше всего на свете страшился он потерять трон и венец. Велел он витязям своим воротить и успокоить Рустама.

А могучий богатырь, не знающий поражений, ответил посланцам властелина:

— Нет дела мне до шаха Ковуса и не страшусь я его гнева. Одна лишь забота есть у меня теперь: защитить древний наш край от злого врага.

Лишь только прорвало солнце смоляной покров ночи и раз-

лилось над миром благодатное его сияние, раскинули иранцы боевой стан на равнине перед Белой крепостью. Не было счета тем воинам, покрылась вся степь палатками и шатрами и, казалось, кипела вся она, неоглядная, под конскими копытами.

В Белой крепости засели туранцы и тоже приготавились к битве. Одетый в кольчугу, с боевым шлемом на голове взшел Сухроб на высокую башню замка и обвел взглядом широкую равнину. Увидел он бесчисленную иранскую рать, край которой исчезал в пыльной мгле за горизонтом. Рядом с Сухробом стоял его дядя, витязь Хумон, и почувствовал юный богатырь, что страх владеет старым вонителем. Засмеялся беспечно Сухроб и молвил:

— Не дрожи от страха, мой верный Хумон, нам нечего бояться. Хоть и бескрайне войско, стоящее там, на равнине, но не найдется в нем ни одного богатыря, равного мне по мощи и силе. Сегодня эта равнина залита будет кровью наших врагов, как рекой, во славу царя Афросияба.

Радостный спустился Сухроб со стены башни и приказал подать ему кубок красного вина. Ничто не тревожило юного богатыря накануне сражения.

А когда зашло солнце и на землю опустилась темная ночь, могучий Рустам задумал тайно проникнуть в Белую крепость, чтобы увидеть молодого предводителя туранцев. Желая остаться неузнанным, оделся он в доспехи туранского воина и пробрался через ворота крепости во внутрь ее. Притаился Рустам у стены, подобно тигру, подстерегающему добычу. Улучив момент, подошел он ко входу в замок и подсмотрел, что делается в его чертогах. И увидел Рустам молодого богатыря, сидящего на высоком троне. Как исполинский кипарис был его стан, свеж и румян юный лик, тяжелые, словно железные, руки и ноги, крепкие и мощные, как у верблюда. По обе стороны трона сидели Хумон и Жандаразм, братья матери Сухроба, самые могучие туранские богатыри. Сто других отважных и сильных воителей стояли вокруг. Услышал Рустам, как славили они мощь и отвагу Сухроба, непобедимого своего предводителя. А лицо туранского богатыря сияло красотой, глаза его излучали тепло и доброту, и Рустам не мог оторвать взгляда от него. Вдруг ощутил закаленный в суровых сражениях воин, что охватывает его любовь к незнакомому юноше.

Внезапно поднялся со своего места витязь Жандаразм и покинул чертог. Ему, любящему дяде Сухроба, наказывала Тахмина заботиться о сыне ее. Просила брата своего прекрасная Тахмина, чтобы был он Сухробу опорой и защитником, а в Иране, прежде чем столкнутся в битве враждующие войска, ука-

зять сыну отца его Рустама. Ведь Жандаразм знает его в лицо, ибо пировал вместе со славным иранским богатырем, когда тот пребывал в Самангане почетным гостем.

У стен замка вдруг заметил Жандаразм фигуру гиганта, подобного которому не было в туранском войске. Схватил он сзади за пояс незнакомца и громко крикнул:

— Кто ты и что делаешь здесь в этот час? Зачем закрываешь от меня свое лицо?

Опасаясь быть узнанным Жандаразмом, Рустам обрушил на голову его мощный свой кулак; и упал туранец на землю замертво. Исполин же исчез из крепости также незаметно, как и появился.

Долго ждал Сухроб возвращения дяди своего Жандаразма и, не дождавшись, послал за ним воинов. А те, когда вышли из замка, нашли у входа бездыханное тело старого витязя.

— Жестокая судьба настигла именитого витязя, пал отважный воитель, еще не успев выйти на ратное поле! — донесли верные слуги до Сухроба горестную весть.

Вскричал Сухроб с болью в сердце:

— О храбрые воины мои, отныне забудем мы о пище и сне и не выпустим из рук наших оружия, пока не отомстим за смерть славного Жандаразма! Коварно, из-за угла, повержен он дерзким врагом. Так волк задирает овцу, пока спят беспечно пастухи и псы. Да поможет нам создатель в завтрашней грозной битве!

Удалось могучему Рустаму неузнанным покинуть Белую крепость. Поспешил он к царю Кай-Ковусу и поведал о том, что видел и слышал во вражеском стане. Рассказал он, как высок, широк в плечах, могуч и силен юный туранский богатырь. Не было доселе в Туране такого витязя, да и в Иране нет равных ему по мощи. «Сказал бы я, что это воскрес наш доблестный Сом».

Выслушал царь тревожный рассказ Рустама и велел ему готовиться к битве.

Лишь только золотой луч солнца пробился сквозь темную завесу ночи и осветил весь мир, Сухроб выехал на своем коне из ворот Белой крепости. На поясе у него висел в ножнах тяжелый индийский меч, к ноге приторочен был крепкий аркан длиной в шестьдесят колец. Взошел могучий всадник на высокий холм, оттуда бросил взгляд на равнину, заполненную войском царя Кай-Ковуса. О неведомом отце были все мысли Сухроба. Теперь, когда нет больше дяди его Жандаразма, кто ему укажет Рустама. Гневно было лицо молодого витязя, грозно

сдвинуты брови. Призвал он к себе плененного Хаджира и сказал:

— Я буду вопрошать тебя про знатных витязей, что стоят во главе иранских дружин, а ты покажешь мне и назовешь всех именитых воинов Ирана.

Только не выдай Сухроб Хаджиру своей сокровенной мысли: желал он всей душой увидеть на поле том отца своего, могучего богатыря Рустама.

— Взгляни вон туда,— начал Сухроб.— Пестреют там яркие шатры, как шкура барса. Боевые слоны выстроились в ряд перед богатым шатром, а над ним развевается желтый стяг с гербом в виде солнечного диска.

— Это ставка самого царя Кай-Ковуса,— ответил Хаджир. И снова спросил Сухроб:

— А чья ставка меченосцев и нагруженные обозы. Развевается над шатром шелковое знамя с изображением слона.

— Стоит там воинственный витязь Тус, сын Навзара.

— А кто хозяин того пурпурного шатра, над которым колышется лиловое знамя с фигурой льва?

— Стоит там с дружиной великан Гударз, сын славного Гошвада.

Еще шатер богатыря Гива, сына Гударза и шатер царевича Фаробурза, сына Кай-Ковуса назвал Хаджир молодому туранцу, и каждый раз сердце Сухроба взволнованно вздрагивало в надежде услышать заветное имя. Долго молчал он в конце, глядя вдаль, а затем молвил:

— Теперь скажи про тот зеленый шатер. Стройные ряды дружины окружают высокий бирюзовый трон. Развевается над троном знамя, положее на фартук кузнеца, но сверкает оно золотом и драгоценными камнями. Возвышается на троне исполни с осанкой знатного витязя. Хоть и сидит тот богатырь, но выше он на целую голову всех тех, что стоят вокруг. Под стать великану и гигантский конь, чье ржание уносится в небо, как грохот бушующего водопада. Не видел я среди иранских и туранских витязей богатыря, подобного ему.

Трепетало сердце юноши, пока он ждал ответа Хаджира. Не раз слышал Сухроб от матери приметы славного отца своего, и казалось ему, что видит он самого Рустама, но боялся верить глазам своим. От Хаджира хотел он услышать дорогое имя.

А пленный воин медлил с ответом, ибо тяжелая дума тяготила его: «Если назову я свирепому туранцу имя могучего Рустама, захочет он, объятый гордыней и тщеславием, вступить с ним в единоборство. Кто знает, каков будет исход той битвы, не

повергнет ли этот исполин Рустама, опору и надежду нашей страны! Лучше скрою я от врага его имя и не назову среди прочих витязей Ирана».

Так решил верный Хаджир, не ведавший о тайном стремлении Сухроба, и ответил:

— Не нашей, чужой земли тот исполин. Должно быть, Китай прислал его на помощь царю Ковусу. И имя его мне не ведомо.

Омрачилось лицо Сухроба, в огне пылало его сердце. Означал последний ответ Хаджира, что нет Рустама здесь среди иранских витязей. Но снова устремился взор его к зеленому шатру. В богатыре, сидящем на высоком троне, различал Сухроб черты отца, не раз воспетые ему любимой матерью. Поверить ли ему глазам своим? Ведь пленный Хаджир назвал того богатыря китайским предводителем!

— Ты не сказал мне имени китайского вонтеля,— спросил он Хаджира. Тот повторил опять:

— Имя его мне не ведомо.

— Всех именитых богатырей и полководцев царя Ковуса назвал ты мне, Хаджир, однако, ни разу не упомянул имя прославленного в битвах Рустама. А между тем, известно всем, что первый богатырь страны должен возглавлять войско своего властелина. Так отчего же нет его в стане иранского царя? Или чуждается войны отважный и могучий воитель?

Так вопрошал Сухроб, не теряя надежды. А Хаджир рассудил: «Видно желает Сухроб все же выведать у меня, где стоит богатырь Рустам, чтобы напасть внезапно на его шатер и повернуть опору Ирана. Нет, не назову ему я имени Рустама» и ответил Сухробу:

— По всему видать, вернулся в Забулистан Рустам, чтобы насладиться покоем в тиши родной стороны. Наш славный герой любит веселье, пиры, наслажденья.

Не мог удержать смеха Сухроб:

— Странные я слышу речи: такой могучий богатырь, какого доселе не видел мир, в грозный час войны чурается сраженья и ищет покоя и тишины. Над этим посмеется и стар и млад! Вижу, что истину скрываешь ты от меня, и за то надлежит тебя наказать. Укажи мне непобедимого Рустама, и я осыплю тебя золотом и драгоценными камнями. Есть мудрость древняя: «Невысказанная правда подобна алмазу в недрах рудника. Алмаз тот обретает цену лишь когда его извлекут на свет».

— Не ищи войны с прославленным Рустамом, если еще не пресытился ты славой и не успел вкусить все радости и наслажденья жизни. Ибо повергнет он на землю и слона одним ударом

тяжелой булавы. На свете нет богатыря, равного по силе могучему Рустаму,— был на то ответ Хаджира.

Разгневали Сухроба слова Хаджира, и сказал он грозно:

— Не видел ты великих сражений богатырей, просидев свой век в Белой крепости, и не можешь ты знать о битвах и схватках воителей, ибо слышал лишь топот копыт их коней. Забудет мир боевую славу могучего Рустама, когда повергну я его в единоборстве. Пламя огня полыхает лишь до тех пор, пока его не зальет море, а лучи восходящего солнца убивают темноту ночи.

Понял Хаджир, что велика мощь этого туранца и превосходит он непобедимого доселе Рустама не только силой, но и огнем молодости. Погибнет прославленный Рустам в бою с Сухробом, и ни один иранский витязь не осмелится сразиться с ним. Великая опасность угрожает Ирану, а потому нельзя Хаджиру выдать Рустама туранцу. Лучше ему самому умереть от руки Сухроба, чем увидеть попранной врагом родную землю.

— Нет Рустама на этом поле среди храбрых иранских витязей,— твердо ответил Хаджир — Странно мне, могучий туранец, что так упорно добиваешься ты встречи с ним. Но знай, что лучше тебе не искать ее, ибо никто еще не смог одолеть в бою этого исполина.

Помрачнел Сухроб, услышав дерзкие слова Хаджира, оттолкнул от себя пленного воина и спустился с холма вниз. Вскоре, исполненный решимостью, покинул Белую крепость юный богатырь и быстрее ветра, грознее самого яростного слона помчался к стану иранцев.

Приблизившись к царскому шатру, поднял конь Сухроба стальными копытами черную пыль до небес, а сам быстро сорвал длинным копьём золоченый навес шатра и дерзко стал вызывать на бой иранских витязей. Но все они отступили перед ним в страхе. Подобно тому, как убегают онагры при виде разъяренного тигра, бросились прочь воины при виде грозной осанки и мощной руки исполина.

Крикнул тогда отважный туранский воитель царю Кай-Ковусу:

— Напрасно зовешься ты владыкой и гордишься боевой славой своего войска. Лишь только сверкнет в битве мое копьё, поляжет в поле вся твоя дружина. Кого из могучих иранских витязей сможешь ты выслать на мой воинственный зов?

Царь Кай-Ковус утрастился львиной мощи и яростного гнева молодого туранского богатыря и тайно послал к шатру Рустама витязя Туса.

— Велю я ему немедля явиться сюда и защитить нас от

дерзкого натиска этого туранца. Лишь один Рустам сможет осилить его.

Тус поскакал к Рустаму и там, у его шатра поведал о гневе Сухроба, о силе его булавы, что разметала иранских воинов и снесла золоченый навес царского шатра.

— Былые владыки звали меня не только на битвы, но и на пиры. Ковус же всегда зовет меня лишь для ратных дел,— со смехом молвил Рустам. Потом велел он оседлать Рахша и подать доспехи. И вот уже Гив подводит ему коня под седлом, Руххам подает тяжелую палицу, а Тус — кольчугу железную. «Скорее, торопись!» — повторяют все. «Сколько страху нагнал один этот воин на весь мой боевой стан! Кто же он? Верно, исчадие самого Ахримана», — думал Рустам, удивляясь. Вскочив на верного Рахша, помчался он к шатру Кай-Ковуса, испуская воинственный клич.

И вот предстал перед Сухробом могучий Рустам на исполинском Рахше и крикнул грозно:

— Поведем этот бой честно, один на один. Там, где будем биться мы, нечего делать другим. Однако мощью руки и осанкой своей ты не похож на туранца. Клянусь, что даже в Иране не сыщется другой такой богатырь!

При звуках голоса Рустама дрогнуло сердце Сухроба, томимое неразгаданной тайной, и молвил он:

— Назови сначала мне свое имя, вонитель. Думается мне, что ты прославленный богатырь Рустам, который сокрушал целые рати дивов, не зная никогда поражения.

Не пожелал Рустам открыться молодому витязю и так отвечал ему:

— Тешишь ты себя мыслью, что сам могучий Рустам вышел с тобой на битву. Но нет, не Рустамом зовусь я. Тот — именитый герой, а я — простой воин.

Утратил последнюю надежду отыскать отца своего бедный юноша, и подернулся белый свет перед глазами его темной пеленой. И только дивился в душе он, как схожи приметы этого безвестного вонителя с приметами отца, услышанные им от матери.

Удалились два могучих богатыря от войска и выбрали для единоборства небольшую поляну. Сначала стали они биться короткими копьями, а когда остались от них одни обломки, взяли в руки острые индийские мечи. Скрестились два стальных меча, а потом загремели один о другой, высекая снопы искр. Но сломались мечи, и тогда настал черед тяжелых палиц. Неистово бьется одна палица о другую, уже согнулись они, а конца бою все не видно! Стали шататься утомленные кони, затрещали

кольчуги на широких плечах богатырей, и отчаялись уже победить и тот и другой. Чувствуют оба, что до дна исчерпана их огромная сила, катится пот по пылающим лицам, полны пыли рты. Тогда, истерзанные и удрученные, прекратили бой богатыри и разъехались в разные стороны.

Увы, не зажглась в них любовь ни на миг,
И правды из них ни один не постиг.
От буйвола до обитателя вод —
Зверь всякий потомство свое узнает;
Корыстью томим, человек лишь один
Не видит, где враг, где родной его сын...

Но вот отдохнули соперники и, полные свежих сил, снова ввязались за оружие. На этот раз решили они сразиться на луках. Натянули богатыри огромные луки свои и выпустили меткие стрелы со стальными наконечниками. Не пробила стрела Рустама крепкой брони на груди юноши, и Сухроб не смог разбить кольчугу отца. Наконец, разъяренные бесцельной битвой, схватились богатыри в рукопашной схватке. Не знал себе равных в рукопашной битве исполин Рустам, мог он поднять над головой даже каменную глыбу. И вот напряг он мощные руки и обхватил стан Сухроба; но сколько ни силился исполин, не мог он вырвать соперника из седла. Тогда разжал Рустам руки и в бессилье опустил их, изумляясь невиданной мощи юного богатыря. А распалённый битвой Сухроб поднял тяжелую палицу и поразил Рустама в плечо. Согнулся Рустам от сильной боли, но не выдал своего страдания, а лишь поник головой и остался неподвижным.

Засмеялся Сухроб и крикнул:

— Видно, тяжелым для тебя оказался удар, нанесенный молодой рукой!

И вот пресытились битвой оба удальца, каждому стало невмочь продолжать единоборство. И разъехались они, погруженные в тяжкие раздумья, до утра следующего дня.

Тревожные думы одолевали Рустама, и долго не мог он уснуть. С верным другом, витязем Заворой вел он грустную беседу о юном и сильном Сухробе, о битвах, о жизни и смерти. Лишь другая половина ночи отдана была спокойному сну.

А молодой Сухроб провел эту ночь на веселом пиру, осушая кубки с вином под звуки музыки и пения. Но не спокойно было на душе его: тревожил облик неведомого богатыря. Всё снова вспоминал он чудесные рассказы матери, и виделись ему в сопернике приметы отца. Страшился он предстоящего боя, боялся убить предполагаемого отца.

На заре снова облачился в броню Сухроб и помчался к месту вчерашней битвы. Но не о сражении были его мысли, а о возможном примирении. Увидев Рустама, молвил ему с улыбкой, как молвил бы другу, с которым пировал всю ночь:

— Не лучше ли нам отбросить теперь палицы в сторону, похоронить в земле жестокость и злобу и сесть вместе за чаши пенистого вина. Снова закралось мне в сердце сомнение, и чудится мне, что внук ты доблестного Сома и сын славного Золя. Скажи, не тая, правду, открой имя свое.

Хоть приветливы и теплы были слова юного витязя, не согнули они угрюмость с лица Рустама, и вскричал он гневно:

— Не удастся тебе опутать меня льстивыми словами! Вспомни, что о другом была вчера наша беседа. Жаждешь ты славы и молвы народной о том, что не смог одолеть тебя в единоборстве сам могучий Рустам. Но не Рустам я, а простой воин иранского войска, и сегодня снова жестоко сразимся мы на этой поляне.

Спрыгнули богатыри с коней и, как львы, схватились в рукопашной битве. До полудня теснили они друг друга, и не мог пересилить один другого. Но вот простер руки Сухроб и так рванул Рустама за пояс, что, казалось, затряслась вся земля. Охваченный жаждой близкой победы, напряг он все свои силы и поверг исполина на землю, как валит могучий лев огромного онагра. Лишь только коснулась спина Рустама земли, вскочил ему на грудь Сухроб и обнажил булатный кинжал, чтобы отсечь голову поверженному сопернику. Но тут сказал ему Рустам такие слова:

— Прежде чем лишить меня жизни, послушай о том, какой есть обычай в нашей стране. Нарушить его не решился бы ни один витязь Ирана. Если повергнет воин соперника в рукопашном бою один раз, никогда не рубит сразу ему голову. Но если свалит он его и в другой раз, тогда летит с плеч долой голова побежденного.

Сумел Рустам хитрыми речами своими уговорить юношу. Сердце Сухроба откликнулось на слова умудренного годами воина, ибо больше сродни были молодому богатырю отвага и доброта, чем жестокость и злоба. Отпустил он с миром поверженного соперника, а сам беспечно умчался в степь и охотился там до темноты, позабыв об утренней битве. Вечером, прибыв в стан свой, Сухроб рассказал витязю Хумону о прошедшей с Рустамом схватке, не утаив ничего.

— Своей собственной рукой раскрыл ты капкан, куда сам с трудом заманил свирепого зверя! — воскликнул с тревогой Хумон. — Легковесен и беззаботен такой поступок и навлечет он

беду на голову твою. Еще в старину говорили мудрецы: «Не пренебрегай врагом, даже если он слабее тебя».

— Не кручинься, Хумон! — ответил Сухроб. — Не уйдет соперник из моих рук. Завтра мы встретимся снова, и ты увидишь, как притащу я его сюда на аркане.

А Рустам, избежавший хитростью гибели, направился после сражения к ручью, протекавшему вблизи того места. Его чистой водой утолил он жажду и омыл лицо и тело. После того обратился исполин с мольбой к создателю, чтобы даровал он ему победу над мощным врагом, не ведая о том, что победа та сулит ему горькую долю.

Рассказывают, что в молодости обладал Рустам такой мощью, что ступни его ног всей тяжестью своей врезались в камни дорог. Тяготила богатыря такая сила, мешала ходить, не давала покоя. Тогда обратился он с мольбой к создателю Ормузду, чтобы поубавил он ему силы. Услышал Ормузд ту мольбу, и утратил Рустам часть силы своей. Потому в преддверии новой битвы с Сухробом, одолевшим его в сегодняшней схватке, стал просить он Ормузда, чтобы вернул создатель ему прежнюю силу. Молитва его дошла до всевышнего, и стал Рустам беспредельно могуч, как и прежде.

С возросшей мощью, но с печалью в сердце вернулся Рустам на поляну, где накануне бился он с Сухробом. Вскоре примчался туда и Сухроб с луком в руке и арканом на плече. Сотрясалась земля от стальных копыт его коня, а сам он издавал воинственный клич. При виде молодого и красивого богатыря затосковал Рустам, охваченный горестным предчувствием, а беззаботный юноша вскричал задорно:

— Зачем ты снова стремишься к бою, если один раз уже избежал когтей льва? А коль так смел ты и отважен, отчего скрываешь свое имя?

Ничего не ответил угрюмый Рустам, и опять, спешившись, ринулись в рукопашное сражение два исполина, не ведая о том, что готовит им неумолимая судьба.

Рустам обхватил могучей рукой шею Сухроба и так согнул ее, что изнемог молодой исполин, как будто похитил кто-то внезапно всю мощь его богатырского тела. А старый воитель поверг на землю неузнанного сына и, выхватив из ножен булатный кинжал, рассек широкую грудь юного богатыря. Жгучая боль пронзила Сухроба, замер он и припал к земле, а потом тихо промолвил:

— Без времени пришла моя смерть. Скоро укроет меня могильная сень, а так и не довелось мне увидеть отца. Пламенно жаждал я встречи с ним, любовь к нему привела меня в Иран

и здесь обрекла на гибель. Но не уйти тебе от возмездия, неведомый воин, когда станешь ты рыбой в морской глубине или звездой в далёком небе. Придет мой отец, прославленный в мире богатырь Рустам слоновотелый, узнает сына своего по талисману у меня на груди и отомстит за раннюю мою гибель.

Услышав проникновенные слова умирающего юноши, оцепенел Рустам от ужаса перед содеянным. Потемнел перед его взором белый свет, и рухнул без памяти на землю исполин, пронзённый страшной болью. А когда очнулся, молвил воину, поверженному им:

— Покажи мне отцовский талисман, данный тебе матерью, ибо я и есть убитый горем отец твой Рустам!

— Так значит имя твое Рустам? — спросил слабеющим голосом Сухроб. — Стал я жертвой твоей слепоты. Сколько раз взывал я к тебе с мольбой назвать свое имя, но ни разу не дрогнуло предчувствием твое сердце. На груди у меня ты найдешь талисман, что дала мне мать, когда в слезах провожала в этот поход... Слишком поздно пригодился он мне...

Когда увидел Рустам свой знак под кольчугой Сухроба, тяжкий стон вырвался из его груди:

— Неужто мною погублен мой родной сын?!

Долго рвал в клочья одежду, царапал лицо и сыпал на голову пыль могучий витязь. Струились из глаз его кровавые слезы, а в груди горел пламень раскаяния.

Когда солнце скрылось за горами и мрак окутал землю, заволновались витязи в стане царя Кай-Ковуса, что не возвращается с ратного поля их богатырь Рустам. Тогда царь послал на его поиски отряд всадников. Там, где сражались утром два исполина, посланцы нашли двух коней, на привязи, покрытых пылью. «Видно, пал в битве прославленный наш витязь», — подумали воины. В смятении вернулись в свой стан они и принесли Кай-Ковусу печальную эту весть. Горестный стон поднялся над шатрами иранцев: если убит богатырь Рустам, кто выйдет на бой с могучим Сухробом и защитит страну от нашествия врагов?

Шум и крики из стана иранцев донеслись до умирающего Сухроба, и сказал он Рустаму:

— Без вождя осталось туранское войско, обреченное на невзгоды. Обещай мне, отец, что царь Кай-Ковус не пойдет войной на Туран. Пришел я в Иран с надеждой отыскать родного отца, прославленного воеводу, а потом вместе с ним помирит властелинов Ирана и Турана. Увы, иначе распорядилась злая судьба и обрекла меня на смерть от руки моего отца. И еще прошу, не казни бедного пленника моего Хаджира за то, что

скрыл от меня твоё имя и навлек беду на нас обоих. Я прощаю ему эту вину, ибо думал он о благе своей страны.

А Рустам, рыдая и стеная безудержно, вспомнил вдруг, что хранится во дворце Кай-Ковуса целебное зелье, исцеляющее мгновенно любую рану. Вскочил он на верного Рахша и помчался к царю, чтобы поведать о постигшем его горе. Если ценит владыка службу его, пусть станет спасителем его сына!

Увидев Рустама живым и невредимым, возликовал счастливый шах, ибо понял, что теперь спасена иранская держава и ничто не угрожает трону его. Но горестный рассказ героя не проник в сердце владыки. Царем завладели низкие помыслы, испугался он возвышения двух сильнейших в мире богатырей. Рустам — самый могучий витязь, а если спасет он своего сына, то возродится еще один непобедимый герой, и тогда закачается престол под царем Ковусом от великой той силы. Не дал Кай-Ковус целебного зелья Рустаму, не пожелал помочь его горю и неблагодарностью черной отплатил ему за добро его.

В безысходном горе, тяжелой тоске вернулся богатырь к умирающему сыну и увидел, как навеки сомкнулись ресницы Сухроба.

— Навсегда ушел от меня только что обретенный сын. Сынубийшей стал на старости лет прославленный в битвах Рустам. Не знал я, что так рано возмужает мой сын и двинет боевую рать на Иран! Как с врагом родной земли сражался я с ним и убил его, не ведая роковой тайны!

Так стонал несчастный отец, когда пришли на поляну ту войны и унесли тело Сухроба в военный стан. Там, соблюдая вековой обычай, сожгли шатер погибшего вождя, предали огню его седло и доспехи. После того Рустам вернулся в Забул со своей дружиной, чтобы с почестями предать сына земле.

В безмолвии ехала перед гробом дружина, порваны были барабаны, разбиты литавры, отрублены хвосты боевым скакунам. В тоске и печали встретили забульцы траурный поезд, пеплом посыпали головы и разрывали в клочья одежды. А когда готов был склеп, воздвигнутый из крепкого дерева, опустили в него гроб на золотых цепях.

Рождение Сивуша

Еще одна печальная повесть дошла до нас из глубины веков.

Рассказывают, что благородные витязи Тус и Гив охотились с соколами и псами в широкой степи Дагуй. Лежала та степь

на рубеже их страны, а за ней начиналась туранская земля. В чужой той стороне вдаль заметили витязи лесную чащу. В азарте охоты дерзнули они устремиться в тот лес, ожидая найти там в изобилии разную дичь. Но вместо тварей лесных увидели богатыри Ирана деву, скрывающуюся от них в густом кустарнике. Когда вышла она поневоле из укрытия своего и предстала перед изумленными взорами знатных охотников во всей своей красе, спросили те ее:

— Кто ты и что делаешь в этом диком лесу?

Рассказала им бедная девушка, что скрывается здесь от жестокого своего отца, который всегда грозитя зарезать ее кинжалом, когда возвращается с пира домой во хмелю. Между тем, не простого рода она, ибо грозный родитель ее — военачальник войска Афросияба, а род его восходит к самому Фаридуну.

— Отчего же ты босая, в разорванном платье и пешая бродишь по дикому лесу? — снова спросили красавицу иранские богатыри.

— Примчалась сюда я верхом на коне, — отвечала им дева. — Но конь мой споткнулся о камень, когда обессилел от долгого бега, и упал, сломав обе ноги. Потом, продираясь пешей сквозь густую чащу деревьев, порвала я дорогое платье свое и потеряла в лесу корону, украшенную драгоценными камнями. Страшно и жутко мне одной в темном лесу, оттого и лью я слезы и прячусь в ветвях, опасаясь злодеев и грабителей.

Очарованные чудесной красотой девушки, заспорили витязи Тус и Гив, кому из них владеть драгоценной добычей. Так сильно и страстно препирались они, не уступая друг другу, что, не помня себя от гнева, уже готовы были убить девушку, чтобы не досталась никому. Но тут вступился за нее один из воителей, молвив:

— Недостойно отважных витязей сразу хвататься за оружие из-за безвестной невольницы. Отвезем нашу пленницу царю Кай-Ковусу. Как порешит он, так и поступим с ней.

Отвезли ту девушку во дворец властелина Ирана, а он, как только увидел ее, вспылал к ней страстной любовью. Витязям же своим Тусу и Гиву он молвил:

— Чудесная серна попала в капкан ваш, но такая дичь достойна лишь царского дворца.

Повиновались богатыри Тус и Гив, ибо ничего другого не оставалось им.

И обратился к деве владыка:

— Тремя сокровищами владеешь ты, красавица: луноликим челом, мускусными кудрями и знатным происхождением. Не-

гоже бросать на ветер такое богатство, а потому посажу я тебя в золотой замок, и станешь ты главной среди красавиц моего гарема.

Прекрасноликий шах Ковус тоже завладел сердцем плененной девушки, и ответила она ему:

— Как только увидела я тебя, всемогущий царь, сразу предпочла всем увиденным мной доселе витязям. Отныне лишь ты один будешь владеть моим сердцем.

Туса и Гива наградили шахиншах дорогими дарами и быстрыми скакунами. А девушку велел он одеть в шелка и парчу, украсить жемчугом, алмазами и бирюзой. После того поселилась она в царских покоях и восседала на троне из слоновой кости.

Когда минуло девять месяцев с той поры, родился у юной царицы прелестный младенец с ликом райской пери и телом, подобным свежему плоду персика, а головку его покрывали завитки мускусных кудрей. Шах нарек сына Сиавушом.

Вскоре велел владыка призвать звездочетов, чтобы прочли они по движению небесных светил, какая судьба ожидает царевича. Открыло небо мудрецам свою тайну, и узнали они, что суждено сыну владыки много бед в жизни. Опечалились отец и мать Сиавуша, что так жестока судьба к любимому их сыну, но, уповая на милость создателя, окружили младенца заботой и любовью.

Прошли годы, и как-то прибыл во дворец Кай-Ковуса забульский богатырь, прославленный Рустам. Увидев пятилетнего царевича Сиавуша, распознал он в нем признаки будущего богатыря и стал просить царя, чтобы отдал он ему мальчика на воспитание.

— Здесь во дворце много слуг и служанок ходят за сыном владыки, но никто не научит его тому, что должен знать и уметь царевич. Только я один смогу сделать из него мудрого властелина и доблестного воина.

Задумался шах, а потом решил, что и впрямь не найти ему лучшего воспитателя для наследника царского трона. Согласился он на просьбу могучего Рустама и вручил ему своего сына.

Рустам отвез Сиавуша к себе в Забул, поместил в красивый дворец, подобающий шахскому сыну, и принялся рьяно за его воспитание. Учил он Сиавуша ловко сидеть в седле, лихо скакать без усталости целый день, охотиться на диких зверей, далеко забрасывать длинный аркан, натягивать лук и метко пускать стрелы в цель. А еще рассказывал юноше, как строят воители грозную боевую рать и ведут ее в сражение против вра-

гов, давал советы, как мудро править страной, насаждая добро и карая зло.

Не жалея сил, пестовал царевича славный Рустам, обучая всему, что знал и умел сам. И вот вырос и возмужал сын Кай-Ковуса, стал сильным и умным. Сочетал он в себе умело отвагу воина и учёность мудреца.

Всему Сиавуша Рустам обучил,
Немало на это затратил он сил.
И вырос таким молодой Сиавуш,
Что с ним ни один не сравнился бы муж.

Скоро, однако, затосковал юноша по матери, по отцу и стал просить Рустама, чтобы отвез он его домой:

— Пора возвратиться мне в родное гнездо, учитель, пусть обрадуется отец, увидев, каким воспитал меня прославленный Рустам.

Согласился на это богатырь, ибо подошло уже к концу обучение царевича. Собрались они в путешествие и вскоре двинулись в сторону столицы Ирана, сопровождаемые верной дружиной воинов.

Не описать радости царя и супруги его, когда увидели они вновь сына, с которым были долгие годы в разлуке. Ребенком уехал он из родного гнезда, а вернулся юношей, стройным, как тополь, и сильным, как лев. Обнял сына властелин Ирана, усадил рядом с собой на трон и расспросил о том, что видел он в Забуле, как жил во дворце прославленного Рустама.

Царь Кай-Ковус одарил сына богатой одеждой, драгоценными украшениями, а также военными доспехами, оружием и лихими скакунами. Заимел Сиавуш дворец и трон, державный перстень и печать. Лишь рано ему было носить на голове царский венец, ибо молод еще годами был царевич, семи лет доставало ему до возраста зрелого мужа. А до тех пор не уставал шах испытывать сына в военных упражнениях, в искусстве охоты на диких зверей, в обрядах богатырских пиров, в беседах мудрецов. Ни в одном из всех испытаний ни разу не был посрамлен Сиавуш, всегда выходил он из них достойным победителем, наполняя радостью и гордостью сердце царственного своего отца.

Так прошло семь лет. На восьмой год увенчана была голова Сиавуша царской короной, стан опоясан золотым поясом, а грудь украшена золотой цепью. Получил он от отца в управление горную страну Кухистан, что протянулась по правому берегу Джайхуна. Позже стали называть тот край Мавераннахром.

Вскоре познал Сиавуш, что есть на свете горе и печаль, а не только радость и торжество: лишился он милой сердцу матери своей. Так безмерно любил: он ее и чтит, что весь мир для него освещался этой любовью, а неожиданная смерть матери повергла молодого владыку в отчаяние. Разорвал он на себе одежды, голову посыпал черной землей, а стон его день и ночь поднимался к небесам. Исчезла улыбка с уст царевича, некогда счастливого и беспечного, потух огонь в глазах его, всегда сверкавших торжеством. Так месяц целый скорбел Сиавуш, стеноя, лишая себя пищи и сна. Тогда явились к нему знатные люди иранской земли — Тус, Гив и Гударз, был с ними и брат Сиавуша Фариборз. Нашли они слова утешения, открыв скорбящему царевичу извечную тайну мироздания:

— Всяк, кто является в этот мир, неизбежно уходит из него. Внемли совету умудренных жизнью и не плачь понапрасну, смени скорбь и печаль на радость жизни своей цветущей. Но долго еще не мог утешиться царевич Сиавуш.

Любовь Судабы

Когда время залечило рану Сиавуша, послала ему судьба другое испытание. Однажды увидела его царица Судаба и воспылала к прекрасному юноше страстной любовью. От пламени того таяла она как лед вблизи огня.

Истомленная любовным страданием, послала Судаба к Сиавушу слугу, чтобы передал он ему тайно и осторожно такие слова: «Никто не осудит тебя, царевич, если заглянешь ты в гарем своего отца».

В этих словах царевич почуял ловушку и ответил слуге, возмущаясь и гневаясь:

— Ступай и скажи царице, что нечего мне делать в скрытых завесой покоях повелителя.

Опечалил Судабу суровый ответ Сиавуша, но не оставила она своего намерения. Прележав без сна долгую ночь, наутро поспешила она в опочивальню царя и обратилась к нему с такою мольбой:

— Прекраснейший и могущественнейший из всех государей! Бог даровал тебе сына, изумляющего весь мир своей красотой. Не мудрено, что сестры его, прекрасные царевны, тоскуют по славному брату и сгорают желанием увидеть его, чтобы дарами и услужением доказать ему свою любовь. Вели Сиавушу, о владыка, навестить милых сестер и впредь дозволять свободно входить в женские покои, когда он пожелает.

Восхитили Ковуса речи Судабы, нашел он их мудрыми и справедливыми, таящими в себе материнскую нежность и доброту к сыну его. Призвал властелин к себе Сивуша и сказал ему:

— Великим счастьем наделил тебя создатель, вселяешь ты во все сердца любовь, лишь только являешь свой лик. Во внутренних моих покоях живут единокровные твои сестры и названная их мать Судаба; тянутся они к тебе всей душой и тоскуют, ибо лишь издали видят тебя. Ступай в женские покои, навести прекрасных сестер и добрую царицу, любящую тебя, как родная мать, дай насладиться им беседой с тобой.

Смутили Сивуша слова отца и вселили в сердце тревогу. Мелькнула мысль, что хочет царь испытать его и посредством жен и девиц узнать его помыслы. А еще прозорливым умом своим сумел Сивуш проникнуть в коварный замысел мачехи, понял, что может погубить его Судаба. Поэтому так ответил он повелителю:

— О властитель нашей державы! Подобен ты солнцу, оживляющему землю горячими лучами, повсюду славен ты мудростью и добротой. Ты доверил мне управлять целой страной, и я теперь в общении с учеными мужами познаю путь к разным наукам, обучаюсь ратному делу у бесстрашных воинов, учусь править страной и проводить пиры. А чему научусь я в женских покоях, какую пищу найду моему уму среди дев и жён? Но если есть на то твоя воля, повинуюсь я и сделаю так, как велишь ты мне.

На том расстался Сивуш с венценосным своим отцом, а наутро призвал шах Ковус старого и верного слугу, которому вверены были женские покои, и велел проводить туда царевича Сивуша.

Узнав эту новость, с радостью принялись готовиться к встрече дорогого и долгожданного гостя обитатели дворца царицы Судабы. Открыли они ларцы с изумрудами, жемчугами и рубинами, чтобы одарить ими царевича; расстелили золотую китайскую парчу у него на пути. И вот вступил Сивуш в блистательные чертоги, украшенные цветными яркими коврами и шелковыми занавесами, благоухающими амброй и мускусом. Нежно лились отовсюду звуки сладостной музыки, кружились в танце пленительные красавицы. На троне из чистого золота, украшенном бирюзой и рубинами, восседала прекрасная Судаба подобно счастливой звезде на небосклоне. Струились вдоль тела ее шелковые одежды, черная волна кудрей спускалась до пят, а голову венчала корона, сверкающая алмазами. По обе стороны трона царицы стояли склоненные луноликие

рабыни. Увидев царевича, сошла с трона Судаба, величаво и главно приблизилась к нему и обняла ласково. Смуглили Сиавуша горячие объятия и нежные поцелуи прекрасной царицы, ибо те материнскую любовь явила она ему. Охваченный тревогой, отошел он от трона царицы и поспешил к юным сестрам своим. С ними провел он время за приятной беседой, а затем, простившись, покинул женские покои. Вернулся он в царский дворец, где пировал до ночи среди благородных и храбрых мужей.

Ночью пожаловал царь Ковус в покои супруги и расспросил о том, что думает она о сыне его Сиавуше. В ответ услышал он такие слова:

— Прекрасен лик Сиавуша и строен стан, усладил он слух мой мудрыми речами. Достоин юноша венценосного своего отца, и нет равных ему на всей земле.

— Храни его бог от дурного глаза и от всякой беды,— молвил шах.— Стал он уже зрелым мужем, так не настало ли время подумать о достойной невесте?

— То время настало,— ответила Судаба.— И если позволит мне мой повелитель, найду я ему жену из благородной и знатной семьи. Ею может стать дочь царя Араша или царя Пашана. Любая из них будет Сиавушу достойной супругой и подарит сына подобно ему царственно красивого и отважного.

— Ты угадала мою мечту, Судаба, а потому вверяю тебе судьбу и счастье Сиавуша,— ответил ей царь.

Когда наступило утро другого дня, призвал шахиншах к себе Сиавуша и пожелал вести с ним беседу наедине, а потому удалил из чертога придворных.

— О сын мой любимый,— начал речь свою царь,— мечтаю я, пока жив, увидеть дорогого внука и молю бога, чтобы стал ты отцом и оставил после себя след в этом мире. Пусть явится на свет венценосец, дорогой и милый тебе, как дорог и мил мне ты. Поэтому я желаю, чтобы избрал ты себе супругу из высокого царского рода. Такую найдешь ты в скрытых покоях во дворцах Кай-Пашана и Кай-Араша, потомков славного Кай-Кубода.

— Тебе, властелину, я сын и верный слуга, покорен я твоей воле,— ответил Сиавуш.— Кого наречешь ты моей невестой, ту и возьму в супруги. Но лучше пусть не знает о том Судаба, ибо может она воспротивиться твоему замыслу и нанести вред решенному делу, пожелав сама рядить и судить мою судьбу.

Засмеялся беспечный царь над словами Сиавуша, не разглядел под соломой болотную трясику.

— Ты избереешь себе сам супругу, какая придется тебе по

сердцу, а Судабу опасаться напрасно. Как заботливая и любящая мать, печется она лишь о благе твоём.

Порадовался в душе Сиавуш, что благоволил к нему венценосный отец, но мысль о Судабе тяготила его. Томим он был подозрением, что недоброе замышляет царица: лишь от нее мог узнать Кай-Ковус о дочерях Пашана и Араша из рода царя Хамаварана.

Сменился еще один день, а наутро Судаба воссела на свой золотой трон в венце, украшенном изумрудами. Явились в ее покой красавицы-царевны, подобные райским гуриям, и засиял женский чертог, как эдем¹. Приказала царица Судаба служителю гарема Хирбаду:

— Ступай во дворец Сиавуша и скажи, что хочет видеть его супруга венценосного его отца.

Без промедления дошел тот приказ до ушей Сиавуша, но царевич не спешил посетить женские покои, селясь найти подходящий предлог, чтобы отклонить приглашение. Но что придумать ему, не прослав лжецом? Ничего не пришло ему в голову, и поневоле отправился он к Судабе.

Еще ласковее, чем прежде, встретила Сиавуша царица, сразу сошла с престола, поклонилась низко, а потом взяла за руки и усадила рядом с собой. Одна за другой проходили перед троном ее царевны из рода правителя Хамаварана, и Судаба вопрошала Сиавуша:

— Взгляни на эти бутоны Тираза, прелестные и стыдливые, и скажи, которая из них пленяет тебя стройностью стана и сиянием лица?

Царевич молчал, бросая на дев робкие мимолетные взгляды, а те не отводили глаз от него, очарованные красотой юноши. Но вот покинули чертог невесты, отосланные царицей, и Судаба обратилась к Сиавушу:

— Найдется ли такая дева, которая не лишится чувств, сраженная твоей красотой? И этим периликим царевнам ты тоже внушил пламенную любовь. Скажи мне, которую из них назвал бы ты своей невестой!

Опустил голову Сиавуш и ничего не ответил царице, а про себя подумал: «Лучше умереть в одиночестве, чем взять жену из враждебного стана».

Знал Сиавуш о том, как дочь хамаваранского царя Судаба стала супругой иранского владыки Кай-Ковуса, о злом умысле ее отца, пытавшегося погубить Ковуса и иранских богатырей. Потому не ждал Сиавуш добра от Судабы. Молчанием ответил он на вопрос царицы, а она, сбросив покров стыда, молвила:

¹ Эдем — райский сад.

— Как бледнеет и меркнет луна, когда восходит сияющее солнце, так и я затмеваю красотой луноликих красавиц, которых видел ты перед моим тронem. Не устоять тебе против моих чар, а потому поклянись мне в любви и верности. Уже состарились годы царя Ковуса, и скоро покинет он этот мир. Ты же останешься со мной на иранском престоле, будешь лелеять меня и хранить от бед. Не таясь, открыла я тебе тайну своего сердца, призналась, что давно пылаю к тебе любовью. Не упорствуй, отбрось сомненья, и я буду твоей.

И шею царевича крепко обвив,
Целует его, о чести забыв.
Но стыд Сиавушу ланиты обжег,
Из глаз заструился горячий поток.

В мыслях послал Сиавуш свою мольбу всевышнему: «О бже, сохрани меня от козней злого Ахримана, не допусти, чтобы предал я вероломно отца своего». Но, страшась гнева царицы и коварства ее, так отвечал ей царевич:

— Безмерно прекрасна ты, Судаба, и никто не сравнится с тобой в этом мире. Такой красотой достоин владеть один лишь царь Кай-Ковус. Мне же будь доброй матерью и, испросив совета у него, избери невесту.

Сказав эти слова, поднялся с места Сиавуш и покинул дворец царицы.

Когда ночью Ковус снова явился в покои супруги своей, Судаба так рассказала ему о встрече с сыном его:

— Много красавиц прошло перед взором царевича, но всем предпочел он юную дочь мою.

Радостный и довольный царь открыл свои сокровищницы и велел Судабе взять золота, драгоценных камней, роскошные одежды и пояса и приготовить дары жениху. А после свадьбы Ковус обещал пожаловать сыну столько же даров еще двести раз.

Взирала на богатые дары Судаба и не видела их, ибо о другом были мысли ее. «Лучше лишиться мне жизни, немилой без Сиавуша, чем смириться с такой утратой»,— думала она. Решила царица прибегнуть к любому средству, открытому или тайному, но подчинить своей власти желанного юношу, если не добром, так хитростью и обманом.

В третий раз зовет к себе Сиавуша царица. Сообщает она ему о том, что несметные богатства жалует шах дорогому сыну, избравшему невесту. Пусть готовит он двести слонов, чтобы вывезти те дары из отцовского дома.

— Скоро получишь ты от меня обещанную невесту, Сиавуш.

Но прежде взгляни на мою красоту. Отыщется ли у тебя предлог, чтобы отвергнуть страстную любовь мою?

Тебя увидала и гибну с тех пор,
И стражду, и жажду, и сердце — костер.
Твой лик меня в муку такую поверг,
Что день пред моими очами померк.
Семь лет от любви изнывая, томясь,
Кровавые слезы точку я из глаз
Ты радостью тайной мне жизнь озари,
Ты заново молодость мне подари!

Смутили Сиавуша речи царицы, румянец стыда разлился по его лицу и молвил он грозно:

— Могу ли я обмануть отца, забыв свою честь и веру нашу? Никогда страсть не затмит мой разум. А тебе, возлюбленной супруге владыки, пристало ли осквернять грехом чистую душу?

Уже вознамерился Сиавуш покинуть покои царицы, но Судаба остановила его разгневанной речью:

— Забыв женский стыд, доверила я тебе тайну сердца, страдающего от страстной любви, а ты, увидев в том грех, недостойный царицы, желаешь оставить меня.

Промолвив это, Судаба разорвала свои одежды, расцарапала ногтями лицо и огласила дворец громким криком. На шум, в смятении и страхе, сбежались все обитатели женских покоев. Во дворце воцарился переполох, и казалось, наступил конец света.

Весть о невиданном доселе происшествии быстро достигла ушей Кай-Ковуса, и он поспешил во дворец Судабы. Ее нашел он в разорванном платье, с лицом, залитым кровью, испускающей громкие и безутешные рыдания. Завидя в покоях своих царя, бросилась навстречу ему царица:

— Твой сын Сиавуш разорвал одежды на мне, воспылав огнем преступной страсти. Принуждал он меня, утратив совесть и честь, внять безумным его желаниям.

Такой сильный гнев охватил Кай-Ковуса, что намерен он был немедля казнить преступного сына. Устрашился царь неслыханного позора и не смог в затмении разума распознать коварство супруги.

Лишь когда остыл немного его гнев, приступил оскорбленный владыка к допросу жены и сына, чтобы спокойно и разумно прояснить для себя истину. В глубине души винил шах

себя за то, что сам указал Сиавушу путь в женские покои, хоть и противился тому юноша. И стал вопрошать царь Сиавуша, выпытывая всю правду, которую не должен таить он от владыки. Сиавуш, с лицом, пылающим от стыда, поведал отцу обо всем происшедшем здесь по порядку: какие речи вела царица, залучив его в свой дворец, как отвечал он ей, блюдя честь царя. Опасаясь, что правда станет явной супругу, прервала Судаба повесть царевича и вскричала громче, чем прежде:

— Он лжет! Попав в твой гарем, властелин, лишь меня одну пожелал он, хоть и сулила я отдать ему юную мою дочь и все богатства свои. Но отверг те сокровища низкий душой Сиавуш и силой пытался принудить меня к измене царю. А когда я не покорилась ему, разорвал он на мне одежды, вырвал волосы и расцарапал лицо. Объял меня страх еще и потому, благородный царь, что боялась потерять драгоценного младенца, что ношу в себе.

Не открывалась царю Кай-Ковусу истина от расспросов жены и сына, лишь в еще большее сомнение повергли они его. Ни в речах царицы, ни в словах Сиавуша не нашел он правды. Кто же грешен из них двоих и кого должен он подвергнуть жестокой каре? Так думал шах, а потом решил: «Нельзя спешить в таком тонком деле, чтобы не натворить в горячности беды». Но вдруг достиг Кай-Ковуса аромат амбры и мускуса, исходивший от Судабы. Приблизился к сыну он, однако, ни от волос его, ни от одежды не доносился подобный запах. Ясно стало царю, что Сиавуш не прикасался к царице, умашенной благовониями, и разгневался он на лживую супругу. В порыве ярости готов был шах разрубить её на куски, хоть и убивала сердце его жестокая эта мысль: не мог забыть Кай-Ковус о том времени, когда томился он пленником в темнице хамаваранского царя, лишь одна Судаба день и ночь утешала несчастного узника, разделяла его боль и позор. И в сердце его еще не утихло пламя любви к прекрасной царице, и готово было оно к тому, чтобы смягчиться и простить ей ее вину. А как не растаять от жалости к неведомому еще младенцу, которого носит царица под сердцем? Но одно несомненно: грешна Судаба, а чистый душой Сиавуш ни в чем не повинен. Истина эта стала теперь ясной, как светлый день, и сказал тогда просветленный владыка сыну:

— Пусть не печалит тебя случившееся, Сиавуш, забудь обо всем и впредь сокрой от других, ибо негоже, чтобы порочила нас злая молва.

Козни Судабы

Поняла Судаба, что не удалось ей обмануть царя Кай-Ковуса и оказалась она побежденной в этой битве. Но не желала царица признать свое поражение и вновь принялась плести козни и сеять семена зла.

Была в покоях Судабы прислужница одна, черная и безобразная, да хитрая и ловкая, искусная в колдовстве. Носила она плод в своей утробе, и тяжела была ей эта ноша, причинявшая страдание и боль. Служанку эту и призвала в сообщницы себе царица, а та поклялась навечно сохранить тайну госпожи своей. Приступая к недоброму делу, сначала Судаба велела чернавке выпить такое снадобье, чтобы до срока выкинуть плод. Так облегчит она свои страдания, а госпожу спасёт от гнева царя. С помощью убитого чужого младенца задумала жестокая Судаба развести свою беду, в которую попала она волей судьбы, и ложью такой вернуть утраченную веру и любовь владыки Ирана. Надеялась она убедить Кай-Ковуса, что это было ее дитя, погубленное низостью Сивуша.

Раба царицы, послушная ее воле, все исполнила так, как велела ей госпожа. Выпила она злое зелье и вскоре исторгла бездыханных двух близнецов. Мертвых младенцев положили в золотую лохань, а недостойную роженицу спрятали от чужих глаз. Хитрая же царица упала на свое ложе и огласила дворец громкими рыданиями. Сбежались обитатели женской половины дворца к ложу Судабы, увидели мёртвых детей в золотой лохани и подняли страшный крик. Криками и стенаниями разбудили они властелина Ирана, и спросил он о причине такого шума. Когда поведали ему слуги о случившемся, опечаленный и удрученный явился он во дворец царицы. Увидел он Судабу в слезах на окровавленном ложе, а рядом в золотой посуде лежали мертворожденные младенцы.

Рыдая, молвила Судаба:

— Взгляни на это, и как солнце ясной станет тебе истина, властелин мира. Не поверил ты словам моим о злодеянии Сивуша, обманут был его лживыми речами. Теперь ты видишь, что это он убил детей твоих, когда набросился на меня в испуге.

Ушел из опочивальни супруги царь Кай-Ковус, терзаемый страшными сомнениями. Однако, как прежде, не было в душе его веры к Судабе. Только одно заботило, как узнать правду об этих младенцах. Скоро понял владыка, что лишь звездочёты — прорицатели судеб—смогут раскрыть ее по движению небесных светил.

Со всей страны во дворец созвали мудрых гадальщиков. Царь указал им на мертвых детей в золотой лохани и повелел по таблицам звездного неба прочесть неизвестную тайну их происхождения. Мудрецы трудились неделю, пока наконец завершили дело. Вот каков был ответ их:

« Коль чаша отравы полна,
Напрасно ты стал бы искать в ней вина.
Гадали мы чьим-то младенцам чужим —
Не ты с царицей родители им
О тех, что владыка держав породил,
Нетрудно прочесть предсказанье светил.
Но этих не видно ни здесь, на земле,
Ни в небе — их след исчезает во мгле».

Смогли разгадать, однако, звездочеты, что мать тех несчастных младенцев безобразная злая колдунья. Признаки той служанки царицы стали известны гадальщикам, и по ним отыскали злосчастную женщину, что скрывалась во дворце своей госпожи, и вытащили на свет.

Сначала ласково расспросил ее царь, обещая прощение и награду, если расскажет она правду всю без утайки. Но служанка хранила верность царице и не призналась ни в чем. Тогда приказал Кай-Ковус слугам своим вырвать правду любимыми средствами. Но и под пыткой молчала женщина, лишь повторяя: «Не ведаю я ни о чем и ни в чем не виновна я».

Тогда шахиншах призвал к себе Судабу, а потом велел звездочетам при ней повторить то, что открыли они царю: младенцев тех носила в себе не царица, а другая женщина.

Не смутили изворотливую Судабу речи гадальщиков, и немедля нашелся ответ царю:

— Из страха перед Сиавушем скрыли они от тебя правду, благородный шах, ибо повязал он им языки своим грозным запретом. Если не в силах была сама царица сладить с таким молодцом, у которого под началом сто тысяч отборных воинов, то что же спрашивать с беззащитных тех мудрецов? Ведь, послушавшись повелителя, лишились бы они своих жизней. Вижу, хочешь ты моей погибели, царь Кай-Ковус, и не горюешь даже о собственных детях. Коль не накажешь ты нынче зло, в мире другом настигнет тебя праведный суд.

Так прекрасна была в своем искусном гневе коварная Судаба и таким нескончаемым был поток проливаемых ею слез, что дрогнуло сердце Кай-Ковуса от жалости, и зарыдал он вместе с супругой над мертвыми младенцами.

А когда Судаба оставила царя одного, погрузился он снова

в тяжёлые думы, и жестокие сомнения опять раздирали сердце его. Теперь не верил он твердо, как прежде, что правду сказали ему звездочеты, и порешил идти до конца в поисках скрытой от него истины.

На этот раз царь призвал во дворец всех мудрых мобедов страны, чтобы дали они властелину справедливый совет. Рассказал он им все, что случилось здесь, по порядку, и они, поразмыслив, так ответили:

— Коль жена и сын внушают тебе, государь, сомнения, и разрывается от этого горя твоя душа, есть одно только средство обнаружить правду: либо царицу Судабу, либо царевича Сиавуша должен ты подвергнуть испытанию очищающим огнем. Еще в древности говорили умные люди: чтобы истина вышла на свет, нужно камнем ударить о ковш. Знай, шахиншах, не сгорит в огне костра невиновный. Так развеется твои сомнения и успокоится сердце.

Снова призвал к себе жену и сына царь Кай-Ковус и объявил им волю свою:

— Неведомо мне, кто виновен из вас двоих, а посему пусть рассудит обоих огонь и дарует душе моей покой.

Вспыхнула гневом и страхом хитрая Судаба и поспешила сказать:

— Не осквернила я уст моих ложью, владыка мира, и подтвержденье тому — два мертвых младенца в лохани, которых видел ты своими глазами. Так не довольно ли мне и тех мучений, что я испытала? Виновник — Сиавуш, его и пошли в огонь.

Бросил взгляд на сына Кай-Ковус, вопрошая, что скажет на это он. Сиавуш промолвил:

— Чтобы избавиться от позора, готов я испытать мучения ада. Вели, государь, пройти мне сквозь огненную гору, ибо легче мгновенно сгореть в огне, чем вечно гореть от стыда.

В таком смятении была душа шаха Ковуса, будто его самого ожидало пламя костра. А сердце разрывалось на две части, скорбя за сына и сомневаясь в верности супруги. Огонь решит, кто будет покрыт позором: родной сын или любимая супруга. Тревожны были думы царя:

«Жена — мое сердце, а кровь моя — сын,
Добра не сулит мне исход ни один
И все же готов я прибегнуть к огню,
Сомненья сей страшной ценой отгону
Вождь, мудрости полный, говаривал встарь:
«В груди подозренье носящий — не царь »

Прохождение Сиавуша через огонь

Приказал царь Кай-Ковус отовсюду свезти дрова на широкую равнину за городом. Сто караванов верблюдов привезли сухие толстые сучья, из них сложили две высокие горы, видные за два фарсанга от той равнины. Между дровяными теми горами оставили узкий проход, по которому мог проскочить только один всадник. Все жители иранской земли собрались на невиданное то зрелище. Громадные горы дров облили нефтью, потом двести слуг подожгли их со всех сторон горящими факелами. Сначала густым черным дымом заволокло небо, а после поднялись высь огромные языки пламени.

В белоснежных одеждах и золотом шлеме прискакал Сиавуш на вороном коне. Был он весел, бодр и смеялся радостно, ибо настал долгожданный миг избавления его от низких и несправедливых подозрений. А владыка Ковус от стыда и преждевременного раскаяния не мог поднять голову от земли, и слёзы застилали ему глаза. Плакали все простые люди и знатные воины, видя, как прекрасен и молод витязь, обреченный на смерть в огненном смерче.

Судаба издала смотрела на пламя костров, стоя на крыше дворца. Царицей владела лишь жажда мести, и она накликивала на юношу гибель в бушующем пламени, молила бога, чтобы жаркий огонь превратил Сиавуша в пепел.

— Не печалься, отец, не сгорю я в огне, потому как не грешен,— воскликнул царевич и погнал вороного коня своего в пучину огня. Сразу же скрылся он от людских глаз, как бы укравшись от них за красной стеной.

С огромным волнением и трепетом ждали все, чем окончится то жестокое испытание, и в душе осуждали царя. Но вот к всеобщей радости появился из пламени юный царевич целым и невредимым. Как цветок сняло его лицо, разогретое жаром огня, и смеялись уста.

Веселья огонь в каждом взоре сверкнул,
В столице, в степи — ликования гул
Равнина дирхемами устлана сплошь,
И топотом конским повергнута в дрожь.
Ликуют и празднуют все, как один,
Пируют и знатные и простолудин
Благое известье друг другу несут:
Свершился создателя праведный суд!

Лишь одна Судаба в ярости рвала себе волосы и царапала лицо, и страх закрадывался ей в сердце.

Подъехал Сивуш к царю такой же чистый, как белоснежное одеяние его, и, как прежде, прекрасный. Брызнули слезы радости из глаз Кай-Ковуса, крепко обнял он сына и просил у него прощения за то, что дал поселиться подозрению в своем сердце.

А к супруге своей Судабе воспылал шахиншах гневом. Бледная и дрожащая явилась царица по его повелению и предстала перед грозным владыкой.

— О женщина с низкой душой, много зла совершила ты, изранив мне сердце и подлым коварством ввергнув в огонь невинного сына! — возвысил голос повелитель. — Не будет тебе прощенья, сколько бы ты ни молила о нем, ибо преступленья твоё заслуживает казни.

Зарыдала царица и упала на землю у ног Кай-Ковуса.

— О властелин мой, ты волен убить меня, и не смею просить я тебя о милосердии. Об одном лишь молю, чтобы изгнал ты ненависть из своего сердца. Не виновна я пред тобой, и коль не сгорел в огне Сивуш, знать хранят его колдовские чары.

— Нет хитрости твоей границ, плутовка! — вскричал Ковус. — Но впредь не смогут обмануть меня твои уловки. Эй, знатные мужи Ирана, скажите, какого наказания заслуживают у нас неверные жены?

— Смерти! — отвечали благородные.

— Повесить! — приказал царь палачу.

Стенания и плач огласили гарем, и ощутил царь Кай-Ковус, как сдавила ему грудь боль страдания. А царевич Сивуш подумал: «Если сейчас казнят царицу властелин Ирана, во гневе не ведая, что творит, то после, когда остынет гнев его, раскается он в содеянном и затоскует по возлюбленной супруге. Во мне увидит тогда он виновного в её смерти». И так обратился Сивуш к царственному отцу:

— Прости царицу, отец, и помилуй. Твои наставленья пойдут ей впрок, и впредь станет другой супруга твоя.

Обрадовали Кай-Ковуса слова Сивуша. В них узрел он хороший повод простить Судабу, не утратив в глазах подданных грозного своего величия. Притворился царь, что уступил он заступничеству сына, и помиловал грешную супругу.

Прошло время, и любовь властелина Ирана к Судабе разгорелась с новой силой, ни дня не мог он прожить без нее. А коварная царица, сумев пробудить страсть царя, принялась вновь плести сети вражды его к сыну. Стала нашептывать Судаба супругу, что не без причины просил Сивуш отца поми-

ловать ее. А причина та объясняется просто: не оставил царевич надежды добиться любви Судабы.

И опять стал Кай-Ковус терзаться мучительным подозрением.

Набег Афросияба и военный поход Сиавуша

В это время как раз дошла до Кай-Ковуса весть о том, что идет Афросияб на Иран войной. Снова нарушил туранский властитель договор о мире и движется к иранским границам со стотысячным войском. Сильно взволновало царя Ковуса это известие. Стал он думать, какой богатырь мог бы возглавить его войско, чтобы одолеть могучего Афросияба и преградить путь дерзким завоевателям.

В те полные тревоги дни пришел к царю Сиавуш и сказал, что хочет он взять на себя исполнение благородного дела — повести дружину Ирана против туранского царя. Козни царицы и подозренье отца тяжким грузом давили сердце юноши, не знал он, куда бежать ему от такой напасти. И вот явился ему благодатный случай найти избавленье от тягостных путей: отправится он в военный поход против злого врага, совершит славное деяние на благо страны своей.

Пришел Сиавуш и сказал: «По плечу,
О царь многооблестный, мне силачу
Сломить Афросияба В кровавых боях
Я головы вражьи повергну во прах!»

Знал Кай-Ковус, что смел и отважен его сын, но молод он и не достает ему опыта. Как поставить его предводителем грозного войска, если не был он еще в схватках на ратных полях? И, лишь вняв неустанным мольбам сына, дал Кай-Ковус на то свое позволение. Призвал он также из Забула прославленного Рустама и велел ему охранять и защищать в боях своего питомца.

Построена несметная рать у дворца Кай-Ковуса под гром литавр и кимвалов. Впереди ее — молодой царевич на вороном коне, рядом с ним советник его и учитель — могучий Рустам. Прослышав о грозящей стране опасности, прибыли на подмогу знатные богатыри Парса, Забулистана, Белуджа и Гиляна. Все они были отважные и искусные воины, не раз ходившие в военные походы. Теперь насчитывалось в иранском войске двенадцать тысяч всадников и столько же пеших воинов.

Шах Ковус проводил свою рать до границ страны. Прошел

день в том походе, и вот настал трудный миг расставанья. Спешились и обняли друг друга на прощанье отец и сын, слезы полились из их глаз. Сжимало сердца их предчувствие, что они расстанутся навек и в последний раз обнимают друг друга.

Через просторы Герата и Навруда подошло иранское войско к Балху. С вражеской стороны к городу подвели войска Гарсиваз, брат Афросияба, и богатырь Барман.

Там, у ворот Балха и сошлись в бою враждующие рати. Два дня сражались бойцы, и на исходе третьего дня Сиавуш занял Балх, а Гарсиваз и Барман с остатками разбитого войска бежали обратно за реку Джайхун. Окрылённый победой, отправил Сиавуш царю Ковусу послание: «Под царской твоей сенью и счастливой моей звездой победоносно овладел я городом Балх. Гарсиваз и Барман быстрее пущенных из лука стрел бежали в Термез. Всё ещё в Согде пребывает Афросияб. Если будет на то царское твоё повеление, войско наше перейдёт Джайхун и продолжит войну».

Возликовал Кай-Ковус, когда дошло до него послание Сиавуша. Однако идти через Джайхун в Согд, где засел царь Афросияб, посчитал шах неразумным и написал Сиавушу: «Развеятся стройные ряды твоей рати, если станешь преследовать убегающего врага. Одержав славную победу, не ищи другой битвы, оставаясь на том же месте. Пусть Афросияб сам придет в Балх свое войско, если желает с тобой сразиться. А когда решится он перейти Джайхун, ты потопишь в крови его рать».

Ярый гнев охватил Афросияба, когда узнал он о разгроме туранцев у ворот Балха. Эту печальную весть принес ему бежавший Гарсиваз. Словно копьём пронзил его гневным взглядом властелин Турана, осыпал громкой бранью и прогнал прочь со своих глаз.

Забылся Афросияб беспокойным сном в своих покоях, но среди ночи громкий крик вырвался из его груди, и проснулся он, дрожа как в лихорадке. Сбежавшиеся на крик слуги нашли властелина на земле, куда сполз он с ложа сна, извиваясь и корчась. «Тяжелый недуг свалил царя»,— донесли весть Гарсивазу. Явился он в покои брата и стал вопрошать в тревоге, отчего занемог царь так внезапно.

Когда вернулись к Афросиябу силы, поднялся он с ложа сна и воссел на трон. Лишь тогда приступил он к рассказу:

— Привиделся мне страшный сон. Кишела змеями огромная пустыня, а в небе тучи коршунов затмили солнце. Сидел я в царском своем шатре в пустыне той, а над шатром нависли мрачные и голые утесы из твёрдого гранита. Внезапно силь-

ный ураган сорвал мой державный стяг над шатром, и хлынул неведомо откуда стремительный поток, но не воды, а крови. Шатёр мой смыло тем кровавым потоком и понесло к другому краю пустыни; оттуда навстречу мне несутся в доспехах черных всадники, а на концах их пик насажены отрубленные головы туранцев. Ко мне бросаются те черные воители и повергают меня на землю, а затем вяжут руки мне и ноги. Так, в путях поволокли они меня к высокому престолу, что возвышался до небес, и бросили к ногам царя Ковуса, сидевшего на нем. Вдруг вижу — рядом с ним дитя с сияющим, как солнце, лицом. И вот ребенок тот бросается ко мне и в грудь мою вонзает острый кинжал. От нестерпимой боли, пронзившей сердце мне, я закричал и пробудился, дрожа от ужаса и страха.

Поднялся Гарсиваз и молвил так:

— Сдаётся мне, что сон твой — доброе предзнаменование. Сулит он счастье нашему царю и злую долю недругам его. Однако все же призови мобедов и звездочетов, пусть разгадают они сокрытое во мгле.

Пришли мобеда и звездочеты. Царь грозно повелел им хранить молчание о том, что станет им известно сейчас, иначе с плеч полетят их головы. Затем поведал он, что виделось ему во сне тревожно. Взял слово старший из мобедов:

— Осмелюсь дать правдивое истолкованье сна владыки лишь тогда, когда он даст нам священный обет не покарать мобедов в гневе.

Афросияб поклялся, и седой мобед повел такую речь:

— Стал нам известен скрытый смысл твоего сна. Много несчастий и бед Турану принесет война с Ираном, в крови будет потоплена твоя страна, ибо нет достойного соперника могучему иранскому царевичу. А коль погибнуть доведётся Сиавушу от твоей руки, месть иранцев за смерть его будет страшна. Огню и мечу предадут они Туран, и не скроешься ты нигде от недругов, даже если обернешься птицей, летающей над землей.

Выслушал то страшное предсказание Афросияб и погрузился в печальные думы. Прошел день, и созвал он на совет знатных туранских военачальников. Перед ними держал властелин такую речь:

— Провел я жизнь в сражениях и битвах, и не было у меня другой судьбы. Сколько сгубил я благородных и отважных мужей, сколько цветущих стран и городов превратил в кладбища и пустыни. Когда воинственен, жесток и несправедлив владыка, то одно только горе несёт он миру. И вот мрак окутывает землю, степные серны родят до срока мертвых детенышей, а соколы выводят слепых птенцов. Высыхает животвор-

ное молоко в сосках всех тварей божьих и уходит в землю вода источников. Торжествует над правдой кривда, и народ страдает от притеснений. Пресытился я войной и кровопролитием, впредь желаю идти дорогой созидания, творя лишь справедливые и добрые деяния. Пусть сойдут на мир радость и покой взамен страданиям и обидам. Чего ещё искать мне, властелину огромной страны, которому несут ежегодную дань другие цари? Не нужна мне больше война! Хочу услышать от вас, что не станете противиться моему решению, тогда пошлю я царевичу Сиавушу дары и просьбу о мире, чтобы впредь быть нам с ним не соперниками, а друзьями.

Громкие возгласы одобрения были ответом Афросиябу. В тот же час повелел он брату своему Гарсивазу ехать в ставку Сиавуша посланцем мира и отвезти ему богатые дары: сто верблюдов, груженных драгоценным грузом, сто быстроходных арабских скакунов, двести рабов и невольниц.

И вот богатый караван, ведомый Гарсивазом, двинулся к Джайхуну, а прибыв туда, переправился на челнах через реку и достиг города Балх. Дошла до Сиавуша весть о прибытии посла Афросияба. Решил принять его царевич во дворце своем. Как только посланцы появились, поднялся Сиавуш с трона, проявив учтивость. Смутился Гарсиваз отважный таким приемом, пал ниц и поцеловал землю перед троном молодого полководца. Поднял Сиавуш знатного посла с земли, усадил рядом с собой на трон, оказав почет, и расспросил о брате его Афросиябе. Гарсиваз вознес хвалу Сиавушу и призвал на него благословение бога. В то же самое время в Балх вошел караван с ценным грузом и потянулся к воротам дворца.

До двери дворца от ворот городских —
Рабов вереницы, коней дорогих
Динары, престолы, венцы без числа
Их мысль бы измерить и счесть не смогла.

Повел речи о мире Гарсиваз, и Сиавуш слушал его благосклонно, ибо по душе ему были слова посла Афросияба. А когда кончил посол говорить, ответил ему могучий Рустам:

— Усладили наш слух приятные речи твои, в них открылось нам, что просит мира Афросияб. Стремимся к миру и мы, и деяние это благое совершим на рассвете завтра, созвав на совет знатных своих мужей. А нынешний день, по обычаю предков, проведем в веселье за пиром.

Поздней ночью Гарсиваз удалился в отведенный знатному гостю дворец, полный слуг и украшенный золотой парчой. А Сиавуш и Рустам, уединившись в тиши, стали советоваться и

гадать, что сулит им послание Афросияба. Отчего так поспешно снарядил к Сиавушу посла туранский владыка? Не скрыто ли здесь от них коварство? Прежде всего нужно разослать во все стороны дозор. Так думал испытанный в битвах с туранцами славный Рустам. А молодой царевич сказал:

— Странно мне, что ищет мира воинственный Афросияб. Не подмешан ли яд в сахар его послания? Прислал он богатые дары в знак благости намерений своих, желая усыпить в нас неверие и подозрение. Мы же подвергнем его испытанию. Пусть он пришлёт к нам сто знатных туранцев, чтобы были среди них витязи из царского его рода. Ты знаешь их всех, могучий Рустам, а потому сам назови Афросиябу их имена. Станут они заложниками, прежде чем мы заключим договор с коварным царем Турана. Негоже, чтобы застал нас врасплох грохот боевого барабана, который быть может спрятан от нас за ярким ковром. Как только исполнено будет это наше условие, известим мы шаха Ковуса о том, что кончена война, и мир воцарился между Ираном и Тураном.

Одобрил Рустам всё, что замыслил царевич, подивившись прозорливости своего питомца. Гонец Гарсиваза отправился в обратный путь, увозя с собой ответное послание Сиавуша Афросиябу, и были в нём такие слова: «Если ушла из сердца твоего вражда, и нет в помыслах твоих жажды мести, если истинно стремление твоё к миру, тогда пришли в Иран сто своих родичей и приближенных, имена которых называет доблестный Рустам. А затем в знак примирения уведи своих воинов из всех иранских городов, которые захватил ты прежде, и никогда больше не нападай на них. Коль правыми найдёшь ты эти условия и примешь их, тогда отправлю я послание Кай-Ковусу и испрошу согласие его на заключение с тобой мира».

Удивился Афросияб сказанному в послании Сиавуша, и охватили его удручающие сомнения: «Можно ли отдать в заложники самых храбрых и родовитых витязей Турана, когда в любой миг готов рухнуть непрочный мир? Они погибнут в неволе, а я не устою в борьбе с Ираном, лишенный их помощи! А если я откажусь послать в залог Сиавушу своих родичей, прослышу лжецом, и тогда никто не поверит, что честно стремлюсь я к миру. Нет средства иного достичь моей цели, как только исполнить то, что требует от меня Сиавуш».

По приказу Афросияба покорно отправился в путь сто названных Рустамом заложников. И тут же покинули туранские дружины города Ирана, захваченные ими прежде. Все исполнил Афросияб, что потребовал Сиавуш, не изыскивая уловок и хитростей.

Радость охватила Рустама при этом известии, поверил он в то, что наступил долгожданный мир и покой. Счастлив был и удачливый посол Афросияба Гарсиваз, когда отправился назад с богатыми дарами. А Сиавушу предстояло послать весть шаху Кай-Ковусу и просить высочайшего его позволения заключить мир с владыкой Турана. Вот что писал он в своем послании венченосному отцу: «Устрашился Афросияб моей победы, пёнял, что покинуло его счастье. Стал искать он со мной примирения и прислал ко мне гонцом брата своего Гарсиваза с богатыми дарами. В послании клялся отныне никогда больше не ступать врагом на иранскую землю. Тебя, царь Кай-Ковус, признаёт он могущественным властелином, а себя считает твоим вассалом. Прислал он в залог своей клятвы сто знатных людей Турана, исполнив мое условие, и отдал назад города наши, вероломно захваченные им прежде».

Ведал Сиавуш о том, как своенравен и вспыльчив властелин Ирана. Лишь красноречивый и умный посол сможет достичь желаемой цели, найдя убедительные слова. Кто же дерзнет поехать к грозному царю с посланием Сиавуша? Так вопрошал он славного своего наставника.

Могучий — в ответ «Где такого найти?
Кто шаху дерзнет эту весть отвезти?

.

Не лучше ли к шаху отправиться мне,
Открыть ему истину наедине?
Коль будет веленье тобою дано —
Помчусь я, в том вижу лишь благо одно».

Пришлась по сердцу Сиавуша речь Рустама, и могучий витязь немедленно отправился к владыке Ирана со своей дружиной, осенённый блистающим знаменем.

Радостью осветилось лицо Кай-Ковуса, когда увидел он прославленного богатыря. Сошел властелин с трона и заключил его в свои объятия. А потом усадил рядом с собой и расспросил о любимом сыне, о войске, о войне. Рустам вручил царю послание Сиавуша, и Кай-Ковус, прочитав его, потемнел лицом: ненавистна и противна была ему даже мысль о мире со злым Афросиябом. Сурова и грозна была речь шахиншаха:

— Сын мой еще так молод, не изведал он в полной мере сладостного чувства победы и горечи поражений. Ему прощаю я его малодушие. Но ты, Рустам, закаленный в жестоких битвах, умеющий распознать, где добро, а где умысел злой, не-

ужто забыл, каким являл себя прежде Афросияб? Из-за него лишились мы покоя и сна, он принёс нам неисчислимые беды! Зачем не повёл я сам свою рать на эту войну? Вы же прельстились на дары его, на те богатства, что силой он отобрал у Ирана. Что с того, что прислал он с готовностью в залог своих родичей? Отныне он никогда не вспомнит больше про них, ибо они для него не дороже воды в канаве. Вижу, не разум руководил тобой и Сиавушем в том деле. Нет, не откажусь я от этой войны с давним моим врагом. К Сиавушу пошлю я теперь не тебя, Рустам, а того, кто больше тебя умудрен жизнью, чтобы вручил он ему мое повеленье — не прикасаться к проклятым дарам туранца, сжечь их в огне. А тех сто заложников знатных пусть пришлёт он ко мне, не снимая цепей с них. Преданы будут они справедливой казни. Тебе же велю я тотчас двинуть новое войско на землю Турана; пусть налетят твои воины на врагов, как волки на стадо овец, и разорят, и поруют всё и сожгут. Тогда поневоле Афросияб забудет о мире и вспомнит, где лежит его меч.

Больше отозвались в сердце исполина Рустама неразумные речи царя Кай-Ковуса, и дерзнул он вымолвить такие слова:

— Не подобает тебе, мудрый владыка, утруждать себя печальной заботой о делах, которые по плечу твоим верным слугам. Вспомни, могучий шах, как радовался ты победе сына своего Сиавуша, а после велел ему оставаться на этом берегу Джайхуна и не спешить затевать войну. Тогда ждал ты, что явит Афросияб свой воинственный нрав и первым ринется в битву, перейдя реку. А он открыл к примирению дверь! И коль он ищет мира, достойно ли нам рваться в бой? Сиавуш заключил договор о мире с Афросиябом, и если теперь ты разорвешь его царской своей волей, не найдет у других владык одобренья твое деяние. Счастлив ты, шахиншах, владея короной, тронном и полной казной, мир сулит благоденствие и покой Ирану. Зачем же ты ищешь войны, омрачая светлую душу, когда враг твой униженно просит мира? А если обмануты мы коварным Афросиябом, и он нарушит данный обет, из Забула примчусь я в Туран, как вихрь, и тяжелым моим мечом накажу нечестивого, чтоб померк для него солнечный свет! Спокойно и радостно восседай на троне, счастливый владыка Ирана, не печалься ни о чем и не тревожься. Никогда не преступит клятвы своей Сиавуш, а если принудишь его к вероломству, то ввергнешь в пучину тяжелых страданий и бед. Не сотвори того, в чем позже неизбежно жестоко раскаешься!

Не внял своенравный царь Кай-Ковус разумным речам Рустама, а еще больше разгневался на прославленного исполина.

Стал шахиншах говорить о тяжелой его вине в этом противном ему деле:

— Знаю я, как почитает тебя Сиавуш, богатырь Рустам, и потому ясно мне, что ты внушил ему неразумную мысль о мире и вырвал из сердца ненависть и жестокость. Не думаешь ты о том, чтобы возвысить наш трон и державу, ибо стар ты и ищешь для себя лишь покоя. Напрасно послал я тебя на войну с Тураном. Теперь вместо тебя поведет дружину мою в поход храбрый Тус. А если ослушается моего повеленья питомец твой Сиавуш, пусть вручит свое войско верному Тусу, а сам возвращается сюда, в столицу, где воздам я ему за его упрямство и непокорность. Отныне, Рустам, ты больше не друг шаху Ирана, и впредь не стану я звать тебя из Забула, чтоб обнажил ты тяжелый свой меч за меня.

Жестокою обиду нанес царь Кай-Ковус прославленному Рустаму гневной и несправедливой своей речью. И воскликнул с болью в сердце прославленный герой:

— Если Тус уже успел превзойти непобедимого Рустама в силе и отваге, то посылай его вместо меня добывать Ирану славу и честь!

Могучий богатырь Рустам вернулся с дружиной своей в родной Систан. А шах Кай-Ковус призвал к себе храброго витязя Туса и повелел немедля собираться в военный поход в Хорасан.

Тус повез Сиавушу послание шаха Ирана. В нем Кай-Ковус восславил создателя, пожелал царевичу силы и счастья, а закончил письмо порицанием и гневными упреками: «Афросияб — наш злейший враг, принесший Ирану неисчислимые беды. Попрал ты нашу славу и честь, вверг в пучину бедствий страну, поддавшись обману его и коварству. По молодости лет находишь ты отраду сердца в веселье и пирах и избегаешь опасностей, таящихся в сражениях. А между тем, ты — наследник престола и венца Ирана, а царь лишь ударами меча прокладывает себе путь к могуществу и твердой власти, в войнах с врагами он завоевывает честь и славу. Приказываю я тебе перейти Джайхун, чтобы забыл Афросияб о сне и выступил тебе навстречу со своим войском. Но если ты испытываешь жалость к врагу, и мысль прослыть клятвопреступником в его глазах тебя страшит, тогда вручи свою дружину Тусу, а сам вернись в столицу. Отныне будешь ты недостоин прозываться отважным и благородным воином. Тех знатных туранских витязей, которых взял ты заложниками у Афросияба, пришли ко мне под стражей и в оковах».

Опечалился Сиавуш, получив неласковое послание венце-

носного отца своего. Но ещё горше стало на сердце у царевича, когда узнал он, что жестоко обидел шах прославленного Рустама, и уехал навечно в родной Забул могучий богатырь.

«Велит мне царственный мой отец прислать в столицу заложников Турана,— думал Сиавуш.— Означает исполнение его приказаний, что должен я послать на смерть сто знатных и благородных туранцев и запятнать себя кровью невиновных. Но этого создатель мне не простит, ибо в ответе я буду перед ним за злые деяния отца. И не в силах я вероломно обнажить свой меч против того, кто явился ко мне с желанием примирения, ибо проклят я буду народом и прослышу клятвопреступником. Вручив же войско Тусу и воротясь без славы к царю, я навлеку на себя гнев царя Ирана, а Судаба коварная прирется вновь точить об меня зубы своей ненависти. Злой рок окружил меня со всех сторон. Как противостоять мне несчастной моей судьбе? Зачем не пал я в священном бою с врагами?»

Так терзалось доброе сердце Сиавуша, рвали его на части сыновняя преданность и зов совести и долга. В той неравной борьбе победили совесть и честь Сиавуша. И вот он зовёт верных своих полководцев Бахрома, Гударза и Зангу Шоварона и как близким друзьям поверяет сокровенную думу:

— Оставить я должен дружину, уйти и укрыться в глуши, где не настигнет меня гнев царя Кай-Ковуса. Тебе, храбрый Занга, вручаю я туранских заложников, которых вернёшь ты владыке их Афросиэбу вместе с его дарами. Ты же, Бахром, одев мой шлем боевой, встанешь под знамя отважного Туса, посланника шаха, как только сюда он прибудет.

Замысел Сиавуша не одобрили полководцы, и так ответил ему Бахром:

— Неправое дело ты замышляешь, царевич. Лучше покайся и моли царя о прощении. Нет для тебя позора в том, если склонишь голову перед венценосным отцом. Лишь порадуешь ты его сердце и развеешь мрак его души. Коль велит нам владыка наш сразиться с врагом, храбро поднимем мечи и палицы, другого нам нет пути. Исполнив волю царя, не можешь ты слыть клятвопреступником.

Не внял совету друзей Сиавуш:

— Священна для нас воля шаха Ирана, но воля создателя превыше. А потому не стану я ввергать в войну две страны и обгарять руки кровью невинных людей

Повиновались царевичу Сиавушу Занга и Бахром хоть и стеснило горе их души. Вскоре Занга двинулся в Согд, ведя

за собой туранских заложников и караваны с дарами царя Афросияба. Вез он туранскому властелину письмо Сиавуша, в котором просил иранский царевич его дозволения проехать через землю Турана в другую страну.

Царь Турана милостиво встретил Зангу, расспросил о делах его, а затем выслушал повесть о печалях царевича Сиавуша. Несказанно изумился Афросияб, когда прочел послание сына Кай-Ковуса, и не знал, как поступить ему. А потом созвал своих придворных и военачальников, чтобы дали они ему мудрый совет. Зашумели, заволновались знатные мужи Турана, а речь перед царем повел старый Пиран:

— Никто не сравнится с тобой в богатстве и щедрости, справедливый царь, а еще прозорлив ты и владеешь знаниями. Слыхал я, что строен станом и прекрасен лицом Сиавуш, а теперь явил он нам и свой благородный нрав. Ради спасения сотни знатных туранцев восстал он против могущественного отца, лишив себя иранской короны и трона. Не надо ему других заслуг, ибо за одно лишь это деянье будет уготовлено ему в нашей стране почетное место. А если так, разумно ли и благородно, вняв скромной просьбе его, пропустить Сиавуша через Туран, чтобы уехал он в другую державу? Нет, должно ему найти достойный приют здесь, в Туране. А еще подумай о том, прозорливый и мудрый царь, что стар шах Кай-Ковус и скоро покинет он этот мир. Тогда наследник его, молодой Сиавуш, сядет на тот престол с твоей помощью. По высочайшему своему размышлению напиши, славный владыка, ласковое письмо Сиавушу, как подобает обратиться любящему отцу к милому сыну. Сообщи изгнаннику невольному, что готов ты дать ему достойный приют в Туране, где обретет он почет и покой от горьких невзгод. А затем, по обычаю доброду, дашь ему в жены одну из прекрасных своих дочерей. Может статься, что полюбит иранский царевич край наш и останется здесь, у тебя, владыка Турана. А коль и вернется после в Иран, мудрый владыка, разнесет о тебе повсюду добрую славу. Видно, рука творца всевышнего ведет к нам юного Сиавуша. А в честь благодатного твоего деяния наступит конец ненавистным войнам между Ираном и Тураном, и заживут в мире и дружбе две соседние державы.

— Нахожу я правыми умные слова твои, витязь Пиран. Нет в Туране доблестнее воина и разумнее мудреца, чем ты. Однако вспомнил я поговорку одну: сколько ни пестуй львенка, все равно растерзает он воспитателя, как только прорежутся у него зубы.

На это так ответил царю старый Пиран:

— Знаю я и другую присказку: коварству учится сын у отца своего.

Склонили Афросияба к разумному решению мудрые речи Пирана, и тут же призвал он к себе писца. Таков был ответ его Сиавушу: «Пусть славится во всем мире и шлем твой, и меч, Сиавуш, ибо светла и непорочна твоя душа, а сердцу чуждо вероломство. Я выслушал все, полон я сострадания к тебе и скорби, и жаль мне, что гневается на тебя отец твой Ковус. Но здесь, в Туране, найдешь ты все, что жаждет сердце твое: почёт и богатство, венец и трон. Внушил ты любовь мне, поверь, и отныне отец твой — я, а ты — мой сын дорогой. И даже Ковус не был столь щедр и ласков к тебе, как щедр и ласков к тебе буду я, царь Турана, раскрыв для сына верное сердце и богатую казну. Когда я покину подлунный мир, в тебе будет жить обо мне память в моей стране. Зову я тебя остаться навечно в нашем краю, здесь будет царство твоё, богатство и рать. А если помиришься ты с Кай-Ковусом, тебя отпущу я в Иран в короне и с мощной дружиной. Не вечно же будет пылать неправый гнев отца твоего! Он стар, и скоро угаснет. Участь эта постигнет и меня самого. Тогда ты один станешь законным владыкой Ирана и Турана, двух могучих и богатых держав. Пусть будет свидетелем бог, что привержен добру я душой и телом, и не усомнюсь в тебе никогда».

Наложив на послание свою печать, велел царь именитому Занге выступать в обратный путь, подарив много золота и серебра. Быстрее стрелы понесся воитель и вскоре предстал перед печальным царевичем. Поведал он Сиавушу о том, что слышал и видел в Туране.

Царевич известию доброму рад,
Но дух его тайно печалью объят.
Врага суждено ему другом назвать,
Но может ли пламя живительным стать?
От недруга мудрые блага не ждут,
Его ублажать — зря затраченный труд.

Сиавуш в Туране

Все огромное войско свое, конное и пешее, все оружие и боевых слонов вручил Сиавуш витязю Бахромю. Затем с болью в сердце и со слезами на глазах написал отцу своему Кай-Ковусу: «С тех пор, как помню себя, сторонился я зла, стремясь лишь к добру и правде, и согревалось сердце мое величием и

мудростью царственного отца. Но, поверив супруге своей, унизил ты меня, подвергнув испытанию огнем. От обиды искал избавление я на войне. Но вот близки стали к миру две враждовавшие от века страны, возликовали люди, простые и знатные. Однако мой властелин кровавым клинком подрезал тонкий росток примиренья. Не знаю я, какая тайна небес ведет меня от беды к беде, и вот ненавистью сменилась отцовская любовь. Зачем возвращаться мне к отцу презренным сыном? И потому, не ведая своей судьбы, бросаюсь я в сети, расставленные врагом».

Не знали воители, что навек расстанутся они с храбрым своим полководцем. Оставляя дружину, сказал Сиавуш, что едет он встречать посла Афросияба Пирана, который везёт ему тайное послание царя.

Была весна, когда, перейдя Джайхун, достиг Сиавуш Термеза, благоухающего всеми ароматами пробудившейся природы. Потом вступил он в цветущий, как райский сад, город Чач, на пути к которому повсюду видел царевич оживленные селения, вспаханные поля, журчащие ручьи. Когда прибыл Сиавуш в город Качар-Баши, намереваясь там сделать привал, дошло до него известие, что Тус уже покинул Балх, ибо царь Кай-Ковус повелел ему вернуться назад. Узнал шах Ирана, что сын его бежал к Афросиябу, застонал от горя и оставил мысль о войне.

А Сиавуш, раскинув стан свой в Качар-Баши, отправил гонца во дворец Афросияба, чтобы известить его о своем прибытии. По велению царя старый Пиран выехал навстречу царевичу, сопровождаемый тысячью знатных мужей Турана, чтобы с почетом встретить желанного гостя. Везли они с собой богатые дары.

Царевич встретил посла Афросияба на полпути к столице Турана. Увидел он белых слонов, несших парчовые шатры на широких спинах. Над ними развевалось золотое знамя, усыпанное драгоценными камнями. Позади шли рядами кони, накрытые яркими дорогими коврами. Сияние солнца заливало всё вокруг, ревели слоны, ржали кони, гремели барабаны. Знатный посланец Афросияба приветствовал иранского царевича. Никогда не видел старый Пиран прекраснее и царственнее юноши, хоть и наслышан был о нём и рисовал его образ в мыслях. Мужественный лик и сверкающие очи царевича пленили старого воина. Обнял он Сиавуша и поцеловал в чело. Обещал он служить ему преданно и верно и быть опорой ему в государственных делах.

Пышный караван повернул назад и двинулся вместе с ца-

ревичем в столицу Афросияба. Радовались туранцы прибытию в их страну Сиавуша. Вышли из домов все от мала до велика, пели, плясали, играли на чангах и рубобах. Усыпан яркими цветами был путь отважного героя, принесшего мир их земле, положив конец разрушительной войне.

Но не радовалось сердце Сиавуша восторженной встрече его в Туране. Горестные слезы навертывались ему на глаза, и сжимала грудь тоска по покинутой родной стороне. Где теперь близкие сердцу его друзья — Бахром, Занга и Гев? Где наставник его и учитель, доблестный богатырь Рустам? Что с того, что тепло и любовь светятся в глазах людей и сулит ему венец и престол Афросияб? Все равно он изгнанник здесь, чужой на этой земле. И закрадывалось в сердце Сиавуша горькое раскаяние в содеянном. Может быть, предчувствовал он трагическую свою судьбу?..

Желая скрыть свою печаль от витязя Пирана, отвернулся от него Сиавуш, но мудрый старец постиг его чувства и молвил:

— Оставь невеселые мысли, благородный царевич. То, что свершил ты, достойно величия и поклонения.

Сиавуш сказал ему в ответ:

— Слава об уме твоём и доброте облетела весь мир. Так поклянись же мне в верности и дружбе, тогда, поверив священной той клятве, со спокойной душой останусь в Туране. Иначе покину я эту землю и укроюсь в другой стране.

— Давно я поклялся верно служить тебе, Сиавуш,— ответил Пиран,— и не заботься об этом. Не отвергай лишь любви царя Афросияба. Ходит по свету о нём дурная молва, но он праведный и мудрый правитель и не станет чинить тебе зла понапрасну. Скажу, не таясь, что меня почитает царь за ратную славу и всегда испрашивает совета. Происхожу я из царского рода, владею богатой казной и сильной дружиной. Здесь, в Туране, лишь пред царём склоняю я голову свою. И всё это принесу я в жертву, не колеблясь, чтобы оградить тебя от беды.

Добрые речи Пирана заглушили тревогу в душе Сиавуша.

Вместе с верным Пираном прибыл Сиавуш в город Канк, где тогда пребывал Афросияб. Никого не встречал царь Турана с таким почетом, какой оказал он иранскому царевичу. Вышел владыка из своего дворца и на площади обнял и поцеловал Сиавуша при всём народе. А потом сказал, обратившись к людям:

— Нет больше в мире злобы и ненависти, покончено с распрями и раздорами. Отныне лев и олень будут пить из одного источника, стоя спокойно рядом. Со времён Тура враждовали

Иран и Туран, а теперь герой Сиавуш принес нам мир и спокойствие.

После того царь повел Сиавуша в роскошный дворец и усадил на золотой трон, покрытый китайской тафтой. Убранство дворца сулило привольную и счастливую жизнь Сиавушу. Пировали гости под звуки сладостной музыки и чарующего пения, а потом крепко уснул Сиавуш, забыв на время печаль и сомнения.

А когда наступило утро, явились к изгнаннику знатные люди Турана и поднесли в знак любви и почтения богатые дары. Были там рабы и невольницы, кони в золотой сбруе, горы динаров и драгоценных камней.

Шли дни и проходили они в веселых пирах и состязаниях в ловкости и силе: кто дальше метнет копье, чья стрела быстрее скроется от глаз, кто так ловко запустит в небо чавган¹, что миг он исчезнет за облаками.

Сиавуш изумлял всех воителей своим несравненным искусством в метании и стрельбе; недаром обучал его ратному делу сам богатырь Рустам!

Ни на миг не разлучался с царевичем Афросияб, и в минуты веселья и в минуты печали. Поверял ему царь тайны своей души, забыв о прежних своих близких советниках. Дивился туранский царь красоте и уму юного царевича, богатырской силе его и отваге. И жалел он старого царя Кай-Ковуса, не сумевшего оценить своё счастье. Видно, не богат умом шахиншах, коль по воле своей разлучился с подобным сыном.

Не оставляя и Пиран Сиавуша своей заботой: решил он, что пришло время царевичу жениться. Как-то в одной из встреч он повёл с ним разговор:

— Стал ты царю Афросиябу родным сыном, и после себя тебе оставит он трон и венец Турана. И у шаха Ковуса нет другого наследника, кроме тебя. Быть тебе, Сиавуш, впредь владыкой Ирана и Турана. А ныне ты одинок, как молодой побег, что взошёл в пустынном уголке сада. Думаю я, что пора тебе выбрать достойную супругу, чтобы была она тебе утешой в любви и помощницей в мирных деяниях.

Рассказал Пиран Сиавушу о трех дочерях Афросияба, прекрасных, как утренняя заря. Вспомнил и о трех красавицах, что выросли в гареме Гарсиваза, ведущего свой род от царя Фаридуна. Цветут и во дворце самого Пирана четыре луноликие девы, а старшая из них Джарира давно сторает от любви к юному царевичу.

¹ Чавган — клюшка для игры в конное поло, а также название самой игры.

Выслушал рассказ Пирана Сиавуш и ответил:

— Лишь с тобой одним, добрый Пиран, хочу я связать себя родством в Туране, чтобы считал ты меня дорогим сыном. И потому избираю в жены дочь твою Джариру.

Пиран расстался с Сиавушем и поспешил к супруге своей Гулшахр сообщить ей радостную весть:

— Готовь к свадьбе Джариру — невесту славного и благородного Сиавуша. Радуйся, жена, внук Кай-Кубода станет дорогим нашим зятем.

Настал день свадебного торжества. Была невеста, убранная матерью своей Гулшахр, похожа на весенний сад. Села новобрачная рядом с Сиавушем на золотой трон, и засмеялся от счастья молодой царевич, любуясь свежестью и красотой нареченной подруги. За днями мчались дни, и не угасала любовь его к прекрасной супруге.

Прошло время, и понял прозорливый Пиран, что должно стать Сиавушу зятем самого царя Афросияба.

Однажды Пиран прозорливый, склонясь,
Сказал Сиавушу «О доблестный князь!
Могуч предводитель туранских полков,
Главой он возносится до облаков,
На свете ему ты дороже всего;
Ты — сердце, и разум, и сила его
Коль с ним породнишься, как учит закон,
Возвысит тебя больше прежнего он.
Хоть дочь моя стала твоею женой,
Но знаю, для доли ты создан иной
Пускай Джарира — образец красоты,
И стал ее милым избранником ты,
Но больше тебе подобает, мой зять,
Алмаз, Афросиябом взлелеянный, взять,
Всех лучше его дочерей — Фарангис,
На лик и на кудри взгляни и дивись!
Стройней кипариса красавицы стан,
Венец ей из мускуса черного дан
Такой ни Кашмир, ни Кабул не видал;
Хочу, чтобы в жены прекрасную дал
Тебе властелин Породнившись с тобой,
Блестящей тебя одарит он судьбой

Погрузился в невеселые думы Сиавуш, а потом так отвечал Пирану:

— По воле создателя не увижу я больше Ирана и лика родного отца своего. Отныне стал родиной мне Туран, и здесь

прорастет побег из моего корня. Такую долю определила мне злая судьба, и не дано мне противиться ей. Но любовью к Джарире полно мое сердце, и могу ли я причинить ей такое зло даже ради дочери властелина!

Тяжек был вздох царевича, и слезы полились из его глаз, ибо знал он, что должен склониться перед жестокой судьбой. Однако пусть сам царь пожелает брака его с Фарангис, тогда не дерзнет он ослушаться владыку.

Понял старый Пиран, что склонил он Сиавуша к согласию, и поспешил во дворец царя Афросияба, чтобы завершить удачей задуманное им дело. Но когда предстал он перед тронном властителем, долго не решался начать разговор. И тогда сам царь нарушил молчание:

— О чем твоя дума, мудрый Пиран? Что хочешь просить у меня? С радостью дам тебе войско и открою казну. Для тебя не пожалею я ничего, ибо в твоём довольстве и счастье вижу я благо свое.

Старый Пиран осмелился начать свою речь:

— Известна всем твоя щедрость, владыка. Всё есть у меня по милости твоей. Пришел я ради царевича Сиавуша, который просил меня открыть тебе сокровенную думу свою. Умолял он меня сказать такие слова: «Обласкан я царем, как милым отцом, славу и почет нашел я в Туране, тогда как много бед испытал в родной стране. Теперь же смиренно молю царя, чтобы меня удостоил он чести быть еще ближе ему. Скрыто во дворце его за завесой соковище, способное даровать счастье мне и украсить дворец. Предмет заветных желаний моих — дочь царя Фарангис, ее хочу я назвать супругой».

Страх охватил Афросияба при этом известии, и молвил он:

— Не раз твердила мне мать Фарангис, чтобы я опасался окрепших когтей львенка, которого пестую подле себя. А еще раньше прочли звездочеты по звездам, что погибель моя и державы придёт от внука моего. Зачем же своими руками сажать мне ядовитое дерево, чтобы потом отравиться его плодами? Сиавуша считаю я сыном, и он будет со мной, пока не захочет вернуться в Иран. Тогда верну я его Кай-Ковусу.

— О справедливый царь, не разрывай себе сердце кручиной,— молвил Пиран.— Грядущее таится во мгле, и не всегда звездочётам открывается правда. Однако верю я, что сын Сиавуша, внук твой вырастет мудрым и благородным. Внемли, как прежде, разумному слову и свяжи счастливым браком Сиавуша с дочерью своей Фарангис. Их отпрыск наследует трон Ирана и Турана и принесёт счастье и благоденствие.

Поразмыслил Афросияб и дал такой ответ:

— Знаю, что всегда лишь о благе печешься ты, мудрый Пиран, и не может умный совет твой привести к дурному концу. Потому внемлю я ему. Велю тебе сделать всё так, как знаешь ты и умеешь.

Поклонился царю старый Пиран и поспешил к Сиавушу обрадовать его доброй вестью. А молодой царевич лишь ответил на это:

— Пусть будет так, как ты желаешь, добрый Пиран, но не видел я, чтобы от живой дочери отец ее вел зятя на новую свадьбу.

Пиран совершил все согласно обряду, щедро раскрыл свои кладовые, не пожалел китайской парчи, ярких ковров, блюд золотых, подносов и кубков. Среди дорогих украшений были два драгоценных венца, сверкающих алмазами и жемчугами. Богатый груз везли шестьдесят верблюдов, а за ними шли вереницы рабов и невольниц. И еще много даров поднесли Фарангис сто знатных людей из рода царя и воздали царевне громгласно хвалу. Затем властелин Турана вручил дочь свою Сиавушу, скрепив брак священным обрядом.

Вокруг все живое не спало семь дней,
Семь дней пустовали жилища людей.
Весь край,— что огнями сияющий сад,
Повсюду веселье и песни звучат.

Отдал Афросияб восточные земли своей страны до моря Чин Сиавушу, сделав его правителем того края. А потом повелел ему объехать свои владения, выбрать город, который новый властелин наречет столицей.

Под звуки труб и бой барабанов отправился в путь Сиавуш вместе с Пираном и боевой дружиной. Позади в парчовых золототканых шатрах на паланкинах ехали жёны молодого властелина Фарангис и Джарира.

Сиавуш строит город

Из конца в конец на сто фарсангов простирались владения новоявленного царя. Много ночей и дней шел царственный караван, и вот открылся путешественникам чудесный вид. С одной стороны плескалось море, с другой — возвышались высокие горы, а впереди расстилалась широкая равнина. Сверкало солнце, дул легкий ветерок, журчали прозрачные воды ручьев, обильная дичь наполняла леса и степи. И воскликнул очарованный Сиавуш:

— Нигде не видел я благодатнее края! Здесь воздвигну я

свою столицу. На этом месте вырастет город большой и светлый и заполнят его пышные дворцы и цветущие сады.

— О счастливый владыка,— молвил старый Пиран.— На этой земле принесет плоды дерево твоего величия и поднимется город, который блеском своим и сиянием в изумление повергнет весь мир.

Сиавуш не стал медлить. Велел он со всей страны собрать на то место искусных мастеров. Вскоре была воздвигнута прекрасная столица, окруженная высокой каменной стеной. И дал Сиавуш название ей Гангдиж. Но случилось так, что не остался Сиавуш в славном своем Гангдиже, ибо другую судьбу уготовило ему небо.

Из Турана примчался гонец и привёз Сиавушу послание от царя Афросияба. Писал ему могучий властелин: «С тех пор, как покинул ты Туран, не было у меня радостных дней, и печаль гложет меня от разлуки с тобой. Другие земли, что вблизи Турана, отдаю я тебе во владение, затмят они красотой полюбившийся тебе Гангдиж».

И вновь отправился в путь молодой правитель, исполняя повеление царя Афросияба. На новых землях построил Сиавуш другой город, и вышел он прекраснее и величественнее Гангдижа. А на стенах высокого и пышного дворца по приказу его властелина расписали искусные живописцы две большие картины. На одной — царь Кай-Ковус на золотом троне, а по обе стороны его — Рустам, Золь, Гударз и другие иранские витязи. На второй картине изображался царь Афросияб, рядом с ним советник его Пиран, а вокруг именитые туранцы. Далеко разнеслась молва о чудесном городе Сиавуша, и стал называться он Сиавушгирд.

Вскоре явился в Сиавушгирд брат Афросияба Гарснвас с тысячью конных воинов и богатыми дарами. Послал его к Сиавушу туранский властелин, чтобы увидел он и донес ему, так ли справедлива молва о небывалом городе. Тем явил Сиавушу Афросияб неизменную щедрость свою и милость к нему. Обрадовался этой чести молодой правитель, сел на коня и повел дорогих гостей в город, чтобы посмотрели они и подивились на прославленный Сиавушгирд.

И случилось так, что в это самое время дошла до Сиавуша радостная весть: возлюбленная супруга его Джарира, дочь мудрого старца Пирана, родила ему сына. Щедро одарил гонца счастливый отец, а потом позвал всех гостей в роскошный дворец, построенный им для другой своей жены, дочери Афросияба Фарангис.

Сияя красотой, сошла с трона царственная Фарангис и при-

ветствовала гостей из родного края, а потом вознесла хвалу всемогущему творцу, возблагодарив за милость его к славному Сиавушу. Милого супруга своего поздравила прекрасная Фарангис со счастливым рождением наследника, но сердце ее разрывалось от ревнивой зависти к сопернице. Недоброе чувство к Джарири затмило свет и витязю Гарсивазу, и подумал он злобно: «Не дочь нашего властелина Афросияба Фарангис, а Джарира, дочь советника царя Пирана, произвела на свет наследника двух престолов. Теперь еще больше возвысится старый и хитрый Пиран над всеми». И к Сиавушу затаил Гарсиваз ненависть в своем сердце: «Высоко вознесся изгнанник Сиавуш над ним, Гарсивазом, кровным братом царя Афросияба, величаво сидит он на троне в славной своей столице, несметны его богатства и сильна боевая дружина, а теперь есть у него и наследник престола. Пройдет время, и отвернется от Афросияба сын Кай-Ковуса».

Военные игры

По обычаю тех времен в честь гостей устроены были состязания в силе и ловкости. Устремились на ратное поле Сиавуш с Гарсивазом на быстроходных конях. Как самые родовитые и знатные витязи, первыми начали они военные игры. Высоко забросил мяч Гарсиваз, но подоспел Сиавуш и так ударил по нему чавганом, что улетел мяч в небесную высь и скрылся от глаз, как будто небо притянуло его к себе невиданной силой. Сильно был уязвлен Гарсиваз легкой победой своего соперника.

Пришел черед играть в чавган простым воинам. Воины Сиавуша быстро одержали победу над туранцами. Тяжесть двойного поражения легла на сердце Гарсиваза, и усилилась его ненависть к Сиавушу.

После игры в чавган настал черед метания копий. Сидя на золотом престоле, смотрел Сиавуш вместе с высокими гостями, как бросали вперед длинные палицы быстроходные всадники. Гарсиваз сказал Сиавушу:

— О юный владыка, ведомо нам, что сколь благородны и знатны были предки твои, столь же были они доблестны и отважны. Подобаает тебе, потомуку иранских царей, показать свою ратную удаль туранским витязям.

В совершенстве владел Сиавуш искусством метания копья, ибо передал ему это умение еще в Забуле учитель его Рустам. Ловко вскочил он в седло подведенного к нему коня и поднял богатырское свое копьё, подаренное отцом его Кай-Ковусом.

Не раз служило оно царю в битвах в Мазандаране, пронзая сердца врагов и вселяя страх в обитателей диких лесов. Как разъярённый слон, промчался Сиавуш по полю и метнул копье с такой силой, что прошло оно сквозь пять кожаных щитов, связанных вместе, и вышло с другой стороны с нанизанными на нем, как на вертеле, мишенями.

Когда же Гарсиваз метнул своё копье, пробило оно лишь два щита и застряло в третьем.

Потом начались состязания в метании стрел. Велел Сиавуш связать вместе шесть щитов и две кольчуги из стальных колец. Из крепкого лука одну за другой выпустил он десять острокопечных стрел. Все стрелы прошли сквозь щиты и кольчуги, вылетев позади мишени. Не могли удержаться от восторженных криков витязи и простые воины, видевшие это искусство, и принялись поминать священное имя создателя.

Обуяла зависть Гарсиваза, жаждал он превзойти непременно соперника. И тогда позвал он его выехать вместе с ним на ристалище, чтобы побиться там рукопашную. До сих пор никто из туранцев не мог соперничать с ним в схватке.

— Если сумеешь вырвать меня из седла и сбросить на землю, с этого дня больше я не воитель,— молвил он Сиавушу.— А коли я повергну тебя в рукопашной схватке, признаешься тогда перед всем миром, что сильнее тебя Гарсиваз.

Но Сиавуш так ответил ему:

— Ты более знатен и славен, чем я, Гарсиваз, и не дерзаю я состязаться с тобой в рукопашном бою. Для этого хватит с меня и простого туранца.

— Это игра, а не война, и проигравший чести своей не уронит,— были слова Гарсиваза. Но Сиавуш стоял на своем:

— Когда двое храбрых воителей вступают в единоборство на поле брани, загораются яростью и жадной победы сердца их, и оттого им становится ненавистен соперник, кто бы он ни был, простой или знатный. Как же я, покорный твоим повеленьям, допущу завладеть моим сердцем вражде к тебе, брату царя Нет, назови мне другого туранца, с которым бы мог я состязаться в рукопашной схватке.

— Видно, ищешь ты соперника послабее, коли нужны тебе отговорки,— вымолвил Гарсиваз.

— Неколебимо ничем твое желанье схватиться со мной в рукопашной схватке. Так знай же: буду я стремиться к победе, чтобы не посрамить себя в глазах царя и всех людей, среди которых славен я, как витязь доблестный и сильный,— воскликнул в ответ Сиавуш.

Одобрил слова его Гарсиваз и крикнул своим дружинникам:

— Выходи, кто дерзнет сразиться один на один с царевичем Сиавушем и тем прославит имя свое, одержав победу над ним!

Вышел вперед богатырь Гуруй, сын Пашана, и сказал, что готов он схватиться с царевичем Сиавушем. Хмуρο взглянул Сиавуш на дерзкого воина и сказал Гарсивазу:

— Кроме тебя презираю я любого другого соперника, и потому буду биться с двумя туранцами сразу.

И вышел тогда вперед сильнейший из самых сильных в Туране витязь по имени Дамур. Вступил Сиавуш в жестокую схватку с двумя могучими туранскими богатырями. Сперва схватил он за пояс Гуруя мощной рукой и вырвал его из седла, а потом бросил на землю. Не мешкая, обернулся к Дамуру и ухватил его сразу рукой за шею, другой рукой в поясницу ему вцепился. Так двумя руками поднял его над головой и сбросил на землю.

Над рядами вонтелей раздались крики изумления и восхищения, а Сиавуш, так легко раскидавший сильных соперников, смеясь, помчался к высокому трону и уселся рядом с Гарсивазом.

Лицо брата царя пожелтело от жгучей злобы, хоть и си́ллся он не выдать своего чувства.

После того ещё семь дней веселил и радовал Сиавуш гостей на пирах и праздниках, на восьмой день собрались они в обратный путь. Вместе с дорогими дарами Сиавуш отправил царю послание. В нем явил он Афросиябу преданность и любовь, пожелал ему еще большей славы и величия.

В пути вспоминали воины ратную силу Сиавуша, славили доблесть и красоту властелина. Лишь один Гарсиваз видел в победах Сиавуша на ристалище обиду для туранцев и замышлял отвратить от него любовь царя Афросияба.

Навет Гарсиваза

Явился Гарсиваз во дворец Афросияба и вручил ему послание Сиавуша, а потом поведал обо всем, что видел он в несравненном городе Сиавушгирде. Прочитал послание царь Афросияб и светом радости озарилось его лицо. Увидев, что счастлив царь, воздержался Гарсиваз от снедаемого его желания очернить иранского царевича в глазах царственного

брата. Ночью же в своих покоях не сомкнул он глаз, до рассвета извиваясь на ложе от обиды и злобы.

Наутро явился он к Афросиябу с лицом угрюмым и суровым. Оставшись с царем с глазу на глаз, повел он такие речи, не стыдясь клеветы:

— Ты — наш владыка, счастливый Афросияб, и поведаю я тебе все, что ведомо мне о Сиавуше. Уже не тот твой любимец, каким был прежде, безмерно возгордился он и не признает тебя властелином Турана. Знаю, что тайно прибыл к нему посол Кай-Ковуса и из Рума и Чина тоже идут к нему послания. Как Тур плёл сети коварства против Манучехра, так и Сиавуш замышляет против тебя недоброе. Как разнятся между собой жемчужины двух океанов, так же чужды один другому владыки Ирана и Турана, вечно будут они враждовать, как огонь и вода. Ты же приблизил к себе Сиавуша, наследника иранского трона, и тем самым впустил в свое жилище вольный и неукротимый ветер. Не мог я скрыть от тебя, государь, печальную тайну, ибо прослыл бы тогда презренным и низким.

Огорчили Афросияба эти слова Гарсиваза, и заняло у него сердце от боли в предчувствии беды. Вот что молвил он брату:

— Если отважился ты вести здесь такие речи, значит это, что тревога за судьбу царя твоего и родная кровь руководили тобой. Нужно теперь мне поразмыслить, чтобы найти средство против такой напасти.

Три дня и три ночи оставался один во дворце царь Турана, а на четвертый день призвал он к себе Гарсиваза и поведал о своих думах:

— Открою тебе, Гарсиваз, сокровенные мои мысли и сниму тяжесть со своего сердца. Когда привиделся мне однажды зловещий сон, стал искать я мира с Ираном. Откликнулся на мой призыв Сиавуш и твердо пошел по пути примирения. Ради спасения моих родичей от смерти восстал он против отца своего Кай-Ковуса, лишив себя трона его и короны. Так разум его стал утком, а основой — мое миролюбие, и создали мы честный союз, верность которому храним доселе друг другу. К нам в Туран пришел он изгнанником и являл неизменно покорность и послушание. Полюбился мне Сиавуш крепче родного сына, и отдал я ему прекрасную дочь свою. Когда связали нас еще и кровные узы, отбросил я от себя вражду к Ирану, забыл про старые наши распри. О мирном нашем союзе слышаны все властелины мира, и потому осудят меня они, лишь только выкажу я к Сиавушу злое намерение. Тогда не

замедлит и царь Кай-Ковус отомстить за родного сына. Так бросается на обидчика ярый лев, видя грозящую львенку опасность, и в ярости той сметает все на своем пути. Страшусь я и кары небес, если обреку на гибель невинного. Одно лишь средство вижу я от этой напасти: любовью своей удержу я Сиавуша в Туране, пока не будет прощен он Ковусом и призван вернуться в Иран. Тогда не будет нужды ему зариться на туранский трон, ибо станет наследником престола Ирана.

— Напрасно считаешь ты дело это простым и ясным, могучий царь,— сказал Гарсиваз.— Страшись удалить от себя того, кто проник в сокровенные мысли и думы твои. Таков Сиавуш, кого приютил ты под сенью дворца и кому открыл своё сердце. Если вернётся обратно в Иран он, станет тебе чужим и принесет неисчислимые беды Турану и его царю.

Внял Афросияб лживым речам Гарсиваза и раскаялся в неразумных своих помыслах. Брату дал он такой ответ:

— Ясно вижу теперь я, что нет блага ни в начале моего деяния, ни в конце его. Подожду, пусть пройдет время, лишь тогда откроется мне воля неба. Промедление лучше спешки во всяком деле. Призову к себе Сиавуша и выведаю у него, что замышляет он против меня. Если делеет заговор тайный, то пресеку его и отомщу. И никто не осудит меня за ту кару, ибо я покараю за готовящееся зло.

Не желал Гарсиваз встречи Афросияба с Сиавушем, чтобы не открылась царю его клевета на царевича. А потому не одобрил он то, что замыслил Афросияб.

— Возвышен Сиавуш твоей милостью, о праведный царь,— сказал Гарсиваз.— Коль призовешь к себе Сиавуша, придет не один он, а с верной своей дружиной и закроет черной завесой луну и солнце от твоего взора. Лишь только увидят твои бойцы, как сияет лицо молодого властителя, отвернутся они от тебя по его навету и пойдут повсюду за ним. Тогда уготовит небо тебе печальную долю пастуха, оставшегося без стада. К тому же теперь не выманишь ты Сиавуша из славной его столицы: стал он царем и не поспешит исполнить твое повеление. Не водят дружбу свирепый лев и могучий слон, и не зажжет огонь полноводную реку.

Ты новорожденного львенка в шелках
Лелей, и ласкай, и носи на руках,
Молочной и сахарной влагой корми,
И все же, хоть вырастет он меж людьми,
В нем львиная будет природа видна
Он в яростной схватке сомнет и слона.

Коварными речами посеял Гарсиваз смятение в сердце Афросияба. Горькие думы посещали его голову, смущая разум, но не решался он вынести приговор Сиавушу. Не раз еще являлся к царю Гарсиваз и склонял к злодеянию хитрыми речами. Наконец отравил он мозг Афросияба ядом клеветы и зажёг в его сердце ненависть к Сиавушу.

Настал день, когда царь Афросияб велел Гарсивазу навестить Сиавуша и отвезти ему его послание. Писал в послании туранский владыка, чтобы Сиавуш с супругой Фарангис приехал в его столицу, ибо тоскует он вдали от него и желает видеть и слышать его разумные речи.

Затаив ненависть, отправился Гарсиваз к Сиавушу и, прибыв к нему, передал послание Афросияба. Была у него тайная надежда, что найдет Сиавуш достойный предлог и не поедет в столицу Афросияба. Но Сиавуш согласился ехать, не раздумывая, вместе с Гарсивазом. Только просил его прежде погостить три дня в Сиавушгирде. Сказал он брату царя:

— Страхнем с себя бремя всех забот и проведем дни в пирах и веселье. Дорого мгновенье тихой радости в этом суровом и беспокойном мире.

Встревожился Гарсиваз тем, что желает Сиавуш навестить Афросияба, и стал искать в мыслях средство, как бы заронить в душу Сиавуша недоверие к царю Турана. И вот принялся он долго и молча глядеть в лицо иранскому царевичу, а потом вдруг из глаз его закапали слезы. Обман удался, и Сиавуш, удивленный, ласково и участливо спросил Гарсиваза:

— Скажи мне, мой брат, какая печаль теснит тебе грудь? Может обижен ты нашим царем, тогда я сам укорю его в недобром деле. А если грозит войной тебе враг, всегда буду я рядом с тобой в жестокой битве. Признайся, коварный лжец несправедливо тебя обвинил, оклеветав пред властелином, чтобы возвыситься самому! Так знай, что найду я средство развеять подозренья в сердце царя, а лжеца покарать.

Так отвечал Гарсиваз Сиавушу:

— О друг мой, опасности не угрожают мне, а задумался я об истоках добра и зла в людских сердцах. Вспомни о злодеянии Тура, свершенном в ненависти к Ираджу. Так было положено начало бедам Турана. А позже вражда Манучехра с Афросиябом разорила Иран и Туран. Молод ты и не распознал властелина Турана, а нравом он зол и коварен. Убил без вины он единоутробного брата своего Агриреса, и не дрогнула у него рука. И много еще других безвинных именитых мужей сгубил он. Теперь задумался я о счастье твоём и спасении, ибо тревожит меня и заботит твоя судьба. Здесь, в Туране обрел

ты дом, почет и славу, но не дремал Ахриман и вселил он в сердце Афросияба к тебе недоверие. Неизвестна причина вражды той, но ведомо мне, что жаждет царь мщения. Таил я до времени мысли царя от тебя, ибо страшился я поздних твоих укоров за то, что сразу не раскрыл тебе правду. Но я тебе друг и желаю одного только блага.

Не мог Снавуш поверить его словам и так отвечал:

«Я верю владыке; противно уму,
Чтоб ясный мой день погрузил он во тьму.
Будь яростью тайною царь распален,
Меня средь мужей не возвысил бы он,
Не дал бы мне трона, венца и страны,
Ни дочери в жены, ни войск, ни казны.
С тобою теперь поспешу я к царю
И дух его мрачный лучом озарю
Где правды зажегся живительный свет —
Ложь меркнет, ее исчезает и след.
Я сердце открою владыке, оно
Как солнце небесное, света полно».

Но Гарсиваз не унимался:

— О витязь отважный, не дай обмануть себя злобе, прикинувшейся любовью. Сдвинет брови она, нахмурит чело, и мудрецу не найти тогда дорогу к спасенью. Если с твоим умом не сумел распознать ты, где правда, а где коварство, то ждет тебя гибель. Ложью и хитростью были деянья Афросияба. Тебя он возвысил и с тобой породнился для того лишь, чтобы твой ум усыпить, затмить разум, а заодно преградить путь худой молве. Стал ему ты не ближе родного брата его Агриреса, а ведь того несчастного, не дрогнув, рассек он пополам. Опасайся же темного права кровожадного царя Афросияба!

Так говорил Гарсиваз, проливая коварно слезы, пока не вселил в сердце юного Снавуша смятение. Задумался юноша, опустив голову, а потом ответил Гарсивазу:

— Не пойму, чем заслужил я гнев царя Афросияба. Ни словом, ни делом не нанес я ему обиды, и нет причины меня ему ненавидеть. Как прежде, буду покорен я, повинуюсь его приказу, а потому поеду в его столицу вместе с тобой, но без войска. Какая бы ни ждала меня кара, там узнаю я, в чем причина его обиды.

Замыслил так поступить Снавуш, но Гарсиваз сумел отвести его от этого намеренья:

— Желая спастись от морской волны, своей волей броса-

ешься ты в пламя огня. Спешешь ты и тем усыпляешь снова проснувшееся счастье свое. Внемли же совету разумному друга, надежного Гарсиваза, который сумеет залить холодной водой жаркий огонь царского гнева. Сейчас напиши письмо Афросиябу и в нем укажи причину, по которой не можешь ты ехать в его столицу. Письмо твое я тотчас вручу царю, и если сумею утишить в сердце его вражду, то дам тебе знак, и тогда ты смело прибудешь в столицу. Иначе нужно будет тебе искать средство спасенья от гибели, покинув Туран и скрывшись в соседних краях. Отсюда до Чина сто двадцать фарсангов, а если пойдешь в Иран, проскачешь все триста сорок. Встретят тебя радушно царь Чина и знать его, а в Иране давно мечтает увидеть тебя отец. Не мешкая, можешь уже сейчас ты отправить послов своих в обе державы и готовиться в путь, ожидая моих известий.

Сиавуш попался в силки козней и лжи Гарсиваза и поклялся в точности следовать всем советам новоявленного заступника. Начал с того он, что призвал писца и велел написать послание свое Афросиябу. Недуг супруги своей Фарангис назвал Сиавуш причиной тому, что не может сейчас же откликнуться на зов отцовского сердца, исполненного любовью. Предан душой и телом он повелителю своему и другу и устремится к нему он немедленно, как только поднимется с ложа недуга его Фарангис.

С посланием Сиавуша и злорадством в сердце умчался Гарсиваз к Афросиябу. А Сиавуш дрожащий и бледный вошел в покои Фарангис и рассказал ей печальную новость:

— Померкло счастье мое в Туране, и замкнулся круг, очерченный мне судьбой. Коль содержится правда в речах Гарсиваза, нет мне спасенья, ибо рука твоего отца настигнет меня в обоих мирах.

Разорвала одежды на себе Фарангис, вырвала кудри, исцарапала в кровь лицо. С рыданьем вопрошала она Сиавуша, зная жестокий нрав своего венценосного отца:

— Что станешь ты делать, несчастный изгнанник? В Иране ждет тебя плен у разгневанного Кай-Ковуса, далек путь до Рума, а в Чин не позволит бежать тебе наша вера! Где же найдешь ты приют и убежище в этом мире? Осталось тебе уповать лишь на бога!

— Уповаю на Гарсиваза я,— отвечал ей Сиавуш.— Клялся мне он, что вырвет из сердца царя злобную ненависть и пришлет мне добрую весть о прощении.

Смерть Сиавуша

Три дня и три ночи скакал Гарсиваз, не останавливаясь, по горным тропам и широким долинам, на четвертый день достиг он столицы Афросияба. Измучен был он долгой дорогой, но вбежал поспешно в царский дворец, переполненный ядом злобы. Удивился Афросияб, что брат его вернулся так скоро, а Гарсиваз сразу повел лживые свои речи:

— Там, где был я, черная туча застлала небо, и померк свет ясного дня. Не вышел Сиавуш мне навстречу, как подобает выйти навстречу высокому гостю. В столице своей не удостоил он меня даже взглядом и не пожелал выслушать меня. Не сидел я рядом с ним на высоком троне, а внизу у ног его преклонил колени. Ведомо мне, что идут к Сиавушу послания из Ирана. Рум и Чин двинули к нему свои дружины, а для нас, туранцев, отныне закрыты ворота его города.

Коль первым напасть не отважишься — знай,
На верную гибель осудишь ты край
В Туран поначалу придет он войной,
А там овладеет туранской страной.
А если в Иран поведет он войска,
Его уж ничья не осилит рука
Ясны его замыслы ныне тебе,
Забудь же сомненья, спасенье — в борьбе

Яд речей Гарсиваза сделал свое дело: ударив в голову Афросияба, поразил его разум. Охватил царя ярый гнев и дух прежней вражды. Не мог он вымолвить ни одного слова в ответ Гарсивазу. В тот же день велел он трубить в карнай и бить в барабаны. Выстроилась тесными рядами царская дружина, и без промедления вывел ее Афросияб из своей столицы.

А к Сиавушу прибыл вскоре гонец Гарсиваза и передал ему такие слова мнимого его покровителя: «Не достиг я исковой цели в беседе с царем Афросиябом, и все так же ярко полыхает огонь вражды. Должен искать ты средство спасения и выдать страну, куда поведешь свое войско».

Ранним утром дозорные Сиавуша донесли ему, что вдали показалось туранское войско. Тогда и Сиавуш построил свою верную рать и приготовился к жестокой битве. А супруга его Фарангис обратилась к нему со словами мольбы:

— Подстерегает тебя здесь грозная опасность, беги из Турана и не тревожься обо мне, ибо не успокоюсь я, пока не миует тебя беда.

Но тяжелое предчувствие томило иранского царевича, что

не избежать ему гибели, а потому навеки простился он со своей подругой:

— Неминуема моя смерть, но останется в этом мире мой сын, которого носишь ты в себе. Назови его Кай-Хусрав, пусть носит он это двойное царское имя. Знаю я, что суждено ему быть могучим и счастливым царем, и отомстит он за несчастного своего отца его недругам. Погибну я ни в чем не повинный, и создатель всевышний покарает Туран и его властелина. Как туча, надвинется из Ирана несметное войско, и тогда весь мир потрясен будет кровавой смутой. Жаль, что отнял бог разум у царя Афросияба, и не может он постичь ужаса злого своего деяния.

Обнял Сиявуш рыдающую Фарангис, а потом, сдерживая стон, вскочил на коня и покинул дворец и свой чудесный город.

С верной своей дружиной двинулся Сиявуш к границам родного Ирана. Но прошли они лишь полфарсанга пути, когда встретили войско Афросияба. Увидел владыка Турана иранских воинов в боевом облачении, а во главе рати самого Сиявуша в кольчуге и шлеме, и подумал в гневе: «Вижу теперь, что правду сказал Гарсиваз!» Тотчас же приказал он туранцам окружить беглецов, обнажив мечи. Почувяв опасность, приготовились к битве иранцы, но Сиявуш удержал их словами:

— Стойте, храбрые воины, вложите в ножны свои клинки! Дан мне приют в этой стране властелином Турана, и не могу запятнать я позором честь царского рода, вступив в войну с моим покровителем. Не разгореться вновь пламени былой вражды, с трудом усмиренному! Да и храбрые туранцы не станут нападать на нас, ибо нет за мной вины перед ними.

Тогда вскричал подлый Гарсиваз:

— Если не виновен ты перед царем, зачем же вышел ему навстречу в военных доспехах? Не обманут нас хитрые твои речи!

Только теперь Сиявуш понял, что попал он в капкан, расставленный Гарсивазом.

— Эй, низкий предатель, — крикнул он гневно. — Это ты сбил меня с праведного пути! Разве не твои полные лжи слова уверяли меня в беспричинном гневе царя? Твои клевета и ложь приведут к гибели тысячи людей, чья кровь прольется сейчас в жестокой битве! Но знай, что после пожнешь ты то, что посеял, и за подлое твоё деяние ждет тебя страшная кара небес.

А затем Сиявуш обратился к царю Афросиябу:

— О справедливый и добрый властитель, не дай себя обма-

нать презренному и трусливому клеветнику! Тем опрометчиво свергнешь свою страну в пучину несчастья и горя.

Прервав речь Сиавуша, Гарсиваз закричал злобно:

— О царь, что слушать изменника? С врагом говорят языком острого клинка!

Нерешительность Афросияба сменилась уверенностью, и приказал он своим всадникам броситься на иранцев и разить их острыми мечами и длинными пиками. Ни Сиавуш, верный клятве своей, ни благородные его воины не прикоснулись к оружию и не вступили в борьбу. Туранцы же, исполняя приказ своего царя, беспощадно били мечами и пиками, пока не легли сраженными все воины Сиавуша, прославленные отвагой в прежних своих битвах. И заалела зеленая степь, окрасившись кровью павших бойцов. Остался живым один предводитель их Сиавуш, но никто из туранцев не осмеливался напасть на него. От горя и ужаса почти лишился чувств иранский царевич и пошатнулся в седле. И тут подскочили к нему Гуруй и Дамур, пылающие злобой могучие богатыри Турана: не могли забыть они позора своего поражения, когда состязались с Сиавушем в военных играх. Связали они витязю руки и ноги и набросили на шею петлю. А потом стащили с седла и пешего погнали в город Сиавушгирд, чтобы обезглавить по велению Афросияба.

Когда вели Сиавуша связанного в славный его город, по дороге умолял он царя Турана выслушать его перед смертью. Тогда узнает Афросияб, что невиновен перед ним изгнанник из Ирана, нашедший приют в его стране, а стал жертвой клеветы и низкого обмана. Но коварный Гарсиваз хитростью удерживал царя от желания услышать последние слова Сиавуша, ибо страшился он, что откроется царю правда. А воители Турана вопрошали своего государя с тревогой:

— В чем виновен несчастный юноша? Какое зло причинил он тебе, владыка, что хочешь предать его страшной казни?

И тогда кричал Гарсиваз бесстыдно:

— Не слушай этих глупцов, властелин наш, не видят они ничего дальше своего носа. Нет хода тебе назад, ибо убил ты воинов Сиавуша. Если оставишь его в живых, отомстит он тебе за них, призвав на помощь недругов твоих из Рума и Чина.

И Гуруй с Дамуром вторили Гарсивазу, умоляя Афросияба не щадить опасного для Турана врага.

Когда достигли они Сиавушгирда, выбежала из дворца своего Фарангис с растрепанными волосами и залитым кровью лицом. Со стоном упала она к ногам могущественного отца своего и стала молить его не рубить венценосную голову супру-

га ее, ибо ни в чем не повинен Сиявуш перед Афросиябом. Пусть подумает царь о том, что обрекает страну жестокой мести Кай-Ковуса и славного богатыря Ирана Рустама. Затем обрушила Фарангис проклятия на головы подлого Гарсиваза и трусливых Дамура и Гуруя.

Но уже окаменело сердце Афросияба, и не осталось в нем места жалости. Сдвинув брови, прикрикнул он на стонающую царевну и велел заточить ее в темницу. Хоть и дочь она ему, но супруга лютого недруга его!

По приказу Афросияба приволокли пленника в степь, на то место, где недавно состязались богатыри в военных играх, и бросили на землю. Выхватил Гуруй из ножен острый кинжал и отсек голову царевичу Сиявушу.

Рассказывают, что там, где пролилась кровь невинного Сиявуша, выросла красная трава, которую и теперь называют кровью Сиявуша.

Однажды в разгар веселого пира донесли иранскому царю Кай-Хусраву, что стоят у ворот его дворца неизвестные люди, которые пришли к нему искать защиты. Шах повелел впустить их, а сам поднялся с трона и вышел за ковровую завесу. Предстали перед ним те странники, поклонились и заговорили:

— О победоносный царь! Пришли мы из города Арман, что стоит на границе Ирана с Тураном. С туранской земли нагрянули к нам дикие кабаны, они топчут наши посевы, поедают плоды деревьев, а потом вырывают деревья с корнями, чтобы обгладывать с них кору. Не остановит тех свирепых чудовищ даже гранитная преграда, ибо каждый из них величиной с гору, а клыки их огромны как бивни слонов. Обречены мы на голодную смерть, и только ты, благородный шах, можешь спасти нас от этой напасти, если придешь нам на помощь со своей храброй дружиной.

Опечалило Кай-Хусрава несчастье арманов, призвал он к себе самых сильных и храбрых витязей и так вопрошал их:

— Отвечайте, могучие богатыри, кто отважится помочь несчастным арманам и сразиться со свирепыми вепрями? Если найдется среди вас такой воитель, который избавит страждущих от лихой беды, не пожалею для него никакой награды.

Легко ли выйти на диких зверей со слоновьими клыками, яростно крушащими все на своем пути! Молчали богатыри, удерживаемые страхом, и только молодой Бежан, сын славного Гева, давно жаждавший совершить подвиг, вышел вперед и молвил:

— Готов я явить свою доблесть и силу, чтобы прославить нашего властелина.

Обеспокоился Гев за судьбу сына и сказал ему с укором:

— То, что молвил ты — речь неопытного юнца. Движет тобою глупая удаль, оттого и берешься за дело, которое тебе не по плечу.

Пусть юноша храбр, одарен, родовит,—
Он опыта удалью не возместит
Изведай сначала и радость, и боль,
Отведай и горечь, и сладость, и соль.
Смотри, пред владыкою не осрамись,
Тропою вехоженной вдаль не стремись!

Унизили юношу слова отца и нанесли обиду ему, а потому решился он на такие речи:

— Именитый и благородный отец мой! Хоть и молод я, но

не сказал слов необдуманных. Кому, как не мне, сыну победоносного Гева, уничтожить свирепых чудовищ и спасти от гибели несчастных арманов, взывающих о помощи к нашему царю?

Обрадовали Кай-Хусрава слова юного богатыря, и воздал он ему хвалу, а потом молвил:

— Счастлив тот владыка, которому служит подобный тебе богатырь. И верю, что впредь найду я в тебе щит против всякой беды. Ступай к арманам и смети с земли диких чудовищ!

Вместе с Бежаном отправился в поход храбрый воитель Гургин Милод. Повелел ему шах указывать войску дорогу и быть помощником юному витязю в ратном деле. Мощным было боевое снаряжение рати Бежана и Гургина, еще были у них охотничьи соколы и гепарды для охоты в густых лесах.

Пока проходило войско по земле арманов, не один раз удачно охотились витязи, гоняясь по диким лесам и горам за онаграми и косулями, трава их соколами и псами или закидывая ловкие арканы. А когда наступал час отдыха, жарили пойманную дичь над кострами, ели, запивая красным вином.

Так беззаботно и весело проходили дни в пути. Наконец, когда миновали густые рощи, безлюдные пустыни и обжитые долины, достигли богатыри темного непроходимого леса, где обитали дикие кабаны. Остановились они у края его, развели костер и зажарили жирного онагра, которого ранним утром поймали арканом. Разомлевший от еды и питья Гургин завалился спать, но Бежан растолкал его, сказав, что настало время сторожить приход кабаньего стада. Сели они на коней и углубились в лесную чащу. Долго продирались Бежан и Гургин сквозь густые ветви деревьев, пока не различили зоркие глаза Бежана вдали стадо огромных вепрей, шедшее на водопой.

Быстро вложил стрелу в лук юный Бежан и крикнул Гургину Милоду:

— Скорее скачи к тому озеру, куда направляется стадо, и спрячься в засаде. Отсюда я стану метать в зверей стрелы, а ты стереги у озера тех, которых стрела моя не достигнет. Они устремятся к воде, и ты перебьешь их ударами своего меча.

Но Гургин, покачав головой, сказал Бежану:

— Не таков был наш уговор с царем Кай-Хусравом. Ты вызвался истребить диких вепрей, и властелин обещал тебе щедрую награду. Мне же велел он лишь проводить тебя до Армана, ибо не знал ты туда дороги. Свое я исполнил дело, и больше не жди от меня ничего другого.

Изумился Бежан словам Гургина и помрачнел лицом, огорчившись.

— Так стой же тогда в стороне трусливо и наблюдай за моей охотой,— гневно сказал он и, натянув тетиву, помчался в сторону стада вепрей, как бросается лев, завидя добычу. Громом небесным прозвучал его воинственный клич, а затем, как дождь, посыпались его стрелы, сбивая листья с деревьев и пронзая головы вепрей. Когда у Бежана опустел колчан для стрел, он обнажил булатный меч, увидев, как приближаются ярые звери, разгрызая стальными зубами толстые стволы деревьев и взметая копытами землю. И вот громадный черный кабан прыгнул на грудь Бежану и разодрал на нем железную кольчугу. Но в тот же миг сам упал на землю со вспоротым брюхом. Полегли и другие вепри, рассеченные острым кинжалом Бежана, и залили кровью лесную чащу. Немного осталось их от огромного стада, и расплзлись они в страхе во все стороны, как беспомощные лисицы.

У всех поверженных вепрей Бежан отсек слоновьи клыки и приторочил к седлу своему. Их решил отвезти он шаху как свидетельство доблести своей и силы. А туши кабаньи оставил витязь в лесу, ибо были они тяжелы, как каменные глыбы.

Между тем недостойный спутник Бежана Гургин отдыхал в безопасном месте на цветущей лужайке. Когда увидел он, что Бежан невредимым вышел из жестокой битвы, окончившейся его славной победой, охватили Гургина страх и тревога прослыть бесчестным и трусливым. И задумал он хитростью и коварством навлечь беду на бесстрашного Бежана. Явился он перед очами богатыря и сказал:

— Приветствую тебя, победоносный витязь! С тобой благодать божья и высокое счастье. Не приходилось мне видеть подобно тебе воителя. Молод ты, совершишь еще много подвигов, прославив имя свое.

Всякому сладка и приятна похвала. Не распознал юный Бежан хитрую лесть в речах Гургина и так обрадовался его словам, что забыл недавнюю свою обиду на него. На радостях вместе выпили они красного вина. Так положено было начало черному делу, и Гургин продолжал:

— Послушай, славный Бежан, заарканил ты много дичи в этом лесу, не настало ли время поохотиться на прекрасных пери?

— Какие здесь пери? — удивился юноша. На что Гургин ответил:

— Прежде не раз бывал в этих местах я и отважно бился с врагами вместе с Рустамом, Гевом и Тусом. А потому мне известно, что в двух днях пути отсюда, на туранской земле, есть благодатное место, где зеленеет трава, цветут цветы и

журчат родники. Как раз сейчас празднуют там туранцы приход весны. Повсюду

Сады, родники под шатрами ветвей,
Там отдых желанный для богатырей.
Не воздух, а мускус, и каждый поток,
Пьянит благовоньем, что розовый сок.
Узнай же, недолгое время пройдет,
Прибрежный тот луг, словно рай, расцветет;
Там станут звенеть от зари до зари
Веселые песни прекрасных пери
Туранские девы, как тополь, стройны,
Их кудри, что мускус, душисты, черны.
Их лиц под фатою нежна красота,
И розою алые пахнут уста.

Лучший цветок в том букете туранских пери — дочь царя Афросияба Манижа. Если поспеем мы на тот праздник весны, увидим, укрывшись за ветвями деревьев много красавиц. Потом незаметно похитим их у туранцев. Владыка наш Кай-Хусрав оценит такую доблесть.

Так говорил Гургин, лелея надежду, что Бежан попадетя в плен или сложит голову в неравной битве с туранцами. От слов его закипела кровь в жилах юного витязя, и он согласился поехать с ним. Мнил Бежан, что пожнет на туранском правдыке он и славу и любовь.

Отправились Бежан и Гургин в путь, ведомые любовью один и ненавистью другой. Вскоре достигли они того места на краю леса, о котором рассказывал Гургин, и сошли со своих коней. Праздник тюльпана еще не начался, и в ожидании его витязи два дня провели в охоте и пировании. На третий день донеслись до них звуки музыки и пения, а когда приблизились они к зеленой лужайке, увидели, что полна она танцующими красавицами.

Бежан сказал Гургину:

— Останься пока здесь, я один отважусь пойти на праздник, чтобы взглянуть на красивых девушек, а потом, когда ворочусь, порешим вдвоем, что делать нам впредь.

Оделся Бежан в дорогие одежды, подобающие знатному витязю: была на нем длинная каба¹ из тонкой румийской парчи, подпоясанная золотым кушаком, а на голове — корона, сверкающая изумрудами и увенчанная пером сказочной птицы Хумой; грудь юноши украшало жемчужное ожерелье, на за-

¹ Каба — широкий плащ без рукавов и подкладки.

пятьях звенели золотые браслеты. Вскочил Бежан на верного коня цвета ночи и поскакал на туранский праздник. Подъехав к нужному месту, укрылся юноша в тени высокого кипариса и жадно стал глядеть на красавиц, резвящихся на лужайке.

Легко порхали девушки в чарующем танце, нежно звучали их голоса, певшие песни под сладкозвучную музыку чанга и руда. Заметил Бежан золотой шатер, что стоял вблизи кипариса. Из него вышла красавица, подобная райской гурии, и величаво пошла к танцующим. Девушки осыпали ее яркими цветами. Догадался Бежан, что видит саму Манижу, дочь туранского царя Афросияба. Фыркнул громко конь Бежана. Обернулась царевна в стороны кипариса и увидела прекрасного юношу в драгоценном уборе и румийской кабе. Вскинула брови она в изумлении и поспешно скрылась в своем золотом шатре. Однако за то краткое мгновение облик Бежана успел зажечь любовь в сердце царевны. Тотчас же призвала она свою кормилицу и наказала ей пойти к высокому кипарису, чтобы узнать, кто этот юноша, что прячется за деревом, и что привело его сюда.

Кто этот, звезду затмевающий муж?
Виденье ль, оживший ли царь Сиавуш?

Подошла кормилица Манижы к Бежану и, низко поклонившись, спросила — кто он и откуда явился сюда. Каждый год на этом цветущем лугу встречает весну хоровод прекрасных девушек, но никто никогда не видел здесь юношей до сих пор. Отвечал ей молодой витязь:

— Сын славного Гева я, а имя мое Бежан. Явился сюда из Ирана для битвы с дикими кабанами. Много слышал я о вашем весеннем празднике и поспешил на этот луг, лелея надежду, что счастье меня не минует, и я увижу прекрасную дочь царя Афросияба. Сделай доброе дело, незнакомая женщина, отведи меня к госпоже своей, тогда ничего не пожалею я, чтобы вознаградить тебя щедро.

Вернулась кормилица в шатер царевны и передала ей слова Бежана.

— Скажи Бежану, что поразил он мой взор своей красотой. Пусть придет он в шатер и озарит радостью мою душу, — молвила Манижа, охваченная страстью.

Вошел Бежан в палатку царевны с бьющимся сердцем, и Манижа приняла желанного гостя, не скрывая своей радости. Велела она служанкам омыть ноги юноши розовой водой, а потом усадила его за стол, уставленный яствами и хрустальными кубками с красным вином. И повели беседу луноликая хозяйка

шатра и ее нежданный гость, глядя друг на друга глазами, полными любви. А красивые невольницы услаждали их слух пением и игрой на чанге и руде.

Три дня и три ночи не расставались влюбленные, но кончился праздник тюльпана и настало время возвращаться домой царевне. Не в силах была Манижа расстаться с Бежаном и задумала увезти с собой возлюбленного. Велела она своей служанке тайно подсыпать в кубок с вином усыпляющее зелье. Выпил Бежан то вино и погрузился в крепкий сон. Невольницы царевны подняли спящего витязя и отнесли в ее паланкин.

Всю дорогу до самой столицы Манижа нежно оберегала сон прекрасного витязя, а потом, накрыв спящего черным покрывалом, велела незаметно внести его к себе во дворец.

Когда проснулся Бежан и пришел в себя, вдохнув бодрящих благовоний, то увидел, что лежит на роскошном ложе во дворце царевны. Понял витязь, что любовь завлекла его в сети Афросияба, и охватил его ужас. «Только враг мог расставить мне эту западню. Будь проклят трусливый Гургин, опутавший меня ложью и лестью!» — забилась в голове Бежана тревожная мысль. А Манижа, увидев смятение на лице юноши, сказала ласково:

— Оставь сомненья и печаль, будь радостен и весел. У доблестных мужей на жизненном пути лишь битвы грозные или хмельные пиршества. Не часто выладают им счастливые мгновенья, так не упускай их и предайся им.

Проникновенные слова царевны успокоили тревогу в сердце Бежана, и он отдался воле судьбы.

Случилось так, что одна служанка проговорила привратнику у дверей дворца о веселом пире в покоях царевны. Расспросил умело болтуню пронизательный страж дворца и выведal у нее тайну о спрятанном в покоях царевны юноше, явившемся из Ирана. Страшась лишиться головы за нерадение свое, донес он обо всем царю Афросиябу.

Задрожал от гнева Афросияб, когда услышал об иранце, пленившем сердце дочери его. Тотчас призвал он брата своего Гарсиваза и повелел ему ворваться в покои Манижы и схватить неведомого витязя, который дерзко там скрывается. Схватив его, связать по рукам и ногам и немедля доставить к нему, Афросиябу.

Подъехал Гарсиваз с дружиной всадников ко дворцу царевны Манижы и услышал звуки музыки и шум веселого пиршества. Приказал он воинам окружить дворец и сторожить все выходы, чтобы никто не ушел из него незамеченным. Сам он сорвал запоры на двери и вошел во внутрь дворца. Там, в

сверкающих золотых покаях, застал он беспечное веселье. Закипел гневом злобный Гарсиваз, увидев мужчину в чертоге царевны, и крикнул громовым голосом:

— Эй, презренный скиталец, как посмел ты переступить этот порог? Берегись! Не спасти тебе своей головы!

Вскочил с места Бежан, чтобы ответить обидчику, но вспомнил, что нет у него ни меча, ни кинжала. «Сложу я бесславно голову, коль не поможет мне бог»,— подумал он в страхе, но смело ответил:

— Я — Бежан, сын Гева и внук Гешвада, знатный витязь иранского войска. Лишь тот, кто пресытился жизнью, отважится биться со мной. Тебя, Гарсиваз, я знаю, и сражение с тобой меня не страшит, но нынче я безоружен, и должен меня отвести ты к царю Турана, чтобы я поведал ему обо всем правдиво. И не худо тебе самому замолвить за меня слово перед Афросиябом, ибо достойно именитого витязя побуждать царя на доброе дело.

Но низкий душой Гарсиваз не внял гордым словам юного витязя, а велел слугам схватить его и связать по рукам и ногам. Перед злобой его и коварством бессильны были благородство и отвага Бежана. Священного и плененного привели иранского витязя к Афросиябу. Не поверил туранский царь, что забросил Бежана в его страну случай и что нет у него никакого умысла злого. Не выслушав до конца пленника, приказал он отвести на площадь Бежана и там повесить иранского витязя в назидание всем, кто впредь дерзнет ступить на землю Турана.

Когда палач уже набросил петлю на шею Бежана, явился на площадь Пиран, именитый воитель и советник царя. Обратился он к Гарсивазу, вопрошая:

— Кого хотят здесь повесить прилюдно? Кто нанес обиду царю Турана?

— Бежан, сын Гева,— ответил ему Гарсиваз.— Явился он к нам из Ирана и посягнул на священную жизнь царя.

Бросил взгляд на Бежана мудрый старец и увидел юношу в одеянии знатном, но босого, с непокрытой головой и в путах. И спросил он униженного пленника:

— Неужто и впрямь явился ты в Туран для бесчинства и злодеяний?

Горестно покачал головой Бежан и поведал Пирану, как стал он жертвой злого коварства. Понял мудрый Пиран, что правдивы слова Бежана, и ни в чем не повинен не искушенный жизнью юноша. Молвил он Гарсивазу:

— Не спеши, ибо никогда не поздно повесить плененного воина. Подожди, пока ворочусь я, исполнив задуманное.

Поспешил Пиран к царю Афросиябу и склонил седую голову у его трона. Властелин велел ему открыть свое сердце, повел мудрец такие речи:

— Вспомни, государь, как ты не внял моим увещеваньям и казнил безвинного Сиавуша, наследника иранского престола. Несправедливым тем деянием навлек ты на Туран беду и разрушение, что принесли в отмщение иранцы, ведомые прославленным Рустамом. Теперь велишь ты убить Бежана, и значит это, что снова станет плодоносить дерево несчастья, и на Туран обрушатся беды еще страшнее. Или забыл ты, Афросияб, что живы его отец, отважный Гез, и дед Гударз Гешвад? В Иране есть еще победоносный Тус и исполин Рустам. Мстя за Бежана, снова нападут они на нас, но на сей раз, как ураган, все сокрушат и уничтожат.

Молчал Афросияб, внимая горьким, но справедливым речам Пирана, потом ответил ему с гневом:

— Знаешь ли ты, что Бежан нанес бесчестье мне перед лицом Ирана и Турана? И дочь беспутная покрыла позором мою седую голову. Смеются надо мной народ и войско! Коль пощажу я дерзкого Бежана, обреку себя на уничтожение и общее презрение.

Силен был разумом Пиран, а потому постиг страдание и боль Афросияба и дал царю такой совет:

— О благородный царь, Бежан заслуживает наказания, но есть другое средство, чтоб покарать его за дерзость. Страшнее виселицы и плахи будет для него, когда исчезнет он безвестным для мира. А потому вели надеть ему оковы и бросить в подземелье. Останется он жив, и у иранцев не будет повода стремиться к мести.

Афросияб одобрил предложение Пирана. И вот на что был обречен несчастный узник по приказанию царя Турана. Раздетый донага, он был закован в цепи. Их укрепили на стенах мрачного глубокого колодца, и юноша повис над страшной бездной. Затем был привезен гигантский камень, когда-то вытасченный дивом Акваном со дна морского и выброшенный в Китайскую пустыню. Тем камнем накрыли сверху колодец, чтобы не видел узник ни солнечного света, ни сияния звезд.

А после низкий душой Гарсиваз отправился к царевне Маниже. Как повелел Афросияб, разрушил он ее дворец и с головы сорвал корону, сказав, что недостойна она ее. Словно преступницу дворцовые слуги поволокли ее за волосы и бросили у края колодца, передав ей слова Афросияба: «Бежана своего ты

видела на троне, теперь любуйся им в глубокой яме. Когда-то для него была ты радостной весной, так утешай его теперь в беде».

Несчастливая царевна, рыдая и стелая, бродила по степи вблизи колодца, пока не свалила ее усталость. Легла она у каменной глыбы, накрывшую колодец, и ногтями прорыла щель в земле под нею. Отныне царевна стала нищенкой оборванной, растрепанной и босой. Скиталась она по окрестным селениям, прося подаяние, а то, что давали ей, приносила к колодцу и спускала сквозь щель Бежану.

Трусливый спутник Бежана Гургин неделю ждал его в лесу, и не дождавшись, сильно встревожился. Сначала, желая гибели Бежана, он вовлек его в ловушку, а теперь, раскаявшись, страшился расплаты. Пошел искать он юношу, бродил по лесу, продираясь сквозь чащу, но нигде не находил даже следов Бежана. И вдруг увидел Гургин его коня с оборванной уздой и без седла. Понурился Гургин, бродил он по лугу, и сразу понял Гургин, что стряслась беда с его хозяином: пленен врагом он или, может быть, убит? Поймав арканом коня Бежана, Гургин привел его на свою стоянку. Настала ночь, но думы тяжелые гнали сон от нечестивого Гургина. Наутро вскочил он на своего коня и, держа коня Бежана за повод, помчался в обратный путь, в Иран.

Когда достиг он Ирана, быстро разнеслась по стране весть о том, что один вернулся из Армана Гургин. Дошла та весть и до ушей Гева, отца Бежана. Волнение охватило именитого богатыря, вскочил он в один миг на коня и помчался к дому злосчастного Гургина. А в голове его роились мысли о предательстве и обмане. Узнав, что Гев подъезжает к дому его, низкий Гургин вышел навстречу и упал к его ногам со словами:

— Прости меня, именитый витязь, что не осмелился я явиться к тебе с недоброй вестью. Но напрасно терзает тебя тревога, ибо жив сын твой Бежан, и, если позволишь, поведаю я тебе о том, что с ним приключилось.

А храбрый Гев увидел уже в стойле Гургина коня Бежана и зашатался в седле от тяжких мыслей, что дом его постигла ужасная беда — погиб его Бежан в жестокой битве с чудовищами. Разорвал он на себе одежды и упал на землю с громкими стенаниями:

— Злая судьба навеки разлучила меня с любимым сыном. Призови меня к себе, всевышний создатель, ибо нет для меня без него радости в этом мире!

А когда вернулся к несчастному Геву разум, стал вопрошать он спутника своего сына:

— Что приключилось с вами в походе против чудовищ? Может встретился вам кровожадный див и одолел юного моего сына?

И Гургин поведал Геву о том, как сражались они с дикими кабанами:

— Когда приблизились мы к Арману и углубились в лесную чашу, где обитали свирепые вепри, увидели вытопанную землю и вырванные с корнем деревья. С грозными криками помчались мы дальше по земле без единой травинки и увидели стадо чудовищ; каждый зверь был величиной с гору. Набросились на нас вепри, обнажив слоновьи клыки свои, и стали мы, как лютые тигры, биться с разъяренными хищниками. Весь день, пока не зашло солнце, повергали мы на землю свирепых вепрей. А когда не осталось среди того стада ни одного живого зверя, стали мы поднимать на пики огромные туши и громоздить из них высокую гору. Белые дорожки клыки кабанов вырвали мы из пастей и, прихватив с собой, повернули обратно, чтобы вернуться домой с победой. Вдруг явился перед нашим взором огромный онагр. Мчался он так, словно летел на крыльях Симурга. Касалась земли его черная густая грива, ростом был со слона и с шеей льва. Казалось, то был и конь и птица одновременно. Но конь такой мог родиться только от Рахша Рустама, а птица — вывестись из яйца Симурга. Зачарованным взглядом смотрел на онагра юный Бежан, а потом запустил свой длинный аркан, и в плену оказалась голова зверя. Но он не остановил свой резвый бег и потащил за собой на коне Бежана. Мчался онагр и Бежан вслед за ним, не выпуская из рук аркана. Вскоре скрылись они с глаз моих, оставив за собой густую завесу пыли. Остолбенел я от чудесного того виденья, а когда очнулся, бросился вслед за Бежаном. Долго искал я его повсюду, носясь по степям, горам и лесам, не разбирая дороги. Скакал до тех пор, пока не изнемог мой конь от неистовой скачки. Но тут увидел я вороного коня славного Бежана. Брел тот понуро, со сползшим под брюхо седлом и повисшими стремянами. Ужаснулся я и подумал: «Чем же кончилось состязание Бежана с онагром? Или был не онагр то, а могучий див в его облике?..»

Слушал Гев рассказ Гургина, и сдавалось ему, что сбивчива его речь, страх в глазах и дрожь во всем теле. И открылось витязю, что нет правды в его рассказе, что виновен он сам в беде, постигшей Бежана. Потянулась к кинжалу рука именитого воина, чтобы утолить охватившую его жажду мщения. Но тут подсказал ему недремлющий разум, что скорая расправа со злодеем немного принесет пользы, а лучше предать его правосудию Кай-Хусрава.

И грозно Гургину кричит он: «Злодей,
Бесчестный, злокозненный недруг людей!
Ты предал отраду, надежду мою,
Владыки и войска опору в бою
Отныне на многие дни без дорог
Скитаться по свету меня ты обрек.
Ужель усыпить помышляешь меня,
В коварную сеть небылиц замаяя?
Знай, землю тебе уж недолго топтать,
Дай только пред шахом с тобою предстать!
За светоч души, за Бежана потом
Тебе отомщу я булатным мечом»

Явился к Кай-Хусраву убитый горем отец и рассказал о том, что он услышал от Гургина. Закончил Гев так:

— О счастливый царь, пришел к тебе я с горем и обидой, чтоб покарал ты низкого изменника, сгубившего сына моего Бежана. Сверши же праведный суд.

Ответил ему царь Кай-Хусрав:

— Не печалься и не теряй надежды увидеть сына, отважный Гев. Не таков Бежан, чтоб смог его коварно погубить презренный Гургин. Подсказывает мне сердце, что жив он. Во все концы земли разошлю я своих гонцов, чтобы искали они Бежана. Если они не найдут его, то в день Навруза взгляну я в волшебную чашу Джамшида и увижу то место, где скрывают от нас Бежана.

А презренного Гургина царь гневно прогнал из дворца, приказав связать его и посадить в темницу.

Всадники Кай-Хусрава облетели весь мир в поисках пропавшего Бежана, но нигде не нашли и следов его.

Волшебная чаша-зеркало Джамшида лишь в день весеннего равноденствия показывала то, что пожелает ее владелец. И вот настал фарвардин — первый месяц солнечного календаря. В первую семидневку его — хормоз — царь, облачившись в одежды из румийской парчи, направился в молельню, где горел священный огонь. Там воздал он хвалу создателю, очистился перед огнем от грехов, как предписывала его вера, а потом велел принести чудотворную чашу. Взглянув в нее, увидел Кай-Хусрав все семь поднебесных стран с их горами, степями, долинами и городами. Вот показалась и туранская земля. Остановилось в зеркале вращение земли и небосвода, и царь увидел колодец, накрытый каменной глыбой, а в нем — Бежана, закованного в тяжелые цепи. У ямы той сидела бедная девушка, босая, в изорванном платье, и лились из глаз ее горькие слезы.

Засмеялся от радости царь Кай-Хусрав и поспешил сообщить храброму Геву счастливую весть:

— Радуйся, богатырь, жив твой сын, он в Туране! — Но потом складка печали пересекла лоб его, и добавил он: — Но в яму заточен он.

Понстине муки безмерные он
В той тесной темнице терпеть осужден.
Так тяжек Бежана удел, что о нем
Льет слезы подруга и ночью и днем
От близких и мрлых отторг его рок,
Трепещет душа, словно ивы листок,
Он в горести плачет, как тучка весной,
И ждет избавленья от жизни земной.

Никто кроме могучего Рустама не вызволит его из плена. Богатырь тот не раз одерживал победу над воинством Афросияба. Одно лишь имя его вселяет ужас в сердца туранцев. Львиная длань исполина и чудовище морское вырвет из пучины.

Славный Гев помчался быстрее ветра в Полуденную страну к могучему Рустаму, чтобы доставить ему послание Кай-Хусрава. Взывал царь Ирана к Рустаму как к надежде и опоре страны всей, называл его сильнейшим из сильных, спасителем страждущих и грозой злодеев. А в конце призвал героя к подвигу великому, лишь ему одному посильному: освобождению витязя Бежана из туранского плена.

Как ни обрадовала Рустама встреча с Гевом, вмиг опечалился он, узнав о несчастной участи Бежана. И поклялся прославленный богатырь вызволить из темницы дорогого ему витязя, внука своего, и привезти его с почетом и славой в Иран. Иначе напрасно зовут его Рустамом — исполном слоновотелым.

Стал Рустам собираться в путь, а Гев поехал в столицу вперед, чтобы известить Кай-Хусрава о скором прибытии славного богатыря Ирана. Как только требовал обычай благородных, выслал царь навстречу Рустаму свою дружину во главе со знатными предводителями. Торжественно и пышно встретила любимого богатыря столица. Кай-Хусрав устроил в его честь царский пир и веселый праздник.

Ночью слуга принес Рустаму письмо от злосчастного Гургина, заточенного шахом в темницу. Вот что писал ему царский пленник: «О могучий и счастливый Рустам, нет равных тебе по величию и силе, доброте и благородству в этом мире. Пусть не прогневит тебя исповедь о моих бедах, ибо погас свет разума в голове моей, когда свернул я с прямого пути чести и

пошел кривой дорогой лжи и измены. Молю я справедливого нашего властелина простить мне вину мою и позволить идти с тобой спасать храброго Бежана, чтобы смог я упасть в пыль возле его ног и просить о прощении. Так хочу я на склоне лет обрести утраченную честь и вернуть свое доброе имя».

Отвечал на это богатырь Рустам: «Как нечестивец отдал ты разум в жертву низкой своей страсти, оттого поддался измене и обману. Поступил ты, как дряхлая лисица, которая схитрила, но не заметила капкан охотника. Коль искренне раскаиваешься ты в содеянном, испрошу для тебя у царя прощения, но лишь когда спасем мы с помощью всевышнего Бежана и благородный Гев откажется от мести. Но если отвернется от Бежана судьба, не избежать тебе расплаты за свое коварство».

Внял Кай-Хусрав просьбе Рустама, выпустил Гургина из тюрьмы и повелел ему быть под началом богатыря. А потом обратился к Рустаму с таким напутствием:

— Коль собрался ты идти войной на Афросияба, дам я тебе под твое предводительство храброе войско и раскрою двери сокровищниц. Но страшись коварства туранского царя, который не преминет убить Бежана, когда узнает о твоём походе. Ведь правит его помыслами дух зла Ахриман.

Отвечал ему на это могучий Рустам:

— Думаю и я, что не должно до времени пугать Афросияба военным походом, ибо не меч и не булава решат исход задуманного дела, а разум и хитрость. Хочу я проникнуть в Туран под видом богатого иноземного купца. Но для успешной торговли нужны мне роскошные одежды, яркие ковры и еще золото, серебро, жемчуг и драгоценные камни.

Одобрил Кай-Хусрав хитрый замысел могучего Рустама и велел казначею открыть для него двери старинных и богатых своих сокровищниц.

Погрузили на десять верблюдов сундуки с золотом, серебром и драгоценными камнями. На сто верблюдов навьючили тюки с богатой роскошной одеждой и яркими коврами. За караваном шли тысячи верховых воинов и столько же пеших, а вели их прославленные богатыри Занга, Густахам, Гуроз, Рухом, Фарход и Ашкаш, самые доблестные и храбрые витязи Ирана. Шел мнимый торговый караван тот в сторону Турана.

Когда подошли к границе туранской земли, повелел Рустам дружине оставаться на месте и не двигаться никуда. Сам же Рустам и другие прославленные предводители прикрыли военные доспехи простой одеждой, под ней спрятали и оружие и пошли с караваном верблюдов по городам и селам Турана как

купцы, торгующие дорогим товаром. Звон колокольчиков ста десяти верблюдов оглашал степи и горы.

Вскоре достигли они большого города где правил знатный туранский витязь Пиран. Явился Рустам в одежде купца в его дворец, вознес хвалу ему и призвал божье благословение. А потом преподнес в дар чашу, полную жемчужин и алмазов, и двух коней, покрытых золототканной попоной. Не узнал туранец прославленного Рустама в его новом обличье и спросил:

— Кто ты и откуда идешь?

— Я купец и твой верный слуга,— отвечал ему Рустам с поклоном, приложив к груди руки.— Прodelал я долгий и трудный путь из Ирана в Туран со своим караваном и с помощью бога пришел в этот город. Здесь желаю я остановиться, чтобы продавать и покупать. Если именитый правитель окажет мне покровительство свое, продам я без убытка золото и драгоценности, одежды и ковры, а потом куплю стада скота и табун коней. Никто не посмеет нанести мне урон и обиду под твоей защитой, и тогда увеличу я свое богатство.

Сделали свое дело щедрые дары иранцев, и правитель принял купца ласково и усадил рядом с собой на возвышение. Сказал он:

— Будь весел и радостен, честный торговец, покупай и продавай в моем городе все, что пожелаешь, будь спокоен, не понесешь ты ущерба. Тебе вместе с твоим караваном и грузом дам я пристанище в моем дворце.

Расположились довольные путники во дворце, отведенном Пираном, вытащили из тюков свои товары и принялись торговать.

Весть о том, что прибыл в город купеческий караван из Ирана, быстро разнеслась по всей стране. И стали отовсюду стекаться покупатели, жаждущие золота, драгоценностей, ковров и одежд. У дворца того зашумел, загудел базар.

Подошла как-то к торговым рядам бедная девушка, лицом красивая, но в разорванном платье, босая, с распушенными волосами. Грязным рваным рукавом вытирала она обильные слезы, когда обратилась с мольбой к Рустаму—«торговцу»:

— Услыхала я, что прибыл ты к нам из счастливого и богатого Ирана. Пусть милостива будет к тебе судьба и богатством вознагражден твой труд! Да не упадет на тебя дурной взгляд, минуя ущерб и вред, лишь счастье и благо пусть сопутствуют тебе в деле. Да не посеется отчаяние и печаль в твоём сердце, и всеми твоими деяниями пусть движет разума свет.

Пожелав добра и счастья, стала вопрошать она купца:

— Слышал ли ты что-нибудь о славных иранских богатырях Гударзе и Геве? И помнят ли в Иране отважного Бежана, сына Гева?

Уж многие дни богатырь молодой
В темнице томится, сраженный бедой.
От вечного мрака Бежан изнемог,
Ни с кровоточащих, израненных ног,
Ни с рук изможденных не сбросить оков;
Нет мочи от тяжких железных тисков.
Я хлеба прошу для него день и ночь,
От стонов несчастного сердцу невмочь!

Отчего же ни отец Бежана, ни дед не спешат в Туран, чтобы спасти дорогое им чадо?

Речи незнакомой девушки вселили в Рустама опасение: не подослана ли она к нему, чтобы выведать у него его тайну? Сдвинул брови мнимый купец и закричал грозно:

— Прочь ступай, болтливая женщина! Не видел я никогда царских богатырей и не знаю ни Гева, ни Гударза. Лишь мешаешь моей торговле ты глупыми речами.

Еще сильнее заплакала несчастная девушка и промолвила с обидой:

— О благородный странник, ранят мне сердце грубые твои слова. Видно, стыдишься ты отвечать презренной нищенке и потому гонишь от себя, осыпая бранью. Или такой обычай у вас в Иране прогонять бедняков, молящих о помощи?

Устыдился Рустам своей жестокости и ответил так бедной девушке:

— Погружен я был в заботы о том, как лучше продать и купить, когда нарушила ты течение моих раздумий. Оттого и нанес я тебе обиду несправедливыми словами. Прости и не принимай близко к сердцу. Да и правду тебе сказал: не в царском дворце я живу, а в простом жилище, а потому не видел ни шаха Кай-Хусрава, ни витязей его Гева и Гударза.

Затем велел Рустам слугам расстелить перед девушкой ска-терть с разными кушаньями, сел и сам подле нее и вступил с ней в беседу. Спрашивал он:

— Кто ты и откуда явилась сюда? Что за беда постигла тебя? И какое дело тебе до иранских богатырей?

Тяжко вздыхая и проливая горькие слезы, поведала девушка Рустаму о том, сколько бед испытала она от жестокой судьбы. А потом открыла неведомому, но доброму купцу из Ирана, что не простая нищенка она, а дочь самого царя Афросияба. Так закончила она свою печальную повесть:

— А теперь хожу я от двери к двери и прошу милостыню.

чтобы отнести хлеб несчастному Бежану, томящемуся в глубокой яме. Не видит он солнечного света и о смерти молит творца. Тяжело мне смотреть на его страдания и скоро иссякнут у меня слезы. Но не угасла в сердце моем любовь к Бежану, а потому провожу я дни свои у колодца, прогоняя от него печаль и отчаяние. Прослышав о купце, прибывшем из Ирана, поспешила я сюда с надеждой, и теперь молю тебя о помощи: когда вернешься в Иран, повидай Гударза и Гева или самого прославленного Рустама. Расскажи им о несчастном Бежане, пусть скорее придут они в Туран и освободят его из черной ямы.

Радость охватила могучего Рустама: теперь он знает, где спрятан от мира отважный Бежан! «Удался хитроумный замысел мой. Но не только мой разум и сила принесут спасение Бежану, оно — и в верной любви прекрасной Манижы», — подумал он и сказал царевне:

— Если бы не страшил меня гнев грозного отца твоего Афросияба, щедро одарил бы я тебя, царевна Манижа. Но участь возлюбленного твоего Бежана больно отозвалась в моем сердце, и потому снеси ему вот эту птицу, которую искусно зажарил мой повар.

Незаметно сняв с пальца перстень, мнимый торговец спрятал его внутри птицы. Потом завернул ее в тонкую лепешку и подал Маниже со словами:

— Вот дар для твоего Бежана.

Поспешила Манижа к своему возлюбленному с вкусной ношей в руках.

Давно уже пленник ямы не едал такого яства. Дивился Бежан, где раздобыла Манижа это богатство? Донесся до девушки голос его из глубины колодца:

— О нежная подруга моя, скажи, откуда это сладкое кушанье?

С радостью поведала ему Манижа об иранском купце, достойном и мудром муже, который привез в Туран немало роскошных товаров. А как узнал он о горестной судьбе Бежана, послал ему это яство со своего изобильного стола.

Вдруг увидел Бежан перстень и узнал его тотчас: на золотом ободке была печать Рустама, а на голубом драгоценном камне тонкой линией начертано его имя. Сильно забилося сердце Бежана, ибо он догадался, что избавление его уже близко. И засмеялся пленник от переполнившей его радости. Услышав громкий смех из тьмы колодца, Манижа изумилась: «Чему может смеяться одинокий узник в темнице, закованный в цепи? Или от горя лишился разума возлюбленный мой Бежан?»

— Какая причина твоего счастливого смеха, который доносится до меня, как грохот падающей воды? — спросила она. На что Бежан ответил:

— Луч надежды на скорое избавление пронзил тьму моего подземелья. Поклянись сберечь эту тайну, и я открою тебе причину моего смеха. Пусть страшная клятва замкнет уста твои и отведет беду, ибо всякий знает, что женский язык не связать, если даже пришить одну губу к другой.

Ответила Манижа, не скрывая обиды на несправедливые слова Бежана:

— Тяжкое горе взвалила судьба на мои плечи, и опять преследует меня по пятам. Из-за любимого изгнана я из родного дома и отвергнута венценосным отцом. Утратив дворец и богатство, скитаюсь оборванная и босая, проливаю кровавые слезы и все без надежды. И вот мне награда: любимый Бежан не может доверить мне тайну, скрытую в темном колодце!

Сразу пришло раскаяние к Бежану, и сказал он виновато;

— Упреки твои справедливы, верная и любящая моя подруга. Из-за меня терпишь ты страдания и муки. Слова те жестокие я произнес, не подумав. Видно, от горя помутился мой разум. Так знай же, что этот купец иранский лишь ради меня прибыл в Туран. Торговля — предлог для него, и не тот он, за кого себя выдает. Наконец создатель услышал меня и явил свое милосердие: пришел из Ирана доблестный муж, освобождает он меня от оков и темницы, а тебя избавит от мук и скитаний. Когда придешь к нему снова, проси, чтоб открылся тебе, не таясь, что прославленный он Рустам, сын Золя Достона.

Понял могучий Рустам, что Бежан узнал его перстень и открыл Маниже свое имя. Так сказал он ей:

— Долго страдала ты, разделяя несчастную долю с Бежаном, но теперь избавление ваше близко. Скажи Бежану, что он не ошибся. Бог услышал его молитву и привел в Туран самого Рустама, который прошел долгий путь из Забула в Иран и оттуда в Туран лишь для того, чтобы выволнить его из плена.

Велел Рустам Маниже весь день собирать сухой валежник и складывать его у колодца, а как стемнеет, поджечь всю кучу, чтобы костер тот указал ему дорогу к тюрьме Бежана.

Манижа сбросила с плеч груз тяжелых страданий и теперь носилась на легких крыльях счастья от колодца к дворцу на площади и оттуда обратно к колодцу. Сначала доставила она добрую весть Бежану о близком его спасении, а потом отправилась в лес исполнять веление Рустама. Скоро уже высилась у колодца гора поленьев и сучьев, и Манижа устремила взор

свой к небу, ожидая нетерпеливо, когда же скроется солнце за небесами... Вот опустилась на землю желанная ночь, и все погрузилось во мрак. Запалила царевна сухие дрова, яркое пламя осветило непроглядную тьму.

Прошло немного времени, как услышала Манижа стук лошадиных копыт. Это на свет огня скакали Рустам и семь иранских богатырей. Спешились витязи и принялась поднимать гранижную глыбу Акван-дива, закрывавшую вход в колодезь. Но не могли ее даже сдвинуть с места семь сильнейших в мире богатырей. Увидел Рустам, что не увенчан успехом тяжкий труд его витязей, спрыгнул с коня, засучил рукава кольчуги и затянул потуже свой пояс. Затем двумя руками обхватил он каменную плиту, разом поднял над головой и отшвырнул далеко в сторону. В открывшийся колодезь опустил Рустам свой длинный и крепкий аркан и вытащил наверх узника, так долго не видевшего солнечный свет. Ужасен был его вид: израненное тело опутали ржавые цепи, длинные спутанные волосы спускались до пояса, а на руках и ногах, как когти у зверей, загнулись отросшие ногти. Горестный крик вырвался из груди Рустама при виде свидетельств жестоких страданий, и поклялся он отомстить Афросиябу за муки и унижения Бежана.

Сначала ударом мощной руки сбил Рустам тяжелые цепи с тела Бежана, а потом велел умыть его и одеть в подходящие ему одежды. И перед взорами иранских богатырей предстал прекрасный юный витязь в прекрасном своем облике.

Велел Рустам храброму Ашкашу вести караван верблюдов обратно в Иран, а сам стал готовиться к тому, чтобы отомстить Афросиябу за смерть Сиавуша и страдания Бежана. Спасенный витязь остался вместе с ним, хоть и был он измучен долгим пленом, ибо хотел быть рядом с Рустамом в справедливом деле отмщения.

Тайным, скрытым от чужих глаз, был поход семи иранских богатырей в столицу Турана. Шли они только ночью, укрытые тьмой, а при свете дня прятались в чаще лесов и горных ущельях. На четвертую ночь незамеченными вошли в город.

Стремительно ворвались богатыри в погруженный в сон царский дворец и вмиг разметали стражу и дружину воинов. Сам же владыка Афросияб спас свою жизнь, в страхе бежав из дворца по подземному ходу. Совершив возмездие, иранцы покинули столицу Турана и поспешили к границе, где остался отряд храбрых вонтелей. Вместе с ними догнали богатыри ушедший вперед караван, ведомый Ашкашем.

Опомнившись от страха, Афросияб послал вслед иранцам

свою дружину. Завязалась битва между войском Афросияба и отрядом отборных иранских всадников. Во главе со славным Рустамом иранцы одержали победу, наголову разбив туранцев.

Что до юных влюбленных, Бежана и Манижы, то они благополучно прибыли в Иран, и над ними засияла звезда счастья и успеха.

Рассказывают, что когда-то столицей Ира^{на} был город Балх, а правил страной шах Гуштасп. Случилось так, что явился к нему человек по имени Зардушт и назвался пророком, посланным с небес на землю. В руках у него была жаровня, полная горящих углей, и сказал он, что это дар людям из небесного рая. Создатель мира повелел теперь почитать священный огонь вместо идолов.

Так сделал пророк Зардушт шаха Гуштаспа огнепоклонником, а вслед за ним обратились к новой вере¹ все остальные иранцы.

В столице своей Гуштасп построил высокий храм Мехрбарзин, и был он самым большим святилищем приверженцев веры Зардушта — зороастрийцев. А пророк, явившийся с неба, посадил перед входом в храм кипарис. Когда выросло дерево и поднялось до самого неба, назвали его Кишмарским кипарисом. Сказал зороастрийцам Зардушт, что в день светопреставления верные последователи его религии взойдут в рай небесный по этому священному дереву. Царь Гуштасп был самым благочестивым поборником веры Зардушта, и потому усердно заботился о том кипарисе и берег его. Позже он воздвиг рядом с Кишмарским деревом свой роскошный дворец.

В те времена шах Гуштасп платил дань могущественному правителю Чина и Турана хакану Арджаспу. Но Зардушт сказал: «Вера наша самая истинная, и не годится царю Ирана платить дань неверному хакану». Тогда Гуштасп, следуя словам пророка, перестал платить дань хакану Турана и Чина.

Не смирился могущественный Арджасп с непокорностью Гуштаспа и пошел войной на Иран с огромным войском. Шах

¹ Имеется в виду зороастризм — религия, возникшая на рубеже 2-го и 1-го тысячелетия до н. э. Основные положения — борьба добра и зла, культ огня.

Ирана не устоял против натиска многочисленного и сильного воинства и был побежден хаканом. Много знатных витязей и храбрых предводителей пало в той жестокой войне, погиб и брат Гуштаспа полководец Зарир.

Над Ираном нависла угроза разорения и гибели.

Был у шаха Гуштаспа сын по имени Исфандиер, слывший отважным и могучим вонтелем. Раз призвал он его к себе и говорит:

— Ставлю я тебя предводителем моего войска. Пойдешь войной на хакана Арджаспа, разгромишь его рать и выметешь с иранской земли. Когда вернешься назад победителем, сниму я свой царский венец, возложу его на твою голову, и станешь ты править Ираном.

Молод был царевич Исфандиер и пока не имел других занятий, кроме игры в чавган, конных скачек по степям Хорасана да охоты на диких зверей в горах Бадахшана. Любил он и веселые пиры в блистательных дворцах, где пели сладкоголосые певцы и порхали чарующие танцовщицы. Ловок и отважен был Исфандиер, но еще более умен и прозорлив. В жестокой и опасной войне с хаканом явил он все свое искусство и умение.

Готовясь к войне, стянул Исфандиер в иранскую столицу все отряды вонтелей, которые стояли в разных концах страны. Когда собралось большое войско, построил он его в ряды и поставил во главе отрядов славных богатырей и храбрых полководцев. Правым крылом предводительствовал брат Исфандиера Фаршедвард, а левым — Настур, сын Зарира. Сам Исфандиер в железных доспехах, в стальном румийском шлеме на быстроходном коне встал впереди всего войска. Перед выходом из ворот города бросил он боевой клич:

— О храбрые витязи! Не страшитесь смерти! Ведь смерть не приходит без срока, но когда он настает, то лучше погибнуть на ратном поле!

Пусть палицу каждый заносит свою!
Высокую доблесть явите в бою!

По приказу Исфандиёра разом открылись все ворота города, и войско устремилось грозным потоком, бурлящим ненавистью к врагу.

С жаром кинулась иранская рать на битву с воинством хакана Арджаспа. Могучий Исфандиер ударами тяжелого меча сшибал с коней всадников, разил булавой пеших бойцов, набрасывал аркан на головы бегущих. Отважный Фаршедвард первым смял левое крыло вражеского войска и разметал его. К тому времени Исфандиер успел опрокинуть середину туран-

ского строя и поразить его в самое сердце. Орда хакана не выдержала такого мощного натиска, ряды ее были расстроены, а бойцы охвачены смятением и страхом. Самый искусный военачальник хакана Бедурафш пал в единоборстве с Исфандиером. И тогда хакан Арджасп обратился в бегство, а остатки разбитого его войска бросали оружие и запросили пощады.

Так могучий и отважный Исфандиер спас свой народ и страну от смертельной опасности.

Когда Исфандиер вернулся в Балх победителем хакана Турана и Чина, Гуштаспу предстояло исполнить то, что он обещал сыну, посылая его на войну с Арджаспом. Но лишь миновала опасность, грозившая Ирану, пожалел царь, что так поспешно и неразумно дал слово Исфандиеру: не хотел он расставаться с венцом и треном. Стал Гуштасп искать достойный повод, чтобы не исполнить своего обещания.

Однажды спросил он Исфандиера, когда собрались в его дворце все знатные мужи Ирана:

— О могучий и непобедимый богатырь, разве не мечтаешь ты больше о ратных подвигах?

Поклонился царевич владыке и ответил:

— Если велит мне счастливый царь Ирана, с радостью отправлюсь я в военный поход, чтобы совершить подвиги и прославить его имя.

Ответ такой очень обрадовал Гуштаспа. И молвил он:

— Велю тебе, славный Исфандиер, вести войско в другие страны, чтобы обратить всех людей, обитающих в них, в нашу истинную веру!

Придворные склонили головы перед царем, одобряя мудрое и богоугодное решение повелителя. А Гуштасп так напугствовал сына:

— Не забыл я, что обещал сделать тебя царем, но ты еще молод и должен не раз изумлять мир своими подвигами. А теперь готовься к походу и возьми из моих сокровищниц все, что пожелаешь.

И отправился Исфандиер в долгий поход, обращая народы других стран в веру Зардушта.

А между тем враги и ненавистники его при дворе Гуштаспа плели сети коварства. Больше всех ненавидел Исфандиера низкий душой Гуразм, хоть и являлся он самым приближенным к царю и был из его рода. Тайной для всех была его ненависть, а потому хитро расставлял он силки козней.

Настало время, когда сказал Гуразм шаху Гуштаспу на веселом пиру.

— Много мудрых истин открыто правоверным мобедам, по-

читателям священного огня. Одну из них слышал я, и гласит она: «Когда возвышается юноша и отличается дивными делами, не почитает он больше взрастившего его отца. А если такой сын обретает могущество и власть, закатывается звезда счастья престарелого родителя его». И еще говорят мудрецы: «Если раб не повинуется господину своему, ему отрубают голову».

Изумился шах словам Гуразма и спросил, что означают странные его речи. Может владеет он какой-нибудь тайной?

— На веселом пиру не место открывать страшные тайны,— ответил Гуразм шаху Гуштаспу.

Тогда царь покинул зал пиროвания и укрылся в своем покое, призвав к себе одного лишь Гуразма.

— Говори, не таясь, что скрываешь ты в сердце! — повелел ему царь. И Гуразм раскрыл уста для клеветы и лжи:

— О великий шах, осыпан я милостями твоими и щедростью, а потому раскрою все тайное, скрытое еще от тебя, если даже придется утратить мне твое благоволение ко мне. Знай же, владыка, прославленный Исфандиер замыслил недоброе против отца своего. Уже собрал он огромное войско, чтобы идти сюда, в Балх, тебя заточить в темницу и воссесть на престол самому, надев твой царский венец. Знаю, что омрачил я душу твою, сказав тебе откровенно то, что слышал от друзей.

Тяжесть легла на сердце царя Гуштаспа. С трудом верил он словам Гуразма: «Слыхано ли в этом мире, чтобы такое зло замыслил сын против родного отца?» Вместе с гневом закрадывался в душу шаха и страх, ибо ведомо было ему, что нет равных могучему Исфандиеру на ратном поле.

Коварная ложь Гуразма сделала свое дело: ушла отцовская любовь из сердца Гуштаспа, и поселились в нем злоба и ненависть.

К Исфандиеру в Хинд, где теперь пребывал он, Гуштасп отправил Джамаспа, своего вазира, вручив ему такое послание: «Как только прибудет к тебе мудрый Джамасп, тотчас проснись, если спишь, а коли уже на ногах,— немедля вскопи на коня и мчись вместе с вазиром в столицу. Ждет тебя великое дело. Совершить его лишь только тебе одному по плечу».

Быстрее ветра мчался Джамасп со своей дружиной в Хинд. Тридцатидневный путь преодолели они за двадцать дней и наконец достигли стоянки Исфандиера. Но его самого там не нашли: охотился он с юными сыновьями в окрестных лесах. Тотчас велел Джамасп одному из слуг без промедления отвезти

его господину известие о приезде вазира — царского посла с предписанием доставить Исфандиера к Гуштаспу.

Охватили Исфандиера беспокойство и дурное предчувствие, когда до него дошло, что царь срочно требует его возвращения. Сердце свое он открыл сыну Бахману:

— Не к добру призывает меня владыка в столицу. Чудится мне, что злой дух обольстил царя и вселил в него ко мне подозрение.

Так стоял богатырь, погруженный в грустные думы, а вдали на горе уже за клубилась пыль: то мчался к нему Джамасп со своей дружиной. Исфандиер поспешил встретить вазира на половине пути. После взаимных приветствий и пожеланий блага, посланец царя вручил царевичу грамоту властелина.

Сказал Исфандиер: «Посоветуй, мудрец,
Как следует мне поступить; ведь отец,
Как только увидит меня пред собой,
Заставит спознаться с лихою судьбой.
А если явлю непокорность ему,
Я долгу тогда изменю своему»
В ответ он услышал «Кипением сил
Ты молод, но разумом старцев затмил.
Сам ведаешь, свят для сыновней любви
Гнев даже, что в отчей пылает крови
В путь выступи. Что ни содеял бы он,—
Смирись, повелителя воля — закон»

Исфандиер отправился в Балх вместе с Джамаспом. Гуштасп созвал во дворец знатных людей, полководцев и мобедов. Возложив корону на голову, сел он на трон и положил перед собой священную книгу зороастрийцев «Авесту». Велел он слугам позвать Исфандиера.

Вошел богатырь, поклонился и скрестил на груди руки, являя покорность. Гуштасп обратился ко всем, кто сидел у трона его:

— Знатные и благородные мужи Ирана, благочестивые служители нашей веры. Созвал я вас во дворец, чтобы спросить совета и помощи. Слышал я притчу об одном падишахе, который усердно и заботливо растил любимого сына. Как превращается золотая песчинка в увесистый слиток, так и сей юноша вырос, возмужал, стал прекрасный лицом и зрелый умом.

Он витязем стал бы, любимцем побед,
В боях, на пирах несравненным, весь свет
Изъездил бы, непобедим и велик,
Достоин престола владыки владык.

Между тем отец его престарелый еще сидит в венце на престоле, а сыну он отдал казну с сокровищами и храброе войско. Но сын его низкий взлелеял недобрый замысел пойти войной на отца, чтоб завладеть венцом и престолом. Скажите же, знатные люди и мудрые старцы, как поступить должно отцу с подобным сыном?

Недолго думали мобеда и благородные и ответили так:

— О владыка, разум людской не в силах постичь то, что поведал ты благосклонно. Возжелать трон и венец при живом отце мог лишь наследник коварный и неразумный.

И тогда царь вскричал, указав на Исфандиера:

— Вот он перед вами тот сын, который желает смерти отца!

С изумлением обернулись к царевичу все, а Гуштасп же продолжал:

— За тяжкое его преступление воздам я карой ему соразмерной.

И тогда услышали все возглас Исфандиера:

— О великий отец мой, владыка Ирана! Никогда не желал я твоей смерти и ничем другим за всю мою жизнь пред тобой не провинился; но ты — повелитель, и я не дерзаю роптать на твое деяние. Смиренно тебе покорюсь, но совесть моя чиста.

А шах велел заковать того, кого назвал он изменником, в тяжелые цепи и бросить в темницу.

И вот кузнецы, что оковы куют,
Склонясь, перед взором царя предстают.
Закован царевич у всех на глазах,
И руки, и ноги его в кандалах,
И каждый, взглянув, слезы горькие лил —
Цепей столь тяжелых никто не носил!

Затем царевича в оковах и путах усадили на спину слона и отвезли в дальнюю крепость Гунбадан, что стояла в горном краю. Там за руки и за ноги приковали его к железным столбам. Обреченный на неслыханные страдания, три года томился в оковах славный богатырь, водивший войска в победоносные походы.

Юные сыновья Исфандиера и брат его Фаршедвард в тайне от жестокого Гуштаспа посещали крепость Гунбадан и дружеской беседой утешали несчастного узника.

Тем временем, царь Гуштасп, забыв опального сына, отправился в Систан. Впереди войска его шли благочестивые мобе-

ды и несли в руках «Авесту», ибо шах шел обращать в новую веру заблудших идолопоклонников. В Систане во дворце его прославленного правителя Рустама Гуштасп оставался целых два года.

Новое нападение на Иран хакана Арджаспа

Когда хакан Турана и Чина узнал о том, что Гуштасп покинул Балх, а сын его, могучий Исфандиер, сидит в заточении, он решил, что настало самое благоприятное время, чтобы начать с Ираном войну.

Проворный и ловкий хаканский лазутчик Сутух проник в Балх и проведал, что там остались лишь престарелый царь Лухрасп и семьсот мобедов-огнепоклонников. Во всей стране нет ни единого конного воина, а правитель и святые жрецы дни и ночи проводят в храмах у священного огня.

С радостью воспринял весть эту владыка Турана и сказал он вождям:

. . . . «Раздробленную рать
Вам должно теперь воедино собрать».
Объездили те все просторы страны,
В степях и горах, где паслись табуны,
Везде побывали, собрали бойцов,
Туранской земли верховых удальцов.

Многочисленное войско хакана под водительством старшего его сына Кухрама, сильного и отважного богатыря, тотчас двинулось на столицу Ирана.

Царь сыну сказал. «Избери верховых,
Не знающих страха бойцов удалых.
Скачите, не ведая устали, в Балх —
У нас ведь темно из-за Балха в глазах.
Кого бы ни встретили вы из врагов,
Из огнепоклонников, дива сынов,—
Разите его, дом сожгите дотла,
День светлый для них да окутает мгла!
Тебе подчинится иранский весь край,
Ты — острый булат, враг — ножны твои, знай!»

И вот уже Кухрам с сотней тысяч бойцов перешел реку Джайхун. Следом за ним шел Арджасп с десятитысячным войском.

Как ураган, налетела на землю Ирана дикая орда, все круша и сметая на своем пути. Двигаясь к столице, разоряли и грабили туранцы города и села, убивали их жителей. Когда завоеватели подошли к стенам Балха, ужас охватил незащищенный город. Тогда престарелый Лухрасп вышел из молельни и облачился в военные доспехи. Громким голосом призвал он народ защитить свой город. И вышли все жители Балха, старые и молодые, взяв в руки палки, топоры и мотыги, и принялись биться с врагами отважно и неустрашимо. Сам Лухрасп на боевом коне и с палицей, увенчанной коровьей головой, явил пример невиданной доблести. Справа и слева падали враги, сраженные его палицей, и земля под копытами его коня смешалась с кровью. И тогда понял Кухрам, что не одолеть ему горожан Балха, пока не сразит он насмерть неведомого их предводителя.

Никто из туранских воителей не отважился биться один на один с распаленным в сражении Лухраспом. И тогда решили они окружить старого царя со всех сторон и напасть всем вместе, как львы бросаются на слона.

И вот уже палицы гулко стучат,
Воинственных всадников клики звучат.
Взмолился Лухрасп к властелину миров;
Он, дряхлый, один в окруженьи врагов,
От зноя к тому же изнемог, и беда
Приспела, царева погасла звезда.
Пал старец, сраженный туранской стрелой,
Настиг боголюбца удел его злой,
Глава венценосная пала во прах.

Подошли туранцы к убитому исполину и сняли боевой шлем с его головы. Изумленным их взорам открылось лицо старика, обрамленное белыми кудрями. Подивились закаленные в битвах бойцы, что дряхлый старец этот сражался словно юноша, поднимая тяжелую палицу и заноса над головой стальной меч. «Кто он такой?» — спрашивали они. И ответил Кухрам своим воителям:

— Узнаю я царя Лухраспа, отца венценосного шаха Гуштаспа. Устав от военных походов и веселых пиров, ушел он от дел мирских, охладел к венцу и престолу и обратил свой взор к небесам. С тех пор все дни проводил он в молельне, коленопреклоненный у священного огня, и возносил хвалу всевышнему богу. Но когда Гуштасп неразумно оставил Балх, поручил он править страной Лухраспу. Был он шахом Ирана и он

убит, и нами одержана победа. Значит свергнут с престола и шах Гуштасп.

Возликовали туранские воины и принялись грабить и разорять побежденную страну, насилиям и убийствам подвергать ее народ. Разрушили они зороастрийские храмы и молельни, растащили их роскошное убранство и хранившиеся там сокровища. Не пощадили даже благочестивых мобедов, молившихся у священного огня. Были жрецы жестоко убиты, и кровь их залила почитаемое пламя.

Ничего не ведал царь Гуштасп о несчастье, постигшем его страну, ибо Арджасп велел сторожить все пути и дороги из Балха, и никто не мог пробраться в Систан.

Только умная и отважная супруга Гуштаспа сумела ночью выехать из ворот города в одежде туранского воина. Вихрем помчалась она в опасный путь, а когда Балх остался далеко позади, снова облачилась в царскую одежду и надела перстень со знаком шаха Гуштаспа. По нему узнавали страждущие люди свою царицу, которая спешила в Систан к венценосному супругу, и приходили на помощь ей.

Словно вихрь, мчалась царица, двухдневный путь преодолевая за один день, и наконец достигла Полуденной страны. Увидев шаха на берегу реки Хирманд, где беспечно охотился он, не ведая о беде, вскричала отважная царица:

— О великий шах, зачем покинул ты Балх и остался надолго в Систане? Нависла беда над Ираном, черные дни настали для его народа!

Гуштасп так ответил на горестный вопль царицы:

— Коль дерзнул Арджасп напасть на Иран, я двину на него свое войско и залью кровью его страну!

— Не говори пустых речей, венценосный владыка! — вскричала царица. — Не знаешь ты, что убит отец твой благочестивый Лухрасп, сожжен священный храм Мехрбарзин и уведены во вражеский плен юные дочери твои, Хумой и Бехофарид.

Вопль страдания вырвался из груди Гуштаспа, и упал он на землю, лишившись сознания. А когда очнулся, вихрем помчался в свой боевой стан. Тотчас разъехали оттуда в разные стороны гонцы на быстроходных конях. Везли они послание царя Гуштаспа всем витязям и богатырям, князьям и вождем Ирана. Шах им повелевал: «Тот, кто сидит, пусть встанет, тот, кто стоит, пусть вскочит в седло. По горам и долинам, по дорогам и бездорожью мчитесь без остановок, без еды и питья в мой боевой стан со своими дружинами».

Немного прошло времени, и царь Гуштасп двинул на Балх свое огромное войско.

А орды хакана не переставали грабить землю Ирана и убивать ее жителей. Но вот дошла до Арджаспа весть, что идет на него шах Гуштасп. Тогда хакан послал гонцов в Чин и Туран к своим сыновьям и повелел им собрать новые дружины, чтобы идти в Балх на помощь ему. Вскоре многочисленное туранское воинство двинулось по степям и долинам, и так огромно было оно, что, когда голова его уже касалась ворот Балха, хвост еще был в Джайхуне.

Между тем шах Гуштасп уже подошел к Балху, и вот две враждующие рати построились для битвы на широком поле. Правое крыло иранского войска было под началом царевича Фаршедварда, а левым предводительствовал племянник шаха Настур. У туранцев во главе правого крыла стоял богатырь Кундур, а левого — могучий Кухрам. Два повелителя, Гуштасп и Арджасп, стояли друг против друга в сердцевинах своих ратей. Громкий рев барабанов, кимвалов и труб возвестил о начале сражения.

Сказал бы, свод неба кружится, летит,
И стонет земля под напором копыт
Так громко ржут кони, стучат булавы,
Что в ужасе горы склонили главы
Дождь блещущих стрел и сверканье мечей,
И возгласы грозные богатырей.
Уж в бегство пуститься и звезды хотят;
Воиные жизни своих не щадят
Средь пыли несчетные стрелы снуют
И раненых стоны над полем встают.
Три ночи, три дня ярый бой пламенел
И ратный кимвал неумолчно гремел.

Отчаянно бились иранские воины под водительством храброго Фаршедварда и шаха Гуштаспа, сопротивляясь мощному натиску туранцев. И вдруг разом расстроились ряды левого крыла, и воины побежали с поля боя: то туранский богатырь Кундур разгромил и разметал стройные ряды, а потом, преследуя убегающего врага, сумел ворваться в самую середину иранской рати. Сломилась мощь ослабевшего войска, упала решимость отважных воинов, и отступили иранцы, не удержав врага. Много воинов Гуштаспа полегло в той жестокой битве, и были среди павших тридцать восемь его сыновей.

Растрепан и убит быль горем побежденный Гуштасп и, опасаясь стать пленником туранцев, обратился он в бегство. Увидев

убегающего шаха, бросились за ним быстроходные всадники хакана и преследовали его два перехода. На помощь царю поспешил Фаршедвард, догнал преследователей и напал на них. Пока задерживал Фаршедвард туранских конников, гнавшихся за Гуштаспом, шах Ирана с верным отрядом ушел далеко вперед и спасся. А храброго Фаршедварда ранило ударом вражеского меча, и упал он с коня на землю, истекая кровью. Подоспели к предводителю верные бойцы, подняли его с земли, а потом спрятали в укромном месте от глаз туранцев.

А Гуштасп со своей дружиной достиг горной скалы, поросшей высокой травой и кустарником. По узкой тропе, незаметной для глаз, поднялись они в горы и спрятались там от погони. Высоко в горах шах Ирана разбил свой военный стан, который стал для него убежищем.

Освобожденный Исфандиер разбивает туранцев

В горестном и плачевном своем положении пожелал шах Гуштасп узнать, что предвещает ему небо. Позвал он к себе вазира Джамаспа, который славился ученостью и знанием движения небесных светил, и сказал:

— О мудрый Джамасп, взгляни на вращение небосвода и предскажи, что готовит мне злая судьба.

Ответил ему вазир-звездочет:

— О великий шах, готов я открыть тебе тайну грядущего, но тогда должен ты будешь покориться воле светил и не проявлять свой царский гнев, если звезды не возвестят тебе успеха.

— Говори, ибо подвластен я всеильному року, хоть и вознесся главой до неба,— промолвил Гуштасп.

Ночь провел мудрый Джамасп без сна, наблюдая светила на небе, а потом раскрыл книгу судьбы и так ответил царю Гуштаспу:

— Всемогущий шах, спасение твое от нависшей беды в твоих же руках. Освободи от оков могучего Исфандиера, и он избавит тебя от позорного плена.

— И мне сердце подсказывает, что спасение явится от Исфандиера,— промолвил шах.— По навету врагов угодил он в темницу, и не раз сожалел я горько о том, что содеял. А теперь он придет и избавит меня от гибели, и тогда возложу я корону на его голову и посажу на престол. Но как узнает несчастный узник о печальной судьбе иранского шаха? Кто отправится в путь опасный, чтобы вызволить его из темницы?

— Готов я мчаться к нему без промедленья, ибо не терпит беда, что нависла над нами,— сказал царю седовласый Джамасп.

— Скажи же скорее, пока ночь укрывает землю, и отвези мой привет Исфандиеру. Скажи, что царь полон раскаяния и сожаления за свое недоброе дело. А тот, кто сплел те козчи лжи и коварства, изведал кару небес и покинул наш мир в мучениях. Пусть изгонит мой сын вражду из сердца, придет сюда и разметает врага по долинам. Ведь Туран угрожает вырвать с корнем древо кеянидов¹. Я отдам Исфандиеру все, что имею — казну и трон, а сам, подобно отцу моему Лухраспу, смиренно склонюсь у святого огня и предамся молитвам.

Под покровом ночи спустился Джамасп с гор один без дружины и умчался степной дорогой, ведущей в крепость Гунбадан.

В это время на высокой башне стоял в дозоре сын Исфандиера Нушозар. Пристально смотрел он на дорогу, ожидая приближения иранской дружины, и разглядел вдали одинокого всадника в темном одеянии и черном шлеме. Стремительно мчался тот всадник к крепости. Быстро спустился вниз Нушозар и поскакал навстречу ему с мыслью снести голову с плеч незнакомцу, если окажется он туранцем. Приблизившись, во всаднике узнал он Джамаспа, и сразу повернул назад, чтобы известить об этом отца.

Раскрылись тяжелые ворота крепости и впустили вазира царя Гуштаспа. Сразу предстал он перед узником, закованным в цепи, и поклонился с почтением.

— О мудрый вазир Гуштаспа,— промолвил Исфандиер,— зачем кланяешься ты злему духу, порожденному Ахриманом? Не будь я исчадием зла, не заковал бы меня Гуштасп в тяжелые цепи.

— Пришел я сюда, чтобы сбросить твои оковы, ибо отныне не узник ты, а прославленный и непобедимый витязь Ирана,— ответил ему Джамасп, а потом рассказал о несчастье, постигшем землю Ирана, и горькой участи шаха Гуштаспа. Укрывшись в высоких горах, ждет он сына Исфандиера, который придет и спасет его.

Исфандиер ответил с горькой усмешкой:

— Уже совершал я подвиги во славу царя и Ирана, а наградой мне стали железные оковы. По злему навету обрек ме-

¹ Кеяниды — царская династия, основателем которой был Кай Кубод.

ня шах жестоким мучениям. Нет, не покину я свою темницу, останусь в цепях, по ним узнает всевышний, что я невиновен.

— Знай же, пролита кровь твоего деда Лухраспа, святого отшельника, проводившего дни и ночи в молениях. Зороастрийские маги убиты были в тот миг, когда держали в руках священную «Авесту», и кровь их погасила огонь в жаровнях храма Мехрбарзин. Кто отомстит за неслыханное злодеяние?

За деда погибшего мстить устремись,
Враждою и жаждой сражений зажгись
Когда отвергаешь священную месть,
Нельзя тебя мудрым и праведным счесть.

Так говорил Джамасп, а в ответ услышал:

— О благородный витязь, без содрогания нельзя слушать твою печальную повесть. Но ведь жив еще сын Лухраспа, венценосный Гуштасп. Ему, унаследовавшему трон и корону отца, подобает отомстить за него.

— Но если страшная участь деда не разожгла жажду мести в твоём сердце, то подумай о сестрах своих, Хумой и Бехофарид, уведенных в туранский плен.

— Разве Хумой и Бехофарид хоть раз навестили несчастного брата в этой темнице? Когда-нибудь вспоминали они обо мне? Так пусть же отец их спешит им на помощь.

— Но отец твой, окруженный врагами, тоскующий, беззащитный, скрывается в высоких горах. Лишь на тебя одного уповает он.

Поверь, не угодно благому творцу,
Чтоб ты позабыл о почтенье к отцу.

И тридцать восемь братьев твоих, бесстрашных тигров лесов и львов степей, лежат бездыханные на поле сражения. За них ты тоже не жаждешь мести?

— Свободны и счастливы были братья мои, когда я томился в оковах. Обо мне не вспоминали они ни в битвах, ни на пирах. Теперь их нет, и напрасны будут мои усилия.

Не знал благородный Джамасп, чем затронуть сердце Исфандиера, истерзанное обидой и болью. Умолкнув, стоял он пред ним в тоске и печали. Вдруг вспомнил он храброго Фаршедварда, любимого брата Исфандиера, его постоянного спутника в битвах и на пирах. И вскричал он с надеждой:

— А что скажешь ты о Фаршедварде, не покидавшем тебя ни в радости, ни в горе? Твоих друзей считал он своими друзьями, а твои враги были его врагами. Презирал он и проклинал низкого клеветника Гуразма. Знаешь ли ты, что ныне,

укрытый друзьями в горах, лежит он бессильный, изранено его тело и изрублены шлем и кольчуга в куски.

Вмиг оживился Исфандиер, вздрогнул, и из груди его вырвался стон:

— О Джамасп, зачем говорил ты пустые речи и скрывал от меня так долго, что страдает от ран любимый мой брат, витязь отважный и благородный? Зови кузнецов, пусть скорее снимут с меня оковы, и поспешу я на помощь несчастному Фаршедварду!

Кликнул Джамасп кузнецов с напильниками и молотками, но сколько ни бились они, никак не могли распилить и сбить тяжелые цепи и разомкнуть оковы. Исыякло терпение могучего Исфандиера, и вскричал он гневно:

— Прочь, неумелые, если не в силах вы разомкнуть оковы, которые сами сомкнули на моем теле!

Поднатужился богатырь, распрямил свой могучий стан и разорвал железные ржавые цепи. Страшная боль пронзила истерзанное его тело, и рухнул на землю исполин, лишившись чувств. Когда очнулся он и увидел гору железа, промолвил с горькой усмешкой:

— Долго вкушал я дары Гуразма вместо пиров и побед!

В горячей бане омыл Исфандиер истомленное в оковах тело, а потом надел кольчугу и шлем, взял в руки булаву и щит. На быстроходном коне покинул он ненавистную крепость вместе с вазиром Джамаспом и сыновьями Бахманом и Нушозаром.

Долго мчались они по открытой степи, а когда остановились на привал, обратил Исфандиер взор свой к небу и воззвал к всемогущему создателю:

— О всевышний! Клянусь, что тесен покажется мир хакану Арджаспу, когда отомщу я ему за смерть благочестивого Лухраспа и гибель тридцати восьми моих доблестных братьев. Возмен разрушенных храмов построю я сотню новых, и возродится снова угасший священный огонь. Клянусь, что прощу я отца своего и забуду учиненную мне обиду, и раздам несчастным и страждущим сто тысяч дирхемов из своей казны

Снова двинулись в путь благородные витязи и скоро достигли места, где укрыли раненого Фаршедварда его верные воины. Когда Исфандиер увидел любимого брата, лежащего на голой земле, изнывающего от ран, из груди его вырвались горькие рыдания, и вскричал богатырь:

— О доблестный воин! Кто нанес тебе эти страшные кровоточащие раны? Будь он даже свирепым тигром, не уйдет от мести Исфандиера.

Фаршедвард ответил слабеющим голосом:

— Царь Гуштасп повинен в моих страданиях. Он заковал тебя в цепи и бросил в темницу. Проведав о том, что нет в Иране могучего Исфандиера, дерзнули туранцы двинуть на нас свое войско. Прощай, мой доблестный брат, сражен я в битве с врагом и покидаю тебя, ухожу из этого мира, а ты долго живи и помни меня .

Простился царевич Фаршедвард с Исфандиером и сразу испустил дух. Горько рыдая, снял с мертвого брата доспехи Исфандиера, завернул его тело в саван и предал земле.

Совершив печальный обряд, снова отправились в путь иранские витязи и к вечеру достигли стоянки туранцев.

Ужаснулись они, увидев несметную рать завоевателей. Раскинули те свой стан в широкой долине. Глубокий ров окружал их стоянку, и был он так широк, что не смог бы его перепрыгнуть и всадник на резвом коне; лишь пущенная из лука стрела достигла бы другого берега.

Дождавшись ночи, перебрались иранцы через тот ров, применив хитрость и сноровку, и помчались к горам. На излучине дороги преградили им путь туранские всадники. «Кто вы? Откуда пришли? Что ищете в этой степи ночью порой?» — принялись за расспросы туранцы.

— Мы — дозорные полководца Кухрама, а вы, видно, спали на поле сражения, если не видели, как мимо вас пронесся Исфандиер со своей дружиной. Это измена, и ее покараю мечом я именем славного предводителя Кухрама.

Вымолвив эти слова, обнажил богатырь свой меч, прищипил коня и направил его прямо на туранский отряд. Было их восемьдесят, и все они полегли в один миг под ударами мечей и палиц храбрых сыновей и верных бойцов Исфандиера. Освободив себе путь, помчались витязи к высоким горам.

Вот эти горы, где ждет Исфандиера в тоске и печали его отец, венценосный Гуштасп.

Поднялся на гору высокую он,
Увидев родителя, отдал поклон.
Тот, в горе сидевший, стремительно встал
И сына, обняв, крепко к сердцу прижал.
Воскликнул он «Благодаренье творцу,
Что в здравии добром ты прибыл к отцу!
Обиду ты в сердце своем не таи,
Скорей начинай с супостатом бой
То низкий Гуразм, чья природа черна,
Во мне подозрений взрастил семена

За то поплатился он жизнью своей,—
Возмездье понес за злодеяния злодей!
Клянусь я владыкой земли и планет,
Чьим взорам все явно и тайного нет,
Что, если победой окончу войну,
Тебе я вручу и престол и страну».
Ответил ему Исфандиер-исполнин:
«Доверье лишь мне ты верни, властелин!
Твоя мне нужна благосклонность, отец,—
Вот лучший престол для меня и венец!»

Укрытый в горах стан иранцев огласился радостными криками. Это ликовали ратные сподвижники Исфандиера, ходившие с ним в победоносные походы. Стали они прославлять могучего богатыря и возносить ему хвалу:

«Лишь ты наш венец, наш клинок боевой.
Тебе свои души в залог отдаем,
Жизнь черпаем в лике прекрасном твоём».

Между тем дошла до хакана Арджаспа весть, что Исфандиер освобожден из темницы. А потом донесли ему о гибели восьмидесяти отборных бойцов в самом сердце туранского войска от руки славного богатыря Ирана. Смятение и ужас охватили Арджаспа, а вслед за ним и все его войско. Еще не забыты были беспощадные удары его тяжелой булавы и стремительные нападения, какие являл он в прежних битвах с туранцами. И вот он, могучий и непобедимый, пришел к царю Гуштаспу, который бежал с поля боя, и ведет его войско против Арджаспа.

Хакан призвал на совет Кухрама и других именитых витязей и повел с ними такие речи:

— Пришли мы в Иран с надеждой, что нет могучего Исфандиера среди воинов Гуштаспа, но приняла иной оборот эта война.

А ныне, как вырвался див из оков,
Рыдать остается,— удел наш таков!
Ему меж туранцев соперника нет,
Подобных героев не видывал свет.

Лучше вернемся в Туран и унесем с собой то, что добыто нами в прежних наших победах.

Сначала повернули назад караваны верблюдов, навьюченных богатой добычей, за ними погнали коней и прочий скот. Разными дорогами возвращались завоеватели в Туран и Чин, и по каждой из них шли сотни верблюдов с награбленным в

Иране добром. Вслед за караванами, табунами и стадами готовился Арджасп увести из Ирана свое войско.

Однако не все витязи Турана и Чина с охотой покидали страну, где не успели еще явить свою мощь и силу. И сказал Арджаспу богатырь Гургсор:

— О владыка Турана и Чина! Ведомо всем, что могуч богатырь Исфандиер, но он один такой на все иранское войско. Если покинешь Иран без славных битв, разнесет народная молва по свету о тебе худую славу: хакан Арджасп с несметной ратью отступил перед одним иранским богатырем!

Трусливому, верь мне, беды не избывать,
Негоже царям боязливыми быть.

— Между тем,— продолжал Гургсор,— в горе и смятении пребывает царь Гуштасп: убиты тридцать восемь его сыновей, разбито войско, истомлена уцелевшая дружина. Изменило счастье беспечному владыке, уповает он на одного лишь Исфандиера. Но если будет на то твое веление, выступлю я против иранского богатыря и повергну его во прах.

Речи Гургсора пришлись по душе хакану Арджаспу, и сказал он ему:

— О славный воитель, ступай и соверши, что задумал. Коль одолеешь могучего Исфандиера, я отдам тебе земли от моего стана до Чинского моря и осыплю золотом из иранской царской казны. Тебя ставлю я во главе туранского войска.

Взошедшее солнце прогнало темный покров ночи, и мир запылал алой зарей в его рассветных лучах. Исфандиер спустился с гор, ведя за собой храброе войско. Построил он его грозными рядами против рати хакана, ожидавшей уже на ратном поле. Гром барабанов и труб огласил степь. Под воинственные крики своих предводителей сдвинулись с места дружины и ринулись в битву.

С разящей палицей наперевес Исфандиер врезался в самое сердце туранского войска. Бычеголовую палицу и тяжелый свой меч обрушил он на головы врагов, и вмиг триста туранских всадников сброшены были на землю и смешаны с пылью и кровью.

«За смерть Фаршедварда,— вскричал богатырь,—
В отмщенье морскую бы вздыбил я ширь!»

Молнией бросился он на правое крыло туранцев, и натиском тем поверг сразу сто шестьдесят всадников, обратя в бегство предводителя их Кухрама.

«За деда я мщу,— речь героя гремит,—
За деда, чья смерть сердце шаха томит!»

И вот разит он уже врага на левом крыле и сбрасывает в пыль сто шестьдесят пять туранцев.

«За братьев я мщу,— восклицает храбрец,—
За тех тридцать девять, чей горек конец!»

В страхе взирал Арджасп на невиданное побоище и понял, что неизбежен конец его войску. Увидев Гургсора, прокричал Арджасп ему, объятый смятением:

— Эй, бесчестный хвостун! Бахвалился ты, что сможешь сразиться с Исфандиером один на один, а вверг в гибель все мое войско!

Вспыхнул гневом Гургсор, устыдился и так ответил:

— Не уйдет от смерти Исфандиер. Для этого послужит мне охотничий лук.

Натянул Гургсор тетиву, что держала топовую стрелу со стальным наконечником, и выпустил ее в исполина. Одна стрела вонзилась в спину Исфандиера, другая, пущенная вслед за ней, попала ему в грудь. Поник могучий богатырский стан, и свесился с седла Исфандиер, касаясь головой праха земли. Издар радостный крик, Гургсор выхватил острый клинок, чтобы отсечь голову поверженному Исфандиеру, но тут его настиг крепкий витой аркан. Набросил его на шею Гургсора Исфандиер, притворившийся сраженным меткими стрелами туранца. Застраля они в стальном его панцире и не причинили вреда герою.

Стащив с седла дрожащее тело Гургсора, Исфандиер притащил его на аркане к шатру Гуштаспа и снова умчался на бранное поле.

И пламя войны разгорается вновь,
Пыль ратная встала и хлынула кровь.

Хакан Арджасп, охваченный страхом и утративший надежду, видел лишь в бегстве спасение своей жизни. Трусливо бежал он с поля битвы, оставив рать свою продолжать сражение, прихватив навьюченных добром верблюдов и табун быстрой походных коней. Держал он свой путь в город Халлух, где находилась его столица.

А битва все продолжалась:

Вот всадники конские сжали бока,
И сшиблись на поле сраженья войска,

И склоны и степь залил крови поток —
Тут жернов и тот завертеться бы смог!
И в месиве тел, средь кровавой реки
Застывшие пальцы сжимают клинки

Но когда туранские бойцы узнали о бегстве хакана, бросали щиты, мечи и копья и сдались предводителю войска Ирана, моля о пощаде. И крикнул Исфандиер своим воинам, что окончена битва.

Могучий воитель сбросил тяжелые латы, давившие плечи, опустил на землю меч, заржавевший от крови, и вытащил стрелы, вонзившиеся в его щит. Всех участников этой битвы Исфандиер наградил щедро военной добычей.

Семь дней весь стан оплакивал павших и возносил хвалу богу в молитвах за то, что даровал им победу. На восьмой день пожелал Исфандиер взглянуть на Гургсора, который метал в него стрелы. Дрожь от страха, связанный пленник упал к ногам победителя и умолял о пощаде:

— О славный воитель, нет тебе равных в мире! Коль буду я жив, то стану верным твоим рабом, щитом перед всякой напастью. Знаю я путь к неприступной крепости Руиндиж, оплоту Турана, и проведу туда тебя тайной дорогой, когда вновь пойдешь войной на хакана.

Исфандиер отвернулся с презрением от Гургсора и определил ему жалкую участь плененного — в оковах влачить свой век.

Семь привалов Исфандиера на пути в Туран

Когда в царском шатре торжественно отпраздновали славную победу Исфандиера, царь Гуштасп сказал своему сыну:

— Радостью светится твое лицо, Исфандиер, весел ты и доволен, а между тем юные дочери мои, милые твои сестры Хумой и Бехофарид льют кровавые слезы, томясь в плену у туранцев. Знают испытанные в боях воины: лучше погибнуть на поле брани, чем жить в позорном плену. Не в силах снести я такое унижение, и жажда мщения обжигает мне сердце! О славный и непобедимый богатырь Исфандиер, веди отважное войско в Чин и Туран, вызволи своих сестер из неволи! Остаюсь я верен данному слову: вручу тебе трон и венец властелина Ирана.

Так отвечал царю Исфандиер, повинувшись воле отца:

«Тебе лишь, отец мой, служить я хочу,
Не царское званье добыть я хочу
Жизнь рад положить за тебя на войне.
Венца и престола не надобно мне
На мщенье Арджаспу я рать поведу
И землю туранскую свергну в беду,
Верну из полона твоих дочерей —
Во славу звезды негасимой твоей!»

Обрадовал Гуштаспа ответ благородного сына, воздал он ему хвалу и просил у всевышнего счастья ему и удачи.

Явились двенадцать тысяч отважных наездников. Царь одарил их золотом и серебром и напутствовал мудрыми словами. На голове могучего Исфандиера сверкал венец предводителя, украшенный алмазами и жемчужинами.

От пыли, что тысячей тысяч копыт
В степи взметена, мир весь мраком покрыт.
Ряды принялся Исфандиер объезжать
И видит: готова к сражению рать

Оставив позади реку Джайхун, долго шли воины по крайней туранской степи, пока не встали на распутье двух дорог. Когда разбиты были шатры и палатки и расстелены скатерти, принялись пировать и веселиться воители, а Исфандиер велел привести к нему пленного туранца Гургсора. Явился, дрожа от страха, пленник и упал к ногам победоносного витязя. Исфандиер приказал ему выпить три золотые чаши вина, а когда исполнил Гургсор приказание, молвил, обратившись к нему:

— Злосчастный витязь, коль правдиво ответишь на мои вопросы, награжу я тебя престолом и отдам в управление все земли Турана, которые мне покорятся. Вознесен ты будешь до самого солнца и никогда не учинится обида твоим потомкам. А если осмелишься ты мне солгать, а ложь твоя непременно выйдет наружу, тогда я рассеку тебя пополам острым кинжалом.

— О счастливый и доблестный Исфандиер, клянусь, что услышишь ты от меня одни лишь правдивые слова,— ответил ему Гургсор.

Тогда принялся вопрошать его предводитель иранского войска:

— Желая знать я, какая дорога ведет к оплоту хакана Арджаспа и сколько воинов охраняет крепость Руиндидж. Как

высока и крепка эта твердыня? Скажи все, что знаешь, не утаив ничего!

Гургсор так ответил:

— К крепости Руиндиж ведут три дороги, выбери, по какой пойдешь ты. По первой дороге будешь ты идти три месяца через богатые города и селения. Повсюду найдешь там много пищи для воинов и зелёной травы для их лошадей. Второй путь немного короче, двухмесячный он, но скудно будет пропитание воинов, а кони не найдут там ни пастбищ, ни воды для питья. Третья дорога совсем коротка: всего лишь за семь дней пройдёшь ты по ней до крепости Руиндиж. Но подстерегают там человека огромные тигры, ярые львы и страшные драконы. Повсюду, куда ни ступит нога,— логова диких волков и гнезда ядовитых змей. Но страшней и опасней этих люгых зверей злая колдунья, владеющая тем заколдованным краем. Тот, кто избегнет опасности этого семидневного пути, на восьмой день увидит неприступную крепость. Вершина ее скрывается за тучами, а стены охраняют могучие воины без числа и счета. Приблизиться к Руиндижу можно лишь переплыв на челне глубокую реку. Так устрашающая крепость только снаружи, а внутри ее зеленеют нивы, цветут сады и крутятся мельницы. Арджасп просидит там сто лет, не отпирая ворот и не спускаясь в долину, а потому осаждать Руиндиж бесполезно.

Вслушав речь Гургсора, Исфандиер погрузился в мрачные думы. Долго молчал богатырь, затем промолвил:

— Пойдем мы в крепость третьим путем, ибо всякий знает, что короткая дорога всегда лучше длинной.

— О владыка мира,— сказал на это Гургсор,— еще ни один богатырь, какой бы он ни был смелый и сильный, не прошел те семь переходов, и многие окончили там бесславно свои дни.

— Ты пойдешь вместе со мной, жалкий Гургсор, и в пути узнаешь, каковы отвага и мощь Исфандиера. Только нужно мне знать, что встретим мы в самом начале этой дороги,— были слова иранского витязя.

— Сперва преградят тебе путь два волка, каждый ростом со слона. На головах их ветвятся крепкие олени рога, а из пастей торчат острые слоновьи клыки. Толстые и поджарые те исполинские звери, зато у них загривки как у самых мощных львов и сила диких разъяренных тигров,— ответил Гургсор, устрашая богатыря.

Всю оставшуюся ночь Исфандиер пировал с верной дружиной, но лишь только блеснул над степью рассвет, вскочили воители в стремена и пустились в путь по опасной дороге. Не-

долго скакали всадники, как услышали вдруг злобный рев невидимых чудовищ. Видно близко было уже логово исполинских волков, про которых рассказывал пленный Гургсор.

Остановились устрешенные всадники и не отважились продолжать путь навстречу опасности. Тогда велел Исфандиер воителю Башутану, испытанному в битвах полководцу, остаться с дружиной в укромном месте и один поспекал туда, откуда доносился громогласный рев. Чудовища издали завидели богатыря, и не дав приблизиться ему к их логову, выскочили навстречу храбрецу. Дождь остроконечных стрел обрушился на зверей и заметались они в бессильной ярости, истекая кровью. Увидев, что ослабла их мощь, набросился на волков Исфандиер и обрушил на головы их удары тяжелого и острого своего меча. Вмиг рухнули на землю слоновьи тела чудовищ, а отсеченные головы их покатались по пыльной дороге, оставляя за собой кровавые следы.

Так покончил богатырь Исфандиер с неодолимыми волками и сбросил на землю окровавленные доспехи. Когда подъехали к месту побоища воины Исфандиера и увидели распротертые звериные туши, застыли в немом изумлении, не зная, волками ли лесными назвать их или чудовищами морскими. Подивились они подвигу своего предводителя и воздали громкую хвалу невиданной силе его и отваге.

Сколь радостно было ликование иранцев, столь горестно было удручение Гургсора, когда узнал он о гибели чудовищных волков. Предстал он связанным перед Исфандиером, и спросил его богатырь-победитель, вновь дав выпить три чаши вина:

— Скажи, каким еще чудесам суждено подивиться мне впереди?

Услышал в ответ Исфандиер:

«Лев встретится нынче тебе, да такой,
Что сладил бы с чудищем бездны морской
Орел, знаменитый отвагой, и тот
Навстречу ему полететь не дерзнет»
«Туранец презренный! — вскричал властелин,
Надежда и светоч иранских дружин,—
Сам завтра увидишь, каким языком
Со львом спорит витязь, владея клинком»

На этот раз двинулись в путь, дождавшись ночи. Вот и широкая степь, где обитает хищная пара — лев и львица. Оставил свою дружину на краю степи Исфандиер и один пошел на свирепых зверей. Задрожали те от страха, завидев могучего

исполина. Однако, следуя обычаю диких зверей, набросились на него первыми. Исфандиер поднял над головой тяжелый меч и сильным ударом сразил льва, разрубив его пополам. Ужаснулась дикая львица и яростно кинулась богатырю на грудь. Но снова успел занести свой меч Исфандиер и отсесть огромную ее голову. Затем, вздохнув свободно и радостно, Исфандиер сбросил на землю окровавленные доспехи и пошел к ручью, чтобы омыть себе лицо и руки.

Меж тем Пашутан во главе удалцов
Примчался, дивятся, взирая на львов,
И все Исфандиеру хвалу воздают,
Храбрейшим вонтелем мира зовут

Вновь предстал пленный злодей перед очами победоносного витязя. От страха дрожал он, как ива на ветру, а Исфандиер стал вопрошать его, напоив вином:

— Хочу я узнать, Гургсор, что назавтра уготовила мне судьба?

— Коль отважишься продолжать свой путь, суждено тебе встретиться со свирепым драконом. Страшатся его все живые твари, ибо каждым вздохом своим вытягивает он из морских глубин огромных чудовищ и заглатывает их в одночасье. Сам дракон тот величиной с высокую гору, из безмерной пасти его вырывается пламя огня,— так говорил Гургсор, устрашая царевича и остерегая его — Хотя не знаешь ты поражений в битвах, благородный витязь, воротись назад, не навлекай беду на себя и свою дружину.

— Не тебе давать мне советы, презренный пленник. В пещорных путях побредешь вслед за мной ты, тогда увидишь, что и дракон твой не избегнет удара разящего моего меча, как бы ни был он свиреп и могуч.

Так сказал богатырь и повелел принести тяжелые крепкие бревна и сделать из них колесницу.

Когда исполнено было повеление Исфандиера, на колесницу поставили огромный сундук и впрягли в нее двух сильных коней. Богатырь в боевом облачении забрался в сундук и погнал быстроходных коней по горам и степям. Так испытал он крепость сундука с колесницей и силу коней.

Ночью весело пировали воины, а наутро Исфандиер, облачившись в кольчугу, взял тяжелый свой меч, укрылся в сундуке, стоявшем на колеснице. Четыре ее колеса унизаны были клинками, торчавшими острыми концами, как иглы дикобраза. Погнал богатырь могучих коней, и понеслась колесница, грохоча туда, где лежал меж двух скал огромный дракон.

Услышал он скрип колес и топот коней, поднялся со своего ложа сна и возвысился, как гора. Глаза его были подобны двум наполненным кровью водоемам, из пасти вырывалось пламя. С оглушительным ревом двинулась та гора навстречу Исфандиеру. Дрогнул в ужасе богатырь и вознес молитву к всевышнему, чтобы стал он ему опорой в этой схватке. Заметались в страхе могучие кони, стали рваться из упряжки, порываясь убежать от опасности. Тут чудовище шире разинуло огнедышащую свою пасть и шипящим вздохом втянуло в себя колесницу вместе с конями и сундуком. Острые клинки, торчавшие вокруг колес, вонзились дракону в глотку, так что не мог он ни проглотить все то сооружение, ни изрыгнуть его наружу. Заметался дракон от страшной боли и бессилия. Вот тут Исфандиер покинул свой сундук и принялся колоть и резать в пасти и голове острым мечом. Так отважный воитель искромсал всю голову чудовища, и полилась из нее рекой черная кровь. Дракон рухнул и испустил дух. И тут дым застлал небо темной тучей, а чад отравил вокруг воздух. Одурманил он богатыря, лишил его чувств и сознания. Подоспел Башутан вместе с дружиной, и, увидев бездыханного своего властелина, помертвели от горя и ужаса воители и огласили горы громкими рыданиями. Спешился Башутан, приблизился к распростертому на земле Исфандиеру и полил голову богатыря розовой водой. Тут очнулся он и открыл глаза. Приподнялся с земли и промолвил:

«То пар ядовитый меня обволок,
Дракон нанести мне удара не смог».

Когда злобный Гургсор увидел лежащего в прахе Исфандиера, возликовал в душе, обретя надежду. Но потом вновь охватили его тоска и уныние при виде того, как невредимый богатырь поднялся с земли во весь свой огромный рост.

Во время пира и праздника во славу победы над драконом велел Исфандиер опять позвать Гургсора. Смеясь, дал ему герой выпить красного вина три золотые чаши, а потом спросил:

— Что скажешь, лживый предсказатель? Ты видел мертвого дракона? Так говори же, что ждет меня на следующем моем привале, какая еще грозная преграда встанет на моем пути?

— Победоносный шах,— молвил Гургсор,— пусть всегда сияет твоя счастливая звезда. Но как прибудешь ты поутру на четвертую стоянку, явится туда колдунья, чтобы приветствовать тебя в своих владениях. Не ведом ей страх перед люд-

ским воинством, чародейской же своей силой может она степь превратить в бушующее море, а лик солнца закрыть черной завесой. Послушай совета умудренного жизнью, не ходи своей волей в западню, уготовленную злобной колдуньей по имени Гул. Вернись лучше назад, иначе лишишься не только жизни, но и славы непобедимого героя.

Рассмеялся Исфандиер словам Гургсора:

— Несчастный! Ты все еще дерзаешь давать мне советы. Но заготовь на завтра слова другие. Колдунью злобную постигнет та же участь, которая отвадит от чародейства всех колдуний мира!

К вечеру, когда пожелтело одеяние дня, Исфандиер построил войско рядами и отправился в путь. Шли они всю долгую ночь, а когда на небе появилось солнце в золотом венце и земля озарилась его улыбкой, остановились воины на четвертый свой привал. Исфандиер опять поручил воинов Башутану, а сам поскакал вперед, ожидая встретить колдунью. На зеленой лужайке и спешился и опустился на траву. С собой прихватил он золотую чашу вина и сладкозвучный руд, ибо веселье царило в его душе и не думал он об опасной битве.

Сидел Исфандиер на краю цветущей и благоухающей рощи, подобной райскому саду. Казалось, само небо взрастило там цветы и травы. Журчащие ручьи несли не прозрачные воды, а ароматный розовый сок. Утолив жажду вином, богатырь взял в руки руд, и полилась сладостная музыка, зазвучал его молодой и сильный голос.

Так пел Исфандиер. «Мне, увы, не дано
С друзьями сидеть, распивая вино.
Одни лишь драконы да львы на пути,
От бед и напастей лихих не уйти,
Отрады живительной не испытать,
Лик девы пленительной не созерцать.
О как бы творца я возблагодарил,
Когда б он мне встречу с пери подарил!»

Песнь его услышала безобразная старая колдунья, и злобная радость охватила ее: вот и попался богатырь в расставленные ею сети! И вмиг дьявольским колдовством преобразила она свой облик. Желтое морщинистое лицо старухи превратилось в нежный розовый лик красавицы, седые грязные волосы — в черную мускусную косу, кривая сгорбленная спина — в стройный гибкий стан. Райской гурией предстала колдунья перед Исфандиером, и при виде девы невиданной красоты радость и счастье зазвучали в песне молодого богатыря.

Он пел: «Ты, царящий один в небесах,
Мне путь указуешь в горах и степях.
Сбылись мои грезы, пери я нашел,
Блаженство, желанное сердцу, обрел».

Усадил он красавицу рядом с собой и поднес ей красное вино. Осушив золотую чашу до дна, захмелела колдунья: яркий румянец залил нежные щеки, отяжелев, поникла голова в сладком сне. Тут и вытащил богатырь из складок одежды стальную цепь, которую сам Зардушт принес из рая и подарил царю Гуштаспу. Набросил Исфа́ндиер ту цепь на шею дремавшей колдунье и слегка затянул, не стремясь удушить. Очнувшись ведьма, стала виться змеей, пытаясь выскользнуть из стальной петли, но не смогла, и богатырь, занеся свой тяжелый меч над головой ее, произнес:

— Иссякла твоя чародейская сила, не сможешь ты больше причинить мне зло. Так явился же передо мной в своем настоящем облике, чтобы знал я, кому отсекаю голову. Взгляни на этот булатный меч, а потом обратись хоть в железную скалу, и ту искрошу я на мелкие куски!

Туже сдал Исфа́ндиер стальную петлю на шее колдуньи. Вдруг не стало больше прекрасной девы, в аркане билась уродливая старуха со спутанными космами цвета старого снега. Исфа́ндиер взмахнул острым мечом и отсек ей голову. Сразу черная туча закрыла небо и подул, завывая, сильный ветер. А богатырь поднялся на холм и издал торжествующий клич, прозвучавший, как гром перед весенней грозой.

С дружиной к нему Пашутан поспешил:
«Владыка прославленный! — он возгласил, —
Не сладить с воинственной силой твоей
Ни львам, ни колдуньям, ни тварям морей.
С победою в дружбе весь век пребывая
И царственной милостью мир согревай!»

Узнав, что одолел злую колдунью Исфа́ндиёр, заметался Гургсор, страдаемый досадой и злобой.

Три чаши красного царского вина привели в чувство Гургсора, и тогда спросил его Исфа́ндиер:

— Эй, несчастный, ты видел, что стало с твоей колдуньей, превращавшей пустыню в море и закрывавшей тучей солнечный лик?

— О доблестный богатырь, ратная сила твоя сравнится лишь с силой слона, — отвечал туранец. — Но берегись, на следующем привале подстерегает тебя опасность грозная и не-

преодолимая. Вырастет на пути твоём гора. Вершина её упирается в небо, и на той вершине царит птица Симург¹. Но не птицей её назовешь ты, а крылатой скалой. В крепких когтях своих унесет она ввысь и слона, из морских глубин вытащит чудовище стальным клювом, а в степи достигнет бегущего тигра. Поверь, лучше тебе повернуть назад и не испытывать больше судьбу.

Засмеялся Исфандиер:

-- Все еще не оставил ты мысли меня запугать, презренный туранец? Но ты увидишь, как пущенная мной стрела подобно игле пришьет крылья Симурга одно к другому, и рухнет птица-скала на землю. Тогда изрубит ее на куски мой индийский клинок!

Когда солнце спряталось за горой и землю окутала ночная тьма, Исфандиер оставил эту стоянку и всю ночь скакал по степи впереди своего войска. Вот лик солнца появился над горами, и богатырь, как и прежде, оставил Башутана с дружиной на привале, а сам влез в сундук, что стоял на колеснице, запряженной двумя конями, и умчался вперед по опасной дороге.

В полдень был он уже у высокой горы, вершина которой упиралась в небо. У подножия остановил исполнителей коней и стал ждать, скрытый от глаз, в сундуке.

С вершины той горы узрела птица Симург на земле колесницу и сундук на ней. В тот же миг взмахнула она крыльями, на миг скрывшими солнце, и низринулась вниз, готовая ухватить когтями и клювом колесницу с конями и сундуком. Но вонзились в крылья и тело ее торчавшие из колес острые клинки. Гигантская птица стала биться крыльями о землю, взрывала её когтями и клювом, но не могла стряхнуть с себя режущие острия.

Кровь израненной птицы Симург залила сундук и всю колесницу с конями. Наконец, обессилев от ран, затихла она и распростерлась во прахе. Выпрыгнул из сундука Исфандиер и пустил в ход тяжелый свой меч. Наносил он удар за ударом, пока не изрубил на куски свирепую птицу.

Когда Башутан и воины приблизились к месту битвы, они увидели распростертую на земле птицу невиданной величины.

Мужи победителю славу поют,
За подвиг отважный хвалу воздают.
О том, что победу герой одержал,
Гургсор, как услышал, в тоске задрожал,

¹ В древнеиранском эпосе существовали две птицы Симург. Одна из них олицетворяла зло.

Бледнеет с досады, взор гордый угас
И слезы невольные льются из глаз.
Раскинуть шатер Исфандиер повелел
И радостно в нем с удалцами воссел.
Парчою покрыта у входа земля,
Сидят и пируют, сердца веселя.

Пленный Гургсор в цепях, побледнев вновь и дрожа, предстал перед непобедимым Исфандиером. Торжествующий богатырь стал насмехаться над ним.

«Болтун злонамеренный! — царь говорит,—
Ты видишь, что рок всемогущий творит.
Ни волка, ни льва, ни Симурга уж нет,
Ни змея, столь много чинившего бед».

— О славный и доблестный Исфандиер,— воскликнул туранец, с трудом скрывая страх и ненависть,— в этих прошедших битвах тебе помогал бог, и счастье было другом твоим. Но не всегда богатырю сопутствует такая удача. Завтрашний день готовит тебе беду, которую не осилишь ты ни луком, ни палицей, ни мечом. Путь твой дальше пройдет по такому месту, где внезапно повалит обильный густой снег, и выпадет его столько, что укроет он копые, воткнутое в землю. Увязнешь ты в глубоком снегу, и вместе с тобой под снегом останется вся твоя дружина. Вернись назад, богатырь, не обрекай на гибель свою рать, ибо, если удастся тебе выйти из снежной пустыни, попадешь ты в другую пустыню, сжигаемую беспощадным солнцем. Там нет ни травинки, ни стебелька, ни ручейка, повсюду одни лишь зыбучие пески и воздух, раскаленный, как в пылающей печи. Ни один зверь не пройдет по обжигающему песку, ни одна птица не пролетит в дрожащем от жара небе. Тянется эта пустыня на сорок фарсангов, и разве выдержат её переход человек и его быстроходный конь? Вот по какой дороге пролегла путь к неприступной крепости Руиндиж, вершина которой поднимается до самого солнца. Если придут из Ирана сто тысяч сильнейших богатырей и будут сто лет метать через стены ее губительные копыя и стрелы, то и тогда не причинят ей ни малейшего вреда.

Слова Гургсора смутили иранских воннов, и сказали они Исфандиеру:

— О благородный и счастливый царевич, коль есть правда в речах Гургсора,— пришли мы сюда на свою погибель. Много опасностей преодолел ты на пути к этой пустыне и совершил такие подвиги, каких доселе не мог совершить ни один бога-

тырь. Снискал ты себе великую славу, и воздаст тебе мир громкую хвалу. Не лучше ль вернуться домой победителем, чем устремляться дальше, обрекая себя на неминуемую гибель?

Выслушав эти рсчи, Исфандиер помрачнел и грозно сдвинул брови.

«Нет, вам не удастся меня запугать!
Мужам не пристало от страха дрожать,
Покинув Иран, отлпчиться в войне
Вы шли иль читать наставления мне?
Когда для меня слов иных у вас нет,
К чему было мчаться за мною вослед?
Трепещете вы наподобье листка
От слов злополучного проводника,
Где ж верность и мужество ваше? Своим
Вы вмиг изменили обетам святым.
С победой домой возвращайтесь, а я
Останусь — не кончена битва моя.
Победа ли, смерть ли в бою суждена —
Один я сражусь, помощь мне не нужна.
Всем недругам злобным явлю я в бою
Отвагу и доблесть, и силу мою».

Опустили головы иранские воины, пристыженные гневными и смелыми словами владыки, а потом стали молить его о прощении:

«Мы душу готовы отдать за тебя,
Недаром тебе присягали, любя.
Труды и опасности нас не страшат,
Сердца за тебя, венценосный, дрожат,
Доколе из витязей жив хоть один,
Тебя не покинем в бою, властелин!»

Когда день склонился к вечеру и с гор подул холодный ветер, раздался призывный рёв медных труб. Боевые ряды воинов Исфандиёра снялись с места и двинулись в новый поход. Шли они всю долгую ночь до утра, не останавливаясь, и прошли через много гор и пустынь.

Но вот над горами порозовело небо, ночь побежала прочь от сверкнувших лучей солнца, и оно пустилось за ней в погоню. Взшёл ясный день над миром, осветивший сердца радостью и весельем. Исфандиёр велел воителям остановиться и устроить привал. Спешились усталые воины, сбросили на землю доспехи и оружие, а потом принялись разбивать палатки и царский шатёр в степи, пестревшей зеленью высокой травы и смеющимися тюльпанами.

Солнце добралось уже до середины неба, когда в военном стане Исфандиёра приготовились сесть за весёлый пир, чтобы вкусить покой и отраду.

Внезапно с ближних гор подул холодный ветер. С каждым мгновением стал он дуть все сильнее и сильнее, а потом закрутился вихрем и погнал на небе тёмные тучи. Вмиг померк свет ясного дня, как будто накрыло его воронье крыло, и непроглядная тьма окутала степь и горы. И тут из чёрных свинцовых туч повалил на землю густой снег, временами сменяясь ледяным дождем. Палатки и царский шатер разорвало и унесло ветром.

Бесстрашный, непобедимый Исфандиёр охвачен был ужасом перед разбушевавшейся стихией. Блуждая в буране, призывал он невидимых своих воинов:

— Крепитесь, храбрые воители! Встречайте грозную беду как подобает отважным мужам!

Страх сковал сердца воинов, тела их дрожали от ледяной стужи. Ослабели они, сопротивляясь стихии, потеряли решимость и волю и приготовились к неминуемой смерти.

Прошли три дня и три ночи, и вдруг с тех же гор подул тёплый ветер. Разогнал он чёрные тучи, сняв завесу с яркого солнца, и оно снова осветило и согрело мир.

Воспрянули воины Исфандиёра от тепла и света, и он отправился со своей дружиной дальше. Скоро забыли путники о недавней стуже, сковывавшей дрожание их тела, ибо теперь изнывали они от зноя и жажды. Вдруг с небес донесся до их ушей громкий крик журавля. Велел Исфандиёр притащить к нему пленного Гургсора, а когда явился тот, спросил грозно:

— Остерегал и пугал ты меня безводной пустыней, зачем же прилетел в это безводье журавль? Значит есть здесь прохладный источник, и ложь была в твоих дерзких словах.

Гургсор ответил смиренно:

— Есть источники в этой пустыне, но в одном из них вода соленая, а в другом — отравлена ядом. Птицы и звери обрели к этой воде привычку, но непригодна она для питья ни воинам твоим, ни их коням.

Сомнение закралось в сердце Исфандиёра, и подумал он мрачно: «Напрасно взял я себе в проводники пленного туранца. Снедаемый жаждой мести, ввергнет он нас в беду». Решил полководец, что больше не станет верить лживым словам Гургсора, и продолжил свой путь, уповая на собственную силу.

Когда минула половина ночи, донесся до путников странный шум, похожий на грохот кимвала. Пришпорив коня, Исфандиёр поскакал вперед, оставив позади свою дружину. Видит он,

что подъехал к краю пустыни, а дальше раскинулась беспредельная ширь моря. По нему шумели и грохотали бушующие волны.

Когда призвал к себе Исфандиер Гургсора для ответа, дрожал от страха пленник, и не развеселили его чаши выпитого вина. Лелеял он надежду, что устрасится иранский предводитель безводной знойной пустыни и повернёт назад, так и не достигнув Руиндижа. Что станет теперь с ним, когда открылась его ложь Исфандиёру?

— Злой дух, презренный раб! — вскричал при виде Гургсора разгневанный богатырь. — Хитрил ты предо мной и извивался, как змея, предсказывал погибель мне и войску от зноя и неутолённой жажды. А между тем желал ты погубить нас в бушующих волнах бескрайнего моря, раскинувшегося неожиданно у наших ног!

Гургсор ответил, распрямившись и изгнав из сердца страх:

— Гибель твоей рати была бы для меня отрадней солнечного света. Ты держишь меня в цепях, зачем же мне желать тебе победы?

Изумился Исфандиер дерзости пленника, но гнев его успел остыть, и он сказал, смеясь:

— Глупец! Не обещал ли я тебе награду за помощь мне в пути и за правдивые слова? Когда возьму я крепость Руиндиж, управление ею поручу тебе, а позже за службу верную я посажу тебя на трон туранский.

Пленный Гургсор давно смирился с печальной своей участью, но милость Исфандиёра взбудрила его дух и поселила надежду в сердце. Лишь удивила его благородная речь богатыря. Пал он к ногам его и попросил прощения.

— То, что предсказывал ты, осталось в прошлом, преодолел я те преграды и уже не помню зла, — сказал Исфандиер. — Но вот беда, от лживых твоих слов не стало пустыней бушующее море. Коль каешься в своем коварстве, то укажи теперь, где переправа через эти глубокие воды.

— Прикажи снять оковы с моих ног, великий шах, и я пойду вперед и покажу то место, где можно перейти через это море, — ответил Гургсор.

Исфандиер велел освободить туранца от цепей. Гургсор приблизился к воде, ступил в нее и двинулся, как по сухой дороге. Все видели, что не покрывала голову его вода, значит сразу он угадал, где было неглубокое то место. Тогда пошли за пленником все всадники Исфандиера вереницей и переправились на другой берег. Отсюда до Руиндижа оставалось лишь

три фарсанга пути, и приказал Исфандиер остановиться и отдохнуть.

Сели воители пировать, а богатырь призвал к себе Гургсора. Повел он с ним такие речи:

— Я снял с тебя оковы, Гургсор, и больше ты не пленник, и потому открою я тебе то, что задумал. Чтоб успокоить мезью душу благочестивого Лухраспа, я обезглавлю ненавистного царя Арджаспа. Постигнет та же участь и Кухрама, который пролил кровь царевича Фаршедварда, а также Андаремона, убившего тридцать восемь моих братьев. Отсечены будут их головы от тел, а вырванные сердца — нанизаны на пику. Беда нависнет над Тураном, запылают огнем города и села, уведены будут в плен жены и дети. Не пощажу я никого, но тебя, Гургсор, возвышу над всеми и щедро награжу. Ответь мне честно и прямо, доволен ты будешь моими деяниями?

Храбрым воителем слыл витязь Гургсор в Туране, не раз водил он войско на битвы с врагами и верно служил хакану. Во время пути с Исфандиёром в кандалах терзали его позор и унижение, а потому он утешал могучего богатыря, стремясь к тому, чтоб отвратился иранский царевич от войны с Тураном. Таилась в сердце его надежда, что падет Исфандиер в неравной борьбе с невиданными чудищами и погубит все воинство свое. Но бессильно было его коварство перед мощью непобедимого Исфандиера. Разметав тяжелым своим мечом всю вражью силу, разбит он и надежды туранца Гургсора. Упала от безысходности его решимость и усилилась боль унижения от торжества Исфандиера и его угроз. Жизнь больше была Гургсору не дорога, ибо не пожелал он принять милость из рук врага.

«За эти слова, что язык твой твердит,—
Вскричал,— да падет на главу твою стыд!
Злосчастье да будет уделом твоим,
Душа да расстанется с телом твоим!
Пусть кровью средь знойных песков истечешь,
Жилище навеки в земле обретешь!»

В гневе выхватил Исфандиёр тяжелый свой меч и рассек надвое дерзкого Гургсора.

Взятие крепости Руиндиж Исфандиером

Как и прежде оставил Исфандиер свою дружину на привале, а сам вскочил на коня и помчался к крепости Руиндиж. Приблизившись, въехал он на холм и обвел взглядом загадоч-

ную твердыню. Верхушка самой высокой башни ее скрывалась за тучей, а по толстым стенам пройдут разом четыре всадника. Изумился Исфандиер величию и неприступности той твердыни, и тяжкий вздох вырвался из его груди.

Подумал он: «Крепости этой не взять,
Ответ за грехи, видно, надо держать.
Должно быть, от всех моих мук и трудов
Одних только горьких дожусь я плодов!»

В печальных и тревожных думах прошла ночь могучего богатыря: охватывали воителя сомнения, достанет ли у него силы одолеть крепость Руиндиж. Если после всех великих трудов и смертельных битв с колдовскими силами не достигнет он заветной цели похода и вернется в Иран без победы, станет смеяться над ним весь мир.

Но когда наступил рассвет, прояснились мысли Исфандиера, и родился в просветленной его голове хитроумный план. Призвал он к себе верного Башутана и поведал ему о задуманном:

— Видел я таинственную крепость Руиндиж и понял, что не одолеть нам эту твердыню и через сто лет осады. Не стану я обречь на гибель храбрых моих воинов, подвергну риску лишь себя одного. Тот достоин славы и венца владыки, кто не только бесстрашно бросается в битву, но и способен на военную хитрость. Проникну я в крепость Руиндиж в обличье купца из Ирана, а там пушу в дело все умение свое и искусство. Тебе же велю оставаться с войском и быть настороже днем и ночью. Знаком моим тебе будет дымок над стенами крепости, который легко различишь ты при свете дня. А ночью над стенами поднимется пламя огня. Тогда должно тебе немедленно двигаться с войском к воротам твердыни. Сам будь впереди на моем коне, в моих доспехах и держи высоко ковеянское знамя. Тогда враги примут тебя за Исфандиера.

Для торгового своего похода велел царевич снарядить караван из двадцати верблюдов рыжей масти. На десяти из них погрузили золотые динары из царской казны, на пяти других — шелка и парчу из Сина и еще на пяти — серебро, жемчуг, золотой трон и драгоценный венец. Кроме этого, верблюды везли восемьдесят больших сундуков, в каждом из которых сидели два воина с оружием. Сундуки изнутри запирались тайными запорами, так что снаружи никто не смог бы открыть их. С караваном шли двадцать торговцев в дорогих пышных одеждах, скрывавших кольчуги и мечи отважных и ловких витязей. Владельцем того богатого каравана был статный и высокий чужеземец в просторных башмаках и шерстяном плаще.

Подошел караван к воротам крепости, и стражники расспросили чужеземных купцов, кто они и что привезли в сундуках и вьюках. Когда весть о прибытии богатого каравана дошла до жителей Руиндижа, высыпала из ворот ее толпа людей, богатых и бедных, желающих купить или взглянуть на диковинные товары. Подступили с расспросами к высокому чужеземцу, но он не спешил развязывать тюки и открывать сундуки и так отвечал народу:

— Пришел я сюда из далекой страны и по обычаю караванщиков должен явиться вначале к хакану, чтобы воздать хвалу его благородству и величю и поднести дары. Лишь получив высочайшее дозволение, могу приступить я к торговле своими товарами.

Открылись ворота неприступной крепости, и чужеземный торговец въехал на коне ко дворцу хакана Арджаспа. Впереди него два купца вели под уздцы коня, покрытого несколькими кусками золототканной парчи. Сверху стоял большой сосуд, наполненный серебром, жемчугом, рубинами и бирюзой и прикрытый тонким шелковым покрывалом. Это было подношение могущественному хакану.

Перед хаканом торговец склонился в низком поклоне и молвил:

— О всемогущий царь, пусть всегда ведёт тебя свет разума! Я торговец, сын туранца и иранки. Вожу товары из Ирана в Туран и из Турана в Иран, продаю и покупаю. Сейчас караван свой оставил я у ворот города, а сюда явился с надеждой на твое высочайшее покровительство и дозволение ввести его в крепость, и под сенью твоей минует меня всякая беда.

Арджасп приветливо встретил купца:

.. «Возрадуйся сердцем теперь
Заботы отбросить ты можешь, поверь
В Туран ли иль в Чин и Мачин ты пойдешь —
Не будешь в обиде, защиту найдешь».

Хакан приказал впустить караван в крепость, а для торговли построить рядом с царским дворцом просторные ряды и амбары. «Купец» развязал вьюки и разложил товары. Перед дворцом правителя зашумел многолюдный базар.

Весь тот день торговали «купцы» и «караванщики», а ночь посвятили отдыху и сну. Когда наступило утро, Исфандиер отправился во дворец хакана. Поцеловал он землю у его ног и так сказал:

— Среди прочих богатств привез я сюда золотой трон и драгоценный венец, достойный лишь властелинов. Не велишь

ли слугам пойти в мой амбар и принести во дворец эти сокровища?

Арджасп, ублаженный дарами чужеземца и почтительным его обращением, усадил «купца» рядом с собой на трон и распростерся об имени его и трудностях дальних дорог.

— Харрод мое имя,— ответил Исфандиер.— Путь мой сюда длился пять долгих месяцев. Много испытал я лишений и невзгод, пока достиг прославленного Руиндижа.

— Путь твой лежал через соседний Иран. Не слышал ли ты об их могучем богатыре Исфандиере и о туранском витязе Гургоре, который томится там в плену? — спросил Арджасп.

— Разное говорит о них людская молва,— отвечал «купец»,— слышал я от одного иранца, что покинул венценосного отца славный Исфандиер, не снеся жестокою обиду. А другой рассказал, что богатырь Исфандиер, охваченный жаждой мести, пошел войной на хакана Арджаспа и идет на крепость Руиндиж дорогой семи привалов.

Рассмеялся хакан, услышав эти слова, и молвил:

— Только тот, кто не знает жизни, мог рассказать тебе о семи привалах. Их не минует живым ни коршун, ни ястреб.

Тут в землю царю поклонился храбрец
И с сердцем веселым покинул дворец
Дверь крытого рынка он тотчас открыл,
Шум купли-продажи весь град огласил.
Так рьяно приезжий купец торговал,
Что взоры людские к себе приковал

Случилось так, что из дворца хакана вышли две нежные девы, стройные и прекрасные, но оборванные и босые. С кувшинами на плечах шли они на базар, привлеченные шумным весельем, но грустные и печальные были их лица. Исфандиер сразу признал в девах несчастных своих сестер Хумой и Бехофарид. Забилось сердце богатыря от радости встречи, но, страшась быть узанным ими до срока, прикрыл он лицо рукавом одежды.

Прослышав о незнакомце, пришедшем из Ирана, устремились к нему царевны. Спросила его Хумой:

— О честный торговец, свободно шествующий по странам, пусть лишь удачу и радость приносят тебе ночи и дни. Скажи, что слышал ты о шахе Ирана Гуштаспе?

— А может ты слышал о доблестном сыне его, могучем Исфандиере? — добавила сестра ее Бехофарид.

А Хумой продолжала:

— Не простые невольницы мы, а царевны, дочери славного

шаха Гуштаспа. А здесь, как и ты, все видят нас в лохмотьях и с непокрытыми головами. Легко ли переносить нам этот позор?

Не открывая лица своего, закричал на них Исфандиер:

— Пусть сгинет со света ваш Исфандиер и вместе с ним царь-лиходей Гуштасп! Что толку спрашивать меня о них, если я купец и пекусь лишь о прибыли, о богатстве?

Узнала Хумой голос родного брата, и из глаз ее заструились горячие слезы. Но царевна была умна и осторожна, и потому ничем не выдала открывшуюся ей тайну. Тогда брат ее приоткрыл лицо, пылавшее гневом и болью, и произнес еле слышно:

— Не торговать пришел я сюда через семь привалов, а отомстить Арджаспу за зло и насилие. Только надобно вам еще несколько дней молчаливо хранить эту тайну.

Когда несчастные пленницы в смятении покинули шумный базар, Исфандиер поспешил предстать пред хаканом Арджаспом. Сказал он:

— О счастливый властитель, прошу твоего дозволения устроить веселый праздник и пышный пир во славу создателя, который привел меня в этот город. Пусть придут вкусить моего угощения все знатные мужи и храбрые полководцы твоей страны, а бедным и несчастным раздаю я золото и серебро.

Когда Арджасп согласился с радостью исполнить просьбу мнимого купца, тот поцеловал землю перед его троном и вымолвил еще одно свое желание:

— О владыка, хоть и просторны мои покои, что отвели мне по твоему повелению, но тесны они для такого пира. Потому прошу дозволить пировать нам на широких стенах твоей неприступной крепости. Осенней порой радостно посидеть у пылающего костра, вкушая яства и запивая их вином.

— Делай так, как отрадno твоему сердцу, щедрый чужеземец,— ответил хакан.

Исфандиер поспешил туда, где стояли его караванчики, чтобы не терять драгоценного времени. Велел он им тотчас же нести на крепостные стены охапки дров, а также бараны и конские туши.

Вскоре запылали костры на широких стенах крепости Руиндидж и донеслись оттуда звуки музыки и пения.

Войско Исфандиера в ожидании условного сигнала расположилось военным станом вокруг Руиндиджа, заняв все холмы и степи на два фарсанга. Когда ночь, отогнав светлый день, сошла на землю, увидели воины над крепостью красные языки

пламени горящих костров. Башутан тотчас же двинул войско к воротам Руиндижа.

Но не дремали дозорные хакана Арджаспа и потому сразу заметили, как взметнулась столбами пыль на холмах и равнинах. Тревожную весть донесли они во дворец, и ужас охватил всех, кто находился внутри крепости. «На нас идет Исфандиёр!» — раздавались громкие крики.

Еще не успели предводители Кухрам и Тархан построить свои дружины по приказу охваченного страхом Арджаспа, как за воротами их твердыни уже стояло многочисленное войско с торчащими вверх остриями пик. Впереди его возвышался на вороном коне богатырь с тяжелым мечом в руке, а над ним развевалось ковеянское знамя. Все признали в великане могучего Исфандиера.

Для битвы построились оба крыла,
День ясный померк, степь окутала мгла.
Алмазам подобные блещут клинки,
И плещутся волны кровавой реки.
За витязем витязь несется, себе
Противника ищет в той смертной борьбе

Один на один бились царевичи Нушозар и Тархан, и вот уже рассечен надвое туранец Тархан мощным ударом меча иранца Нушозара. Увидев исход единоборства, в страхе побежали с ратного поля воины павшего полководца. Скоро и войско Кухрама было разбито наголову отважным Башутаном, и знатный туранец кинулся назад к воротам твердыни вместе с жалкими остатками своих бойцов.

Так было на поле битвы за стенами крепости, а внутри ее расходились по домам с пира Исфандиера захмелевшие туранцы. Оставшись один, сбросил одежду купца Исфандиер и остался в стальной кольчуге. Потом выпустил он из сундуков храбрых своих витязей. Расправили богатыри затекшие спины и плечи и воспылали жаром кинуться в битву. Но Исфандиер разделил воителей на три отряда и расставил их так, чтобы не ушел от мести ни один туранский воин как внутри Руиндижа, так и за стенами крепости. Себе предводитель отобрал двадцать самых отважных и сильных и повел их на дворец хакана Арджаспа.

Как свирепый лев бросается на оленя, так кинулся Исфандиер к воротам дворца и сначала вызволил из позорного плена юных сестер своих Хумой и Бехофарид. Укрылись спасенные царевны в амбаре на базарной площади, где хранились товары мнимых торговцев. Затем воины стали пробиваться к чер-

тогам хакана Арджаспа, сметая на пути его стражу и слуг. Вскоре Исфандиер ворвался в покои самого властелина, и задрожал от страха забившийся в угол хакан. Грозно крикнул ему иранский царевич:

— Прими из рук чужеземного купца драгоценный дар, который прислал тебе благочестивый Лухрасп. А благородный Гуштасп уготовил тебе роскошный приют под черным прахом земли!

С яростью бросился на богатыря туранский хакан, занеся острый кинжал, и схватились они в жестоком единоборстве.

Взлетают, сверкнув, то копьё, то булат,
То в голову, то в поясницу разят.
Туранца герой стал теснить, изловчась,
И весь уж исколот, изранен Арджасп.
Лишь рухнул он тяжко, как слон боевой,
Его исполнн разлучил с головой.
Так судьбы порой приговор свой вершат:
То мед нам подносят, то гибельный яд.

Когда кончилась эта схватка, выбежал Исфандиер из дворца и велел выводить быстроходных скакунов из конюшен хакана. Выведенных коней оседлали сто шестьдесят иранских вителей и под водительством своего владыки помчались на поле брани, что за стенами крепости. Но внутри Руиндижа оставался отряд сторожевых воинов, чтобы охранять сокровищницу убитого Арджаспа и не впускать в крепость туранцев, которые побегут с ратного поля.

На широких стенах туранской твердыни стояли дозорные Исфандиера и зорко смотрели вдаль на битву двух вражеских войск. Было им повеление царевича крикнуть громко: «Слава венценосцу Ирана Гуштаспу!», когда увидят они, что достигла ристалища дружина их властелина. А когда побегут в страхе туранцы, стремясь укрыться за стенами своей крепости, и столпяся у закрытых ворот ее, должно дозорным сбросить сверху в толпу тех воинов отрубленную голову царя их Арджаспа.

Соединился Исфандиёр с войском Нушозара и Башутана, и еще яростнее стали сражаться иранцы и начали раздаваться со стен крепости крики: «Слава венценосцу Ирана Гуштаспу! Слава победоносному богатырю его Исфандиеру!»

Услышал Кухрам странные эти выкрики, удивился, а потом впал в страх и смятение. Не ведомо было ему, что уже занят иранцами Руиндиж и нет во дворе Арджаспа, а потому так сказал он Андаремону:

— В нашей твердыне измена, если рядом с дворцом хаkana дерзко кричат его дозорные слова, прославляющие врага. Надлежит нам прежде покарать изменников в нашем стане, а затем продолжить битву с врагом за его пределами.

Так сказав, Кухрам поскакал в Руиндиж, оставив ратное поле. Следом за ним помчался Исфандиер. Столкнулись воители у ворот крепости, и завязалась новая битва у ее стен.

Звучали без умолку клики мужей,
И падали тяжело удары мечей
Пока над простором степным рассвело,
Немало туранских вождей полегло

Дождавшись рассвета, дозорные Исфандиёра сбросили вниз со стены крепости голову хаkana Арджаспа. Раздирающие сердца стенания туранцев огласили розовеющее небо, и побросали они оружие, утратив решимость биться с врагом. Лишь Кухраму горе придало новые силы, и яростно набросился он на Исфандиера. Долго длилось еще единоборство могучих воителей, которые к тому времени уже спешились. Но вот переломился на две части тяжелый меч Кухрама. Увидев это, отбросил в сторону свой меч и Исфандиер. Теперь поединок был рукопашным. Наконец крепко ухватил Исфандиер Кухрама за пояс, поднял его над головой и сбросил на землю. Кухрам остался живым, но угодил в плен к иранцам со всем своим войском.

Битва Исфандиера с Рустамом

Радостно и торжественно встретили в Иране Исфандиера вместе с отважными его воинами. На улицах раздавались восторженные и ликующие крики, прославлявшие героя, который прошел дорогой семи привалов и овладел прежде неприступной крепостью Руиндиж. А во дворце шаха поднимали чаши с вином в честь могучего богатыря знатные мужи и предводители войск. И царь Гуштасп вознес хвалу славному исполнину и призвал к нему милость судьбы и благословение создателя. Только не вспоминал шах о своем обещании вручить наследнику трон и корону.

Матерью доблестного богатыря Исфандиера была дочь румийского царя по имени Катаюн. Приметила она, что не радуют ее сына веселые и шумные пиры во дворце Гуштаспа, часто тоска и печаль омрачают его чело. Осмелилась она спросить, какая кручина теснит ему грудь и не дает предаваться счастью молодости и силы.

Ответил матери тоскующий Исфандиер:

— Не вижу я милостей и добра от венценосного моего отца. Когда послылал он меня в военный поход против царя Арджаспа, чтобы вызволил я из плена бедных сестер своих и отмстил за смерть благочестивого Лухраспа, обещал сделать владыкой Ирана, отдав мне трон и венец. Разве не преодолел я тяготы великие, презрев опасность, и не поверг могущественного Арджаспа? Разве не взял неприступную твердыню Руиндидж и не вызволил царевен из позорной неволи? Но шах Гуштасп не заговаривает о своем обещании, как будто забыл о данном мне слове. Унижен и оскорблен я таким обхождением, смеется надо мной и умный и глупый. Если отец не останется верным своему слову, я добуду трон и венец силой.

Огорчили мать Исфандиера заносчивые слова сына, и сказала она печально:

— О сын мой, познавший тяготы жизни и закаленный в жестоких битвах! Судьба одарила тебя богатством и властью, послушно тебе могучее войско. Чего может еще пожелать душа молодого и сильного витязя? Ты же увидел врага и соперника в шахе Гуштаспе, отце своем, у которого в недолгой жизни его остались только трон и корона. Когда покинет он этот мир, венец его перейдет к тебе, и станешь ты властелином Ирана.

Мудрые речи матери не нашли отклика в душе Исфандиера, отравленной ядом ревности и соперничества, и ответил он ей поговоркой, какую слышал не раз повсюду:

«Тайн женщине не доверяй ты своих,
Иначе услышишь на улице их.
И следовать женским советам не след,
Ведь женщины мудрой не видывал свет».

Однако ошибся молодой богатырь, следуя словам людской молвы, и тому подтверждением было все с ним случившееся потом, ибо поистине мудры были лишь речи матери его Катаян.

Но царь Гуштасп не забыл о своем обещании Исфандиеру, и потому не было у него ни сна, ни покоя, ибо не желал он расставаться с короной властителя. И вот, задумав проникнуть в тайну будущего своего сына, шах призвал к себе вазира Джамасп и обратился к нему:

— Посмотри на небесные светила и узнай судьбу Исфандиера. Сколько лет жизни отпущено ему в этом мире и ожидают ли его величие, слава и царский венец?

Долго смотрел Джамасп в древние таблицы и сравнивал

их с движением звезд на небе. А когда открылось ему то, что скрыто от других людей, сказал он шаху, горько плача:

— В несчастливый день родился на свет я, ибо беды и горести выпали мне, владеющему даром провидца.

— О мудрый Джамасп! — промолвил с волнением шах. — Открой, не страшась, все, что поведали тебе небесные светила и не утайвай ничего от меня.

И провидец решил всё рассказать Гуштаспу:

— Горькая доля предначертана Исфандиёру. Судьба занесет его в Систан, где правит прославленный богатырь Рустам, который держит в своих руках нить жизни твоего сына. Сам он и перережет её.

Смутили Гуштаспа правдивые слова предсказателя, и ощутил он тревогу и беспокойство.

— Уйду я от дел царских, а трон и венец вручу Исфандиёру. Тогда переменится к нему судьба и не погонит его в Систан в поисках счастья, — были слова его.

— От воли небес нет никому избавления, — ответил Джамасп. — От когтей судьбы не уйдет и всесильный дракон. Что кому суждено, то сбудется непременно.

Когда на другое утро воссел Гуштасп на царский свой трон, явился к нему Исфандиёр.

И вот собрались к властелину бэйцы,
Ирана прославленные храбрецы
И встали рядами мобеда его,
Советники и силахбеды¹ его.
И тут, ощутив страдания жар,
Речь начал свою Исфандиёр.

— Пусть вспомнит славный и благородный владыка как юный царевич в первом своем ратном походе изгнал из Балха орды Арджаспа. Тогда «наградой» за подвиг было ему заточение по навету злодея Гуразма. Свежо предание и о втором славном его деянии, когда, избавленный от цепей, поспешил он на помощь побежденному врагом Гуштаспу и снова спас царя от позора и плена. Всякий раз, посылая его на подвиги, обещал ему шах трон и венец властителя и не держал своего царского слова, когда избавлялся от смертельной угрозы. А с чем сравнить последний, невиданный доселе подвиг Исфандиёра, когда проходил он через семь заколдованных препятствий, на каждом из которых подстерегала его гибель? Ододел он и неприступную крепость Руиндиж и убил хакана Арджаспа. Возвысил

¹ С и л а х б ё д — предводитель войска

Исфандиер имя царя Гуштаспа и наполнил сокровищами его казну. Самому же царевичу достались лишь тяготы и страдания.

Ты столько мне клятв и обетов давал,
Что сердце мое ты к себе приковал.
Твердил: «Если снова увижу тебя,
Как душу, лелеять я стану, любя.
Вручу тебе царский престол и венец,
Затем, что венца ты достоин, храбрец!»
Стыжусь я теперь именитых мужей —
Ведь спросят они о награде моей
Теперь, когда столько я мук превозмог,
Какой еще новый измыслишь предлог?»

— О прославленный сын мой Исфандиер! — начал свою речь шах Гуштасп. — Одна только правда в твоих словах. Воистину, совершил ты множество дивных деяний. Не осталось на земле ни явных, ни скрытых врагов Ирана, которые не содрогались бы в ужасе при одном только твоём имени. Нет равных тебе богатырей во всем свете, разве что могучий Рустам, сын Золя Достона. Провозгласил он себя владыкой Полуденной страны, правит Бустом, Газной, Забулом и Кабулом и не склоняет головы перед шахом Ирана. Вспомни, когда Арджасп захватил Балх, Рустам не явился, чтобы защитить нашу столицу. А ведь он не царского рода и был на службе у славного Кай-Ковуса, совершая великие подвиги, не зная равных себе соперников. Ты превзошел его силой и мощью, Исфандиер. Кому как не тебе повергнуть Рустама в бою, чтобы сделать его верным и послушным слугой владыки Ирана!

Возжелал неразумный шах, чтобы могучий сын его Исфандиер покорил гордого прославленного Рустама и привел его в кандалах к трону Гуштаспа. За этот подвиг отдаст шах ему свое царство и клянется в том именем Зардушта и его священной «Авестой».

«Тебе уступлю я кеянский венец,
Взойдя на престол, озаришь ты дворец».

Закаленный в битвах с врагами своей земли, не мог Исфандиер одобрить желание шаха направить меч его против прославленного богатыря Ирана, и так ответил отцу своему Гуштаспу:

— О властелин! Не подобает шаху вести столь неразумные речи, нарушив древний закон кеянидов. Если силен ты, то иди войной на своих врагов — на шаха Турана и властителя Чина.

Зачем же тебе воевать с именитым Рустамом, в котором народ видит свою опору? Теперь состарили его годы, а прошли они в верной и преданной службе иранским царям.

Но Гуштасп не внял разумным речам Исфандиера и грозно повелел сыну идти войной на Рустама в Систан, повергнуть богатыря, а затем связать и пешим в цепях привести в Балх. Пусть увидят вассалы шаха, что ждёт того, кто не покорен его воле.

Не мог Исфандиер послушаться царя Ирана, а потому повиновался его приказу. Однако решился он высказать то, что лежало у него на сердце:

— Вижу я, не хочешь ты, шах Гуштасп, расстаться с венцом и троном и потому посылаешь меня в Полуденную страну на верную гибель. Но я у тебя на службе, и покорюсь велению властелина.

Порадовался в душе Гуштасп покорности сына, а на словах посоветовал не спеша подготовиться к трудному военному походу, который принесет ему еще большую славу и величие. Пусть отберет он из царской дружины самых испытанных и храбрых воинов, пусть возьмет без числа оружия и драгоценностей.

— Храброе войско не нужно мне в гибельном этом походе,— ответил царевич,— ибо не будет мне от него проку, если судьба не сулит мне счастья.

Исфандиер ушел из дворца владыки опечаленный и удрученный, а утром явилась к нему мать его Катаюн. Лицо ее омрачено было горем, и струились по нему слезы. Сказала она Исфандиеру:

— Дошло до меня, что намерен идти ты в Систан, покорить и связать могучего Рустама. Внемли совету любящей матери: откажись от безумного замысла сразиться со слоновотелым богатырем, который вырвал сердце из груди самого Белого Дива. Ради царского трона идешь на погибель, когда стар твой венценосный отец и на тебя смотрят с надеждой страна и войско.

— Милая мать моя,— отвечал ей Исфандиер.— Подвиги Рустама воспеты в «Авесте». Нет мужа сильнее, отважнее и добродетельнее во всем Иране. Ведает всякий воин, что не должно вязать подобного витязя, и недоброе, низкое дело поручил совершить мне царь Гуштасп. Правдивы твои слова, добрая мать моя, но разбивают мне они сердце, ибо не волен я послушаться властелина. В Систан ведет меня злая моя судьба, а Рустам не услышит от Исфандиера даже обидного слова.

Проливая горькие слезы, молила мать богатыря повести

в Систан могучее войско, чтобы не стоять одному ему против непобедимого Рустама. И пусть он оставит в Иране своих сыновей, ибо там с ним сложат они молодые головы в неравных сражениях.

На это ей возразил Исфандиер:

— Не гоже расти сыновьям вдали от отца, тогда вырастут они слабыми телом и низкими духом. Пусть будут они рядом со мной в ратном деле и станут мне помощниками и защитниками. Кроме них со мной пойдут лишь немногие верные и храбрые наездники.

В Полуденную страну отправился Исфандиер на рассвете, и были вместе с ним юные его сыновья Бахман, Нушозар и Мехруш.

Долго ехал небольшой отряд храбрых воинов впереди своего каравана верблюдов и остановился к вечеру на распутье двух дорог. Ведомс было Исфандиеру, какая из них ведет в Систан, но лег на землю верблюд-вожак и не двигался с места, хоть и бил его караванщик и погонял громко. Оставив его, точно приросшего к земле, караван двинулся дальше, а Исфандиер усмотрел в этом событии дурное предзнаменование. Сдвинул брови богатырь и велел обезглавить упрямого верблюда: пусть животное станет жертвой судьбы, столь немилостивой к Исфандиеру, и отведет её карающую руку, занесенную над дружиной. Однако принесение жертвы не успокоило душу Исфандиера, ибо поселились в ней страх и тревога, которые не покидали его во время всего пути.

Когда остановились путники отдохнуть на берегу реки Хирманд, Исфандиер призвал в свой царский шатер витязя Башутана и сказал ему:

— Надумал я послать к могучему Рустаму достойного и ловкого гонца, чтобы искусными речами склонил он богатыря посетить меня на моем привале. А когда прибудет сюда Рустам, поведаю я ему о том, что иду на него не своей волей. Пусть он даст связать себя по-доброму и отвести пешком в Балх, я же не стану чинить ему ни зла, ни обиды.

— Благое дело задумано тобой, царевич Исфандиер,— ответил ему Башутан.— Обойдись достойно с прославленным воином и не отступай впредь от своего слова.

Гонцом к прославленному Рустаму Исфандиер решил послать своего сына Бахмана. Призвал он его к себе и дал такое наставление:

— Облачись в китайский шёлк и парчу, садись на быстрого вороного коня и скачи в Систан. На голову возложи драгоценный венец. Пусть каждый, кто увидит тебя в пути,

сразу признает царского сына. Вместе с тобой поедут пять всадников на скакунах, покрытых золототканной попоной, и ещё десять ученых и мудрых мобедов.

Когда царевич Бахмана собрался в путь и сделал все так, как велел ему Исфандиер, отец научил его, как повести речь с властелином Систана:

— Передай славному Рустаму мой привет с почтением и любовью, а потом скажи такие слова: «Тот, кто возвысился в этом мире, тот сможет уберечь его от зла и ущерба. Совершившего это доброе и благословенное деяние не коснется никакая сила, и будет он вечно богат и счастлив. Всевышний послал на землю царей в пастыри людям и велел им почитать своих повелителей и покоряться их воле. Прожил на земле ты долгие годы, прославленный богатырь, и совершил невиданные подвиги. Но оглянись назад и мудрым взором посмотри и увидишь ты изъяны на праведном и ровном своем пути. Владеешь ты величием, богатством и храбрым войском, но это все ты получил от моих предков — царей Ирана — в награду за свою покорность и верную службу. Так, рассуди, достойно ли тебе не чтить владык Ирана. Ведь ты ни разу не поклонился царю Лухраспу и не почтил царя Гуштаспа своим прибытием, чтобы явить покорность. В обиде на тебя могущественный шах, которому подвластны Туран, Хинд и Рум. В уединении живешь ты и чураться надменно дворца царя и всех его придворных. И хоть прославлен ты геройскими делами, не может властелин снести неповиновения вассала своего. И вот настало время, когда поклялся шах, что сын его Исфандиер приведет в его дворец тебя и твоих родичей пешими, со связанными вдоль ла руками. Желает он, чтоб в путях увидела тебя его дружина». Затем скажи, что по велению царя Исфандиер уже явился сюда, чтобы связать Рустама и отвести к нему. Пусть опасается он гнева шаха Гуштаспа и признает, что был он непочтитель и дерзок к нему. Скажи: «Дай повязать себя, отца своего Золя, мать Рудобу, братьев Завору и Фаромарза и пешими всех привести во дворец Гуштаспа. Коль покоришься и пойдешь добром, Исфандиер склонит царя Гуштаспа к милости и гнев его смягчит. Тогда вновь воссияет твоя звезда».

И Бахман отправился в путь. Лишь только перешли посланцы Исфандиера реку Хирманд, как дозорные воины Систана уже донесли правителю в Забул известие о том, что благородный юноша царского рода с отрядом всадников приближается к городу. Престарелый Золь Достон быстро вскочил в седло и поскакал к реке, вооруженный булавой и луком. Увидев незнакомого всадника в дорогой одежде, сказал он себе: «Сом-

ненья нет, что воин этот происходит из рода царя Лухраспа. Пусть благодатен будет его приход».

Приблизился к Золю Бахман и, не узнав правителя Забула, спросил его:

— Эй, достойный дихкан, укажи, где дворец Рустама Достона. Прибыл к нему Исфандиер. Он раскинул царский шатер на том берегу реки.

Отвечал ему старый Золь:

— Рустам охотится с братьями Заворой и Фаромарзом, а пока вернутся они, вели спешиться своим воинам. Будьте моими гостями. Сейчас прикажу я принести угощения и привести музыкантов.

— Не пировать послан сюда я Исфандиером,— ответил Бахман.— Лучше вели одному из своих наездников указать мне путь туда, где охотится богатырь Рустам.

— Как зовут тебя, гордый юноша? Сдается мне, что ты из рода Лухраспа и приходишься родичем шаху Гуштаспу,— молвил Золь.

— Имя мое Бахман, я сын Исфандиера и внук Гуштаспа,— ответил величаво юноша.

Услышав имя посланца, быстро спешился Золь Достон и поклонился царевичу. А Бахман, узнав, кто этот старец, сошел с коня и ласково вступил в беседу с ним. Однако медлить не согласился царевич и просил проводить его к месту, где охотился Рустам.

Когда Бахман въехал на высокий холм, который встал на его пути, то увидел внизу лесную чащу. А на краю ее, у самого подножия холма заметил богатыря невиданного роста. Бахман спустился пониже по отлогому склону, и предстал его взору исполнн подобный горе Бисутун. Могучей рукой своей держал он толстый ствол дерева, а на нем, как на вертеле, насажен был целиком огромный онагр. Богатырь подносил тот вертел ко рту, откусывал от туши большие куски мяса и запивал красным вином из гигантской чаши, которую держал в другой руке. На земле у ног исполина лежали его прославленная тяжелая булава, увенчанная рогатой головой коровы, железный шлем и стальная кольчуга. Тут же рядом щипал траву длинногривый конь размеров небывалых. Сразу догадался юный Бахман, что это сам доблестный богатырь Рустам, прославленный мощью своей и силой, и исполинский конь его Рахш. И подумал царевич: «Не одолеть отцу моему Исфандиеру, прозванному меднотелым, этого слоновотелого исполина, и погибнет он от мощной его длани. Лучше сброшу я на него камень».

ную глыбу, пока не видит он меня, и отведу от отца смертельную угрозу».

Бахман отбил мечом от скалы кусок гранита и швырнул вниз на голову Рустама. Грохот скатывающихся с горы камней услышал Завора и поднял голову вверх. «Берегись, Рустам! — закричал он ему. — Камни катятся на тебя с горы!» Но исполин не повернул головы своей и не переставал есть и пить, а когда упала рядом с ним гранитная глыба, подняв столб пыли, отшвырнул её широкой своей пятой далеко в сторону. Радостным криком вознес хвалу богатырю Завора, перед тем охваченный страхом, а Бахман опечалился и подумал: «Неразумно Исфандиеру бороться с Рустамом. Повергнет его исполин и станет властелином всего Ирана. Должно отцу миром завершить порученное ему дело». Погруженный в невеселые думы, Бахман повернул было назад, но решил вернуться на место охоты Рустама.

Богатырь признал в юноше в роскошной одежде витязя высокого рода и оказал ему подобающий почет. А когда открылось Рустаму, что юноша сей — сын Исфандиера, крепко обнял, расцеловал и усадил рядом с собой. Подивился юноша, что Рустам съел один огромного онагра. Сам же насытился он лишь одним куском в десять раз меньшим. Окончив трапезу, рассмеялся богатырь и молвил:

— Где берешь ты силу, чтобы поднять меч и натянуть лук, если довольствуешься столь малой пищей?

— Рожденному царем не нужна обильная пища, чтобы быть отважным и неукротимым в битвах, — ответил Бахман величаво.

Когда окончился этот дивный для царевича пир, оседлали они коней и покинули место охоты, чтобы отправиться в родной Рустаму Забул. По дороге Бахман передал Рустаму слово в слово все то, что наказывал ему отец.

Долго пребывал в молчании богатырь Рустам, когда царевич закончил свои речи, а потом молвил:

— Радостью одарил меня твой счастливый приход, царевич Бахман, и до конца выслушал я послание Исфандиера, которое передал ты мне. Настал мой черед говорить. Вот какой ответ дам я славному отцу твоему: «О доблестный витязь, славен ты благородством, умом и отвагой льва! Ведешь ты свой род от иранских царей, не знаешь поражений в жестоких битвах и совершил много подвигов, изумляющих мир. Подобаает тебе разумно смотреть на дела, творящиеся на этом свете, и постигать до глубины их суть. С незапамятных дней сражаюсь я с врагами Ирана, прославляя его владык. И сколько сделал я добрых деяний, столько же претерпел и обид за свое верное слу-

жение им. И коль на склоне лет моих заслужил я оковы,— жалею о том, что родился на свет и задержался на нем так долго. Напрасно ты спешишь вступить со мной в спор, ибо ведомо всем, что не знаю я равных себе в борьбе. А не одолев могучего Рустама, не надеть на него оковы. Зачем глядишь ты на мир глазами юнца, не видавшего света? Взгляни как благородный владыка, умудренный опытом жизни, и отгони прочь злобу и ненависть. Родилась в моем сердце надежда, что окажешь ты честь старому воину и посетишь его дом. Тогда увижу я благородный и прекрасный твой лик, порадуюсь величию твоему и мужеству. Я — твой верный слуга, каким был Кай-Ковусу и Кай-Кубоду; за веселым пиром поднимем мы кубки во славу шаха Гуштаспа. Вместе с тобой поеду я в Балх к нашему властелину и там, перед троном, утишу я гнев шаха покорностью и смирением и смягчу ожесточившееся его сердце».

Когда Бахман ускакал к отцу, увозя с собой послание Рустама, богатырь повелел своим братьям:

— Пусть украсят дворец, а в нем приготовят трон золотой и одежды, достойные царя. Еду я на своем Рахше встречать дорогого гостя — царевича Исфандиера.

И тогда вскричал Завора:

— Пришёл он в Забул, чтобы тебя связать и в цепях отвести к Гуштаспу. Может ли он быть в нашем доме гостем?

— Не ведомо мне еще его намерение, и потому встречу Исфандиёра добром и приглашением посетить мой дом.

На лучшее мы уповаем всегда!
Коль встретит меня благосклонно, когда
Увижу, что мыслей он злых не таит,—
Венец из рубинов его озарит,
Не жаль для него вороненых мечей,
Ни золота, ни драгоценных камней.
Но если в сердцах оттолкнет он меня,—
Страшусь, не избегнуть нам чёрного дня.
Сам знаешь, что может он, гневом палим,
Слона опрокинуть арканом своим

Сказал Завора:

— Кто не питает ненависти, тот не ищет войны. Нет повода у Исфандиера, чтобы с тобой враждовать.

Между тем Бахман явился к отцу и рассказал ему все, что услышал от Рустама и что увидел на месте его охоты своими глазами. Речь свою он закончил так:

— Не видел я еще богатыря, подобного Рустаму, и не слышал о таком от других. Воистину, могуч он, как слон, по пле-

чу ему вытащить чудовище со дна глубокого Нила. Едет он вслед за мной и скоро достигнет берега Хирманда.

Такая похвала Рустаму из уст своего сына задела Исфандиера, и сказал он ему сердито и с укором:

— Не слышал ты еще ни звона оружия, ни топота конских копыт и не видел дикого слона, если сравнил с ним мощь богатыря Рустама? Понапрасну только вселяешь страх перед ним моим воинам. Правы те мудрые, которые вещают: «Отважный муж никогда не внимает совету женщины и не посылает младенцев на большие дела».

Но наедине Башутану открыл Исфандиер, что было у него на сердце:

— Видно, силен еще, хоть и стар, воинственный лев Рустам. Не властно над ним время и не убывает с годами его сила. Но надо исполнить волю шаха Гуштаспа.— С этими словами Исфандиер сел на своего вороного коня и поскакал навстречу Рустаму вместе с сотней наездников. Когда подъехали они к реке Хирманд, услышали ржанье Рахша на другом берегу. Ему ответил ржанием конь Исфандиёра. Так боевые кони богатырей первыми возвестили друг другу о своём прибытии. Рустам переправился к Исфандиеру, и тогда спешились витязи, обнялись и сказали слова приветствия. После этого услышал Исфандиёр:

«Желанье заветное в сердце таю,
Мечту, уповаю, исполнишь мою.
Прошу я тебя посещеньем почтить
Мой дом, сердце радостью мне осветить».

— О Рустам, наследник великих исполинов земли! — ответил ему Исфандиёр, помня о порученном деле.— Не подобает мне отвергать приглашение такого прославленного героя, чьё имя на устах всего Ирана. Но не могу я не исполнить воли царя Гуштаспа. Велел мне владыка не задерживаться в Систане и не вести с витязями этой страны ратных дел, не проводить весёлых застолий. Да и тебе тоже должно повиноваться своему шаху, ибо благо сулит каждому подданному покорность и кару — непослушание. Не медли и сам надень себе на ноги цепи. Ведь царские оковы — не позор для богатыря. Я отведу тебя связанным к шаху и испрошу у него для тебя прощения. Поверь, не радостно мне видеть тебя в оковах и не легко исполнить это дело. Но нет у меня другого исхода. Обещаю тебе я помощь и достойное обхождение: по ночам буду снимать с тебя путы и никому не позволю причинить тебе унижение. Когда приведу я тебя связанным в Балх, отец отдаст мне трон и

корону, и тогда, став шахом Ирана, осыплю тебя я милостями и поставлю во главе всего иранского войска.

Набежала тень на светлый лик Рустама, и сказал он с тоской и печалью:

— Ждал я радости от встречи с тобой, славный Исфандиёр, но, видно, напрасно. Должно быть, злобный дух вкрался между двумя самыми сильными богатырями Ирана, старым и молодым. Отравил он душу тебе жаждой престола и повёл по кривой дороге. Не прав ты, коль, вступив на землю Систана, не желаешь войти в дом мой гостем. Тем навлекаешь ты на меня позор и унижение, и вовек не забудут об этом люди. Почти дом мой своим приходом, тогда исполню я всё, что пожелаешь вопреки нанесенной мне обиде. Только не надену я на ноги цепи: не позволю я бесчестить себя. И знай, пока жив Рустам, никто не увидит его в оковах!

— Ты правду сказал,— промолвил Исфандиер,— но приказ царя незыблем, как сама судьба. Рассуди, если приду я гостем в твой дом, а после ты не позволишь себя связать, то поневоле, забыв благодарность за хлеб твой и соль, вступлю в битву с тобой, осквернив свой благородный род. Лучше ты сам приходи сегодня в мой царский шатёр, там будем мы вместе с тобой пировать.

— Отказать тебе я не осмелюсь, только пойду и сменю одежду, которая запылилась на долгой охоте. Ты же, Исфандиер, ко времени пошли гонца за мной, и я приду.

Ушел Рустам, а царевич, проводив его, сказал Башутану:

— Не стану я звать его в гости, ибо, сдается мне, что дело дсйдет до битвы, в которой одному из нас суждено погибнуть. Тогда горе раскаяния постигнет того, кто победит в ней.

Башутан ответил:

— Воцарилась весна в моем сердце, когда без ненависти и вражды встретились два могучих богатыря как братья родные. Но вижу теперь, что затмил вам разум злобный дух Ахриман. Никогда не связать тебе исполина; не позволит внук доблестного Сома надеть на себя позорные цепи. Воздержись и ты от войны, правдивый и честный Исфандиер, постигни ту истину, что в Систане доблесть и честь — в мирном деянии, а не в битве

Не внял царевич речам Башутана и вымолвил:

— Одно я постиг: истина в том, что должно мне выполнить повеление шаха. Истину эту не скроешь от глаз и не вырвешь из сердца. Ослушника в этом мире осудит народ, а в мире ином покарает бог.

Между тем Рустам вернулся домой и поведал Золю Достону о встрече с Исфандиером:

— Прекрасен лицом и остёр умом сын Гуштаспа. Будто сам Фаридун передал ему свой ум и величие. На челе его видел я сияние царственного света.

Ждал Рустам гонца с приглашением от Исфандиера и не садился за ужин. Не раз выходил он из дома и смотрел на дорогу, не скачет ли запоздавший гонец. Но так никто и не явился от Исфандиера, не позвал Рустама пировать в пышный шатер царевича. И тогда богатырь оседлал верного Рахша и отправился в путь.

Когда приехал могучий Рустам на берег реки Хирманд, на другой ее стороне столпились воины Исфандиера, еще издали завидев приближение богатыря. Проникнулись сердца вонтелей любовью к прославленному герою, и волной прокатился по рядам восторженный гул голосов: «Не видел мир еще столь могучего и благородного богатыря, как Рустам слоновотелый. Видно, бог отнял разум у нашего шаха, коль задумал он предать смерти его, а царевич Исфандиер пошел на черное деяние ради венца и трона».

Завидев Исфандиера, крикнул Рустам громким голосом:

— Эй, витязь, где верность твоя данному мне обещанию? Заносчивость не украшает благородного мужа, а величие царя не в том, чтобы презреть и унижить подданного.

Так знай же, я тот, чье имя Рустам,
Кем мог бы гордиться и сам Нариман!
Не раз я в отчаянье дива ввергал
И смерти не раз колдунов обрекал.
Герои, завидев мою булаву
И Рахша, подобного лютому льву,
Не раз обращались от ужаса вспять,
Успев лишь оружие в пути побросать.
Я — щит и опора иранских царей,
Надежда прославленных богатырей
В сраженье меня бы и Сом не смутил,
Хоть ужас он даже на львов наводил.
А я ведь потомок достойный его,
Страшатся и тигры меча моего.
Невзгод и я тягот немало сносил,
Народ я от недругов освободил.

С тобой нищу я мира и дружбы, ибо молод ты и царского рода, а война между нами тебя обречет на гибель.

Засмеялся Исфандиер и промолвил:

— О благородный витязь, вижу, точит тебя обида оттого, что не позвал я тебя на пир в царский шатер. Жаркий был день и путь сюда долгий. Поэтому не хотел я тебя утруждать приходом. А поутру думал пойти к тебе и просить у тебя прощение. Но, коль пренебрег ты тягостью дорог и с нетерпением пожаловал ко мне, забудь обиду и войди в мой шатер. Сядем мы за веселый пир и поднимем чаши с вином.

На царском пиру Рустаму предложили сесть по левую руку царевича,— на самое почетное место для гостей. Но не стал богатырь садиться на уготовленное ему место.

— Слишком высоко сажаешь ты меня, благородный Исфандиёр,— сказал Рустам.— Но позволь мне самому избрать место, подобающее старому воителю.

— Усади дорогого гостя по правую мою руку, коль сам он выбрал себе это место,— повелел царевич Бахману.

Было это место для самых простых людей на царском пиру, и потому вспыхнул от стыда и гнева Рустам.

— Если нет на твоём пиру мне места, достойного имени моего и сана, зачем же звал ты меня в свой царский шатер? — были слова исполина. Тогда Исфандиёр приказал, чтобы рядом с тронем его поставили золотую скамью для богатыря Рустама. Гнев Рустама утих, он воссел на скамью и взял с золотого блюда благовонный плод, чтобы вдохнуть успокоительный его аромат. Звенели золотые чаши, лилось вино, и царевич Исфандиёр приступил к беседе с Рустамом. Сразу стал он поносить его славный род.

— Послушай, отважный витязь. Рассказывают мобы, что твой отец Золь Достон не человеком был рожден, а дивом, и потому, когда появился на свет он, смуглым было тело его, а волосы же — белыми как снег. Не признал в нем своего сына опечаленный витязь Сом и велел отнести к подножию высокой горы на съедение диким зверям. Но вещая птица Симург унесла младенца в свое гнездо и вскармливала падалью. Так и выросло то дитя, отродье дива, в гнезде, не зная ни одежды, ни доброй пищи. Позже принял его в свой дом благородный Сом, ибо не дал ему создатель другого наследника. А когда вырос и возмужал седовласый юноша, предки мои, цари Ирана, возвысили Золя, наделив землей и богатством. Так стал он правителем Систана, а потом женился на прекрасной царевне и сбред исполинского сына.

— О счастливый и благословенный Исфандиёр,— отвечал на это Рустам,— ведешь ты недостойные речи. А царям не пристало говорить слова, в которых нет правды. Ведомо всему миру, что седовласый Золь — сын благородного Сома и внук

богатыря Наримана. А род именитого Наримана восходит к самому Гаршаспу и первому царю Джамшиду. Доблестными и мужественными богатырями были все витязи этого славного рода, и от них предки твои получили царский венец. А когда засохла ветвь древа царей, я привез с горы Альбурз Кай-Кубода и посадил на трон Ирана. Славный витязь Золь Достон — отец мой, а мать — дочь мудрого царя Мехроба, владыки Кабула.

Выслушав правдивые речи Рустама, Исфандиер принялся прославлять своих предков и считать добрые их деяния и победоносные войны. Вспомнил он и о том, зачем прибыл сюда в Систан и о приказе царя Гуштаспа связать Рустама и пешим привести в Балх.

Усмехнулся Рустам тому, что Исфандиер так и не превзошел своего отца в рассуждениях и сказал:

— Послушайся совета умудренного жизнью: не уповай на молодость и на благосклонность судьбы. Если отец твой Гуштасп свернул с пути разума и добра, то тебе не стоит бездумно идти вслед за ним. Сердцем Гуштаспа владеет страх лишиться престола, а потому он желает твоей гибели, чтобы до конца дней восседать на троне. Коварно послал он тебя на битву со мной и явил тем низкий свой нрав, ибо отец, желающий смерти сына, подобен дикому волку. Отступись от шаха, и Золь Достон станет тебе отцом, а я, непобедимый Рустам, посажу тебя на трон и сделаю владыкой Ирана и Турана.

Так увещевал он неразумного царевича добрыми словами, а потом гневно добавил:

— А если думаешь надеть на меня путы, то знай, что стрела, выпущенная из лука рукой Рустама, прошьет небо с землей. Повязать мне руки и ноги бессилен даже предначертанный рок.

Горячился в гнев Рустам, а Исфандиер весело смеялся. Взял он за руку богатыря и воскликнул:

— Рука твоя подобна львиной лапе, шея и плечи твои, как у дракона, тонок и гибок твой стан, как у молодого тигра. Хочу посмотреть я, каков же ты в ратном деле.

После слов этих Исфандиер сжал могучую длань богатыря так, что брызнула кровь из-под ногтей Рустама. Но исполнил не двинул и бровью, ибо был терпелив и к худшей боли, только взял руку царевича и сжал ее в своем кулаке.

— Счастлив шах Гуштасп, имеющий сына, подобного Исфандиеру, — проговорил он при этом.

Кровь хлынула ручьями из-под ногтей Исфандиёра, и ли-

цо молодого витязя исказилось от нестерпимой боли. Багровым стало его лицо, но снова смеясь продолжал он речи:

«Когда ты в седле вороного коня,
В шеломе кеянском увидишь меня,
И конь твой падет от меча моего,—
Забудешь сражаться ты после того!»

На что Рустам улыбнулся и ответил:

«Где видел ты истинных богатырей,
Где слышал ты свист их булав и мечей?
Уж если нам жребий жестокий судил,
Чтоб наше согласие злой дух омрачил,
Коль меч и копье в руки взять суждено
И алую кровь проливать, не вино,
Тогда, юный витязь, учись и смотри,
Как бьются истинные богатыри!»

А пир продолжался. Виночерпий принес огромную чашу красного вина, которое выдерживали много лет в погребах Исфандиера. Десять витязей мог напоить допьяна тот сосуд, а Рустам осушил его духом одним и оборотился к виночерпию:

— Зачем ты разбавил водой вино? Ведь тем лишил крепости древний этот напиток, и не пьянит он старого воина.

Башутан велел виночерпию принести Рустаму другую чашу. И ее осушил богатырь без вздоха. Исфандиер и все пировавшие с ним лишь могли дивиться тому, сколько в силах выпить вина Рустам.

Но окончен пир, и Рустам поднялся, чтобы покинуть шатер. У выхода обратил он слова к царскому шатру, который достался Исфандиеру в наследство от прежних владык:

Воззвал он: «О ты, упования храм!
К Джемшидовым мыслью лечу временам,
Ко дням Кай-Ковуса, Хусрава. Иран
Был царственным светом тогда осиян.
Где ныне былая твоя благодать?
Дано недостойному здесь восседать».

Исфандиер вышел за гостем вслед и, услышав эти слова, промолвил:

— Недаром зовут Систан страной, где вечно ропщут и земледельцы и воины. Вот и гость из Систана поносит хозяина после сытной трапезы в его шатре.

Все предвещало назавтра неминуемую битву, хоть и еще

раз предостерег Рустам Исфандиера, предвещая несчастливый для царевича исход.

Но и на этот раз увещевания его остались безуспешными. Исфандиёр сказал, смеясь:

«Припомни, что древний мудрец говорил,
Чей дух добродетели свет озарил:
«Лукавый старец и глуп и смешон,
Хоть блещет отвагой и знанием он».
Что проку откладывать дело? С зарей
Примчимся и в смертный мы ринемся бой,
И в том поединке, сомнения нет,
Померкнет пред взором твоим белый свет,
Узнаешь, как храбрый умеет в бою
За честь постоять и за славу свою!»

Раздираемый тревожными сомнениями вернулся Рустам в свой дворец. Терзаясь от безысходности, так размышлял он: «Дам ли покорно связать себя Исфандиеру или выйду на поединок с ним — оба эти деяния, противные разуму. Или мир надсмеется над старым воителем, который сдался юнцу без битвы, или проклянут могучего богатыря владыки за смерть молодого царя. А если я сам паду от руки молодого и сильного Исфандиёра? О, тогда прервётся род доблестного Сома и благородного Золя Достона, исчезнув во мгле забвения, и рухнет слава и блеск родного Забулистана».

Рустам отправился к Золю Достону, чтобы поведать ему о встрече с Исфандиером и просить у отца мудрого совета. Опечалился престарелый Золь и погрузился в раздумье, а потом повел такие речи:

— Недоброе и несправое дело биться богатырю с юношей царского рода. С тех пор, как ты сел в седло боевое, верой и правдой служил царям, исполняя их повеления. А ныне может померкнуть твоя звезда успеха и счастья. Не хочешь покориться Исфандиеру, тогда беги от его глаз и укройся в глуши, не оставив следа. Есть и другой исход: пусть едет царевич в обратный путь с караваном драгоценных даров, а ты оседлаешь Рахша и поедешь за ним добровольно. В Балхе предстанешь перед Гуштаспом, явив покорность. Увидев тебя, не станет шах чинить зло.

Выслушав наставленья отца, еще больше опечалился богатырь, ибо тщетно было следовать его советам.

— Исфандиер пренебрег моим назиданием, не вняв призыву моему к братской дружбе,— ответил он Золю.— Завтра, дождавшись солнца, сойдемся мы в поединке. Но ты, благородный

отец, не страшись за жизнь молодого царя. Его не коснется ни удар моей булавы, ни острое лезвие меча. Ухвачу я царевича за золотой его пояс, силой вырву из седла вороного коня и, подняв над головой, унесу в свой дворец и посажу на трон из слоновой кости. Тогда поневоле станет он моим гостем. В Балх поеду я вместе с ним во главе его храброго войска. Там сниму венец с шаха Гуштаспа и возложу на голову Исфандиера. Вот тогда склонюсь я перед ним, как перед владыкой, и поклянусь в верной и преданной службе. Вспомни, как привез я Кубода с высокой горы и посадил на иранский трон. Не думай, что я уже стар и лишился прежней своей силы!

Старый Золь покачал головой и молвил:

— Не увидел я в речи твоей ни склада, ни лада, а вижу, что затеял ты незрелое дело. Ведь Кубод скрывался в горах один, без казны, без войска и без венца. Не равняй его с шахом Гуштаспом, с неисчислимыми его богатствами и воинственной ратью. А имя Исфандиера начертал на перстне своем владыка Чина, верный вассал Ирана.

Но уже тщетны были советы Золя Достона, ибо прошло время наставлений и увещаний, настал черед вынимать из ножен индийский меч, надевать румийский шлем и стальную кольчугу.

На следующий день Рустам облачился в броню, а на плечи набросил шкуру барса. К седлу приторочил длинный аркан и вскочил на верного Рахша. Заворе велел он построить войско на песчаном холме. Проезжая перед строем своих бойцов, он слышал их голоса: «Живи вечно, славный Рустам! Пусть не останутся без тебя конь твой и знаменитая булава!»

Затем Рустам помчался к стану Исфандиера и крикнул в сторону царского шатра:

— Исфандиёр! Противник твой здесь и приготовился к битве!

— Я готов с того мгновенья, как поднялся с ложа сна,— сказал царевич, смеясь, и, выходя из шатра, велел подать военное снаряжение. Облачился он в стальную кольчугу, надел на голову кеянский шлем, а в руки взял палицу, увенчанную коровьей головой. Опершись той палицей о землю, Исфандиер легко прыгнул в седло вороного коня, подобно тому, как вскакивает тигр на спину бегущего онагра. Воины с восторгом взирали на удаль и красоту своего предводителя и громко возносили ему хвалу и славу.

Когда подъехал Исфандиёр к месту битвы и увидел, что Рустам явился один, громко крикнул он Башутану, построившему храброе войско:

— Один на один будем мы драться!

Богатыри встали друг против друга, и первым издал боевой клич Исфандиер:

— Или конь Исфандиера вернется в конюшню без своего хозяина, или прославленный Рахш навечно лишится своего седока!

Богатыри устремились друг на друга, выставив вперед копыа, и сразу кровью обагрились кольчуги. А когда обломались копыа, выхватили из ножен мечи. Высоко над головами стояло солнце, дрожал раскаленный воздух; единоборцы распалились от жаркой схватки, но продолжали биться. Вокруг них поднялась до небес степная пыль, копыта могучих коней ударялись о камни, высекая искры. Не выдержали и сломались стальные мечи, и тогда взяли богатыри палицы. Не иссякала сила воителей, разили они один другого, как разъяренные львы.

Вдруг сломалась рукоять булавы Исфандиера, и тут же разлетелась на куски рукоять Рустамовой булавы. Настало время показать силу и мощь безоружных дланей и ухватиться за пояса друг друга. Теперь каждый силился вырвать соперника из седла.

Брал верх то один, то другой исполнин,
Но не шевельнулся в седле ни один.
Вот поле мужи покидают, мрачны,
И сами измучены, и скакуны.
Рты конские в пене, в крови запеклись,
Попоны кольчужные изодрались.

Уже опустилось за горы жаркое солнце, а Рустам все не возвращался с места сражения. Завора утратил терпение и двинул к ристалищу единоборцев построенное войско. Когда завидел он рать Исфандиера, выстроенную в боевом порядке, крикнул, не сдержав гнева:

— Пришли вы на бой с прославленным Рустамом? Так суждено вам оказаться в пасти дракона! Не связать вам могучему руки, ибо прежде примете смерть от его руки.

Храбрый Нушозар, сын Исфандиера, прославленный воин и лихой наездник, тоже вскипел гневом и ответил Заворе бранью:

— Эй, обделенные умом систанцы! Не велел нам герой Исфандиер воевать с вами. Но коль осмелитесь первыми начать бой, то узнаете как бьются неукротимые.

Завора забыл осторожность и неистово крикнул своим воинам:

— Разите врагов и украсьте их головы кровавыми венками!

Воинственные бойцы Рустама тут же бросились на царскую дружину и положили многих воинов Исфандиера. И тут богатырь Нушозар с индийским клинком в руках полетел на коне в самую гущу сражавшихся. Против него с другой стороны выехал витязь Алвой. Нушозар на скаку ударом меча расколол ему голову пополам. Подоспел Завора и вскричал, разъяренный:

— Погубил ты отважного витязя Алвоя, теперь берегись! — и сразил Нушозара ударом копья.

Мехрнуш видел, как пал его брат, и взревел от ярости и боли. Пришпорил он коня и помчался вперед навстречу систанцу Фаромарзу. Как дикие львы, схватились два богатыря, и стали теснить друг друга. Мехрнуш первым занес тяжелый меч, чтобы снести Фаромарзу голову, но удар его меча пришелся по шее собственного его коня. Рухнул на землю конь с отсеченной головой, и оказался пешим царевич. Конный Фаромарз поразил его пикой в самое сердце.

Увидел Бахман истекающего кровью брата и помчался туда, где бились Рустам с Исфандиером.

— Отец! — закричал он. — На нас напало войско систанцев. Убиты братья мои Нушозар и Мехрнуш.

Вздрогнул Исфандиер, от боли и гнева стало темно в глазах. Грозно крикнул он Рустаму:

— Эй, отродье дива, нарушил ты наш уговор, забыв совесть и честь! Не ты ли клялся, что не приведешь свое войско на битву? Твои систанцы убили двух моих сыновей!

Дрожь пробежала по телу Рустама и глубокая скорбь наложила печать на его чело. Поклялся он солнцем, луной, жизнью владыки и своим боевым мечом, что без его дозволения вступили в бой воины.

— За зло, совершенное братом моим, приведу к тебе его в путях. Отомсти ему за своих сыновей, — молвил Рустам Исфандиеру, но в ответ услышал:

— Кровью презренной змеи не воздают за кровь гордого павлина! Собственной жизнью ответишь ты за смерть моих сыновей! Пусть впрямь знают вассалы, как нападать на царей и проливать их священную кровь!

Сказав это, Исфандиер вынул стрелу из колчана и натянул тетиву. Рустам тоже поднял свой изогнутый лук. И полетели стрелы с противоположных сторон. Исфандиер искусно и ловко увертывался от метких стрел Рустама: подвигался то вправо, то влево, то легко наклонялся и выпрямлялся снова. Несколько стрел Рустама все же настигли его, но не причинили вреда: застряли они в стальной кольчуге, не разорвав ее даже. Дивил-

ся тому Рустам, говоря сам себе: «Поистине, он руинтан¹, не пробиваема медь его тела».

Однако стрелы Исфандиера нанесли Рустаму кровоточащие раны. И верный Рахш его ослаб от бесчисленных стрел, вонзившихся в тело его и шею. Пожалев верного друга, богатырь прыгнул с коня и устремился в гору, спасаясь от гибели.

Увидев убегающего Рустама, прокричал со смехом ему вслед Исфандиер:

«Рустам знаменитый, любимец побед!
Железная глыба, ужель сражена
Стрелой? Где ж буйная сила слона?
Где палица, где же величье твое?
Где полное мощи обличье твое?
Куда устремился героев глава?
Напуган, зная, ревом свирепого льва.
Не ты ли в отчаянье дивов ввергал,
Булатом чудовищ на смерть обрекал?
А ныне, что лис, старый слон боевой,
Бежишь ты,— зная, силы лишился былой!»

Сильнее стрел ранили Рустама язвительные насмешки удачливого соперника.

Тем временем обессиленный Рахш добрался до замка Золя Достона. Когда увидел коня Завора, охватили его страх и дурное предчувствие. Томимый тревогой, помчался он к месту битвы, долго искал Рустама и нашел наконец его на вершине горы. Все могучее тело богатыря было в глубоких ранах, и лилась из них кровь. Завора хотел посадить Рустама на своего коня, чтобы отвезти его в замок Золя.

— Вместо тебя выйду я на бой с Исфандиером, надев стальную кольчугу,— сказал он брату. Но Рустам промолвил:

— Спешу к Золю Достону и позаботься о моем Рахше, омой и смажь его раны. Я же, отдохнув, приду вслед за тобой.

Ушел Завора, а Рустам снова услышал призывный крик Исфандиера:

— Эй, богатырь, брось лук свой и стрелы, скинь барсовую шкуру и дай мне связать тебе руки! Впредь больше не причиню тебе зла а, лишь отведу к шаху Гуштаспу и у него испрошу для тебя прощения. А если хочешь продолжить битву, напиши прежде свое завещание и назови того, кто станет править Забулом после тебя.

— Теперь уже вечер,— ответил ему Рустам.— Никто не

¹ Руи н т а н — меднотелый.

сражается темной ночью. Сейчас я вернусь домой, отдохну и перевяжу свои раны. А утром исполню все твои повеления.

— Ладно, сейчас тебя пощажу я, но не вздумай меня обмануть, ибо жестоко раскаешься потом.— Так сказал царевич Исфандиер и пошел прочь, но не удержался и посмотрел назад, чтобы узнать, что станет делать Рустам. И увидел он, как поднялся исполнин с земли, возвысившись над ней горой, и двинулся к берегу реки Хирманд. Не останавливаясь на пути, хоть утомлен он был долгой битвой и истекал кровью, вошел в воду богатырь и переплыл на другую сторону. С изумлением взирал Исфандиер на израненного Рустама, переплывавшего быстрюю и глубокую реку и думал: «Воистину, он подобен могучему слону».

Когда дошел Рустам до своего замка, то почувствовал себя уже совершенно обессиленным и беспомощным. Тогда отец его Золь Достон вспомнил о чудесной птице Симург, вырастившей его в своем гнезде.

Вышел старый Золь из дворца и стал подниматься на высокую гору. Следом за ним шли три воина, и каждый из них нес курильницу со священным огнем. Остановились они, когда достигли вершины.

Золь Достон развязал узелок из шелковой парчи, достал разноцветное перо птицы Симург и поднес конец его к огню курильницы. Как только перо подпалилось, сразу подул сильный ветер и послышался знакомый Золю звук, похожий на шелест ветвей деревьев. То махала могучими крыльями птица Симург, летящая на зов своего питомца. С небесных высот заметила она во мраке ночи на вершине горы свет огня и спустилась к нему. Обнял Золь Достон свою кормилицу-чародейку и поведал о постигшем его горе. Умолял он волшебную птицу исцелить раны могучего Рустама и верного его Рахша. Пожелала Симург взглянуть на раны прославленного исполина и его коня. Увидев умирающего богатыря, Симург слизала кровь с его тела и вытащила крепким своим клювом восемь застрявших в нем стрел со стальными концами. После того велела она потереть раны Рустама пером своим, смоченным в молоке. Исцелила птица и раны могучего Рахша, вытащив из них шесть остроконечных стрел. Радостно заржал боевой конь, избавившись от страданий, а заслышав его, засиял от счастья богатырь Рустам. Почувствовал он, что затянулись его глубокие раны, и обрел он прежнюю силу и мощь.

— О прославленный и могучий богатырь,— услышал он голос вещей птицы,— ты сын моего питомца, доблестного Золя Достона, и потому помогу я тебе в борьбе с неукротимым царе-

вичем Исфандиером. Садись на доброго Рахша, обретшего силу, и поезжай туда, куда полечу я.

Симург взмыла в небо, а Рустам отправился на Рахше под тенью ее исполинских крыльев. Опустилась птица на берегу реки у куста с прекрасными благоухающими цветами и, коснувшись крылом его верхушки, сказала:

— Срежь, богатырь Рустам, этот толстый стебель, который разветвляется на два тонких. Потом поддержи его над священным огнем курильницы, чтобы распрямился он, как натянутая стрела, и насади на оба конца его стальные наконечники. Двуструю ту стрелу оснасти тремя орлиными перьями. Когда сойдешься с Исфандиером на поле битвы, призови его к миру и дружбе, а если не внемлет он твоим уговорам и будет стоять на своем, тогда выпусти эту стрелу, целясь прямо ему в глаза. Там спрятана его душа.

Когда умчалась ночь и занялась на небе розовая заря, Рустам отправился на новую битву с неукротимым Исфандиером.

Подходя уже к царскому шатру, крикнул он:

— Довольно спать, неуязвимый герой! Явился Рустам, чтобы снова помериться с тобой силой в единоборстве!

Исфандиер удивился, услышав его голос, и молвил Башутану:

— Вчера после битвы было покрыто ранами все тело Рустама, и его Рахш также истекал кровью. Как же случилось, что богатырь и конь за одну ночь оправились от смертельных ран и уже готовы к сражению?

Непостижимо моему уму это дивное исцеление. Видно здесь замешано колдовство. Рассказывают, будто старый Золь владеет чародейской силой, которая всегда ограждала его от беды.

Молодой богатырь облачился в стальные доспехи и вышел на зов Рустама,

— Эй, чародей! — вскричал он, распаленный гневом, — пусть навеки забудет мир твое имя. Ведомо мне, что Золь исцелил тебя колдовством, иначе пришлось бы ему сегодня надеть траурные одежды и оплакивать своего сына. Но пусть не ждет он нынче твоего возвращения, ибо сокрушен ты будешь булавой Исфандиёра.

— Эй, неукротимый и упрямый ратоборец! — обратился к нему Рустам. — Побойся всевышнего, сними темную завесу с разума своего и сердца. Пришел я сюда не для битвы, а для примирения, чтобы отвести тебя в мой дом как дорогого гостя и открыть перед тобой двери моих сокровищниц. А когда кончим мы веселый пир, оседлаем своих коней и поспешим в

Балх, чтобы предстать перед шахом Гуштаспом. Там волен будет владыка казнить меня или заковать в цепи.

Ответил ему Исфандиер:

— Я не из тех, кого хитроумный соперник может опутать ложью накануне единоборства. Доколе будешь твердить мне о примирении? Хочешь, чтобы я послушался шаха и навлек на себя кару всевышнего? Никогда! Или надень на себя путы, или выходи на единоборство со мною.

Рустаму осталось только покориться неумолимому року.

Тут быстро Рустам тетиву натянул,
Стрелу по наказу Симурга метнул
Двужалая в очи вонзилась стрела
Герою, и тотчас застлала их мгла.
Согнулся вдруг стан кипариса того,
Покинули чувства и силы его
И доблестный воин поник головой,
И, лук уронивши испытанный свой,
Он к гриве коня вороного припал;
От крови бойца прах рубиновым стал

Упал на землю бесчувственно царевич Исфандиер. А когда очнулся он, приподнялся с земли и вытащил двуострую стрелу из глаз. Полилась кровь алым ручьем. Подошел Рустам к изюловью царевича и склонился над ним в глубокой печали. Горько сожалел он о том, что сотворил поневоле, и мучился жестоким раскаянием. Погубил он царевича-богатыря волей властолюбивого царя Гуштаспа, и не будет ему прощения ни от людей, ни от всевышнего.

Услышал он голос умирающего Исфандиера:

— О прославленный витязь, не плачь надо мной и не терзай своё сердце. Видно, истек срок моей жизни, отмеренный мне судьбой, и нет в том твоей вины. Не твоя стрела пресекала течение моей жизни, а жестокая воля венценосного отца моего Гуштаспа. Чувствую я приближение смерти и, покидая этот мир, сожалею лишь о том, что оставляю без отца сына моего Бахмана. Исполни последнее мое желание, славный Рустам, прими его под свое покровительство. Увези из Балха в Забул и сам воспитай с любовью, обучи ратному делу, искусству охоты и обряду пиров. Нет в мире богатыря сильнее и благороднее тебя.

Рустам, это выслушав, с места вскочив
И правую руку к груди приложив,
Поклялся «Твоих не отрину я слов,
Их жизни ценою исполнить готов!»

Силы оставили Исфандиера, и душа покинула его тело.

Гибель Рустама

Есть предание, что в гареме славного Зома Достона была прекрасная и веселая невольница. Она родила витязю сына, подобного прославленному деду его, доблестному богатырю Сому. Призвал ошачливленный Золь гадателей и звездочетов из Кашмира и Кабула, чтобы прочли они по звездам, что предначертано новоявленному младенцу. Углубились звездочеты в румийские таблицы и увидели, что в день рождения ребенка неблагоприятно было расположение светил на небе. Омрачились сердца мудрых старцев, и не осмеливались они открыть Золю роковую тайну. А когда принудил их властитель Забула, то так поведали они о грядущем его сына:

— Небосвод не предвещает блага новорожденному.

— Что означают ваши речи? — встревожился Золь Достон.

— Когда вырастет и возмужает это дитя с ликом, подобным солнцу, — продолжали мудрецы, — омрачит он ясный свет звезды Сома Наримана и навлечет беду на славный его род. От недобрых деяний выросшего юнца взволнуется весь Иран, а Систан огласится скорбными рыданиями. Принесет он горе и страдание многим людям, но и сам погибнет, едва расцветя.

Опечален был Золь таким предсказанием. Но, уповая на милость всевышнего, вознес ему жаркую молитву, прося благо и ограду вместо бед и несчастий, и посвятил все свои дни воспитанию и учению Шагода, так он нарек своего сына.

Когда Шагод вырос и возмужал, послал его Золь в Кабул, к эмиру той страны за данью. Каждый год взимали с кабульцев полный золота и серебра огромный мешок из коровьей кожи.

Эмир Кабула полюбил юного Шагода и нашел, что достоин он трона и венца. А потому отдал он ему в жены дочь свою, как некогда Мехроб Кабульский отдал прекрасную Рудобу в жены Золю Достону. Гордился кабульский эмир, что породнился со славным родом доблестного Сома Наримана. Отныне, думал он, не станет властитель Систана Рустам собирать дань с Кабула.

Но когда пришел срок уплаты, в Кабул явился сам могучий Рустам и потребовал у эмира, чтобы собрал он для Забула дань. Шагод увидел в поступке Рустама для себя обиду и унижение, потому разгневался и затаил злобу на брата. Тайной мыслью своей об отмщении поделился он с эмиром Кабула.

— Придумая я хитрость и завлеку в западню Рустама, — поведал Шагод ему.

И оба на том согласились они,
В мечтах до луны возносились они.
Забыли, как видно, слова мудреца:
Злодей не избегнет худого конца!
В ту ночь, пока небо зарей не зажглось,
Злодейство задумавшим все не спалось:
Сотрем, мол, с земли его имя! И, в боль
Повергнутый, пусть убивается Золь!

Вот что замыслил низкий душой Шагод. Пусть эмир созовет именитых гостей и устроит роскошный пир с музыкантами и певцами. Когда захмелеют гости, эмир обратит к Шагоду резкие и грубые слова, назовет его бесчестным и подлым. Шагод поспешит в Систан, чтобы пожаловаться отцу и брату на дерзкого вассала и очернит его в их глазах. Могучий Рустам восплает гневом и помчится в Кабул, а эмир велит вырыть на его пути широкие и глубокие ямы, чтобы мог в одну из них угодить слоновотелый Рустам вместе с исполинским своим Рахшем. На дне ям пусть торчат острия мечей и копий, а сверху будут они прикрыты землей и травой...

Неразумный эмир, забыв совесть и стыд, внял замыслу бесчестного Шагода и сделал всё так, как тот задумал.

Когда захмелели головы гостей на царском пиру, Шагод приступил к «пьяному буйству» и закричал, обращаясь к эмиру Кабула:

— Отец мой—именитый Золь Достон, а брат—прославленный богатырь Рустам. Выше, древнее всех мой род, и никто не сравнится со мной знатностью на этом собранье!

«Вспылил» эмир Кабула и «разгневался» на дерзкого юнца, «унизившего» его на царском пиру.

— Слова твои — ложь! — закричал он,— ибо рожден ты невольницей и не от Сома Паримана ведешь свой род. Презрены ты Зодем Достоном и ничтожнее раба прославленного Рустама, мать которого Рудоба, дочь Мехроба Кабульского.

Шагод вскочил на коня и помчался в Забул.

Пред Зодем спешит славословье вознесть,
А в сердце — коварство, в помыслах — месть.
Лишь сына увидел Достон своего,
Красу, и осанку, и силу его —
Приветствием встретил, тепло обласкал
И тотчас к великому брату послал.
Рад витязь могучий свиданию с ним,
Сочтя его мужем достойным, благим.

И Рустам приступил к расспросам юного своего брата. Хотел он знать, чтит ли Шагода владыка Кабула так, как подобает достоинству его и высокому роду. Шагод сдвинул брови и ответил, являя обиду:

— Сначала обласкан я был эмиром, который воздал мне почет и хвалу. Теперь же хулит он меня и бранит, себя возвышая надо мной. На знатном собрании при всех оскорбил он меня и унизил, крича: «Доколе будем платить мы дань Сислану, когда я не уступаю Рустаму ни в силе, ни в знатном рожденье!» Ещё говорил он, что я не сын Золя Достона, а если и сын, то немного в том для меня чести. Не снес я позора и покинул Кабул.

Воскликнул Рустам, охваченный яростью:

С престолом и счастьем расстанется он,
Кабульский тебе, знай, достанется трон!

Стал Рустам готовить храброе войско, чтобы идти походом на эмира Кабула. Но когда собрался он двинуться в путь, Шагод явился к богатырю накануне и молвил:

— Зачем вести тебе целое войско в Кабул? Ни у кого не хватит ни силы, ни отваги, чтобы выйти с тобой на битву. Одно твое имя навеет на эмира ужас и прогонит покой и сон его. А после того, как покинул я Кабул, конечно, раскаялся он и сожалеет о случившемся. Увидишь, эмир вышлет навстречу тебе именитых кабульцев, чтобы умолять тебя о милости и прощении.

Эти слова согрели радостью сердце Рустама, и он согласился:

— Мир лучше войны. Не поведу я войско в Кабул, а поскачу туда с Заворой, взяв сотню знатных наездников и столько же пеших воинов.

А в это же самое время по приказу эмира Кабула сто землекопов рыли глубокие ямы на месте царской охоты.

Как только Рустам отправился в путь, Шагод тотчас тайно послал гонца к эмиру Кабула. Извещал он его о том, что Рустам двинется в Кабул без своей боевой дружины. Пусть эмир выйдет навстречу богатырю и с почтением просит его о прощении.

Тотчас эмир покинул свой город и поскакал по дороге, ведущей из Кабула в Забул. Рустама завидел он издали, сразу сошел с коня, сорвал с головы индийский убор, сбросил одежду и сапоги. Так, босой и раздетый, пал лицом в дорожную пыль коварный эмир, а когда к нему приблизился Рустам, на коленях стал просить о прощении за свои дерзкие слова, ко-

торые произнес он, не помня себя, во хмелю. Приказал Рустам своим воинам поднять с земли эмира Кабула и одеть, как подобает владыке, в дорогие одежды. А потом обнял его и уверил, что не помнит за ним никакой вины. Возликовал в душе эмир, что удалась его хитрость. Сел на коня он и поехал рядом с Рустамом в сторону своей столицы.

Достигнув Кабула, вступают на луг.
Цветы, где ни глянешь, и зелень вокруг.
У речки журчащей, под сенью деревьев
Ковры дорогие легли, запестрели
Владыка велел туда яства принести,
Пир щедрый устроил в Рустамову честь.
Знатнейшие на возвышенье взошли,
Явилось вино, музыканты пришли.

Когда сбросил Рустам дорожную усталость и усладился вином и пенем на царском пиру, эмир Кабула повёл заманчивые речи об охоте в его урочище, где водятся без числа онагры и серны. Там утолит охотничью страсть всякий искусный и ловкий охотник, подобный Рустаму. Душа богатыря взыграла от радости, когда услышал он слова эмира, и велел он седлать своего Рахша и посылать охотничьих соколов в поле.

Так разум затмив, рок толкает подчас
К тому, в ком таится погибель для нас.

В урочище эмира Кабула, где водилась в изобилии всякая дичь, кабульские всадники разъехались в разные стороны, чтобы согнать онагров и ланей с гор и из зарослей лесных на открытое место. Рустам и брат его Завора, предвкушая веселую охоту, не спеша двигались по дороге, на которой богатырю уготовлены были гибельные ямы. Верный конь Рустама сразу почувял запах сырой земли, заметался испуганно из стороны в сторону, а потом встал, забив копытами о землю. Но Рустам не заметил беспокойства и страха своего коня, ибо хмель от безмерно выпитого вина на привале затмила ему глаза и разум. Стал он плетью стегать коня и нетерпеливо погонять его вперед. Рахш стоял меж двух ям, скрытых от глаз травой, а когда ударил его плетью Рустам, рванулся его добрый конь в сторону и угодил в глубокую яму передними ногами. Перевернулся несчастный конь через голову и тяжело низринулся в бездну. В тело ему вонзились острые клинки, торчавшие на дне ямы, и разрезали бока и живот. Рухнул на те же острия и могучий Рустам, поранив себе ноги и грудь. Но собрал всю слоновью свою силу исполин и выбрался из злосчастной ямы,

хоть и лилась из груди его кровь потоком. Подскочил к Рустаму бесчестный Шагод, радуясь хитрой своей уловке, и понял богатырь, что эту западню поставил на его пути злонаправленный брат его, и вскричал гневно:

— Презренный злодей! Черное деяние твое отзовется бедой для всего этого цветущего края, и горько раскаешься ты в том, что сотворил.

Услышал исполнин ответ негодяя:

— Эту судьбу определил тебе небосвод, рассудив, что довольно Рустаму одерживать победы, разоряя другие страны. Окончена жизнь твоя, ибо угодил ты в ловушку самого Ахримана.

К злосчастной яме, подле которой находились подлый братубийца и его несчастная жертва, подошел эмир Кабула. Увидел он, что повержен могучий Рустам, и без сил, истекая кровью, лежит на земле. Ужаснулся притворно низкий сообщник Шагода и воскликнул:

— О славный витязь! Что случилось с тобой на охоте? Откуда такая беда обрушилась на тебя? Поспешу я немедля за лекарем, чтобы перевязал он твои страшные раны.

— Подлый и коварный злодей! — молвил Рустам. — Ты оплакиваешь того, кому сам трусливо всадил в спину клинок. Но смерть не страшит меня, ибо долго и славно пожил я на этом свете. Не сравнюсь я величием с царем Джамшидом, а его распялил пополам злобный враг его. И не возвысился я над царями от Фаридуна до Кай-Кубода, которых настигла еще более худшая судьба. Ушли те доблестные и воинственные львы, носившие кеянский венец, а я их всех пережил. Есть сын у меня, свет очей моих, и он отомстит за отца! А ты, убивший меня Шагод, исполни последнюю просьбу мою: подай лук с натянутой тетивой, вложив в него две стрелы. Негоже, если дикий зверь, придя сюда на охоту, растерзает меня, беспомощного. Выпустив стрелы из лука, смогу я себя защитить и умереть достойно.

Шагод исполнил просьбу Рустама и порадовался близкой его смерти. А Рустам привстал, опершись на широкие длани, собрал оставшуюся в них силу и натянул тетиву оснащенного стрелами лука. Увидев это, испугался Шагод и спрятался в смятении за ствол могучей чинары. Много лет пронеслось над древним тем деревом, и хотя зеленели еще листья на его ветвях, внутри оно было уже пусто. Рустам выпустил обе стрелы из лука, они пронзили полый ствол дерева и пришили к нему Шагода, стоявшего позади него.

— Хвала всевышнему, что дал мне силу перед ~~моим~~ кон-

цом для мшенья презрснному изменнику. Я отомстил за свою смерть!

Сказав это, умер славный и могучий богатырь Рустам.

Брат его Завора и другие храбрые воины тоже погибли на злосчастной той охоте, угодив в сокрытые травой ямы. Лишь один из них избежал гибели и примчался в Забул, чтобы поведать старому Золю об ужасной трагедии.

И воплем тотчас огласился Забул.
Седую главу прахом Золь посыпал
И грудь, и лицо свое в горе терзал,
Взывая: «О витязь, не видеть мне дня!
Влечет лишь могила отныне меня.
Кто знал, что стряется такая напасть,—
Трус жалкий дерзнет на героя напасть!
Кто в памяти это сыскал бы своей,
Кто слышал на свете от мудрых мужей,
Чтоб лисом презренным был пойман в капкан
Лев гордый — такой, как Рустам-великан!»

Тела злодейски поверженного Рустама и верного коня его Рахша повезли в родной Забул. На всем долгом пути рыдали и стонали люди, провожая в последний путь прославленного героя. Его гроб несли десять дней и ночей, передавая из рук в руки, и ни разу не опустили на землю, а тело верного Рахша нес на спине боевой слон.

В цветущем саду Забула предан был земле исполин Рустам, и над могилой его возвысилась пышная гробница высотой до самого неба. У подножия ее погребли коня и поставили мраморное его изваяние над могилой.

Рассказывают, что сын Рустама Фаромарз пошел на Кабул с огромным войском и отомстил за отца, предав смерти подлого эмира и весь его род. Старую чинару с пригвожденным к ней телом изменника Шагода сожгли, а пепел развеяли по ветру.

В одном из сел Ирака на берегу реки Фурот жил бедный гозур. Однажды утром как всегда мыл он холсты в запруде, ударяя их о большие камни, а глаза омывал слезами: накануне умерло единственное его дитя, едва появившись на свет. Вдруг на преграду наткнулся сундук, плывший, как легкий челн, по быстрой реке. Увидел мойщик богато разукрашенный сундучок и торопливо вытащил его из воды. А когда поднял крышку сундучка, то застыл в изумлении: на дне его среди шелка и парчи покоился новорожденный младенец, прекрасный, как молодой месяц. Изголовье ребенка обрамляли бесчисленные жемчужины, в ногах у него лежали яхонты и рубины, а к белой ручке привязан был большой царский алмаз. Бросился мойщик домой, забыв о мокрых холстах, и, примчавшись, закричал жене, неутешной в великом горе:

— О жена моя, не проливай больше слез и не убивайся ночью и днем по нашему милому сыну. Судьба послала нам другое дитя. Туда, где бил я о камни холсты, принесла речная волна сундучок. Открыв его, нашел я младенца в шелку и драгоценных камнях.

Когда жена мойщика пришла к запруде и увидела новорожденного ребенка, поразилась его красоте и сиянию богатства, на котором покоился он. Забытая радость охватила бедную женщину, истерзанную горем, взяла она кинутое кем-то дитя и приложила к своей груди. Покормив младенца, нашла она утешение для страдавшего своего сердца.

Мойщик и жена его полюбили дарованное им судьбой дитя как родного сына и стали растить его, лелея и оберегая от бед. А в тот счастливый для них день мойщик белья сразу высказал своей жене сокровенные мысли:

— До скончания наших дней будет этот мальчик нам дороже жизни. Нет сомненья, что рожден он в знатной семье, может быть, во дворце венценосного владыки.

Ребенка, извлеченного из реки, назвали они Дароб, что значит «явившийся из воды».

Как-то спросила жена мужа:

— Как поступим мы с тем огромным богатством, которое лежит в сундуке Дароба?

— Если будем тратить сокровища, удивятся люди и станут выведывать, откуда у бедняка такое богатство. А коль спрячем драгоценные камни, будет цена им — горсть придорож-

¹ Гозу́р — мойщик белья, прачка.

ной пыли. Лучше уйдем мы отсюда в другой город, где никто нас не знает и потому не удивится, что богаты мы и довольны,— ответил он ей.

Так рассудив, как-то утром гозур и жена его покинули родной город, унося с собой драгоценности и обретенное милое дитя. Поселились путники в городе, который первым попался им на пути.

В те времена был обычай у странников, прибывающих в город: делать тамошнему властителю богатое подношение. Простодушный гозур принес в дар правителю города большую жемчужину из найденного сундука. Удивился правитель ценному подношению и, приняв новоявленного жителя за богача, постепенно выудил у него все драгоценности. И растаял вскоре найденный мойщиком клад, как лед на солнце, остались у него лишь царский алмаз, что был привязан к ручке подкинутого младенца да горсть золотых монет. И тогда заботливая женщина сказала мужу:

— С этим алмазом и золотыми динарами мы все еще богачи. Так зачем же тебе трудиться, ходить по домам и обстирывать людей?

Но другие мысли были у разумного мойщика белья:

— О честная женщина, запомни, что хорошее ремесло — лучшее в мире богатство, и нет надежнее его и вернее. Пока живы мы, будем трудиться и растить нашего Дароба в холе и неге, а золотые динары и царский алмаз прибережем, ибо сгодятся они ему, когда станет он юношей.

Как царевича, лелеяли сына бедные люди, не давая и ветру коснуться кончику волос на его голове. Пронеслись годы, мальчик вырос, стал сильным и красивым юношей. Никто не мог его одолеть, когда состязался он со своими сверстниками в борцовских играх. Названный отец Дароба, проводя дни в трудах и заботах, стремился обучить сына своему ремеслу, чтобы смог он потом добывать себе пропитание. Но Дароб стыдился стирать в реке грязное белье и чуждался всякой другой работы. Каждый день убегал он из дома на простор полей и проводил время в стрельбе из лука и в единоборствах с другими мальчишками. Бывало так, что проходили дни за днями, а Дароб не возвращался домой к отцу с матерью. Тогда мойщик белья, скорбя, шел на поиски сына и заставлял его за ратными играми. Вырывал он из рук сына лук и стрелы, принимался укорять его и бранить. И вот однажды Дароб сказал названному отцу:

— Не брани меня, ибо не заслужил я того. Лучше отведи меня к тем людям, которые владеют разными знаниями и мо-

гут обучить меня наукам, искусствам и священной «Авесте» После этого займусь я твоим ремеслом.

Ничего не оставалось бедному гошуру, как отвести Дароба к учителям.

Но вот закончился срок обучения, и юноша говорит мойщику:

— Скажу тебе правду, отец, не стану я, подобно тебе, стирать грязное белье. Коль любишь меня и желаешь добра, дозвожь обучиться езде на коне и ратному делу.

Отпустил сына бедный мойщик, и Дароб пошёл к одному наставнику, искусному в верховой езде и владении разным оружием. Скоро научился юноша всему, чего так желал: на скаку мог он ловко править поводом быстроходного коня, чтобы одолеть в битве врага или спастись бегством от грозящей опасности, искусно владел он луком и тяжелым мечом, умел метнуть копьё одной рукой, держа в другой щит и прикрываясь им от копья соперника.

Стал Дароб храбрым и сильным воителем, подобно прославленному богатырям, и дивился, что не похож он на родителей своих ни видом, ни нравом. Однажды сказал он мойщику одежд:

— Давно скрываю я тайну в душе своей, что не питаю сыновней любви ни к тебе, отец, ни к матери. Странно и чуждо мне, когда зовешь ты сыном меня и хочешь поутру отвести к себе в мыльню.

Горько было слышать эти слова доброму мойщику, и сказал он с обидой и печалью:

— Много трудов затратил я на твое воспитание, а если ты не видишь во мне отца и чувствуешь в себе знатность, то ступай к матери и спроси у нее о тайне своего появления в моем доме.

Так и сделал Дароб, когда мойщик ушел на реку. Сурово и неласково стал расспрашивать он названную мать:

— Скажи мне всю правду, кем прихожусь я тебе и твоему мужу? От кого рожден я и отчего живу в доме бедного мойщика грязных одежд?

И слышит Дароб «Если жизнь посулишь
Оставить — признаюсь во всем, как велишь»,
Все женщина юноше после того
Поведала, не утаив ничего,
Про то, как сундук им попался в реке,
Про спрятанный клад и дитя в сундуке.
Сказала: «Мы жили трудом своих рук,
Нам знатных людей недоступен был круг.

Вознесишь от низкой к высокой судьбе
С твоею подмогою, ныне тебе
Душою и телом принадлежим,
Готовы внимать повеленьям твоим».

Исповедь эта изумила Дароба, хоть и не узнал он от матери истинного своего происхождения. О нем ведь не ведали приемные его родители. И задумался гордый юноша: «Кто же отец мой, кто мать? Отчего положили они меня в сундук и бросили в быструю реку?» У названной матери же спросил он:

— Осталось ли что-нибудь у тебя от тех драгоценных камней, что лежали со мной в сундуке? Теперьгодились бы мне они, и я купил бы себе боевого коня.

— Осталось,— ответила радостно женщина,— и хватит не только на одного коня.

Извлекла жена мойщика белья спрятанные сокровища и вручила их любимому сыну. На золотые динары купил Дароб боевого коня со всем снаряжением, палицу, меч и лук со стрелами. А царский алмаз вернул названной матери и велел спрятать на другой случай.

Тем краем, где жил Дароб, владел правитель, достойный и умный. С радостью взял он себе на службу красивого и храброго юношу, явившегося во дворец его по своей воле, и осыпал милостями.

Но случилось так, что на страну напало румийское войско. Не устояла дружина правителя против сильного врага и расеялась в смятении по степям и долинам, а сам он был убит в жестоком сражении.

До царицы, прекрасной Хумой, дошла ужасная весть о том, что захвачен румийцами ее цветущий край. Призвала она к себе именитого Рашнавада, предводителя царского войска, и повелела ему идти войной на румийцев.

Рашнавад стал собирать со всех концов страны отважных воителей, строить боевые ряды и снаряжать воинов оружием. Приехал в столицу Ирана и юный Дароб.

Выстроилось несметное войско перед дворцом царицы Хумой, сидевшей на возвышении на золотом троне. Рядами проходили перед ней храбрые воины, простые и знатные, и вдруг взор ее привлек молодой красивый всадник, сильный и стройный. Гордо, величаво сидел он на боевом коне, хоть и было под ним дешевое седло с медными стременами, а в руках — простая, без украшений, булава.

— Кто этот наездник и откуда он родом? — спросила Хумой полководца Рашнавада.

— Из дружины погибшего правителя несчастного края, разоренного румийцами,— ответил Рашнавад.

— Сразу виден в нем отважный воин,— молвила царица,— только не подобает такому богатырю носить простые доспехи.

Рашнавад обещал царице, что будут у юного воина богатое оружие, стальная кольчуга и шлем, украшенный бирюзой.

После смотра двинулось войско в боевой поход на румийскую рать.

Идет от стоянки к стоянке оно,
От пыли клубящейся небо черно.

У границы румийской земли Рашнавад выделил Дароба среди других знатных и простых воинов и велел подвести к нему быстроходного скакуна с золотым седлом и с такими же стрелами. Потом подали юноше шлем, украшенный драгоценными камнями, стальную кольчугу и меч в позолоченных ножнах. Предводитель царской рати Рашнавад поставил Дароба во главе дозора, которому надлежало идти впереди войска. Столкнулись смельчаки с румийской засадой, и— завязалась битва.

Два войска на поле широко сошлись,
Столбы темной пыли над ним поднялись.
В неистовой схватке смешались войска,
И хлынула крови багровой река.
Дароб, лишь почувствовал битвы накал,
В бой ринулся. Вихря быстрее он скакал,
Без счета румийцев кося,— скажешь, рок
Над ними занес смертоносный клинок.
Все дальше он мчится, что лев, разъярен,
В руке его тигр, им оседлан дракон.

Храбрый Дароб одержал победу над врагами в той битве, и предводитель Рашнавад восхвалил его доблесть.

Так во все дни той войны являл Дароб доблесть и военное искусство. Настало время, когда с победным ликованием возвращалось в столицу войско царицы Хумой, везя с собой богатую добычу. Но случилось так, что в пути неожиданно налетел злой вихрь, черные тучи закрыли небо, загремел гром и засверкала молния. Потом—сильный, проливной дождь, и скоро бурные потоки воды понеслись по степи, где и встала победоносная рать.

Дароб в поисках приюта и защиты от дождя набрел на развалины старого замка. Там укрылся он под высокой уцелевшей аркой, хоть была она ветхая от времени и размыта дождями. Забрел в те развалины и предводитель Рашнавад и вдруг

услышал голос, обращенный с мольбой к сводам обветшалой арки: «Спаси от непогоды и дождя, укрой и охрани шаха Ирана, ибо нет у него ни царского шатра, ни слугителей, и потому под твоим сводом ищет он спасенье».

Несказанно удивился храбрый Рашнавад, когда услышал из-под развалин эти стенания. Послал он своих бойцов, чтоб отыскиали они того, кто прячется от людских глаз и говорит чудные слова. Посланцы нашли под сводами арки юного воина в промокшей одежде. Дрожа от холода, спал он рядом с конем своим, тесно прижавшись к нему и издавая во сне жалобные стенания. Рашнавад узнал молодого Дароба и приказал разбудить его, чтобы вырвать из объятий тревожного сна. Пробудился Дароб, вскочил спешно на коня и покинул развалины древнего замка. В тот же миг обрушился ветхий свод той высокой арки. Еще больше изумился Рашнавад, когда стал невольным свидетелем чудесного спасения Дароба, и решил, что охраняют его неведомые чары.

Как только улеглась стихия, велел Рашнавад привести Дароба к нему в шатер. Усадил он его на пестрые ковры и расспросил, какого он рода. И поведал ему Дароб о том, что услышал от названной матери. Рассказал про сундук в волнах быстрой реки, о ребенке, что поконился в нем на дорогах шелках и украшенном драгоценностями. Не утаил и о том, что вырос и воспитывался он в доме бедного гозура и его жены, которых считал своими родителями.

Приказал Рашнавад верным и храбым воинам своим найти того мойщика белья и его жену и привести к нему в шатер. Только пусть возьмут с собой алмаз, что был когда-то на ручке младенца.

Прошло несколько дней, и стояло войско полководца Рашнавада уже на другом привале, когда предстали перед ним дрожащие от страха мойщик белья и его жена. Успокоенные лаской и добрым приемом, оказанным им Рашнавадом, поведали они историю о том, как река подарила беднякам вместо утраченного сына Дароба.

— Пусть сопутствуют вам счастье и удача во всем, добрые люди! — воскликнул полководец. — Чуда такого еще не видел мир!

Усадил Рашнавад их на почетное место, осыпал милостями и дарами, затем велел призвать искусного писца, чтобы составил он послание царице Хумой. В нем поведал полководец удивительную историю появления Дароба в семье бедного гозура и не забыл упомянуть о том, как тот избежал гибели, когда рухнули своды ветхой арки.

Быстро снарядили гонца, которому вместе с письмом к царице Хумой вручили и алмаз, принесенный мойщиком одежд. Как ветер понесся гонец в столицу страны и скоро предстал перед блистательной царицей.

Когда услышала Хумой о том, что написано было в послании Рашнавада и увидела царский алмаз, невольно вскрикнула и чуть не лишилась чувств.

Царице припомнился лучший из дней,
Когда проходили бойцы перед ней
И ею замечен был муж молодой,
Что дивной своей ослеплял красотой.
Постигнув, что тот молодой исполин -
Властителей отпрыск, родной ее сын,
Посланцу в ответ возглашает Хумой:
«Грядет повелитель возглавить свой край!»

Да, в юноше том признала царица Хумой своего сына, и пронеслись в ее памяти события прошедших лет...

Отцом ее был славный Бахман, сын Исфандиера Руинтана. После смерти деда своего шаха Гуштаспа стал он венценосным владыкой Ирана и звался шахом Ардашером. После смерти супруги, взял он ее в жены, по велению пехлевийского закона. Но вскоре занемог шах Ардашер, и, умирая, завещал супруге своей венец и трон. Стала Хумой счастливой владычицей Ирана, величаво восседала на троне и грозно повелевала своими подданными. Когда родился у царицы сын, наследник престола, охватил ее страх, что лишится она царской власти, а потому скрыла от всех появление на свет законного царя, объявив, что умер ребенок во чреве матери.

Сначала рос царевич в тайне от всех в доме кормилицы, а как исполнилось ему восемь месяцев, задумала царица недоброе. Велела она призвать искусного древодела и приказала ему смастерить сундук. На шелк и парчу уложили ребенка и усыпали ложе его золотом и драгоценными камнями. К белой ручке младенца привязали царский алмаз. Закрыли сундук крышкой, щели меж прочных досок залепили воском и бросили его в воды Ефрата...

Так, спустя годы, волей судьбы вернулся назад к царице Хумой изгнанный ею сын и воссел на царский престол. Хумой своими руками возложила на голову его венец шаха Ирана.

Счастливый Дароб, сев на кеянский трон, щедро награждал тех, кто с любовью и заботой взрастил его. Но гозур, высоко вознесенный царем, так и не расстался со своим любимым ремеслом.

Когда Искандар (Александр) Македонский захватил весь Иран, двинул он потом свое огромное войско на Хинд. Многие города и крепости той цветущей страны захвачены были им без большого труда: их властители сами распахивали ворота перед непобедимым завоевателем. Так, не встречая особого сопротивления, Искандар дошел до княжества Каннудж, где у города Милод и раскинул военный стан. Оттуда послал он письмо правителю княжества Кайду, в котором повелевал: «Сдайся и покорись мне, не то будет повержен твой трон и растоптано царство».

Не имел Кайд такого большого и сильного войска, чтобы сопротивляться беспощадному завоевателю, и потому решил он покориться. Посланцу грозного Искандара Кайд ответил так: «Охотно исполню я всё, что приказывает мне великий царь, и никогда не ослушаюсь его. Но, если тотчас поспешу к нему, не сделав нужных приготовлений, не одобрит этого ни всевышний создатель наш, ни сам могущественный Искандар». А в послании завоевателю он написал:

«Чистый душой не станет, о доблестный, спорить с тобой.
Царь войск и меча, для тебя ничего,
Поверь, из богатства не жаль моего.
Четыре мне чуда достались в удел,
Такими доселе никто не владел.
Собраньем подобных сокровищ и впредь
Едва ли другим доведется владеть.
Коль будет на то изволение твое,
В надежде на благоволение твое
Тебе их пошлю Исполняя приказ,
И сам на поклон поспешу в тот же час».

Искандар, прочтя письмо Кайда Хиндского, снова послал к нему гонца, чтобы тот выведал у князя, что за невиданные диковины прячет он от людей.

Быстрее ветра примчался гонец в столицу Каннуджа и, как велел ему царь Искандар, стал расспрашивать правителя княжества. Выведывал он пристрастно, — правда ли, что таких чудес, какие есть у него, нет больше нигде во всем мире. Кайд выслал из своего дворца всех лишних людей и, усадив посла Искандара рядом с собой, отвечивал так:

«Мне дарована дочь,
Глава отвести от прекрасной невмочь.
Когда бы с ней рядом лик солнца возник,
Затмила б красавица солнечный лик
Коса у нее и длинна и густа,
Скажешь, молоком еще пахнут уста.
Смутился бы тополь, так дева стройна,
Слова, что жемчужины, нижет она.
В молчанье стыдливость собой воплотит,
Нет девы, которой она не затмит!»

— Второе мое сокровище — чудесная чаша, — продолжал Кайд. — Тот, кто наполнит ее красным вином, будет пить из нее с друзьями много ночей и дней, и никогда не иссякнет она. А если нальет он в ту чашу чистую воду, станет она для него вечным источником влаги. Третье сокровище — искуснейший лекарь. Взглянув на слезу того, кто страждет, он тотчас узнает, какой его точит недуг. А если владыка царства доверится тому исцелителю, то никогда не узнает он ни страданий, ни болей. А вот и четвертое чудо в моем дворце — некий философ, великий мудрец. Им дорожу я больше других чудес и особо скрываю от глаз людей. Ведомы ему все скрытые и явные тайны обоих миров, и лишь он один сможет узнать, какой уготован жребий доселе непобедимому шаху.

Посол вернулся в Милод и передал Искандару все, что узнал о четырех чудесах, которыми владеет правитель Каннуджа. От вести такой расцвела торжеством душа грозного повелителя, и молвил он своему гонцу:

— Коль правдивы слова Кайда Хиндского, то четыре его чудесных сокровища стоят богатств всего мира. Пусть пришлёт он их мне, и я не стану завоевывать благодатный Каннудж и сразу уйду от стен Милода.

Сказав так, Искандар выбрал девять румийцев из своей дружины, достойных и владеющих знаниями мужей. Их он послал во дворец Кайда Хиндского, чтобы взглянули они на его

сокровища и рассудили, не ложны ли их чудесные качества. В письме Кайду Искандар извещал: «Четыре невиданных своих сокровища покажи сим ученым и мудрым посланцам моим. Если по возвращении расскажут они, что и вправду видели своими глазами чудо, какого не знали доселе, от меня ты получишь охранную грамоту и до конца своих дней будешь сидеть на престоле счастливым владыкой».

С почтением принял Кайд румийских мудрецов, посланцев великого Искандара, и отвёл им достойный дворец для пребывания.

Вот ночь миновала Когда рассвело
И солнце сверкающий меч занесло,
Царевне убранство, спящее взор,
Внесли, хоть луне и не нужен убор
В дворцовой палате уже водружен
Сверкающий пышностью чинскою трон.
Царевна на нем молодая сидит,
Своей красотой затмевая Нахид¹.

Послы Искандара остолбенели при виде первого чуда Кайда и лишились дара речи от изумления. Не могли они отвести взоров от луноликой красавицы, озарившей светом чертог. Ослабели ноги у мудрых мужей и невмочь им стало двинуться с места и покинуть дворец. Долго ждал Кайд возвращения ученых румийцев, а когда явились они к нему, спросил:

— Что скажете о красоте несравненной царевны?

— Много красавиц во дворцах царей видели мы за долгую жизнь, но такой, как твоя дочь, не видели никогда ни в царских чертогах, ни на росписях древних книг,— молвил один, а другой ему вторил:

— Примемся мы теперь за письмо царю Искандару, в котором опишем все, что увидели. Одному писцу не под силу этот тяжкий труд, а потому каждый из нас восхвалит в письме лишь одну черту несравненной царевны.

Бумагу, чернила, калямы несут,
Послы принимаются тут же за труд
Не видно бумаги — одни письмена,
Так щедро прекрасной хвала воздана.

И вот уже мчится в Милод быстрый наездник с посланием великому Искандару. Прочел он грамоту ученых румийцев и воскликнул:

— Поистине рай небесный открылся глазам моих мудрецов!

¹ На х и д — древнеиранское название Венеры, богини красоты.

Помчался гонец обратно, везя Кайду Хиндскому обещанный указ Искандара. Отныне он будет вечно восседать на троне под защитой победоносного завоевателя мира. А послам велено было вернуться вместе с четырьмя хиндскими чудесами.

Исполнилось радости сердце вождя,
Он счастлив, беду от себя отведя.

Прекрасную дочь свою, чудесную чашу — неиссякаемый источник воды и вина, мудрейшего философа и искуснейшего лекаря вручил Кайд румийским послам и проводил их в Милод к могущественному Искандару. И еще с ними отправлены были сто мудрецов Хинда, праведных и красноречивых, триста верблюдов, груженых тонкими узорными тканями, рубинами, жемчужинами и алмазами, золотом и серебром. Царевна, подобная райской пери, ехала на спине могучего слона, в золотом паланкине. Десять других слонов шли рядом, спереди и сзади.

Вскоре пышный тот караван вошел в город Милод, и царевну ввели в покои Искандара.

Она, словно тополь под ясной луной,
Чарует красою своей неземной.
Царь смотрит — и станом, и поступью он,
И всем ее обликом заворужен.
Воскликнул в восторге: «О светоч земли!»
Уста славословье творцу вознесли:
«Воистину непостижимо велик
Подобную стать сотворивший и лик!»

Могущественный Искандар обвенчался с прекрасной царевной по обычаю румийской веры, а когда закончились свадебные торжества, пожелал ознакомиться с другими чудесами, доставленными Кайдом Хиндским.

Сначала велел Искандар послать мудрейшему философу сосуд, наполненный коровьим маслом, и сказать такие слова: «Маслом этим натри себе спину, плечи и грудь, чтобы разогнать дорожную усталость и вернуть бодрость и силу. После этого освети наши ум и сердце светом своих несравненных знаний».

Получив от царя сосуд с маслом, мудрец тотчас проник в смысл того подарка. Поместив в масло тысячу стальных игл, он отослал сосуд обратно Искандару. По приказу царя извлекли иглы из масла, расплавили в огне, а потом из того железа отлили печать, подобную диску. Этот темный стальной диск Искандар послал мудрецу, а тот усердно и долго стал тереть его куском золотой парчи, пока он не стал блестящим и свет-

лым зеркалом. Искандар, получив его, опустил в воду, а когда вытащил, увидел на стекле желтый ржавый налет. Вновь оно оказалось в руках философа из Хинда, и он протер его таинственным составом, известным ему одному. Прежнее сияние вернулось к зеркалу, и впредь больше оно не темнело и не ржавело.

Царь Искандар посмотрел в чистое и ясное зеркало, а потом велел позвать к себе мудреца. Явился философ к могущественному царю и склонился перед его тронном, а Искандар повел с ним беседу о смысле сосуда с коровьим маслом, о стальном диске и блестящем зеркале, чтобы открылась ему глубина чудесных познаний мудреца.

Вот что услышал он от философа из Хинда:

— Когда послал ты мне, великий царь, коровье масло в сосуде, то понял я, что владеешь ты знаниями, которые проникли в твое существо так же, как то масло в моё тело. Опустил я в сосуд с маслом тысячу острых стальных игл, ибо знание ученых и мудрых, как игла, проникает и в кость, и в камень, и рассыпаются они в прах от её острия. Когда прислал ты мне, всемогущий владыка, потемневший диск, открылось мне, что сердце твое затвердело и потемнело за долгие годы войн и пролитой крови. Тогда указал я тебе, как смыть с души и сердца ржавчину от крови, оттерев потемневший диск и превратив его в сияющее блеском зеркало. Понял ты, что омраченное злобой сердце светлеет, когда проникают в него лучи знаний. Ты же снова прислал мне зеркало, покрытое налетом от запекшейся крови, и на этот раз оттер его волшебным составом я, от которого будет оно вечно ясным и чистым. Означает это, что превыше всего мудрость создателя, навсегда изгоняющего мрак из души познавшего истину.

Владыке мира понравились мудрые речи философа, и велел он его одарить золотом, серебром, богатыми одеждами и драгоценным жемчугом. Однако мудрец отказался от этой награды, молвив:

— Богат я безмерно, но сокровища мои скрыты от глаз простодушных людей, и потому не нужны мне ночные стражи, чтобы охранить их, и не страшусь я в пути разбойников и грабителей. Богатство мое — учение и знание, оно дарит мне счастье и бережет от людской вражды. А то, чем ты меня одарил — земное богатство, плод, возвращенный злым Ахриманом.

Хранит меня знание порою ночной
И разума свет неразлучен со мной
Ведь разум и знание для правды нужны,
С неправдой пороки людские дружны.

Кто ненасытен в богатстве, тот обречен на то, чтобы вечно быть его сторожем, не зная счастья и радости. А тому, кто владеет лишь разумом, нет нужды в лишнем том бремени. Вели унести это золото и драгоценные камни обратно в свою сокровищницу.

Изумился Искандар речам философа и воскликнул:

— Всевышний бог, убереги меня от неправедных дел в грядущем моем!

Мудрецу же он сказал:

«Примемлю благие стремленья твои
И мудрые все наставленья твои».

Затем Искандар призвал к себе лекаря из Хинда и спросил для начала, в чем причина людских болей и недугов. И ответил ему целитель:

— Причина всех бед — насыщение без меры. Чревоугодника всегда настигает болезнь, а тот, кто разумен, не станет напрасну растрачивать здоровье и силу.

Чтобы явить чудесное свое искусство, лекарь просил дозволения сварить целебное зелье из разных трав. Где и когда должно их собирать, знает лишь он один. Обещал целитель царю, что, если выпьет тот приготовленное им лекарство, впредь никогда не испытает нужды в других снадобьях и будет здоров и силен до конца своих дней.

Искандар согласился:

«Когда одаришь меня зельем таким,
Пребудешь хранителем добрым моим.
Тебя не устану я чтить и хранить,
Никто не дерзнет тебе зло причинить»

Лекарь из Хинда на заре отправился в горы, чтобы самому собрать разные травы. Из них сварил он чудотворное зелье для Искандара. Выпил царь приготовленное лекарство, а потом оставшимся омыл свое тело. С этих пор несокрушимым стало здоровье Искандара: мог он в походах, трудах и пирах проводить дни и ночи без сна.

Настал черед испытать чудесные свойства золотой чаши. Искандар велел наполнить ее чистой водой, и стали черпать из нее воду и пить ее все, кто обитал в царском дворце. Так продолжалось от утренней зари до ночной поры, но чаша оставалась полной, и воды в ней не уменьшалось. Искандар похвастался этому чуду, пожелал узнать, какая здесь кроется тайна. Призвал он к себе мудрейшего философа и повел с ним такие речи:

— Не было еще в мире царя, подобного Кайду Хиндскому, и обитатели страны его владеют волшебными тайнами, хоть такие же люди они лицом и телом, как мы. Скажи мне, мудрый философ, отчего не иссякает вода в этой чаше? Какой искусный мастер сотворил это чудо? Или, может, звезды приложили здесь свою магическую силу?

— О властелин мира,— ответил философ,— чтобы сотворить такую чашу, долгие годы трудились самые искусные мастера. Их собрал в свой дворец из многих стран света ученый Кайд. Когда мастерили они эту чашу, то сверяли свою работу с движением звезд на небе, а потом открылись им законы такого движения. И поняли мудрецы, что сотворили сосуд, в котором заключено было чудо: когда убывала вода в чаше, то небо незримо для глаз людских вновь наполняло ее водой. Но много еще непознанного, а потому волшебного таит в себе природа. Видел ли ты, великий царь, как магнит притягивает к себе железо? Если спросишь, кто сотворил его, то получишь ответ — никто, ибо в нем самом, как и в этой чаше, таится такое же чудо.

Никто не мог победить Искандара в войнах, но покорился он разуму и знаниям ученых мудрецов Хинда. Наука эта обогатила ум властелина мира, и понял он, что не нужно ему никакого другого богатства.

Рассказывают, что великий завоеватель Искандар погрузил все сокровища свои на двести верблюдов и отвез в горы. До сих пор ни один человек не знает, где спрятан несметный клад Искандара...

Не видели больше ни клада того,
Ни тех, кто закапывал в землю его.
Оставил молву Искандар шахиншах
О гряде сокровищ, зарытых в горах.

Прозорливый Бузургмехр

Вазир шаха Хусрава Нуширвана Бузургмехр не имел себе равных в мире по уму, учености и прозорливости. Рассказывают, что при дворе шаха появился он еще совсем молодым. Както Хусрав Нуширван увидел во сне себя сидящим на троне под высоким и пышным деревом, а в руках он держал золотую чашу с красным вином. Вдруг появляется некто, садится рядом с ним на трон и пьет вино из царской его чаши. Когда пробудился шах Нуширван от этого сна, то почувствовал, как сдавили сердце его тоска и печаль. Призвал он мобедов и толкователей снов. Долго гадали они, что мог значить этот сон, но никто не смог разгадать его.

Шах, однако, не утратил надежды проникнуть в тайну грядущего и повелел искать во всех странах мира самых мудрых и прозорливых толкователей снов. Для этого посланы были мобыды шаха во все концы света.

Один из мобедов по имени Озодсарв пришел в город Мерв и стал ходить по его улицам, выведывая и выспрашивая о мудрых толкователях снов. Вдруг услышал он громкий голос учителя, который читал детям «Авесту». Подошел к нему и спросил, не знает ли он, читающий священные книги, как истолковать сон Хусрава Нуширвана.

— Нет,— ответил учёный муж,— я не умею разгадывать сны, ибо из всех наук познал только «Авесту».

Вдруг поднял голову один из детей, сидевших перед учителем, и обратился к странствующему мобеду:

— Услышал я про сон Хусрава Нуширвана и понял, что означает он.

— Что можешь ты знать, оборвыш, ни разу не евший досыта? — прикрикнул на дерзкого учитель. Но Озодсарв приблизился к мальчику и спросил его:

— Как зовут тебя?

— Бузургмехр,— почтительно ответил мальчик, привстав с места и приложив руку к груди. Тогда пришелец промолвил, оборотясь к учителю:

— Напрасно бранишь ты ребенка, быстрого разумом. Может быть, не от тебя снизошло на него это знание, а сама судьба отметила его счастьем.

Ощутил учитель обиду от слов странствующего мобеда и сказал недовольно смышленому ученику своему Бузургмехру:

— Коль знаешь, что означает сон шаха, тогда скажи об этом прохожему!

— Сон Хусрава Нуширвана я растолкую лишь ему самому,— ответил мальчик.

Посланец Хусрава дал Бузургмехру коня и дирхемы и велел ему отправляться в путь вместе с ним.

Когда Нуширвану представили мальчика, сказав, что он может разгадать сон его, шах усомнился в этом. «Но коль привезли его сюда из далекого Мерва,— пусть покажет свою ученость»,— повелел затем Хусрав Нуширван и еще раз рассказал свой сон в присутствии всех придворных. У Бузургмехра давно был готов ответ:

— О великий шах! Открылось мне, что в женских покоях твоего дворца прячется молодой муж, одетый в женское платье. Вели покинуть дворец всем твоим приближенным и слугам, а когда останутся в нем только жены твои и невольницы, пусть пройдут они перед твоим троном вереницей одна за другой. Так обнаружишь ты того дерзкого юношу.

Изумился Хусрав Нуширван ответу Бузургмехра и приказал исполнить все, что сказал мальчик. Не было ошибки в предсказании малолетнего прорицателя: в царском гареме тайно от всех скрывался молодой раб, возлюбленный одной из семидесяти невольниц шаха, которая прежде была царевной в Чаче.

В награду за свое уменье Бузургмехр попросил шаха не предавать казни дерзких ослушников, и Хусрав Нуширван пощадил влюбленных, изгнав их лишь из своего гарема...

За свою проникательность и учёность впоследствии Бузургмехр был приближен к шаху, стал его наперсником и первым вазиром. Во дворце Хусрава Нуширвана среди его ученых победов, философов и звездочетов Бузургмехр постоянно пополнял свои знания и умения. Скоро так преуспел он во всех науках и искусствах, что превзошел ученостью всех мудрецов страны.

Падишах Хинда по имени Рой, вассал шахиншаха Ирана, прислал Хусраву Нуширвану свою ежегодную дань. Были там золото и серебро, мускус и амбра, рубины и алмазы, клинки с узорными рукоятками, тонкие шелковые ткани. Посланец Роя, который привел караван с данью, еще преподнес Нуширвану гладкую дощечку, разлинованную на квадраты и расставленными на них фигурами из слоновой кости, изображающими коней, слонов, башни, шахов.

— Что это такое? — удивился Хусрав Нуширван.

— Ответ — в послании моего властелина,— промолвил гонец и передал шаху Ирана письмо падишаха Хинда. Вот что там было написано: «Дощечки с фигурами из слоновой кос-

ти — игра, которая называется шатранг. Открыли ее мудрецы благословенного Хинда, и не знают о ней ни в одной другой стране. Во дворце твоём, могущественный Хусрав Нуширван, много ученых мужей, проникших в тайны всех наук. Пусть разгадают они, что означает гладкая доска, разлинованная на квадраты, как зовется каждая фигура из слоновой кости, где её место и как ей двигаться по черным и белым квадратам. Если твои мудрецы разгадают эту загадку, покорно стану платить тебе ежегодную дань, как и прежде. Но если откроется миру, что не достигли иранцы учености жителей Хинда, тогда не положено будет шаху Ирана впредь взимать налог с нашей страны, ибо величие и могущество заключены не в богатстве, а в знании».

Хусрав Нуширван, прочитав послание Роя, погружился в глубокое раздумье, а посланец Хинда осмелился вымолвить:

— О великий Хусрав Нуширван! Чтобы понять, как играют в шатранг, надобно вспомнить военные сражения. Доска — поле битвы, фигуры — ратники двух враждующих войск. Подобно тому, как полководцы водят в битвы свои дружины, соперники в этой игре двигают фигуры по квадратам доски.

— Буду искать разгадку шатранга ровно семь дней,— сказал шах послу Роя.— На восьмой день явисься во дворец, чтобы сыграть со мной на этой доске.

Всю неделю размышляли и спорили у доски с фигурами самые ученые мужи Ирана, но так и не нашли разгадку шатранга. И вот к огорченному и опечаленному Хусраву явился вазир его Бузургмехр. Узнав причину печали шаха, сказал он, не тратя времени на раздумье:

— О владыка, не горюй понапрасну, я найду способ игры в шатранг.

— Да пребудешь ты вечно во здравии и светлом разуме, Бузургмехр! — воскликнул шах.— Не дай нам покрыть позором себя, ибо Рой разнесет по свету про нас худую молву о том, что нет во дворце шахиншаха ни одного ученого мужа.

Целый день и всю ночь просидел вазир над загадочной доской, напрягая мысль. Сначала построил он фигуры подобно боевым рядам двух войск, стоящих одно против другого на ратном поле, а затем стал двигать белые и черные фигуры вперёд, в стороны и назад, воображая, что сталкивает воинов в сражении. На рассвете открылась ему тайна этой игры и стал ясен заключенный в ней смысл. Понял мудрый вазир, как добьётся победы одно войско над другим.

Безмерна была радость Хусрава Нуширвана, когда явился

к нему Бузургмехр со счастливой вестью, и восславил шах удачу мудрейшего своего вазира.

Когда по зову шахиншаха явились во дворец мобеда и придворная знать, а посланец Роя сел на подобающее ему почетное место, Бузургмехр принес доску шатранга и поставил на возвышение, чтобы видна она была всем. На доске, как на поле битвы, построил вазир ряды двух войск, одно против другого. В центре каждого из войск стоял шах, а рядом с ним — ферзин. По обе стороны от них — слоны, кони, башни. Впереди всех стоял ряд пеших воинов. Двигая белые и черные фигуры по квадратам доски, Бузургмехр сталкивал их в сражении...

Изумился посол Роя проницательности ученого вазира, а потом опечалился тому, что не избавился Хинд от уплаты ежегодной дани шахиншаху Ирана.

Все именитые мужи и учёные мобеда, собравшиеся во дворце Нуширвана, вознесли хвалу несравненному Бузургмехру, а шах осыпал его еще большими милостями. Велел он наполнить драгоценными камнями большую чашу для вина, затем принести по мешку золота и серебра. Так оценил шах мудрость Бузургмехра.

После того, как вазир Бузургмехр открыл тайну, скрывавшуюся в игре шатранг, мысль его не успокоилась на этом и не прервалась на том, чего достигла. Вернулся он в свои покои и выбрал самое темное место, ибо от темноты обострялся его ум. Поставил он перед собой ту же доску шатранга и принялся размышлять, на этот раз о природе этого чуда, созданного мудрецами Хинда.

Погрузившись в мысли, Бузургмехр соединил воедино силу ясного своего ума и светлого сердца и сотворил другую игру. Были у нее свои правила и ходы, и назвал он ее «нарды».

Из слоновой кости выточил два кубика и нанес на них цветные метки. Сколько меток — столько ходов делают на доске фигуры. А на ней вычертил восемь квадратов для двух враждующих ратей. Один белый квадрат посередине обозначал поле битвы, а вокруг него оставалась черная «земля». Воины-соперники выстраивались на своих квадратах по краям доски, готовые к битве и взятию городов. Перед войсками стоят их могущественные шахи. Они двигаются по полю битвы вместе, не притесняя один другого, и побеждает в сражении то один, то другой попеременно.

Ознакомившись с новой игрой своего вазира, шах Нуширван воскликнул восхищенно:

— Пусть вечно молодыми будут судьба твоя и счастье, учнейший Бузургмехр!

После этого шах Хусрав Нуширван приказал собрать все сокровища, которые стеклись в его казну от данников — правителей Рума, Чина, Хайтала и Мукрана, связать их во вьюки и погрузить на две тысячи верблюдов. Этот караван, по велению шаха, Бузургмехр повел в Хинд, к падишаху Рою. Вез он с собой доску для игры в нарды и послание Хусрава Нуширвана правителю Хинда, в котором было сказано: «Пусть мудрые брахманы Хинда раскроют суть игры в нарды, которую придумал мудрейший Бузургмехр. Если улыбнется им счастье и постигнет их удача, то все сокровища на двух тысячах верблюдов станут достоянием казны благородного Роя от иранского шаха. А коль не найдется в благословенном Хинде ни одного мудреца, способного проникнуть в скрытый смысл нардов, тогда падишах Хинда вернет назад караван из Ирана да еще прибавит к нему от себя две тысячи верблюдов с золотом, серебром, шелком и парчой».

Караван, ведомый Бузургмехром, проведя целый месяц в пути, достиг столицы Роя, города Каннуджа. Вазир Нуширвана вручил Рою дары и послание своего шаха. Прочел Рой письмо шахиншаха и задумался, а потом попросил семь дней срока, чтобы раскрыть тайну нардов.

Созвал Рой во дворец мудрецов и брахманов со всего Хинда и велел разгадать загадку, созданную Бузургмехром. Те искали пути к разгадке тайны, все это время ревниво заботясь о славе своей и чести в том состязании в учености с мобедами Ирана, а на восьмой день пришли к Рою и признались:

— Никто из нас не способен понять тайный смысл этой игры.

Опечалился Рой и затаил обиду на бессильных разумом брахманов. Призвал он к себе Бузургмехра и сказал с горечью, что брахманы его так и не проникли в способ игры в нарды. Тогда вазир шахиншаха поставил перед Роем доску, бросил на нее костяные кубики с цветными метками и показал, как ходят фигуры двух шахов по «земле» и по «ратному полю».

Изумились все знатные и ученые мужи Хинда глубине знания и остроте ума Бузургмехра и вознесли ему хвалу. Рой задал ему много вопросов из разных известных наук и на каждый получил точный ответ. И раздались во дворце крики изумления и восторга, исходившие от мудрецов Хинда: «Не видел мир более ученого и красноречивого мужа, чем славный и счастливый Бузургмехр!».

Рой отправил обратно в Иран караван даров шахиншаха и прибавил к ним еще две тысячи верблюдов, нагруженных амброй и мускусом, золотом и серебром, пышными одеждами и

драгоценными камнями. Кроме этого, за один год вперед уплатил он дань Хинда Ирану.

Но не всегда счастливой своей стороной поворачивалась судьба к Бузургмехру: как и многие другие царедворцы испытал он на себе злой нрав и своеволие шахиншаха.

В один из дней Хусрав Нуширван охотился в своих угодьях на диких серн и косуль. Воины и слуги, сопровождавшие его на охоте, разлетелись в разные стороны в поисках дичи, а рядом с ним остался только вазир Бузургмехр. Никогда надолго не покидал он своего повелителя, ибо тот желал постоянно видеть его подле себя. Утомившись охотой и полуденной жарой, шах решил отдохнуть на зеленой лужайке. Хусрав Нуширван лег на мягкую траву под тенистым деревом и, положив голову на колени Бузургмехра, сразу уснул. Ученый муж сидел, не шевелясь, чтобы сберечь сон повелителя, но вдруг почувствовал, что порвалась нить жемчужного браслета, который он всегда носил на руке. Взглянул он на рассыпавшиеся по траве жемчужины, сожалея, что не может собрать их, а в это время спустилась с дерева сорока и принялась клевать жемчужины одну за другой. Боясь потревожить сон шахиншаха, не мог Бузургмехр отогнать птицу, и она склевала все жемчужины до одной. Утрата браслета огорчила Бузургмехра. Когда же Хусрав Нуширван проснулся, он увидел, что лицо его любимого вазира омрачено печалью.

— Что случилось с тобой, пока я спал? — спросил Нуширван Бузургмехра. И вазир рассказал, как у него на глазах исчез его браслет.

В сердце Хусрава Нуширвана закралось сомнение в правдивости рассказа Бузургмехра, и заподозрил он в нем злой умысел против себя. Когда шах со своей свитой вернулся во дворец, он повелел посадить своего вазира в темницу.

Шло время, а Бузургмехр все сидел в заточении, забытый всеми, не зная за собой никакой вины. Однажды спросил он слугу, который носил ему пищу:

— Доволен ли шах Нуширван твоей службой?

Ответил ему молодой прислужник:

— Как раз сегодня великий шах разгневался на меня, когда я поливал ему из кувшина на руки воду во время утреннего умывания.

— Принеси и мне воду умыться, — велел ему знатный узник.

Слуга принес кувшин с водой и стал лить ему на руки понемногу, часто прерывая Вымыв и вытерев руки, Бузургмехр сказал неопытному служителю:

— Теперь, когда будешь прислуживать шаху во время его умывания, лей воду из кувшина непрерывно и не переставай лить даже тогда, когда повелитель займется бородой своей и усами.

В следующий раз слуга поступил так, как советовал ему Бузургмехр, а Хусрав Нуширван, заметив перемену, спросил его:

— Кто научил тебя так лить воду из кувшина?

— Сидящий в тюрьме Бузургмехр,— ответил слуга.

Усмехнулся шах и велел прислужнику:

— Ступай к нему и скажи: «Теперь, когда лишился ты почетного места придворного советника, тебе досталась должность наставника презренной черни».

Слуга передал Бузургмехру слова шахиншаха и тот ему ответил: «Нынешнее мое место лучше места Хусрава Нуширвана».

Услышав это, разгневался шах и приказал посадить Бузургмехра в глубокий темный колодец.

Прошло еще время, и шах повелел своему слуге, который носил пищу знатному узнику, узнать у него, доволен ли он теперь своим местом.

Когда слуга передал вазиру слова шахиншаха, Бузургмехр послал ему такой ответ: «И здесь мне легче и привольнее, чем шаху на его троне».

В ярость привел Хусрава Нуширвана дерзкий ответ его пленника, и приказал он посадить Бузургмехра в котел, утыканный острыми клинками, а сверху закрыть его тяжелой железной плитой.

Снова послал Хусрав Нуширван слугу к Бузургмехру, чтобы выведал тот, как проводит дни учёный вафир, одетый в рубашку с торчащими клинками? И получил он такой ответ: «Мои дни отраднее, чем дни Хусрава Нуширвана».

Услышал своевольный шах смелый ответ Бузургмехра и понял, что и на этот раз не покорился ему гордый мудрец, что никогда не станет он молить о прощении и пощаде. Стало желтым от злости лицо шахиншаха, потом покраснело оно от гнева и наконец побелело от отчаяния и бессилия. На этот раз послал он к узнику правдивого и благородного мобеда, чтобы выведал он у ученого Бузургмехра скрытый смысл дерзких его ответов великому шаху.

Как только посланец Хусрава Нуширвана изъясил его волю узнику железного котла, из-под тяжелой крышки услышал он:

— Ничто не вечно в этом мире — ни величие, ни богатство, ни бедность, ни унижение. И могущественный владыка, сидя-

щий на троне, и страдающий узник, томящийся в темнице — все уйдут из этого мира, не достигнув того, чего страстно желали. Однако тому, кого уже настигла беда, живется лучше, чем тому, кто в постоянном страхе ждет ее приближения.

Задумался Хусрав Нуширван над словами мудрого вазира, познавшего все науки мира, и объял его страх перед неведомым грядущим. Велел он освободить Бузургмехра из темницы и отпустить на волю.

С тех пор прошло много лет. Бузургмехр уединенно жил вдали от роскошных и шумных дворцов своевольных владык. Проводил он дни в размышлениях о тайнах небес и мироздания, о смысле земной жизни и неизбежности смерти. Время согнуло его стан, покрыло морщинами лицо и лишило глаз прежней зоркости.

Случилось так, что кесарь Рума прислал шахиншаху Ирана богатые дары, среди которых был красивый ларец, запертый на ключ. В послании румийский кесарь писал, чтобы, не отпирая сундучка того, узнали мудрецы Ирана, что в нем лежит. Тогда, как и прежде, станет Рум платить свою ежегодную дань могущественному Ирану. А если не разгадают учёные мужи эту загадку, впредь не будет Хусрав Нуширван посылать своё войско в Рум и взимать с земель его богатую дань.

Нуширван молвил румийскому послу, что поразмыслит над этим семь дней, и сразу созвал во дворец самых учёных мужей Ирана. Дни и ночи глядели мудрецы на красивую ту шкапулку, погрузившись в глубокие думы, но так и не смогли найти верный ответ.

Опечалился шах, увидев, что бессильны его мудрецы перед неведомой тайной, а про себя подумал: «Был бы здесь ученейший Бузургмехр, развязал бы он этот узел». И вот шлет Хусрав Нуширван к Бузургмехру коня в дорогом снаряжении, полный золота кошель и зовет его во дворец. Просит шах не держать в сердце обиды за перенесенные страдания, ибо ниспосланы они были ему небом.

Посол шаха, явившийся к престарелому Бузургмехру, поведал ему о загадочном румийском ларце и о том, что должно ему открыть тайну его содержимого.

Ученый муж думал всю ночь и весь день, а к вечеру собрался в путь и позвал с собой одного из мудрых мубедов.

— Поедем мы вместе во дворец шахиншаха, ибо не видят, как прежде, мои глаза, и нужен мне поводырь,— сказал он ему, а потом прибавил:— По дороге останавливай всякого, идущего нам навстречу, и спрашивай, кто он и как его имя.

Случилось так, что первой встретилась им молодая жен-

щина. Бузургмехр велел мобеду спросить, есть ли у нее муж, и она ответила, что есть и что скоро родит на свет дитя. Следующая женщина, которую повстречали путники, сказала, что есть у нее муж, но не посылает бог им ребенка. Пошли мудрецы дальше и повстречали женщину, лицо которой скрыто было под покрывалом. Сказала им незнакомая путница, что никогда ни один мужчина не увидит ее лица.

Остановились на отдых Бузургмехр и его спутник, и ученый задумался над ответами молодых женщин. Вдруг осенила его ясная и простая мысль, и заспешил он во дворец Хусрава Нуширвана.

Горестно вздохнул шах, когда увидел согнутую годами спину и подслеповатые глаза мудрейшего своего вазира, а потом рассказал ему о румийском ларце. Бузургмехр пожелал, чтобы собрались во дворце шахиншаха все именитые и ученые мужи Ирана и позвали на то собрание посла румийского кесаря. Не притрагиваясь рукой ни к ларцу, ни к замку его, скажет при всех он, что спрятано в нем. По велению шаха все исполнено было так, как пожелал Бузургмехр. Ученый старец поднялся с места, вознес хвалу великому шаху, а потом сказал:

— В этой красивой шкатулке покоятся три жемчужины, поднятые со дна океана. Одна из них отшлифована гладко, а другая — лишь слегка. Третья же осталась в своем первоначальном виде, ее не коснулся камень шлифовщика.

Умолк Бузургмехр и сел на своё место. Тогда посол кесаря Рума извлек из складок своей одежды ключ и открыл заветный ларец. На дне его на тонком шелку лежали три белые жемчужины. Одна была отшлифована гладко, другая — слегка, а третья оставалась нетронутой. Знатные царедворцы вознесли хвалу Бузургмехру и осыпали его золотом и серебром. А обрадованный шах одарил мудреца жемчужинами чистой воды.

Позже раскаялся Хусрав Нуширван в том, что учинил когда-то зло и насилне над своим вазиром, просил его забыть обо всем и простить. Мудрейший муж, которому не было равных на всей земле, так ответил могущественному и грозному шаху:

— В раскаянии и сожалении нет большого прока, ибо всё, что случается, предопределено судьбой и проходит волею неба, так же как и приходит.

О том, как Барзуй привез из Хинда книгу „Калила и Димна“,¹

Некий учёный лекарь по имени Барзуй явился к Хусраву Нуширвану и сказал:

— О счастливый и просвещённый шах, прочёл я в древней книге о том, что есть в Хинде высокая гора, покрытая пышной травой, нежной и блестящей, как румийский шелк. Люди собирают ту траву и получают из нее чудодейственный сок. Стоит брызнуть им на умершего человека, и он оживет. Вели мне отправиться в Хинд, великий шах, чтобы найти ту невиданной силы траву.

Хусрав Нуширван не поверил Барзую и рассмеялся в ответ. Однако велел он ему все же собираться в тот долгий и трудный путь и отвезти падишаху Хинда Рою дары.

Лекарь Барзуй отправился в Хинд и скоро достиг этой чудесной страны. Рой принял дары Нуширвана и прочитал послание шахиншаха. Затем призвал он ученых, целителей и философов и велел им стать помощниками Барзуя в поисках травы, воскресающей мертвых.

Ранним утром искатели пошли в горы. Барзуй старательно и неутомимо собирал всякую траву, если блестела она, как шелк. По возвращении Барзуй отжал сок из собранной им травы и испытал ее свойства. Ни разу не удалось ему воскресить умершего, и понял Барзуй, что напрасны были все его труды. Видно некий невежда написал в своей книге то, чего никогда не было. Опечалился лекарь Барзуй, пожалел, что приехал в далекий Хинд и исходил все его горы. И решил он взамен несуществующей чудо-травы приобщиться к новым, неизвестным ему знаниям. Попросил он ученых своих помощников отвести его к такому мудрецу, который превосходит их всех в уме и учености. Они привели Барзуя к одному древнему старцу и сказали:

— Вот он, который умнее и учнее всех в богатом Хинде.

Обрадовался лекарь Барзуй и остался в доме ученого старца. А когда поведал он ему о тщетных своих поисках чудо-травы, то услышал от него такой ответ:

— И я читал ту древнюю книгу, а потом искал чудодейственную траву. Её не нашел я также, как и ты, но с годами постиг скрытый смысл этой книги. Горы — это простор знания,

¹ «Калила и Димна» — сборник древнеиндийских нравоучительных притч, главные герои которых — животные.

не имеющего границ. На горах вырастает густая трава — ум, вобравший в себя знание. Живительным соком травы — знанием — окропляют мертвого, то есть, невежду, и он воскресает к жизни. Означает это, что только знание может вдохнуть в человека жизнь, а к настоящему знанию приведет книга «Калила и Димна». Хранится она в сокровищнице падишаха Хинда.

Поклонился Барзуй мудрецу, воздал ему благодарность свою и хвалу, а потом поспешил к падишаху Роя.

— О благородный шах! Пребывай на троне, пока существует благословенный Хинд,— начал Барзуй свою речь перед Роем.— Дошло до меня, что владеешь ты драгоценным сокровищем — книгой «Калила и Димна», что указывает путь к живительному и немеркнущему знанию. Вели своему казначею извлечь эту книгу из твоей сокровищницы, чтобы смог я увидеть ее и прочесть.

Смутили Роя слова ученого мужа, и сказал он ему:

— До сего дня никто не просил у меня «Калилу и Димну». Но послу великого Хусрава Нуширвана не откажу я в его просьбе. А потому будет на то мое повеление, чтобы тебе принесли книгу «Калила и Димна». Однако есть у меня условие: ты будешь читать её, сидя у моего трона.

Казначей принес заветную книгу, и лекарь Барзуй приступил к чтению. Читал он «Калилу и Димну» перед падишахом Роем и откладывал в своей памяти содержание ее и смысл крупницу за крупницей. А всякий раз, когда писал он послание своему властелину, шахиншаху Ирана, вписывал туда всё, что держал до тех пор в своей голове. Таким образом, постепенно, вся мудрая книга дошла до Хусрава Нуширвана.

Когда последняя жемчужина смысла великой книги отослана была в Иран шахиншаху, Барзуй испросил у Роя позволения вернуться на родину.

Благополучно прибыл ученый муж в Иран, бодрый телом и радостный духом, и поведал Хусраву Нуширвану всё, что видел он в Хинде и что узнал от людей этой страны.

— О счастливый и мудрый Барзуй! — воскликнул шах.— «Калила и Димна» согрела мне сердце и осветила мой ум. Ступай, возьми ключ от моей казны и бери все, что только пожелаешь.

Ученый Барзуй, войдя в сокровищницу шахиншаха, не польстился ни на золото, ни на серебро. Взял он только царские одежды, надел на себя и явился во дворец Хусрава Нуширвана.

— Глупец, как мог ты выйти из царской сокровищницы, не

взяв ничего? — вскричал Нуширван. — Ты потрудился на славу и заслужил эту награду.

А Барзуй ответил:

— О шах, вознесшийся славой своей до самых звезд! Тот, кто обрёл царское одеяние, тот нашел путь к царскому трону. Лица недругов моих почернеют от зависти при виде шахской одежды на мне, а сердца друзей расцветут радостью. Это ли не великая награда за мои труды? Не нужны мне все сокровища мира, счастливый владыка. Вели только ученейшему Бузургмехру переложить на наш язык мудрую книгу «Калила и Димна». В начале той книги пусть упомянет он мое имя, чтобы память о Барзuae осталась в народе и труд мой не был скрыт от людей.

— Это мечта поистине великого человека, и равна она тому, что сделано тобой, учёный Барзуй, — сказал Хусрав Нуширван, а затем повелел Бузургмехру исполнить благородное желание лекаря.

Рассказывают, что после правления Искандара двести лет не было в Иране падишаха: потомки прежних властителей, сильные, воинственные и неустрашимые, получили земли — кто край, кто город — и правили там удельными князьями.

Но настало время, когда венец шахиншаха был возложен на голову Ашка из рода Кубода, и от него пошла династия царей Ашканидов. Один из шахов этой династии по имени Ардаван, управляя огромной страной из своей столицы Рей, посадил на трон правителя города Истахра эмира Бабака.

Однажды эмир Бабак увидел во сне своего пастуха Сасана. Сидел будто тот на боевом слоне, шествовавшем по дороге, а в руке держал индийский меч. Все люди, шедшие навстречу Сасану, низко кланялись и прославляли его.

Проснулся Бабак в тревоге и весь день размышлял об увиденном им сне. В следующую ночь опять приснился ему Сасан-пастух. На этот раз сидел он в молельне, а маг-огнепоклонник поставил перед ним три жаровни, в которых горел священный огонь.

Эмир велел созвать во дворец мудрецов, умевших разгадывать вещи сны. И сказали толкователи снов:

— Тот, кто привиделся тебе во сне на спине боевого слона, происходит из рода царей. У него родится сын, который станет шахиншахом Ирана.

Обрадовался Бабак предсказанию мудрецов и тотчас велел слугам найти пастуха Сасана и привести во дворец.

Отыскали Сасана в горах в день, когда дул сильный ветер и валил хлопьями снег. Предстал бедный пастух перед эмиром Бабаком в грубой своей одежде и весь облепленный снегом. Бабак усадил пастуха рядом с собой, а всем приближенным велел удалиться. После этого стал он спрашивать Сасана, откуда пришел он в эту страну и какого он рода. Прежде пастух

скрывал ото всех высокое свое происхождение, чтобы тайна его не дошла до ушей шаха Ирана. Страшился он за свою жизнь, ибо владыка не оставляет в живых тех, от кого исходит угроза его владычеству. Но польщённый вниманием и добротой Бабака, он доверился ему:

— О эмир, поклянись, что не причинишь бедному пастуху никакого вреда, тогда поведаю я тебе правду о своем происхождении.

Бабак не преминул дать Сасану такую клятву: не только зла не учинит он ему, но напротив, окажет подобающий почет и осыпет милостями. И тогда поведал эмиру Бабаку пастух, одетый в дерюгу:

— Я сын Сасана из рода шаха Бахмана, звавшегося Ардашером, отцом которого был прославленный Исфандиер Руинтан.

Слова пастуха были истинной правдой. Ардашер Первый — Бахман, звался Сасаном. Когда он взял в жены Хумой и завещал ей престол, сын его, Сасан, обиженный и оскорбленный таким поступком отца, покинул страну.

Долго скитался он, как дикий тигр, пока не пришел в город Нишапур. Там он поселился, взяв в жены девушку знатного рода. У них родился сын, названный тоже Сасаном, а тот в свой черед нарек тем же именем своего сына. Так в роду Ардашера Бахмана в четырех коленах сохранялось имя Сасан, но во избежание мести скрывалось происхождение. Спасая свою жизнь, потомки шаха пребывали в постоянной нужде, неся тяжкое бремя труда пастухов и погонщиков верблюдов. Последний Сасан после долгих скитаний примкнул к скотоводам Бабака и остался здесь пастухом.

Милосердный Бабак, услышав печальную повесть Сасана, заплакал над горькой его судьбой. Велел он отвести новоявленного царевича в баню, а после принести ему царские одежды. Теперь бывший пастух Сасан стал жить в пышном дворце, а эмир Бабак отдал ему в жены свою дочь.

Когда минуло девять месяцев, дочь эмира родила Сасану луноликого сына. Очень похож был ребенок на деда своего Ардашера Бахмана, и потому нарекли его Ардашером.

Вскоре покинул Сасан этот мир, а сына его взялся воспитывать эмир Бабак. С малолетства обучался Ардашер всяким наукам и военному искусству, а когда вырос, стал мужем столь же ученым, сколько и отважным, а потому славен он был не только царским своим происхождением, но знаниями и умениями. И стали звать его Ардашер Бабакан.

Слух о необыкновенно мужественном и благонравном юно-

ше быстро дошел до ушей Ардавана. И вскоре правитель Истахра эмир Бабак получил послание от шахиншаха. Повелевал он ему прислать его внука-богатыря.

«Слыхал я, что чадо твое Ардашер
Дивит красноречьем и доблестью мир.
Не мешкая, славного в путь снаряди
И с сердцем веселым ко мне проводи.
Он щедростью будет доволен моей,
Его отличу среди славных мужей».

Как ни тяжело было Бабаку расставаться с любимым внуком, не посмел он ослушаться приказания шахиншаха и, проливая слезы, отпустил юношу в город Рей с таким посланием Ардавану:

«...Юноша этот достойный, благой,
Который дороже мне жизни самой,
Отправлен с напутствием добрым моим.
Прибудет к престолу высокому, с ним
По царским обычаям ты поступиай,
И ветру дохнуть на него не давай!»

Ласков и добр был к Ардашеру шахиншах, лелеял его, как собственного сына. Без него не садился Ардаван за трапезу и постоянно брал его с собой на прогулку и охоту. Однако не долго длились милость и расположение шахиншаха к Ардашеру, юноше красивому и ученому. Случилось так, что милость царская сменилась гневом.

Шах Ардаван, четверо его сыновей и Ардашер как-то отправились на охоту. Издали увидели благородные всадники большое стадо онагров и погнали своих коней прямо на него. Храбрый Ардашер вырвался вперед. Приблизившись к стаду, выпустил из лука меткую стрелу и свалил огромного зверя, предводителя стада. Когда шах подоспел к этому месту и увидел оперенную стрелу в сердце онагра, он вознес хвалу меткому и сильному охотнику, а потом спросил:

— Кто же свалил такого онагра одной стрелой?

— Поразила его моя стрела,— ответил Ардашер Бабакан. Но его перебил старший сын Ардавана:

— Это я свалил могучего зверя, а теперь поджидаю его самку.

Однако смелый Ардашер возразил ему:

— Отважному и благородному мужу лгать не пристало. Степь широка и дичи довольно в ней. Свалил другого такого онагра, тогда все увидят, метко ли ты стреляешь.

Смутил царевича укор Ардашера, и лицо его залила крас-ка стыда. Робко взглянул он на царственного отца, взывая о помощи и защите. Ардавана обуял гнев от слов своего воспитанника.

— Как смеешь ты называть лжецом моего сына? — вскричал шахиншах. — Дерзко вознес ты себя над царевичем и ки-чишься своей удачью! Виною всему я сам, что воспитал тебя подобно родному сыну. Как равного беру я тебя на охоту, на пирах сажаю рядом с собой, у трона.

И после этого приказал шахиншах Ардаван знатному юноше:

— Отныне ступай на конюшню и смотри за моими конями. Там, среди конюхов, называй себя первым и рядом с ними найдешь себе жилище!

Ардашер покинул дворец царя и отправился на конюшню, страдая в душе от обиды и унижения. Стал он ходить за царскими скакунами, но горе не переставало терзать его сердце. И вот решил Ардашер послать письмо своему деду Бабаку. Поведал он о том, как впал внезапно в немилость шаха Ардавана, и не утаил причину царского гнева.

Прочтя письмо, сильно опечалился старый Бабак. Горькую весть от любимого внука скрыл он от всех придворных, но послал своего гонца в Рей. Вёз гонец десять тысяч динаров и письмо Ардашеру.

«Безумный юнец! — с этих начал он слов, —
Когда с Ардаваном поехал на лов,
Скакал рядом с сыном его для чего?
Ты князю слуга, но не родич его
Не мог Ардаван причинить тебе зло,
Тебя безрассудство в беду завело.
Отныне старайся ему угождать,
Не вздумай строптивую дерзость являть».

Письмо Бабака не обрадовало его внука. Уязвлена была гордость знатного юноши, и лишь мщения жаждала его душа. Не стал Ардашер искать расположения Ардавана угождением, как советовал ему дед. Жалкое жилище свое вблизи конюшен убрал он богаче, чем подобает простому конюху: покой его были устланы коврами, а столы уставлены яствами и благородным питьем. Не за конями ухаживал Ардашер, а проводил время в веселье и пиршествах.

Недалеко от жилища опального юноши возвышался пышный дворец, в котором жила невиданной красоты дева. То была невольница шаха по имени Гульнор. Ардаван очень любил

прекрасную и умную девушку и дорожил ею больше, чем своей жизнью.

Однажды красавица Гульнор взошла на башню дворца, привлеченная музыкой и пением, и увидела Ардашера, весело пирующего в своем жилище. Прекрасный юноша сразу пленил ее сердце. И Ардашер увидел Гульнор на высокой башне и поражен был ее красотой. Невольно ловя на себе пылкие взгляды юноши, красавица поняла, что в сердце его она также зажгла огонь любви.

Когда день сменился ночью, Гульнор закрепила аркан на выступе стены и бесстрашно спустилась по нему вниз. Блистая красотой и благоухая мускусом и амброй, явилась она перед очарованным Ардашером.

Он видит красавицы пышный убор
И кольца кудрей, и ласкающий взор.
«Откуда,— сказал он,— подобна луге,
Явилась ты, дух воскресила во мне?»
В ответ прозвучало: «Рабыня твоя,
К тебе устремила все помыслы я.
Коль хочешь, любовью своей одарю
И светом печальный твой день озарю».

Ардашер и Гульнор воспылали друг к другу страстной любовью, и после первого своего свидания продолжали тайные встречи.

Между тем до Рея дошла весть о кончине эмира Бабака. Опечалился Ардашер, но утешался надеждой, что шах Ардаван ему отдаст в управление Парс со столицей славным Истахром. Но Ардаван посадил управлять той страной старшего своего сына.

Молодой эмир Парса пышным и шумным караваном под звуки карнаев и кимвалов отправился в Истахр во главе храброго войска. И перед глазами Ардашера потемнело все. Понял он, что потерял своего покровителя, опору и защиту в суровой жизни. К Ардавану питал он теперь только ненависть за нанесенную ему обиду. Искал благородный юноша отныне удобного случая, чтобы бежать из Рея.

Когда ведомо стало Гульнор тайное намерение её возлюбленного, она сказала ему:

— Пока я жива, ничто не разлучит нас, благородный Ардашер. Куда бы ты ни пошел, я повсюду последую за тобой и разделю с тобой радости и невзгоды.

Ардашер решил бежать из Рея на другой же день со своей любимой Гульнор.

Готовая жизнь принести ему в дар,
Спешит во дворец Ардавана Гульнор.
Лишь ночи согнулся бессильный хребет
И золото пролил на землю рассвет,
К сокровищам князьим рабыня идет,
Оттуда сколь надо динаров берет,
Алмазов и прочих камней дорогих.
До тьмы выжидала в покоях своих.

Наступила ночь, и тьма окутала город. Когда все во дворце погрузилось в сон, Гульнор неслышно покинула свои покои и, прихватив жемчуг, алмазы и золото, поспешила к Ардашеру.

А он уже оседлал двух лучших коней и облачился в военные доспехи. При виде возлюбленной радостью осветилось лицо Ардашера. Взял он приготовленный меч, отравленный ядом, и вскочил на коня. На другого словно взлетела Гульнор, и оба помчались в сторону Парса.

В это утро позже обычного часа проснулся царь Ардаван и удивился, не увидев рядом с собой Гульнор. В ожидании прихода своей луноликой рабыни оставался в постели шах, но подруга не появлялась. Что случилось? Обычно невольница поднималась с ложа сна на рассвете и покрывала золототканной парчой трон властелина. Так было всегда, а на этот раз шахиншах не дождался ее, и сердце его сжалось от досады и дурного предчувствия.

В ожидании выхода шаха во дворце уже собрались царедворцы, военачальники и богатыри. А внизу на дворцовой площади выстроились воины царской дружины. Солорбор — распорядитель приемных чертогов дворца — известил повелителя, что ожидают приёма полководцы и знатные люди. А шахиншах спросил своего прислужника:

— Отчего сегодня не пришла Гульнор к моему изголовью? Или она таит на меня обиду в сердце своем?

В это время вошел в смятении старший дабир¹ и, дрожа от страха, сообщил:

— О властелин мира, Гульнор этой ночью бежала вместе с конюхом Ардашером. Беглецы увели двух отборных коней шахиншаха, отраду сердца его — белого и вороного.

Ардаван сражен был этой неожиданной вестью, а когда вернулся разум к нему, бросился вон из дворца и внизу на площади приказал тотчас подать быстроходного коня. Вскочил в седло властелин и поскакал стремглав, так что за ним едва поспевали верные всадники под предводительством его вазира.

¹ Да б и р — ученый писец.

Мчались кони, не касаясь копытами праха, словно под ними земля пылала огнём. В каждом селении вопрошали именитые всадники:

— Эй, люди! Не слышали ночью стука лошадиных копыт? Не проезжали здесь двое, один на белом, другой на вороном коне?

В одном большом селении рассказал старый крестьянин:

— Видел я, как промчались здесь два ездока быстрее ветра. За ними следом бежал горный баран, вздымая пыль, словно копытами конь.

Ардаван удивился ответу и спросил вазира:

— Горный баран? Что означает это?

И ответил царю вабир:

— Видно не простой это баран, а царственный знак. Он — свидетельство благодати шахской и счастливой судьбы Ардашера. Коль охраняет этот баран беглецов, значит, напрасна будет наша погоня.

Ардаван сдвинул брови и погрузился в думы. Затем слез он с коня и велел всем остановиться здесь на привал. Вкусили пищи усталые всадники, отдохнуть дали своим коням, а потом снова пустились в путь преследовать беглецов. Шах Ардаван шел впереди.

Спасаясь от них, молодой Ардашер
Стремительней вихря с любимой вдвоем
Несется без отдыха ночью и днем.
От недругов злых избавляется тот,
Кому всемогущее небо — оплот...

Но устали от бешеной скачки убегающие от погони. Завидев прохладный родник впереди, пожелал Ардашер спуститься к нему и отдохнуть. В это время навстречу им выехали два молодых наездника и закричали еще издали:

— Скачите дальше, забыв о пище и отдыхе и не жалея коней! Коль спаслись вы из пасти дракона, не след вам теперь останавливаться, рискуя погибнуть!

Не знали Ардашер и Гульнор, кто были те всадники, однако, ослабили узду у коней, отягчили стремяна и помчались дальше.

И шах Ардаван, преследовавший их, несясь без отдыха, охваченный жаждой мщения. Жаркое солнце уже перешло в зенит и спускалось к закату, когда достигли преследователи большого города. Толпы народа спешили навстречу своему властелину, и спросил он у этих людей:

— Не проезжали через ваш город два всадника торопливо?
В ответ Ардаван услышал:

— Вчера в тот час, когда спускалась на город ночь, пронеслись здесь два ездока, покрытые черной пылью с головы и до самых ног. Усталые были они, пересохли губы у них от жажды и потемнели лица от изнеможения. Но вот что странно — мчался за ними горный баран дивной красоты. Никто никогда не видел краше того барана, даже на росписях храмов.

Нетерпеливо рванул поводья шах, чтобы дальше скакать, но вазир остановил Ардавана словами:

— О владыка! Иной оборот приняло это дело. За Ардашером скачет счастье, а потому не будет успеха у нашей погони. Напиши письмо сыну своему Бахману — эмиру Парса — и вели ему схватить Ардашера, прежде, чем успеет он надоить молока от той горной овцы.

Понял Ардаван после этих слов своего вазира, что напрасна его погоня, и не сулит судьба ему победы. Поневоле остановился он в городе том на привал вместе со всей своей свитой.

Когда утром сменилась несчастливая эта ночь, шахиншах двинулся в обратный путь и на закате дня вступил со своей дружиной в Рей. Желтей тростника было лицо властелина, и на сердце его лежала тяжесть. Во дворце призвал он писца, и тот начертал послание царевичу:

«Час грозный для нашей короны настал
Стремительней посланной луком стрелы
Бежал Ардашер под защитою мглы.
Добрался до Парса. Ищи, но никто
Вокруг да не слышит, не знает про то».

Между тем Ардашер и Гульнор достигли берега моря. Непкий старик-корабельщик приютил усталых странников в бедной своей хижине.

Когда путники отдохнули, Ардашер посвятил корабельщика в свою гайну, поведав о побеге из Рея. Умудренный жизнью старик тотчас признал в том юноше потомка царей по царственному лику его и осанке. А когда беглец назвал свое имя, корабельщик вскричал:

— Ардашер?! Так ты — Ардашер Бабакан!

— Да, это правда, — подтвердил царь.

Весть о том, что в Парс явился Ардашер Бабакан из рода шаха Бахмана, сына Исфандиера и внука Гуштаспа, быстро разнеслась по стране. Те, которые считали себя потомками Бабака, и те, которые были из рода Дара, — все стали стекаться

к Ардашеру, чтобы служить ему. К именитым людям присоединялись и простые жители гор и долин, страдавшие от гнёта шаха Ардавана и его наместников. И вот на совет к молодому царю собрались знатные воители, мобыды и мудрецы.

Ардашер обратился к высокому этому собранию с такими словами:

— О славные и именитые! Найдется ли среди вас такой, кто не ведаёт ничего о зле, сотворенном Искандаром в Парсе? Захватил он нашу землю силой, учинив кровопролитие и несправедливость. Умертвил он всех венценосных предков моих, а в городах и селах посадил жестоких своих наместников. Из их числа царствующий ныне шах Ардаван! Неужто царить в Парсе ему, а не мне — владыке из рода Исфандиера, потомка шаха Гуштаспа? Не будет в том справедливости, и не должно вам допустить это. Если придёте на помощь мне, я займу по праву престол, захваченный Ардаваном против закона.

Речь выслушав, с мест поднялись мудрецы
И в битвах стяжавшие честь храбрецы.
Ответили прямо на этот призыв,
Желаний своих от владыки не скрѣв:
«Всем радостно видеть твой лик. За тобой
Готовы немедля мы двинуться в бой.
Готовы тебе беззаветно служить
И горе и радость с тобою делить
Ты — каждую ветвью всех прочих знатней,
Достойнее званья владыки царей.
Прикажешь — и горный хребет будет скрыт,
И воды речные наш меч обагрят!»

После этого молодой властелин собрал большое войско и пошёл войной на шаха Ардавана и его наместников. Победил он эмира Парса, а потом и самого шахиншаха. Ардаван был убит в бою, и Ардашер Бабакан воссел на престол властелина Ирана. Празил он сорок лет и два месяца. С него началась династия Сасанидов — царственных потомков Сасана — и царила она четыреста двадцать пять лет, до тех пор, пока в 651 году, во время правления халифа Умара бинни Хаттаба, нападение арабов не положило конец ей.

У одного из Сасанидских владык, шаха Яздигирда родился сын, и дано было имя ему Бахром. Яздигирд повелел звездочетам предсказать судьбу новорожденного. Долго сквозь астролябии глядели на звезды гадатели, а потом сверяли движение их с румийскими таблицами. Наконец открылось мудрецам, что счастливым было стояние планет в день рождения сына Яздигирда. Явились они к повелителю и поведали: «Станет царевич Бахром владыкой семи стран».

Возрадовался шах тому, что судьба благосклонна к сыну, а вазир его, мобеда и военачальники ликовать не спешили. Опасались они, как бы ребенок не унаследовал мрачный нрав отца своего и не стал править страной жестоко и несправедливо. Ведь Яздигирд был шахом без жалости и милосердия, скор на расправу с неугодными ему подданными. Терпели от него обиды и унижения как придворные, так и ученые мужи и мобеда, а больше всего стонал под тяжелым игом царя простой народ.

Знатные люди, мобеда и военачальники собрались на тайный совет и порешили, что царевича должно воспитывать вдали от отца. Пусть учат и пестуют его знающие и мудрые мужи за стенами шахского дворца. Пришли они к властелину и сказали:

— Коль суждено царевичу Бахрому стать владыкой семи стран, пусть обучится он всем наукам и искусствам, подобающим будущему венценосцу. А потому следует вверить воспитание его самым мудрейшим.

Такой совет по душе пришелся царю Яздигирду. Разослал он во все близкие и дальние страны — в Рум, Хинд, Чин, Хамаваран гонцов своих и повелел им найти там мужей самых ученых и знающих.

Стали съезжаться в Иран один за другим славящиеся вы-

соким умом и богатыми познаниями правители и ученые из разных стран. И вот в один из дней предстали они перед троном шаха, чтобы отвечать на его вопросы. Больше других пришлось по душе Яздигирду речь правителя Хамаварана Мунзара:

— О великий шах, тебе известно, в чем достоинство хамаваранских копыеносцев. Все мы лихие наездники и сильные богатыри, ловко владеем мечами и луками. Но нет среди нас звездочетов и мудрецов. Мы — лишь храбрые и искусные воины, верно служим своим владыкам. И сыну твоему готовы служить мы, преклоняясь перед его царским величием.

Новорожденного наследника поручили заботам Мунзара, и правитель Хамаварана увез его к себе.

В Хамаваране к Бахрому приставили четырех достойных женщин из знатных семей, чтобы ходили они за младенцем. Лелеяли они и холили царевича четыре года. А как исполнилось Бахрому семь лет, обратился он к своему наставнику Мунзару со следующими словами:

— Не считай меня больше ребенком отныне и поскорее вручи умудренным знаниями мужам.

— Еще не пришло время учиться тебе наукам, — ответил ему Мунзар. — Ум и сердце твои пока устремляются к играм.

— На мои лета ты не смотри! — воскликнул юный царевич. — Мало у меня годов, но разума уже довольно. А ты, вижу я, хоть и велик годами, но мал разумением. А потому тебе невдомек, что нельзя упустить удобный час для начала, и начинать следует с того, что важнее всего. Иначе напрасны будут труды. Важнейшая часть человека — его голова, и начинать нужно с нее, а самое важное в мире — знание. Если это уразумел ты, вели скорее обучить меня всем наукам, которые необходимы царю.

Подивился Мунзар уму малолетнего своего питомца и понял, что в словах его одна только правда. Тотчас велел он советнику своему призвать во дворец трех знаменитых в Хамаваране мубедов, известных всем несравненной ученостью. Их заботам вверил Мунзар царевича.

Десять лет обучали Бахрома мудрые те наставники, а когда пошел юноше восемнадцатый год, он достиг совершенства во всех науках, стал отважным и сильным воителем.

Ученый и ловкий царевич пожелал себе боевого коня. Тогда из Куфской степи для него пригнали сотню диких коней. Бахром, оседлав, испытал каждого и выбрал из всех двух быстрых — гнедого и с красной грудью. Оба коня носились быстрее ветра и высекали копытами искры огня.

Но вот настало время, когда задумался царевич Бахром о продолжении славного своего рода. Молвил однажды царевич Мунзару:

. «О мудрый и чистый душой!
Заботами ты окружаешь меня,
От горестей всех ограждаешь меня,
Томимый тоскою желтеет лицом,
Живущий в веселии крепнет плечом.
Красавица мужу веселье дарит,
Жена от печали спасенье дарит
Красой утешается муж молодой —
Что сам повелитель, что витязь простой.
И сына, быть может, увижу потом,
И сердцу отрада откроется в нем

Старый Мунзар похвалил царевича за разумное его желание, а потом послал слугу к торговцу рабами. Привели во дворец сорок румийских невольниц, стройных луноликих красавиц. Бахром избрал среди них двух самых прекрасных, свежих, как весенние розы. Счастливый юноша возблагодарил бога за нежных любящих жен и зажил весело и беззаботно.

Однажды поехал Бахром на охоту без свиты, взяв с собой лишь одну возлюбленную. Звали её Озода. В степи увидели они две пары газелей, и спросил, смеясь, молодой богатырь, указав на одну чету быстроногих:

— Кого из этих двоих уложить мне меткой стрелой — самца или самку?

Ответила ему прекрасная Озода:

— Отважный лев не сражается с нежными газелями. Не убивай их, а если сможешь, то меткой стрелой обрати в самку самца.

«Для этого нужно лишить его ветвистых рогов», — подумал Бахром и крикнул возлюбленной:

— Посмотри на дружную пару — самка совсем еще юная, а самец уже стар.

Бахром натянул тетиву и выпустил стрелу с двумя наконечниками. Ею одной сшиб он оба ветвистых рога с головы сильного животного, и безрогий самец стал похож на нежную самку. Вскрикнула от изумления Озода, пораженная искусством Бахрома, и вознесла хвалу чудесному лучнику. Но Бахром не показал еще всего, что умел. Снова натянул лук молодой охотник и выпустил две стрелы. Обе они вонзились в голову самки, сделав ее двурогой. Теперь она превратилась в самца. Умчалась испуганная чета газелей, а Бахром поскакал наго-

нять другую пару животных. Выпустил он меткую стрелу, и она пришила ухо газели к ее ноге, так как в этот миг самка задней ногой почесала себе ухо. Гордый своим искусством, обратилась царевич к возлюбленной, вопрошая ее:

— Что скажешь на это, красавица?

Но вместо ответа Озода зарыдала: жаль ей было бедную газель. Сквозь слезы сказала она Бахрому:

— То, что ты сделал — не человека деянье, а дива!

Слова эти вызвали ярость охотника, ожидавшего похвалу своему мастерству.

— Как ты глупа! Неужто желала, чтоб я промахнулся и чести лишился? — проговорил он. С тех пор Бахром никогда больше не брал на охоту женщин.

В другой раз, охотясь, увидел Бахром могучего льва, раздирающего свирепо лежащего на земле онагра. Выпустил он из лука стрелу. Угодила она в спину льва, пронзила его, и конец ее показался из груди онагра. Лев и онагр были пришиты друг к другу стрелой Бахрома.

Прошла неделя На этот раз на охоту с Бахромом поехал его воспитатель Мунзар. Повстречали они тридцать наездников, именитых арабов, которые выехали на лов дичи. Явилось желание у Мунзара показать им, какой ловкий наездник и лучник его питомец Бахром. Указал он царевичу на вереницу страусов, бегущих по степи, как по пустыне дикие верблюды. Бахром помчался в ту сторону, приблизившись к птицам, выпустил в отставшего страуса четыре стрелы одну за другой. Когда подъехали к тому месту арабские всадники, то увидели на земле сраженную птицу. Все четыре стрелы так быстро и метко выпущены были Бахромом, что пронзили страуса ровной как линия чередой, не выше и не ниже одна другой. И так тесно друг к другу торчали те стрелы, что между ними не прошла бы даже игла.

Никогда прежде не видели копыеносцы такого искусства в метании стрел и не слышали такого от других. Не было границ изумлению их, и вознесли они хвалу меткому и ловкому охотнику. С той поры стали звать его Бахром Гур¹. А Мунзар, гордый учеником своим, пожелал ему счастья и блага: «Пусть никогда не увянет весна твоей молодости и не ослабеет сила могучей руки. Радуюсь я, как радуется цветок, дождавшись дождя в жаркий день».

Когда охотники вернулись в город, Мунзар призвал во дворец прославленных живописцев Хамаварана. Им рассказал он

¹ Гур — что значит; онагр.

ярко и красноречиво о метких выстрелах молодого Бахрома на царской охоте и велел им искусством своим запечатлеть на картине те сцены.

Живописцы рьяно взялись за дело. И вот на шелке возникла широкая степь и Бахром верхом на коне, с натянутым луком. Тут же газель, у которой стрела царевича прошла вместе копыто и ухо; лев и онагр, насквозь пронзенные одной меткой стрелой охотника. Отставший от стаи страус лежал на земле с ровной чередой вонзившихся в крыло стрел.

Когда готова была живописная та картина, исполненная на шелковой парче, Мунзар послал ее шаху Яздигирду. Собрались во дворце властелина военачальники его и знатные люди, рассматривали изображение охоты Бахрома и удивлялись.

Воспылал шах желанием увидеть своего прославленного сына и повелел Мунзару отправить Бахрома домой, в Иран. Счастлив был безмерно шахиншах, увидев статного и красивого сына своего. А когда испытал он знания его и умения, довольству отца не было предела. И Бахром был очень рад своему возвращению на родину. Теперь дни и ночи проводил он вблизи венценосного отца, всякий миг готовый услужить ему, как простой слуга.

Шло время, а шах не посвящал сына в дела государства и войска, не советовался с ним ни о чем и не давал повода юноше явить свою ученость и разные умения перед придворными и полководцами. Печалило Бахрома такое житье, и в письме наставнику своему Мунзару написал он с горечью:

«На шаха взирал я с надеждой иной,
Не думал, что так обойдется со мной.
Ни сын, ни слуга у царевых дверей,
Довольный смиренною долей своей»

И Мунзар огорчился, прочитав письмо своего питомца. Тотчас отослал он ему ответ:

«О муж благородный! . . . Хранись
И волей отца пренебrecь берегись!
Приемли от шаха и милость и зло,
Будь верен, чтоб к доброму сердце влекло.
Терпенья великих страшится беда,
Муж следовать разуму должен всегда».

Письмо это и десять тысяч золотых динаров привезли Бахромому Гуру десять верных и красноречивых мужей Хамаварана. Готовы были они всегда ему услужить и одарить радостью приятной беседы.

Ласка и забота воспитателя развеяли печаль Бахрома, а советы и наставления мудрого араба пригодились юноше на нелегкой службе венценосному отцу.

Однажды на царском пиру допоздна простоял Бахром на ногах. Сильно утомился юноша, а когда наступила ночь, стал одолевать его сон. Увидел шах Яздигирд, что закрыты глаза у сына его, разгневался и приказал стражнику:

— Уведи его! Отныне не место ему в моем дворце. Без царского пояса и венца будет он заточен в собственном доме.

С того дня целый год не смел Бахром выходить из своего дворца. Только дважды, в Навруз и в праздник Сада, когда именитые и знатные являлись к трону шаха приветствовать властелина, разрешалось опальному царевичу вместе с ними посетить царский дворец.

Случилось так, что прибыл из Рума от кесаря посол его по имени Тайнуш. Привез он шаху Яздигирду кесареву дань — рабов и золото. Бахрому удалось тайно отправить письмо владыке Рума, где он зывал: «О благородный царь! Не знаю, чем я прогневал владыку, но по велению его я заточен в своем дворце. У Яздигирда ты в почете, а потому молю я, попроси у шаха милости для его сына. Пусть дарует он мне прощенье и отошлёт назад, к наставнику Мунзару, который для меня роднее отца и матери.

Румийский кесарь исполнил просьбу царевича. Бахрома освободили из заточения, затем дозволено было ему отправиться в Хамаваран. От радости, что вновь обрел он свободу, Бахром раздал беднякам большую долю своего богатства, а потом быстро собрался в путь. Не желая медлить, вместе с верной дружиной среди ночи покинул царевич город отца, возблагодарив всевышнего, что опасность миновала.

И вот путешественники, преодолев долгий путь до Хамаварана, достигли наконец дворца благородного Мунзара. Радостно встретил царевича его воспитатель и заплакал, услышав рассказ питомца своего о том, как притеснял его шах Яздигирд. Молвил старый Мунзар:

— Шах Яздигирд сошел с пути разума и добродетели. Страхуйся я, что настигнет его возмездие за злые деяния.

Бахром Гур остался в Хамаваране, и не было у него другого занятия, кроме пиров, охоты и военных игр.

Царствование Бахрома Гура

Сбылись слова Мунзара о возмездии Яздигирду за неразумные его деяния: вскоре в городе Тус у священного источника Сав лягнул его в голову чудесный конь, явившийся из воды, и шахиншах умер. Много было таких, которые желали сесть на освободившийся трон, а потому пошли в стране волнения и смута.

Чтобы найти средство успокоить страну, в столице, городе Истахр, собрались правители областей, мобеды и военачальники. Были среди них предводители войск Густахам, Коран, Милод, Пируз и много других знатных людей Ирана. Все они испытывали в свое время на себе гнев и притеснение Яздигирда. Стали именитые держать совет, думать и рядить, кого посадить на престол. Молвил дабир Гушасп:

— Со дня сотворения мира не было властелина столь злобного и коварного, как шах Яздигирд. Не знал он другого дела, как лишь угнетать и казнить. Отныне из рода его не желаем иметь мы шаха.

И клятвы суровые принесены
Вождями, высокою знатью страны:
«Из рода сего властелина царей
Не примем вовеки по воле своей!»
На том порешили и встали они,
Другого царя пожелали они.

Вскоре нашёлся достойный носить венец шахиншаха. То был праведный и благородный Хусрав, происходивший из древнего и именитого рода. Владел и богатством он и умом.

Узнав о смерти отца, Бахром Гур явился в Иран из Хамаварана, чтобы по праву наследника воссесть на престол шахиншаха. Под началом своим имел он тридцать тысяч арабских воинов, храбрых наездников и искусных копьеносцев, и мог силой той захватить трон Ирана. Однако Бахром не хотел войны и пролития крови, а потому задумал поступить иначе, чтобы иранцы сами пожелали видеть его своим властелином. С мыслью такой Бахром позвал в свою ставку в степи знатных людей Ирана, мудрецов и военачальников.

Перед большим и высоким собранием тем держал он речь, сидя на троне из слоновой кости, как законный владыка страны. Пообещал он царствовать справедливо, всегда идти дорогой разума, совести и благородства и никогда не сворачивать с этого пути. Слова Бахрома Гура дошли до сердец всех собравшихся, а страстность речи его, открытое лицо и клятвы убе-

дили всех знатных и именитых, что нет в них коварства. Однако они уже избрали на престол праведного Хусрава и ему присягнули в верности! Теперь нарушить этот обет? Тогда обрушатся на страну беды междоусобной войны, ибо часть народа пойдет за Бахромом Гуrom, а другая пожелает оставить на троне Хусрава.

Порешило высокое собрание в стане Бахрома: остается прибегнуть к битве со львами, этому древнему обычаю иранских владык. Следуя ему, верховный мобед принес венец шахиншаха и положил на державный трон, поставленный посреди степи. Знали все, что богатырь Густахам держал у себя во дворце двух яростных львов. Их привели на цепях к трону и привязали к нему с двух сторон. Теперь Хусрав и Бахром — оба, претендующие на престол шахиншаха Ирана, — должны сразиться с ними. Тот, кому удастся убить львов, будет увенчан желанной короной и возведен на престол.

Престарелый Хусрав, увидев свирепых львов, задрожал от страха и сказал мобедам:

— Я уже стар, и не одолеть мне в схватке этих зверей. Превосходит в силе меня молодой Бахром, и потому он достоин быть царем, а не я.

Так поступив, Хусрав лишил Бахрома соперника. Не нужна была теперь битва со львами, чтобы назваться владыкой Ирана. Но Бахром жаждал боя, ибо желал показать иранцам силу свою и искусство вонтеля. Мобеды принялись увещевать его не подвергаться опасности.

«О шах! — обратился верховный мобед. —
Ты, мудрый, хранишь благочестья завет.
Со львами кто в бой тебя гонит идти?
Сверх царства что можешь в борьбе обрести?
Себя ради царства в беду не ввергай,
Напрасной погибели не обрекай».

А Бахром так ответил:

— Своей волей иду я на битву со львами, и никто из вас не будет повинен в ее исходе.

По велению зороастрийской веры царевич омыл свое тело в водах реки, а затем, припав лицом к земле, вознес молитву всевышнему:

— Пречистый творец, став шахом, буду стремиться очистить мир от ненависти и зла. Помогите же мне в этой битве со львами, дайте силу одолеть страшных чудовищ!

Бахром поднялся с земли, взмахнул булавой, увенчанной головой коровы, и отважно направился к лютым львам.

Увидев богатыря с занесенной палицей, яростно взревели львы, почуяв опасность. Один из них разорвал цепь и бросился на Бахрома, но царевич обрушил на его голову булаву. От боли еще сильнее разъярился могучий лев и снова набросился на Бахрома. На этот раз тяжелая палица богатыря расколола надвое голову льва. Кровь, хлынувшая на землю, залила сраженного зверя. Еще один удар булавы,— и второй лев распростерся бездыханным у подножия трона. Возложив на голову драгоценный венец, Бахром Гур воссел на престол из слоновой кости. Толпа именитых людей и военачальников, громко восхваляя его, осыпала алмазами и жемчугом.

...И представляется так, что Фирдоуси, доведя сказание свое до этого места, утомился, отложил перо, встал и вышел наружу, чтобы вдохнуть свежести. Было начало зимы, похолодало, небо затянуто тучами, валит густой снег... Вспомнил поэт, что не на что было ему заготовить дрова и припасы на зиму да не уплачен еще хирадж¹ падишаху... Герой поэмы праздновал торжество победы над львами и был осыпан драгоценными камнями, а поэт, воспевавший его, испытывал тяготы жизни. Сами собой сложились в его голове печальные строки. Поэт вернулся в дом и записал их в конце рассказа о восшествии на престол Бахрома Гура.

Нагрнувшей тучею месяц сокрыт,
Из тучи той темной снег валом валит.
Ни степи, ни гор, ни реки — всюду мгла,
Вороньего в небе не вижу крыла,
Уж нет солонины, нет дров, ячменя,
До жатвы надежда ушла от меня.
При этом ненастья гнет подати злой,—
Под снегом земля, словно шар костяной.
Сказал бы, все вниз покатилося вдруг,
И разве что руку протянет мне друг...

Шестьдесят три года длилось благословенное царствование Бахрома Гура, и все это время, как свидетельствуют древние сказители, оставался он верен данному слову — правил мудро и справедливо, никогда не сворачивая с пути правды и разума. В своем пышном сияющем, как солнце, дворце собрал он умудренных науками и преуспевших в искусствах ученых, живописцев и музыкантов, чтобы озаряли они страну светом чистых сердец своих и ясного разума. Народ свой, как простых,

¹ Х и р á д ж — налог, земельная подать.

так и знатных людей, призывал он следовать святому учению пророка Зардушта, отмести тщету и гордыню, жить честно и праведно. При шахе Бахроме Гуре вернулись ко двору его все, кто скрывался в других странах от мести жестокого шаха Яздигирда. Крестьянам и городским умельцам простил молодой властитель неуплаченный прежде хирадж, а правителям всех областей Ирана разослал приказание никого никогда не при-теснять, вдов и сирот защищать от несправедливости. Тем, кто раньше чинил насилие над народом, определил Бахром Гур наказание. Храбрых арабских воинов, верно служивших ему в Хамаваране, шах наградил щедро из царской казны и отпустил домой, умиротворенных и радостных. Одарил он дирхе-мами и динарами воинов своей дружины, широко раскрыв д-вери сокровищниц. Оставшееся золото и серебро велел шахин-шах раздать тем, кто бедствовал и испытывал нужду. Расцве-ли от счастья души иранцев, и прославляли они шаха Бахрома Гура.

Когда укрепился Бахрома престол,
Минули печали, день счастья пришел.
Охотой, пирами, игрою с мячом
Он тешил себя, не тужил ни в чем.

Бахром Гур и водонос Лунбак

Однажды, когда охотился Бахром Гур вместе с воинами своей дружины, приблизился к нему некий старик, опираясь на посох, и вступил с ним в беседу. Старик был из города, что лежал вблизи охотничьих тех угодий. Шаха он не узнал, ибо Бахром был в простой одежде. Бахром Гур спросил у прохо-жего:

— Кто самый богатый в городе вашем?

— Купец по имени Барохам,— ответил старик.

Тогда Бахром Гур обратился к приближенным своим:

— Сегодня после охоты станем мы все гостями горожани-на Барохама.

— Барохам скупой и низкий душой человек,— молвил ста-рик.— Если хочешь быть принят радушно и провести в прият-ности вечер, ступай лучше в дом Лунбака.

— Кто такой этот Лунбак? — спросил шахиншах.

— Простой водонос,— ответил старик

Бахром двинулся: что есть у бедного водоноса, чтобы явить щедрое гостеприимство?

Когда село солнце, любопытство повело шаха в незнакомый

город, и там велел он отыскать дом водоноса Лунбака. После того шах остался один, без свиты, и постучал кольцом, висевшим на двери покосившейся лачуги. На стук вышел хозяин в потрепанной одежде и порванных кавшах на босых ногах.

— Воин я из царской дружины,— сказал ему шах,— отстал от своих и заблудился. Не приютишь ли меня на ночь в своем доме, добрый человек?

Лунбак ответил с улыбкой радости:

— Входи и будь дорогим моим гостем. Я рад был бы принять еще десять воинов, если бы были они с тобой.

Спешился шах. Хозяин, оказывая почтение гостю, взял за повод коня, расседлал его и обер, а затем привязал к столбу. Гостя он провел в бедняцкую свою хижину, усадил и принес глиняный кувшин с медным тазом, чтобы гость вымыл руки. На дастархан выставил водонос все, что нашлось съестного в его доме. После скромной трапезы еще угостил неузнанного шаха вином. Изумился Бахром щедрому гостеприимству хозяина нищей хижины и любезному обхождению с незнакомым путником.

Водонос Лунбак не имел ни жены, ни детей, жил один и всегда был весел, приветлив и ласков со всеми. Жалкий доход свой от продажи воды тратил Лунбак на то, чтобы принять у себя друзей, таких же как он бедняков: подметальщиков улиц, башмачников, водоносов. Приводил он в дом нередко и чужаков, пришедших в их город, с которыми случайно на базаре сводил знакомство. Со всеми делил он свой скудный ужин, каждому гостю готов был отдать всю душу и услужить бескорыстно. Немощным старикам и вдовам, жившим в его квартале, приносил Лунбак воду без всякой платы, довольствуясь лишь их доброй молитвой.

После ужина Бахром Гур крепко уснул, опьяненный вином, а когда проснулся наутро, Лунбак встретил его словами:

— Вчера не поел досыта конь твой, ибо не заготовил я вдоволь ячменя и сена. Пусть сегодня насытится конь и отдохнет. А ты, чужеземец, погости у меня еще один день, прибавь мне счастья и радости. А если тебе я наскучил, созову гостей других.

— Мне весело и с одним тобой,— ответил Лунбаку мнимый воин и принял его приглашение.

Лунбак-водонос подхватил бурдюк, вышел из хижины, чтобы заработать на ужин желанному гостю. Носил он воду по домам и продавал на базаре, однако, в тот день мало выручил он за воду. Тогда, не думая долго, водонос снял с себя единственную рубашку и продал, а плечи и грудь прикрыл дерю-

гой, которую стлал под бурдюки с водой. На эти деньги Лунбак купил мяса, сушеного творога и вернулся домой довольный, что будет чем ублажить гостя. Снова поужинали они вдвоем и запили красным вином, оставшимся на дне хума. До поздней ночи сидели Бахром Гур и Лунбак за беседой. На другое утро стал гость собираться в обратный путь, но Лунбак снова не позволил ему уйти. Жаль ему было так скоро отпустить приятного гостя, хоть и с большим трудом зарабатывал он на угощение.

«Лишь в радости ночи и дни пребывая,
Страданий, тревоги, печали не знай!
Сегодня б еще у меня погостил —
Сказал бы, мне жизнь и казну подарил!» —

так горячо и любезно упрашивал его водонос, и Бахром не смог отказать ему и остался еще на один день в его доме. А Лунбак поспешил наполнить водой бурдюки, чтобы продать ее, и еще отнес одному торговцу в залог все, что нашлось доброго в его лачуге. Выручил деньги Лунбак, купил мясо и хлеб. Бахром Гур сам разрезал мясо, нанизал на свою булавку и зажарил над огнем очага. Вкусный каبوب запили вином. Добрый опять получился у них ужин. После пира Лунбак приготовил ложе для сна и оставил гостю на ночь свечу. Настало утро четвертого дня пребывания Бахрома Гура в доме Лунбака.

Лунбак его просит. «О муж из мужей!
Хоть в темной и тесной лачуге моей
Тебе беспокойно,— ко мне снизойди,
Коль царской немилости нет впереди.
Еще две недели в жилище моем
Побудь, коль по сердцу бедный мой дом».

Бахром Гур сполна испытал радость от пребывания в гостеприимной хижине водоноса. Понял шах, что не зря превозносит народ Лунбака за невиданную его щедрость и добрый нрав. Пожелал неузнанный владыка Ирана бедному водоносу долгих и счастливых лет, а потом

Коня оседлал он с веселой душой
И к месту охоты помчался стрелой.
День отдал охоте, а ночью один
В долину спустился опять властелин,

Бахром Гур и богач Барохам

На этот раз Бахром Гур постучался в дверь дома купца Барохама. Не открылась дверь, лишь послышалось из-за нее:

— Кто там?

— Я воин царской дружины,— ответил Бахром.— Вместе с шахом был на охоте, а когда возвращались, отстал от других. Теперь уж стемнело, а я не знаю дороги и боюсь заблудиться. Не дашь ли мне пристанище на ночь? От этого никому из нас не будет вреда.

Слуга Барохама, услышавший стук и спросивший, кто у дверей, поспешил донести хозяину просьбу пришельца. Барохам приказал:

— Скажи, что в доме нет места, и потому я не могу чьего-либо приютить.

Вернулся слуга и передал ответ своего хозяина. Но Бахром Гур стоял на своем:

— Устал я, и нет у меня сил продолжать путь. Разве я помешаю, если проведу эту ночь в уголке дома, а рано утром покину его?

И эти слова путника передал слуга хозяину дома, а тот рассердился и велел ответить:

— Скажи ему: в доме так тесно, что в нем с трудом помещаются бедный дервиш, жена его и малые дети. Нет у них и лишней подстилки, и если пустят они к себе царского воина, придется спать ему на голой земле.

Когда Бахром Гур услышал ответ Барохама, сказал, громко вздыхая:

— Делать нечего! Если в доме этом нет места, я проведу ночь на пороге его у запертой двери.

Эти слова услышал Барохам и закричал, вставая с постели:

— Эй, всадник, вижу, решил ты меня известить! Вдруг, замерзнув, уснешь мертвым сном у порога моего дома или ограбят тебя, и не избавлюсь я от забот.

Входи, коли мир тебе тесен, в мой дом,
Свет клином, как видно, сошелся на нем!
Мне слово лишь дай, ничего не просить,
Себе и на саван не смог прикопить!

— Согласен,— сказал ему Бахром Гур,— займу я немного места в углу твоего двора и ничем не обеспокою тебя.

«А кто же присмотрит за его конем?» — подумал хозяин и молвил вслух:

— Утомился я, препираясь с тобой, однако, есть у меня еще условие: за конем своим уберешь навоз поутру, потом подметешь мой двор, сор вместе с навозом вынесешь за ворота в поле. А если конь твой копытами сдвинет с места хоть один кирпич, заплатишь мне за нанесенный ущерб.

Мнимый воин согласился на все. Спешился он во дворе Барохама, сам привязал коня, а потом устроил себе на голой земле постель, постелив подседельник и под голову положив седло.

А Барохам вошел в дом и запер дверь изнутри. Затем сел за дастархан, уставленный обильной едой, и принялся есть и пить. Насытившись и выпив вина, скупой хозяин снова вышел во двор и обратился к Бахрому Гуру:

— Эй, воин, послушай, что я скажу, и запомни. Тот, кто владеет богатством, тот ест и пьет, а кто ничего не имеет, ложится спать натошак подобно тебе. Мир так устроен — у каждого своя доля.

— О да, — усмехнулся Бахром. — Поговорку эту слышал я давно, но то, о чем я был наслышан, увидел воочию.

Утром встал Бахром Гур и оседлал некормленного коня. Скупой Барохам был тут как тут.

— Эй, наездник! Помнишь, какой был наш уговор? Отчего же не держишь ты слова? Обещал ведь убрать навоз, оставленный твоим конем, и подмести весь двор. Горе мне от неблагодарных гостей. Принимайся за дело скорей, а потом уходи.

— Позови работника, — ответил Бахром. — Пусть он подметет твой двор, а я заплачу.

— Нет у меня работников, чтобы ходить за твоим конем! — вскричал Барохам. — Исполни, что обещал, не то разнесу повсюду о тебе дурную молву.

Выслушав брань, призадумался шах, а затем, вытащив из-за голенища своего сапога платок из китайского шелка, благоухающий амброй, завернул в него конский навоз и швырнул за ворота. Барохам устремился туда, схватил богатый платок, отряхнул и сунул за пазуху. Подивился Бахром неслыханной скаредности Барохама и сказал на прощанье:

— Эй, благочестивый муж, коль о твоём благородстве узнает шах, он наградит тебя и возвысит над всеми.

Богатства Барохама переходят к Лунбаку

Бахром Гур вернулся в свой дворец и долго еще, усмехаясь, размышлял над тем, что с ним приключилось. О том, что неузнанным ходил он по городу, шах никому не сказал, а ночью не мог уснуть от нахлынувших дум.

Когда настал день, Бахром Гур приказал привести во дворец Лунбака и Барохама.

Первым явился к нему Лунбак. Узнав в шахе недавнего своего гостя, опечалился водонос и упал на колени.

— О горе мне,— рыдал он.— Великий шах посетил мою бедную лачугу, а я, несчастный, не узнал повелителя. Назвался воином он, и я поверил, иначе не так бы принял его... И конь шахиншаха остался в ту ночь без овса. Прости мне, создатель, мою вину!

Засмеялся шах Бахром Гур и сказал водоносу:

— Встань с земли, Лунбак, и напрасно не укоряй себя. Никогда за всю свою жизнь не видел я лучшего и подобающего шаху гостеприимства, чем то, что нашел в твоём доме.

Когда скупой Барохам увидел на троне того, кто просился к нему на ночлег, чуть не лишился чувств от страха. Дрожал он всем телом, не мог двинуться с места и вымолвить хоть одно слово. Слуга шаха подтащил богача к трону и усадил рядом с водоносом.

Бахром Гур избрал одного бескорыстного честного мужа и повелел ему:

— Возьми лошадей с вьюками, поезжай к Барохаму и привези сюда все, что найдешь в его доме, во дворе и амбарах.

Посланец шаха, войдя в дом купца Барохама, увидел богато убранные покои, устланные дорогими коврами и парчовыми покрывалами. Закрома набиты были пышной одеждой, драгоценными украшениями, мешками с золотыми динарами и дирхемами. В комнатах рядами стояли огромные сундуки, каждый полон жемчуга и рубинов. Чтобы вывезти те богатства, как повелел шах Бахром Гур, мало оказалось прихваченных вьючных коней. Слуга повелителя отправил гонцов своих в степь Чахрам за караваном верблюдов. Подоспели десять сотен чахрамских верблюдов, на них погрузили добро, и караван тот пошел в столицу. Прибыл он ко дворцу шаха, и слуги сложили у дверей ценный груз. Увидев несметные богатства, пришел в изумление Бахром Гур: как можно быть столь скупым и алчным, обладая такими сокровищами? И этот богач не приютил и не накормил единственного своего

гостя! Какой прок ему самому и людям от такого богатства?

Шах велел отделить сто верблюдов, навьюченных разным добром, и отдал их водоносу Лунбаку. Остальные сокровища Барохама приказал раздать обездоленным беднякам и тем, кто добрыми делами заслужил награду.

После всего принялся Бахром Гур высмеивать скопидома:

— Эй, Барохам, пригодился ли тебе мой шелковый платок, вышитый золотом, когда очистил ты его от навоза? И успел ли ты осмотреть стены своего замка, чтобы узнать, не выбил ли кирпич конь мой копытами? Ничтожнее ты дорожной пыли, нечестивец, движимый корыстью! Вот тебе четыре дирхема, ныне это все твое достояние. А теперь я напому тебе одну поговорку, известную всем с давних времен:

«Дано лишь имущему власть пировать,
Удел неимущего — чахнуть, страдать ..
Ты руки отныне от яств отведи,
Как станет вкушать водонос, погляди!»

Со стонами и воплями ушел из дворца шаха разоренный до тла Барохам. Такой удел достался злосчастному скупцу.

Трагедия Маздока

Когда царствовал в Иране Кубод, объявился в народе некий человек по имени Маздок. Славился он ученостью и красноречием, а потому шах приблизил его к себе и сделал своим вазиром.

Однажды случилась в стране засуха. Зима выдалась малоснежной, весной и летом же не набежало ни одной тучки на небо и не выпало ни капли дождя. Всходы зерновых, не успев взойти, сразу засыхали, завязи плодов сморщивались и опадали. На лугах и склонах гор желтела низкорослая трава. Бедствие неурожая постигло народ, и жестокий голод воцарился в стране.

Голодные бедняки стучались в дома богатых, прося хотя бы кусочка хлеба, чтобы не умереть, но уходили ни с чем: имущие не давали ни корки, ни зернышка даже взаймы, хотя амбары и кладовые их были полны. Не уродился хлеб,— был недород добра и сострадания.

Толпа голодных людей окружила царский дворец и требовала: «Хлеба! Хлеба!» К народу вышел ученый вазир Маздок. Жаль было ему несчастных, стоны их разрывали сердце, и он заверил их:

— Я уведомяю шаха о ваших бедах и дам властелину верный совет. Тогда исполнит он то, что вы просите.

Склонился Маздок перед шахом Кубодом и молвил:

— О всемилостивый владыка, дозвожь поведать тебе о том, что случилось встарь.

— Расскажи, порадуя меня своим сладкоречием,— ответил Кубод, который почитал своего вазира за мудрость и ученость.

— Ядовитая змея укусила некоего человека,— начал Маздок,— а другой, имея лекарство от яда, не дал его бедному укушенному из жадности и тем обрек на гибель. Скажи, шахиншах, что заслужил этот человек?

— Он заслужил казнь, ибо виновен в смерти укушенного змеей,— ответил Кубод.

Маздока утешил справедливый ответ шаха. Снова вышел он к народу и сказал:

— Мольба ваша дошла до ушей царя. Теперь надобно подождать до утра, и я скажу, как можно помочь вашей беде.

Люди, обретя надежду, разошлись по домам, а поутру снова собрались перед дворцом шаха, терзаемые голодом.

Маздок, увидев толпу людей у дворца, поспешил к шаху Кубоду. Сказал он ему:

— О сильный и мудрый владыка, которому нет равного в мире. Вчера осмелился я задать тебе вопрос, и ты милостиво ответил на него. Тогда показалось мне, что вдруг разверзлась стена и взору открылось то, что скрывалось за ней от глаз. Дозволь спросить тебя еще об одном.

— Спрашивай,— ответил шах.— В умной беседе с тобой нет ничего кроме пользы.

— О благородный царь,— начал речь свою Маздок.— Когда один человек сидел взаперти и оставался без пищи, а тот, у кого был хлеб, пожалел и не дал ему, узник умер от голода. Что заслужил такой человек?

— Он заслужил казнь в отпущение за смерть несчастного узника, погибшего по его вине,— ответил Кубод.

Маздок обрадовался разумному ответу шаха, поцеловал землю у подножия его трона, а затем вышел к толпе, ожидавшей помощи, и сказал:

— Ступайте, откройте все закрома и возьмите спрятанное там зерно. Его честно поделите между собой, уплатив хозяевам кто сколько сможет.

Бедные люди бросились в дома имущих и уносили из амбаров спрятанную пшеницу. Так по воле Маздока опустошены были хлебные закрома богачей! А позже народ завладел силой и амбарами самого шаха Кубода. Люди взяли все зерно и разделили между собой. А хранители царских амбаров бросились к властелину с известием: «Подстрекаемая Маздоком чернь разграбила годовой запас хлеба!»

Разгневался властелин и велел позвать к себе вазира, чтобы спросить с него за эти лихие дела. Маздок так ответил Кубоду:

— О владыка! Я поведал тебе об укушенном ядовитой змеей и о том, как не дал несчастному лекарство от яда. Ты, государь, мудро решил, что скупец заслужил казнь. Позже рассказал я об узнике, умершем от голода, и ты справедливо осудил убийцу его, не давшего ему хлеба. Для голодного хлеб — лекарство от тяжелого недуга. Тот, кто имеет лекарство, должен спасти страждущего от болезни. Разве не будут виновны в смерти от голода тысяч людей те, кто прячут хлеб в своих закромах? О властелин, покорен я был мудрыми и справедливыми твоими словами и так рассудил: праведный царь откроет изобильные хлебом житницы для голодных и немущих.

Маздок убедил шаха Кубода в своей правоте, и властелин

погрузился в думы. А вазир снова пошел на площадь. Там народ принялся возносить мудрецу хвалу и благодарение.

— Эй, люди,— обратился Маздок с ответными словами,— знайте, что богатый и нищий, имущий и неимущий — все равны перед всевышним и между собой. Коль бедняк — основа, то богатый — уток, и не должно одному превосходить другого. Бог дарует всем все поровну, а живущий с излишеством — грешен. В это верю я свято, а кто не пожелает обратиться в чистую мою веру, встанет на ложный путь.

Не понравились слова и деяния Маздока богатым и имущим. И потому восстали они против новоявленного пророка, воспылав к нему лютой ненавистью. У шаха требовали они плетить Маздока и казнить всенародно.

На защиту праведника встали бедные и обездоленные.

Спешит к нему каждый, кто беден и мал,
Кто хлеб свой тяжелый трудом добывал.
И вера Маздока весь мир обошла,
И дерзкий не смел причинить ему зла

Страстными и красноречивыми были призывы Маздока, обращенные к людям, и скоро учение его приобрело большую силу. Сам шах Кубод стал верным сторонником его вероучения.

Рассказывают древние повествователи, что Маздок так толковал свое учение. «Пять зол побуждают человека свернуть с праведного пути на ложный — зависть, неразумный гнев, вражда и ревность, нужда, алчность. Пять бесов этих постоянно стремятся покорить себе человека и подчинить своей воле. Средством избрали они соблазн человека богатством. Чтоб победить тот соблазн и сделать его бессильным, надобно все поделить всем поровну».

Сын шаха Кубода царевич Хусрав, не скрываясь, противился вере Маздока, объявив ее несправедливой и ложной. Однажды вазир Маздок при царе и его приближенных задумал поспорить с ним, ярым врагом своим. Взяв царевича за руку, он сказал, обращаясь к Кубоду:

— Знай, о справедливый владыка, что Хусрав не принял нашей веры. Он — на ложном пути и упорствует в этом своем заблуждении. Вели ему здесь при всех признать себя неправым и обещать быть с нами.

Кубод удивился дерзкому жесту и словам Маздока. Спросил он Хусрава:

— Что ты скажешь на это?

Хусрав вырвал руку свою у Маздока и воскликнул, пылая гневом и ненавистью:

— Великий шах, вера Маздока приведет нас к беде, ибо нет в ней правды! Дай время, и я докажу ее ложность.

— Какой же срок тебе нужен, чтобы открыть всем правду? — спросил Хусрава Маздок.

— Всего лишь пять месяцев, — ответил царевич. — В начале шестого месяца я выполню свое обещание шаху.

Царь дал ему этот срок. Порешили тогда снова вернуться к неразрешенному спору.

Царевич не стал медлить и разослал во все стороны быстрых гонцов, чтобы созвали они отовсюду самых ученых мужей.

Мудрейшие старцы иранской земли
Пять месяцев долгих беседу вели,
И все, что совместно решили они,
Хусраву затем изложили они.

Выслушал их царевич и отправился к шаху. Поклонившись, напомнил отцу он о давнем их уговоре. Сказал он Кубоду:

— Истек данный тобой мне срок, и настал тот час, чтобы окончить наш спор с Маздоком. Пусть новоявленный этот пророк докажет, что права лишь его религия, а вера Зардушта плоха. Тогда и я признаю благо и истинность его учения. А если не сможет он защитить свою веру, тогда незавидная ждет его участь: ты, властелин, отступишь от Маздока, предашь гонению его обычаи, а его самого вместе с последователями отдашь в мои руки.

Царь Кубод ответил Хусраву согласием.

На утро другого дня во дворце владыки собрались всезнающие мудрецы Ирана, чтобы начать спор о правде и лжи. Поднялся один из мобедов-зороастрийцев и обратился с речью к Маздоку:

«Ты новую веру земле подарил,
Богатство и жен меж людьми разделил.
Коль станут все люди на свете равны,
Средь малых большие не будут видны.
Найдет ли ничтожество долю свою,
Величье исполнит ли волю свою?
Скажи мне, кто будет работать у нас?
Как добрых от злых отличаешь сейчас?
Не знаем, кому завещаем свой дом,
Ткача от царя отличаем с трудом!

Изнылись сердца от бесчисленных ран,
Подобных несчастий не видел Иран!
Всяк ныне хозяин, но нету слуги,
Попробуй богатство свое сбереги!
Твердишь «Это воля пророков была!»
Но лживы и вера твоя и дела!
Ты в ад увлекаешь несчастных людей,
И зло за добро выдаешь ты, злодей!»

Выслушав речь мудреца, шах Кубод рассудил, что она правдива. В гневе своем на Маздока стал он его осыпать злыми словами. Тогда зашумело и заволновалось собрание, а мобеда-зороастрийцы стали выкрикивать: «Маздок, прочь из дворца шаха!», «Ты осквернил нашу чистую веру!», «Смерть тебе!»

И вышло так, что не спор то был, а суд над Маздоком. Его бранили и обвиняли, не дали сказать ни слова. Шах Кубод легко отрекся от веры Маздока и приказал сыну Хусраву:

— Возьми его! Схвати и его приверженцев! Сам придумай им кару, они в твоей власти!

Хусрав посадил Маздока в темницу и вместе с воинами пустился по стране за его последователями. Стал он хватать их и вязать им руки и ноги.

У царевича был большой сад, окруженный высокой оградой. Приказал он вырыть в саду ямы в половину человеческого роста. А потом, по его велению, привели в сад сторонников Маздока связанными и каждого живьем закопали в приготовленную яму головой вниз. После того привели самого Маздока. Хусрав молвил, надменно усмехаясь:

— Иди и собери урожай от посеянных тобой зерен. Увидишь, какие выросли там деревья. Подобных им еще не видел никто и никогда не слышал от своих предков.

Плененный пророк вышел в сад Хусрава и увидел тысячи ног людских, торчащих из земли. Ужаснулся он, испустил душераздирающий крик и упал без чувств.

По приказу Хусрава возвели виселицу на высоком помосте и повесили Маздока за отступление от веры Зардушта. Жестокий царевич не довольствовался повешением врага своего и выпустил из лука несколько стрел в бездыханное тело Маздока.

Было это во времена правления Хурмузда, сына шаха Нуширвана. А стал Хурмузд править Ираном так.

Когда Нуширван состарился, решил он, что нужно ему при жизни назначить одного из своих сыновей наследником престола. Выбор шаха пал на царевича Хурмузда. Велел властелин мобедам и мудрецам придворным испытать его ум и прозорливость.

Настал день, когда все собравшиеся у трона властителя мудрецы объявили, что готовы приступить к испытанию наследника шахского престола. Призвали Хурмузда, и ученый старец Бузургмехр начал спрашивать царевича перед высоким собранием.

— О царевич со счастливой судьбой, скажи, что освещает светом душу и разум?

— Знание,— ответил Хурмузд.

— А что больше всего полезнее телу?

— Воздержание.

— Из всех качеств, присущих человеку, которое предпочтешь ты остальным?

— Стыдливость.

— Что возвеличивает человека?

— Доброта и справедливость.

— Какое дитя дороже других для отца?

— Сын ласковый и заботливый.

— Положение какого человека больше всего достойно сострадания?

— Положение великого, ставшего рабом низкого и недостойного.

— Кто заслуживает осуждения и порицания?

— Тот, кто делает добро неспособному быть благодарным.

— Из какой страны лучше бежать, чем оставаться?

— Из той, где правит несправедливый царь.

— Чему нужно больше всего радоваться в жизни?

— Тому, что рядом есть брат или нежный друг.

— Какое время нам нужно ценить?

— Время, когда исчезнут подозрительность и недоверие.

— Который из друзей ценнее остальных?

— Искренний человек и верный помощник.

— Кто в мире имеет больше всех друзей?

— Самый скромный и самый щедрый.

— Кто в мире имеет больше всех врагов?

— Кто не сдержан на язык и злословит.

- Что труднее всего перенести сердцу?
- Пребывание в компании с клеветником.
- В чем самое лучшее доказательство истинности?
- В испытании.
- Что это такое: самое разрушительное, быстропроходящее и приносящее наибольшее разочарование?
- Страсть, овладевшая сердцем.
- Что это такое: вращается так, что не различишь, где голова, где ноги?
- Друг глупый, без твердого слова и веры.
- Тиран без стыда и совести, кто это?
- Лжец.
- Чьи речи несут разрушение миру?
- Речи двуликого и предателя.
- Какой порок человека усугубляется после раскаяния?
- Пустое бахвальство, в котором человек иногда раскаивается. Но когда он раскроет рот, чтобы об этом сказать, то бахвалится снова.

Все убедились в том, что царевич Хурмузд умен и проныцателен. Ученое собрание то вознесло ему хвалу, а шахиншах объявил его наследником иранского трона.

Не много времени прошло с тех пор, и умер шах Нуширван. Хурмузд воссел на царский трон и явил народу свой жестокий нрав. В стране рекой полилась кровь. Казнил властелин без числа вазиров и писцов, мобедев и ученых, отважных витязей и предводителей войска. Вина их всех состояла лишь в том, что верно служили они Нуширвану, отцу Хурмузда. Немногие оставшиеся в живых в страхе покидали Иран, спасаясь от несправедливого гнева властителя. Утрачены были все надежды на добронравие и справедливость молодого шаха, порожденные мудрыми ответами его на вопросы вазира Бузургмехра.

Покинули страну спокойствие и мир; кто скрытно, а кто явно не повиновался жестокому правителю. Пошатнулся престол Хурмузда, ослабела царская его власть.

Смута в Иране не была тайной для властителей других стран, и они со всех сторон стали совершать набеги на державу Хурмузда. С востока грозил ему туранец Совашах, с запада угрожали румийцы, с севера — хазары, из пустынь Аравии — два арабских эмира, Аббас и Амр.

Самым опасным из всех стал для Ирана туранский владыка Совашах. Подошел он к столице Хурмузда, имея четырехста тысяч воинов и тысячу двести боевых слонов. Сметено бы-

ло войско Ирана, охранявшее его границы, и разгромлены все отряды, преграждавшие завоевателям путь. Шах Хурмузд потерял голову от страха и смятения. Теперь жестоко каялся в том, что неразумно давал волю несправедливому гневу и казнил мудрых советников своих, ученых и опытных полководцев. Понял злосчастный владыка, что увяз он в своих прегрешениях.

Призвал Хурмузд во дворец знатных и именитых, стал у них спрашивать, как найти ему верное средство от надвигающейся беды. Много было сказано слов, много дано советов. Но не было самого разумного. И сказали именитые и знатные Хурмузду:

— О великий шах! Нарушил ты заветы нашей веры, казнил писцов и мобедов, а теперь спрашиваешь у нас совета. Но что можем мы знать, твои подданные? Все мы вместе не стоим одного ученого мудреца. Тебя считали мы всегда разумным и знающим. Так поразмысли сам и найди средство спасти Иран.

Но остался в стране один не казненный шахом мобед — его вазир. Дал он Хурмузду такой совет:

— Отдай назад румийцам прежде занятые их земли и заключи с ними мир. Арабов, совершивших набег на наши границы, разгромай и смети. Хазары, страшась потерять награбленное ими добро, сами откажутся от сражения и побегут. Большая опасность грозит нам только от туранца Совашаха. Двигается он к столице, неся гибель державе твоей и войску. Нельзя медлить и ждать, когда туранцы перейдут Джайхун и придут сюда.

Спросил Хурмузд мудреца:

— Так что же делать мне с Совашахом?

Вазир продолжил:

— Собери большое войско и иди с ним воевать, ибо величие и гордость шаха лишь в сильном его воинстве.

Хурмузд велел принести ему список, в котором значились все его войны. Сосчитали их писцы и узнали, что осталось в войске всего сто тысяч конных и пеших.

— С таким войском, владыка, сможешь ты преградить путь Совашаху, — сказал мобед. — Только оставь неправедные деяния, стань на путь чести и справедливости. Тогда спасешь ты подданных своих от беды, нависшей над их головами.

Словами этими бесстрашный и мудрый вазир намекал Хурмузду на его злодеяния и призывал к доброте и благонаравию. Гнев бушевал в душе шахиншаха от суровых упреков вазира, но не время было теперь давать ему волю. И Хурмузд принял следовать мудрым советам.

Сначала возвратил он кесарю Рума города и крепости его,

завоеванные прежними шахами Ирана, и заключил с ним мир. Против хазаров послал Хурмузд войско под водительством Хуррода Барзина. Тот изгнал хазаров с захваченных ими земель. Движение арабских дружин Хурмузд остановил богатыми дарами.

Оставался лишь один враг — Совашах. Хурмузду нужен был храбрый и испытанный в войнах полководец, преданный и верный своему шаху. Такого поставил бы он во главе своего войска и послал бы на войну с Совашахом.

Был у шаха Хурмузда умный слуга по имени Настух. Говорит он властелину:

— Отец мой Мехронситод — муж мудрый и владеющий знаниями — живет отшельником в отдаленном селении, читает священную книгу «Авеста». Недавно посетил я его и поведал о том, что Совашах напал на Иран. Отец мой сказал: «Есть в мире тайна одна, скрытая от людей, но мне известна она. Коль спросит меня шахиншах, я ее открою».

Тотчас же послан был быстрый гонец к отшельнику Мехронситоду с повелением шаха немедля привезти того во дворец. Когда старец явился, шах Хурмузд спросил у него о тайне. Мехронситод ответил:

— О владыка, помню я еще то время, когда отец твой шах Нуширван сватался к дочери хакана Чина. Послал он в Чин сто шестьдесят воинов за невестой, и среди них был я. Прежде чем отдать свою дочь, хакан позвал звездочетов и спросил у них о судьбе, предначертанной ей. Вот что они предсказали: станет царица супругой шаха Ирана и родит на свет сына жестокого нрава. После смерти отца займет он его престол, и во время царствования его придет с востока правитель с огромным войском и захватит Иран. Шах Ирана устрашится завоевателя, и тогда объявится один из его подданных, высокий ростом и стройный станом, с волосами, вьющимися кольцами, широким носом и круглым лицом. С виду будет он могучим богатырем, красноречивым и мудрым мужем по прозвищу Чубина. Возьмет он небольшой отряд храбрых воителей и разобьет завоевателя наголову. Уже сбылась первая половина того предсказания, а теперь ищи в Иране того богатыря.

Сказал это Мехронситод, упал и испустил дух.

Изумлен был шах всем увиденным и услышанным. Приказал он тотчас повсюду искать воителя с приметам, назначенными отшельником. Слуга шаха по имени Зодфаррух сказал:

— Это приметы витязя Бахрома, сына Гуштаспа. Гордый наездник тот и счастливый правитель княжит в пограничных областях Барда и Ардабил.

Хурмузд немедленно послал ездока в Ардабил, чтобы тот доставил во дворец Бахрома, по прозвищу Чубина, но одного, без его дружины.

Вскоре шах увидел перед собой высокого стройного витязя с приметами сильного богатыря, с черными словно мускус кольцами волос на голове. Властелин принял Бахрома ласково, усадил рядом с тронном и приступил к расспросам:

— Скажи, мириться ли мне с Совашахом или сражаться?

— Если он хочет войны, то просить у него мира — значит признать за ним силу. Это вселит врагу смелость, — ответил Бахром Чубина. — В час сражения не думают о мирных пирах.

— А если я останусь на месте, откажется ли от войны Совашах? — снова спросил Хурмузд.

— Не жди справедливости от врага, — сказал на это Бахром. — Помыслы его злобны, а зло никогда не берет в помощники добро, как не могут идти в одной упряжке огонь и вода. С недругом-злодеем ищи только войны, иначе не усидеть тебе на троне. Мы будем сражаться! Высечем силу из дланей и явим ратное свое искусство. Тогда не согрешим мы перед всевышним и не осрамимся перед людьми. А если откажемся от борьбы, то заклеймят нас позором наши враги и назовут презренными трусами. Так пустим же в дело и силу, и оружие, каким владеем, и будем драться, пока не одержим победу! А коль судьба отвернется от нас и изменит нам счастье, тогда не останется нам ничего другого, как покориться.

Речи богатыря Бахрома успокоили сердце Хурмузда, но у его трусливых придворных кровь кипела от ярости. За пределами царского дворца набросились они на витязя с бранью:

— Расхрабрился ты без всякой меры, подстрекая на битвы шаха. Разве тебе не ведомо, что воинство Совашаха также несметно, как рой муравьев? Коли дал ты шаху такой совет, то сам и веди в поход шахское войско.

— Если будет на то повеление шахиншаха, я готов исполнить его волю, — ответил Бахром Чубина.

Эти его слова царедворцы донесли шаху Хурмузду. И повелитель сразу назначил отважного Бахрома военачальником иранского войска.

Бахром Чубина стал собираться в поход против туранского правителя Совашаха. Воины царской рати выстроились рядами перед своим предводителем, а он отобрал из них только двенадцать тысяч всадников, одетых в стальные кольчуги и имеющих военное снаряжение, и велел каждого внести в список. Воинам тем было по сорок лет, ибо предводитель

царского войска не брал с собой тех, кому было больше или меньше сорока.

Узнав о том, как собирает Бахром Чубина войско, удивился Хурмузд и спросил его:

— Слыхал ли ты, что в дни битв земля дрожит от несметного войска Совашаха? Отчего же ты выбрал из всего моего воинства только двенадцать тысяч всадников? Как же малочисленная эта дружина будет биться с бесчисленной ратью врага? И почему взял ты не молодых копыеносцев и меченосцев, а старых, сорокалетних?

Бахром ответил:

— В древности говорили: если в помощниках у тебя счастье победы, то других помощников пусть будет поменьше. Когда могучий Рустам пошел войной на Хамаваран, чтобы освободить царя Кай-Ковуса, он выставил против бесчисленного войска врага только двенадцать тысяч храбрых своих воинов и победил. И Гударз Кашвадаган с честью отомстил за смерть Сиавуша, имея двенадцать тысяч отважных бойцов. Исфандиер Руинтан разбил воинство Арджаспа с двенадцатитысячным войском и взял неприступную его крепость. Так зачем же мне вести в битву войско большее числом? Бескрайняя рать — бремя для полководца на ратном поле. И еще спросил ты, владыка, почему веду я в бой только сорокалетних? Потому, что больше у зрелых мужей опыта и сноровки, чем у юношей. Знают они цену царскому хлебу и соли, опасаются клеветы и злословия и страшатся позора бесчестия. Есть у всех у них жены и дети, дома и земли, и за все это не пожалеют они жизнью. Юных легко обольстить и обмануть врагу, нет у них стойкости и терпения. Не отличают они дорогое от пустого и никчемного. Без опыта они и без разума, и потому не могут проникнуть в самую суть того, что происходит. А за что отдавать им свои молодые жизни, если нет у них ни жен, ни потомства? Победа сведет молодых от радости с ума, а боль поражения погонит прочь с поля брани, заставив показать врагу спины.

Речи Бахрома пришлись по душе Хурмузду. Объехал шах на коне отборное войско, а потом вручил его предводителю военного знамя богатыря Рустама, на котором было изображение дракона. Сказал владыка своему полководцу:

— В этой войне быть тебе вторым Рустамом по богатырской силе, храбрости и верности Ирану.

Бахром Чубина поставил во главе передового отряда испытанного воина по имени Ялонсина. В день битвы должно ему быть впереди войска, чтобы вселять в воинов храбрость

и поднимать их дух. Последний в строю отряд предводитель вручил Нардогушаспу. Этому храбрецу надлежало удерживать на своих местах правое и левое крыло иранского войска, что бы не нарушался его боевой порядок.

Бахром Чубина верхом на коне встал перед ратью своей, готовой к битве, и воскликнул:

— О честные мои воины! Идем мы в поход против завоевателя по дорогам родной страны. Избегайте причинять зло и наносить урон людям. Этой ночью, как слышите звуки карнаев, сразу же снимайтесь с места и гоните своих коней вперед с громкими криками.

Шах Хурмузд доволен был тем, как начал ратное дело Бахром Чубина. Для него широко распахнул он двери своих сокровищниц и складов оружия. Полководцу отданы были табуны быстроходных коней, прежде мирно пасшихся в изобильных травой степях.

И вот настало время двинуть против захватчика сильное войско под знаменем славного Рустама. Когда вышла дружина за ворота столицы Тайсафун, Бахром Чубина заметил на земле почерневший от времени череп. На ходу подцепил он череп острием своей палицы и отбросил далеко в сторону, крикнув при этом:

— Вот так швырну я отсеченную голову Совашаха к ногам его воинов!

Шпион шаха Хурмузда донес повелителю слова полководца. Хурмузд увидел в этом для себя плохое предзнаменование: «Большая дерзость в том, что намерен Бахром Чубина рубить венценосную голову. Подобаает ему лишь связать побежденного шаха и привести ко мне, моему властелину. Бахром своеволен и гордого нрава. Даже со мной говорил он непочтительно и грубо. Если он победит Совашаха, то не захочет повиноваться мне и вовсе. Не удивлюсь я, коль поддастся он искушению самому сесть на престол шахиншахов».

С подозрением этим не мог Хурмузд спать спокойно. Следующим утром послал он вслед за Бахромом гонца своего с таким посланием полководцу: «Остановись там, куда успел ты придти в этот час и возвращайся в столицу. Здесь во дворце желаю я дать тебе наставление, о котором не вспомнил раньше».

Получив от гонца приказание шаха, полководец его дал такой ответ: «Не возвращают назад с полпути шествующее в поход войско, ибо это сулит ему неудачу и приносит радость врагу. Дождись, шахиншах, моей победы, тогда и вернусь в столицу, чтобы осыпать жемчугом тебя и державу».

Войско, вемое Бахромом Чубиной, продолжало двигаться по дорогам Ирана. Жители городов и сел страны не терпели урона от воинов и их коней. Рассказывают, что в Хузмстане некая женщина принесла в военный лагерь на продажу мешок сена. Один наездник взял сено для своего коня, но не заплатил за него. Женщина пожаловалась его военачальнику. Бахром Чубина приказал привести к нему того воина.

— Ты украл у бедной вдовы ее достояние! Есть ли грех на земле тяжелее этого? — закричал предводитель войска и мечом своим рассек надвое невольного грабителя. После того предостерег он других своих воинов:

— Такая участь постигнет каждого, кто возьмет у бедняка хоть соломинку даром! За все должно платить своей ценой!

Иранское войско двинулось в сторону Хорасана.

Отправив войско в военный поход, Хурмузд не был спокоен в своей столице. Сердце его то сжималось от страха при мысли о несметном воинстве туранца Совашаха, грозящем Ирану, то сильно билось в смятении от неясных предчувствий. Как-то среди ночи призвал он к себе вазира Хуррода Барзина и молвил:

— Поезжай к Совашаху и отвези от меня письмо и дары. Бахрому открой, что я этим средством хочу завлечь Совашаха в капкан. В стане врага моего приглядиись к его войску: как сильно оно и велико ли числом. Узнай, кто из богатырей и военачальников ведет его на Иран.

Хуррод Барзин так и сделал. На пути к Совашаху рассказал Бахрому о тайном намерении Хурмузда и с тем прибыл во вражеский стан.

Несколько дней вазир развлекал туранца болтовней об Иране, царском дворце, и тем удерживал от похода. Бахром Чубина за это время ушел далеко вперед и разбил свой военный стан в степи близ Герата. Дозорный отряд Совашаха заметил лагерь иранцев и донес властелину. Тогда Совашах призвал посланца Хурмузда и грозно стал укорять:

— Эй, обманщик, ты явился сюда от Хурмузда, чтобы устроить мне ловушку? Ты привел за собой иранское войско, и оно встало лагерем в степи у Герата!

Хитрый Хуррод Барзин не поддался страху и сказал:

— Если рядом с войском твоим на лужайке расположились какие-то воины, не подозревай ничего худого. Может это едет мимо тебя некий правитель с дружиной или хочет сдать-ся тебе и просить пощады один из военачальников Хурмузда. А быть может, остановился на отдых торговый караван с отрядом охраны. Разве, найдется в Иране такой полководец,

который осмелится выступить против твоего несметного войска с боевыми слонами?

Совашах поверил словам Хуррода Барзина и успокоился, а тот темной ночью выбрался из туранского стана и бежал.

Совашах все же послал своего сына Фагфура с отрядом воинов в сторону Герата. Велел он ему проведать, что за дружина стоит там и почему разбила свой лагерь рядом с его столицей? Царевич Фагфур приблизился к стану иранцев и отправил вперед своего гонца для разведки. Тот подъехал поближе и крикнул:

— Если есть здесь военачальник, то его желает видеть царевич Фагфур!

Бахром Чубина вышел из своего шатра, держа в руке сверкающий стяг. Фагфур подскочил к нему и забросал вопросами:

— Кто ты? Откуда прибыл? Почему остановился на этом месте? Может быть, в Парсе ты убил человека и бежал от гнева правителя?

Бахром ответил ему:

— Никогда ничем не вызывал я гнева своего повелителя. Я полководец его, Бахром Чубина, по велению шаха Хурмузда пришел из столицы его Тайсафун, чтобы сразиться с завоевателем Совашахом.

Фагфур вернулся назад и передал отцу, что видел и слышал. Совашах в гневе послал за Хурродом Барзином. Ему донесли, что иранский посол бежал. Тогда туранский правитель отправил посла к Бахрому, почтенного престарелого мужа, и велел так сказать: «Видно, Хурмузд пожелал твоей смерти, коль послал тебя на войну с самим Совашахом, который по силе и мощи не имеет себе равных в мире! Если сказал он, чтоб ты преградил мне путь на Иран, значит, лишился он разума, ибо опрокину я даже гору со стоящими на ней воинами и слонами».

Бахром Чубина, выслушав от гонца слова Совашаха, ответил коротко:

— Коль шахиншах Хурмузд обрадуется моей гибели, я согласен умереть.

Посол вернулся к Совашаху и передал ответ Бахрому Чубины. Владыка снова послал его сказать: «Когда ты явишься ко мне с покорностью и послушанием, исполню я любое твое желание».

На что полководец шахиншаха ответил: «Когда ты помришься с моим царем и другом придешь в Иран, а не насильником, тогда исполню я, о чем ты просишь, и окажу тебе

почет, как дорогому гостю. Все войны твои получают золото и серебро, а полководцы — шапки и пояса. Пошлю известие я царю Хурмузду, и властелин выйдет на дорогу с дружиной, чтоб встретить тебя на полпути. Но если ты явился к нам для войны, тогда сразиться предстоит тебе с морским чудовищем. Коль доведется тебе выйти из гератской степи живым, вернешься ты таким жалким, что, глядя на тебя, заплачет каждый».

Обида и унижение для Совашаха были в тех словах Бахрома. Разгневался он и велел гонцу передать следующее: «Не стану я с тобой сражаться, ибо не много чести будет для того, кто победит слугу царя, каким ты состоишь. А царь твой для меня — ничто. Но если милости попросишь ты у Совашаха, я награжу тебя богатством и возышу над всеми. И воинов твоих я щедро одарю золотом и серебром».

Бахрому Чубину задели за живое высокомерные слова туранского владыки. Так он ответил Совашаху: «Мой властелин считает для себя позором сражаться самому с таким царем, как ты, и потому послал меня, слугу своего, на битву с тобой. Хоть я родом из простых, зато с малолетства обучен ратному делу, и потому вырву с корнем весь род твой, Совашах, а голову твою пошлю Хурмузду. Презренного раба, каким меня считаешь, ты встретишь только на поле битвы. Когда увидишь черного дракона на знамени моем, знай — то смерть твоя».

Довольно было слов, теперь неизбежной стала война. С огромным воинством своим и боевыми слонами туранский властелин двинулся на Герат.

Рать под водительством Бахрома Чубины уже построилась для битвы. Она была так многочисленна, что задним концом упиралась в шахристан Герата — внешнюю стену славного города.

Подошел с дружиной Совашах и расположился в тесном и узком ущелье, с трех сторон окруженном горами. Мало было там места, чтобы построить боевые ряды. Но что оставалось делать туранцу, коль судьба уготовила ему для войны столь узкое место взамен широкого поля! Из всего несметного войска на ристалище том смог Совашах разместить в боевом порядке лишь сто двадцать тысяч конных и пеших — по сорок тысяч на правом и левом крыле и столько же позади, в тылу. Но оставалось еще много десятков тысяч воинов в боевом облачении, стоявших беспорядочно, без всякой пользы. Вдобавок к этому боевые слоны, которых вывели сразу вперед, плотной стеной закрыли дорогу для движения войска.

Страх охватил Совашаха, когда явным стало его положение. С бранью обрушился он на дозорных своих, не усмотревших появление иранского войска. И вот теперь, внезапно нагрянув, Бахром Чубина первым занял широкую долину Герата, а его, Совашаха, вынуждает биться с ним на узком и тесном месте.

Предчувствуя недобрый для себя исход этого боя, Совашах надумал схитрить и снова отправил гонца к Бахрому. Красноречивый посланец от имени шаха вначале увещевал иранца, остерегал, а потом грозил. В конце, видя упорство Бахрома, посулил ему, что если туранский шах сразит Хурмузда, то посадит его на иранский трон, и в жены отдаст свою дочь.

Но Бахром Чубина не дал обмануть себя, не поддался ни на какие посулы и стоял твердо на своем, как гора. За время пребывания в Герате полководец продумал как поведет сражение. Велел он с двух сторон ристалища возвести стены из глины высотой в десять газов¹, чтобы ни один из его бойцов не смог убежать с поля битвы.

Войско Турана превосходило иранскую рать в три раза. Успевший увидеть несметную ту орду Хуррод Барзин, который убежал из логова Совашаха и вернулся к Бахрому, был в страхе и ужасе.

— На чем зиждется спокойствие твое и уверенность? — спросил он полководца. — Разве не ясно тебе, что попал ты в ловушку и что близка твоя погибель? Поразмысли и пощади воинов наших, избавь от смерти их и себя.

— Ведомо мне, что ты, Хуррод Барзин, родился близ морской воды, — сказал ему Бахром Чубина. — Видно, тебе и твоим землякам не перепало нисколько мужества. С ранней весны и до поздней осени ловили вы в море рыбу, а потому не знали ни булавы, ни меча. Оружием вашим были лишь удочки, а ремеслом — торговля рыбой, вот почему ты утрашился орды врага. Завтра, как только выйдет из-за горы солнце, я покажу тебе иранских воинов на поле брани.

Тут слово молвил царский казначей, который отсчитывал сокровища Бахрому Чубине для войска:

— Как глянул я на вражескую рать, так не увидел больше ни земли, ни гор, ни воды, так многочисленна она.

Бахром прикрикнул на него сердито:

— Удел твой — бумага и перо, чтоб складывать и вычитывать динары и дирхемы, а воинов считать тебе никто не поручал!

¹ Газ — мера длины, равная примерно 1 км.

Позже шахский писец сказал вазиру Хурроду Барзину:

— Полководцу Бахрому путь указывает бес.

Оба старца, страшась за свою жизнь, покинули военный стан и спрятались в укромном месте.

Утром, лишь только рассвело, Бахром Чубина вскочил на коня и промчался перед рядами своего войска. В руках держал он выдавшую сражения булаву, на голове его был стальной шлем. Предводитель кликнул войску боевой клич:

— Эй, копыеносцы в сверкающих шлемах! Храбро ринемся мы сейчас в битву. А если покажет кто-либо спину, убегая словно от льва или тигра, то, клянусь нашим создателем, снесу ему голову, а тело предам огню!

Тем преградил Бахром своим воинам все пути к бегству.

Началась жестокая битва. Туранцы ударили по правому крылу иранского строя и смяли передние его ряды. Бахром Чубина, бросившись в середину туранского войска, увидел, что правое крыло его рати бежит с поля боя. Оставив врага, помчался он вслед бегущим и закричал:

— Эй, презренные трусы! Где потеряли вы честь бесстрашных воителей? — С этими словами настиг он трех убегающих всадников и сшиб их тяжелой своей палицей. Остальные беглецы повернули обратно и воротились на ратное поле. Чубина, окрыленный успехом, словно лев, устремился на правое крыло туранцев и тут же разгромил и раскидал его. Оттуда набросился он на отряд, охранявший от ударов Совашаха. Туранский правитель успел выставить вперед боевых слонов. Тогда Бахром Чубина натянул тетиву лука, дал время слонам приблизиться и, целясь в хоботы и глаза их, осыпал градом стрел. Другие лучники, видя это и следуя приказу полководца, тоже стали пускать стрелы непрерывным дождем. Слоны, разъяренные от боли, в страхе отступали назад, растапывая туранцев. Пятились огромные звери все дальше и дальше, а туранцам некуда было деться. В тесном ущелье большая часть их была раздавлена слонами или пронзена их острыми, как кинжалы, клыками.

Совашах в это время восседал на своем царском троне, стоявшем на высоком зеленом холме. Оттуда с ужасом смотрел он на то, как топчут обезумевшие слоны его бойцов и как преследуют бегущих в смятении туранцев всадники Бахрома Чубины. Заплакал Совашах от страха и позора поражения. Спасая жизнь, вскочил он на коня и бросился бежать. Но вот полководец иранцев с арканом на плече и луком в руке уже взобрался на этот холм и, осмотревшись, заметил убегающего Совашаха. Конь властелина туранцев быстро

мчался по степи, унося своего хозяина. Вынул Бахром из колчана стрелу со стальным наконечником, сверкавшим, как прозрачная вода, и оснастил ее четырьмя орлиными перьями. После того погладил Бахром свой лук, а потом натянул тетиву из оленьей кожи, встав при этом на правое колено. Со свистом вылетела стрела из лука, сделанного мастером из Чача, и настигла убегающего Совашаха. Свалилось тело его из седла на землю и голова уткнулась в смешавшийся с кровью прах.

Так окончил жизнь бесславный завоеватель, а войско его было разбито.

В столице Турана и Чина городе Халлухе на трон воссел Пармуда — старший сын Совашаха. Молодой хакан не смирился с поражением туранского воинства и побежденным себя не признал. Быстро собрал он остатки разбитой рати отца, соединил с новыми всадниками, которых созвал со всех концов страны, и построил стотысячное войско, готовое двинуться в военный поход.

Пармуда перешел Джайхун и остановился около города Балх. Тут узнал он, что отсюда до военного лагеря Бахрома Чубины было всего два фарсанга пути. Лазутчики донесли хакану: полководец Ирана каждую ночь празднует победу в цветущем саду. Известно этому обрадовался Пармуда и задумал врасплох захватить беспечного предводителя. Темной ночью воины его стали окружать со всех сторон сад, где пировали иранцы. Но Бахром Чубина, вовремя почуяв опасность, приказал, чтобы топорами прорублены были бреши в ограде сада. Сделаны были два широких пролома, незаметных для туранцев, сквозь которые и выбралась дружина Бахрома и тут же вступила в бой с врагом.

Бойцы Бахрома, воодушевленные недавней своей славной победой над ордой Совашаха, отважно и яростно били палицами и рубили мечами туранцев.

Ночная та битва закончилась разгромом Пармуды. Хакану удалось бежать. Укрылся он с остатками дружины в твердыне Овоза. Иранцы окружили крепость и начали осаду, полководец же их отправил Пармуде послание, горделивое и насмешливое: «Эй, правитель Турана и Чина! Отчего из всех огромных владений своих избрал ты эту крепость? А что стало со всем миром, который мечтал завоевать отец твой Совашах? Где же его несметные сокровища и могучая держава? Мало было Совашаху городов Турана и Чина! А теперь ты, его сын, сидишь в крепости на краю земли и, как женщина, проливаешь кровавые слезы и царапаешь щеки. Лучше от-

крой ворота и проси у меня пощады. Моли всевышнего, чтобы меня сделал он твоим покровителем».

Пармуда так ответил Бахрому: «Напрасно хвалишься ты своей победой, ибо, если ты молод, то мир этот стар, и на веку своем повидал немало. Не ведомо никому, что таят от нас небеса. Если сегодня к тебе лицом повернулось счастье, завтра может оно повернуться спиной. Кроме того, избегай смеяться над венценосными: насмешка не украшает воинственного мужа. Тебе известно, что имел я дружину, сокровища и власть. Могучим властелином был мой отец, но овладела им безумная мечта господствовать над миром. Она и погубила его. Ты осадил мою твердыню, но тебе не покорюсь я и не сдамся, ибо ты — раб, а я — венценосец. И просить пощады я буду у шаха Ирана».

Бахром доволен был ответом Пармуды и написал Хурмузду, что хакан зывает к нему о снисхождении. Хурмузд отправил осажденному хакану послание, в котором обещал ему защиту и покровительство. Бахрому Чубине шах приказал доставить Пармуду в сопровождении дружины в его дворец.

Обрадованный счастливой вестью молодой хакан покинул крепость Овоза и пустился в путь со своей дружиной. При этом на Бахрома он даже не взглянул. Такое пренебрежение сильно задело Бахрома Чубину. Послал он вслед за Пармудой своих наездников, чтобы они его вернули. Те, исполняя приказ Бахрома, пешим пригнали властителя Турана.

— Ты презираешь полководца шахиншаха, одержавшего победу над твоим отцом и над тобой самим? — грозно спросил его Бахром.

— Я получил письмо Хурмузда, в котором обещал он мне защиту и покровительство,— сказал хакан.— И теперь я направляюсь к нему. Коль обойдется он со мной, как с братом, облегчит мне участь побежденного. А до тебя нет мне никакого дела, и тебе не нужно больше обо мне заботиться.

Вспыхнул от гнева Бахром Чубина, услышав слова Пармуды, и, не сдержившись, ударил хакана плетью, а потом приказал связать по рукам и ногам и бросить в темницу. Свидетелем поступка Бахрома был Хуррод Барзин. Подумал он про себя: «Военачальник этот силен, но разума у него не больше, чем крылышко мухи, и скорый гнев — его злейший враг», — и обратился к Бахрому с такими словами:

— Вскипел ты ярим гневом и тем на нет свел тяжкие усилия, приведшие тебя к победе. Наш повелитель не одобрит того, что сделал ты. Знай, вспыльчивость не к лицу полководцу.

Бахром Чубина сам уже раскаялся в содеянном. Велел он освободить от цепей плененного хакана и послал ему коня с золотой сбруей, индийский меч с драгоценной рукоятью. После сам пошел к нему, чтобы просить прощения. Но Пармуда не удостоил его и взглядом, вскочил на коня и поскакал вперед. Бахром, нагнав его, поехал рядом и обратился снова с добрыми словами. Молодой хакан не нарушал молчания и оставался мрачным, выражая недовольство. Бахром, одолевая гордость свою, сказал:

— Знаю, что нанес тебе обиду, государь. Но я прошу, не говори о ней Хурмузду.

— Не подобает мне жаловаться шаху на обиду, учиненную его рабом. Великий властелин без моей помощи узнает о происшедшем, иначе не будет он достоин венца и трона.

Бахрому Чубине пришла на ум одна пословица, и он сказал:

— Не должно человеку сеять семена зла, ибо прорастут они в его грядущей судьбе. В письме, которое послал я шаху Хурмузду, не упомянул о злодеяниях твоих.

— Что было, то прошло, и ветром унесло прошедшее,— ответил Пармуда и продолжал.— Гнев можно допустить и оправдать во время войны, которая приносит горе и позор. В мирную же пору должно воину смиряться и терпеть. А если ты не разделяешь время войны и время мира, тогда ясно, что мало у тебя ума.

Бахром промолвил, сдерживая ярость:

— Сначала полагал я, что дело наше останется для шаха неизвестным, но теперь не вижу причин его скрывать. Когда приедешь во дворец, говори, что хочешь. От речей твоих мне не убудет чести и не прибавится зла.

— Неразумен тот властелин, который не различает, где добро, а где зло и молчаливо потворствует преступным делам своего раба. Отныне, как среди доброжелателей, так и недругов ты прослывешь человеком, лишенным достоинства и чести.

Лицо Бахрома побагровело от злобы и гнева. Хуррод Барзин, увидев это, испугался, что вспылчивый воитель сейчас разругит на куски хакана, и поспешил сдержать его:

— Эй, полководец шахиншаха, уймись и воротись назад.

— И этот невежда сидит на месте владыки Турана!— воскликнул Бахром, указывая на хакана.

— Ты, низкий родом, не силен умом и вероломен, и потому не смеешь судить о тронах и венцах. Довольно слов, пора тебе вернуться обратно.— Сказав это, Пармуда пришпорил коня и ускакал.

Открыты были теперь ворота крепости Овоза. Бахром Чубина послал туда шахского писца — дабира и вазира Хуррода Барзина, чтобы они сосчитали казну и сокровища побежденных. В крепости в сундуках и мешках хранилось много золота и серебра, драгоценных женских и мужских украшений, пышных одежд, убранных ковров, мехов и шкур редких животных. Сокровища эти свозились и копились там еще со времен Арджаспа и Афросияба. Был там и украшенный жемчугом золотой пояс царевича Сиавуша. Чубина прельстился богатой добычей и взял себе две золотые серьги с драгоценными камнями, два куска золототканной парчи и пару сапог, расшитых жемчугом и алмазами. Вещи эти он не указал в списке сокровищ, составленном для шаха Хурмузда. Все остальное богатство полководец послал в столицу Ирана вслед за побежденным туранцем, Пармудой. Длинный караван охраняла тысяча отборных воинов на конях.

По дороге гордый туранец с тревогой думал о том, как примет его шахиншах. Страшился он немилости шаха Хурмузда и своего унижения. Но шах Ирана радушно принял побежденного хакана. Сначала устроил веселый пир в его честь, оказав подобающее венценосцу гостеприимство, а потом поместил в царские покои. Богатую военную добычу снимали со спин верблюдов две тысячи носильщиков, едва управившись с тяжелой этой работой за два дня и две ночи. Для бесчисленного драгоценного груза, горами высившегося перед шахским дворцом, построили ещё сто новых сокровищниц. Сияла душа шахиншаха и радовался его взор при виде такого богатства, гордился он им перед знатными царедворцами.

Однако за торжеством победы Хурмузд не забывал о том, как Бахром Чубина концом своей палицы отбросил в сторону почерневший от времени череп. Тогда происшествие это все посчитали дурным предзнаменованием. Помнил шах и о дерзком, своевольном нраве полководца, не пожелавшего вернуться с пути в начале похода по приказу владыки. Повелители всегда опасаются непокорных подданных, возгордившихся от похвалы и почета.

Хурмузд стал вопрошать дабира о своем полководце: что думает он о Бахроме? Предан ли тот своему повелителю? Не было ли в его поступках знаков непокорности и ослушания? Дабир смутился, но намекнул боязливо, что не худо было бы шаху знать обо всем, что совершает предводитель его дружины. Эти речи писца заронили подозрение в сердце владыки. Они усилились после рассказа вазира Хуррода Барзина о том, как Бахром Чубина в ярости ударил плетью хакана.

Можно ли доверять тому, кто дерзко поднял руку на венценосца, хоть и побежденного им в войне? Размышлял иранский владыка и о плененном хакане. Он может казнить Пармуду и тем покончить с ненавистным врагом, но он может и вернуть его на туранский трон, заручившись покорностью побежденного. Но Пармуда не забудет обиды и унижения, соберет войско и отомстит за позор поражения. Лучше пока оставить в живых хакана, но держать в столице под надзором, а на престол Турана посадить другого царя из его же рода, но который не станет помышлять о мести.

В такие думы был погружен шах Ирана, когда из Балха пришло известие о Бахроме. Хурмузд узнал, что Бахром Чубина посягнул на сокровища, принадлежащие властелину.

Грозно сдвинул брови Хурмузд и промолвил:

— Бахром Чубина сбился с праведного пути. Презренный раб так высоко вознесся, что дерзнул ударить плетью хакана. А разве, разбив туранца, он стал высокородным владыкой, что завладел драгоценными царскими серьгами и сапогами? Бесчестными и низкими делами опорочил он и затмил ратные свои подвиги. Напрасны были его труды, ибо забудут люди о его геройстве.

Теперь Хурмузд укрепился в намерении лишить Бахрома чина царского полководца и опозорить перед воинами и придворными. Для исполнения его шахиншаху пригодился поверженный хакан Пармуда. «Я окажу милость униженному правителю и снова посажу его на трон хакана Турана и Чина. Пармуда имеет зуб на Бахрома и станет мне щитом против него». Так размышлял Хурмузд.

Исполняя задуманное, шах Ирана пригласил Пармуду в свой дворец для веселого царского пиროвания. В разгар еды и питья ласково взял он гостя за руку и сказал:

— Прими мою дружбу, хакан, и возвращайся в родную страну. Там ты снова воссядешь на царский трон. Только прежде поклянись мне, что, воротившись, не забудешь о друге и никогда не станешь больше со мной враждовать. Это сулит тебе счастье и избавление от всех забот.

Пармуда был очарован обхождением шаха и добрыми его словами. Засияв лицом, поклялся он солнцем, луной и тронем своим, что отныне будет верным вассалом Хурмузда и забудет о вражде. Умиротворенные взаимными клятвами, отошли венценосцы ко сну.

Когда настал новый день, Хурмузд пожаловал Пармуде почетное одеяние, коня и оружие. Среди прочих даров были

драгоценный венец и пояса золотые. Шахиншах проводил хаkana в Туран, вместе с ним проехав два перехода.

Пришла весть в Балх к Бахрому о том, что обласкан был поверженный им Пармуда и счастливым вернулся в Туран в царском платье и с дорогими дарами. Не обрадовался этому Бахром Чубина, однако, велел повсюду на пути хаkana — в городах и селах, в горах и степях — заготовить корм лошадям и пропитание воинам. Сам он вместе со знатными витязями поехал навстречу осчастливленному хакану с тайной мыслью заслужить его прощение за прежнюю дерзость. Завидев его издали, Бахром Чубина спешился и с видом смущенным и виноватым поспешил подойти поближе. Пармуда же надменно отвернулся от полководца и не принял его даров. Бахром Чубина не отступил от задуманного и скакал за ним следом от стоянки к стоянке. Но Пармуда не удостоивал его даже взглядом, на привалах ни разу не подзывал к себе. Так прошли они три перехода. На четвертой стоянке Пармуда послал к Бахрому слугу и велел сказать, чтобы предводитель возвращался обратно, ибо охранять хаkana больше не нужно.

Бахром, услышав эти слова, пожелтел от гнева, яростно хлестнул коня и поскакал в Балх, даже не попрощавшись с хаканом.

Шах Хурмузд, проводив Пармуду, вернулся к себе во дворец. Сев на трон, призвал он писца и велел писать послание своему полководцу. В письме укорял и бранил он Бахрома за то, что занесся он высоко над всеми и не внемлет повелениям шахиншаха. Отныне он больше не полководец царской дружины, и властелин посылает ему подарки, достойные его бесславных деяний, — поношенные женские шальвары и платье, плетеную корзину с горстью хлопка и деревянное веретено.

Бахром застыл, не в силах вымолвить и слова при виде этих позорящих его даров. Потом, очнувшись, облачился в эту одежду и взял в руки веретено и пряжу. Таким предстал он перед своими знатными воителями — бойцами и богатырями.

Изумились все, и знатные, и простые, и каждый в мыслях своих гадал о значении странных подарков.

Бахром сказал: «Вот это одеянье —
За все мои заслуги воздаянье —
От шаха получил в подарок я.
Вы слышали и видели, друзья,
Моей могучей палицы удары,

Как воевал я, в бой бросаюсь ярый,
Настал, казалось, шаха смертный час,—
Но прибыл я, царев престол я спас.
Владыки исполняя приказанье,
Позорное надел я одеянье.
Шах — миродержец, мы — его рабы,
Его приказ — веление судьбы.
Мы ищем счастье под крылом владыки,
Живет он в нашем сердце, светлоликий.
От вас хочу услышать я совет:
Какой мы можем дать ему ответ?»

Толпа присутствующих зашумела, зароптала негодующе:

— Вот как платят цари за службу храбрым своим вонгелям! Видно, Бахром Чубина оклеветан перед владыкой его царедворцами, подобным злым собакам! Зачем нам правитель, который не различает добра от зла? Шах, желая обесчестить Бахрома, лишил себя чести недостойным царской особы поступком!

К мятежу призывали речи витязей царского войска, и Бахром Чубина стал удерживать разбушевавшихся своих воинов от спасных и неразумных действий.

— Не должно нам судить могучего властелина, — обратился он к ним. — В нем сила державы и войска, честь и жизнь каждого из нас. Все мы — слуги владыки. Он — дарящий, а мы — берущие.

Но ратники не соглашались со своим предводителем и громко выкрикивали, не желая слушать его:

— Не хотим видеть на троне Хурмузда! Не станем воевать под водительством верного ему полководца Бахрома!

На этом кончили и покинули шатер Бахрома Чубины его воители.

Прошло время, и войско провозгласило Бахрома Чубину своим царем. Теперь величаво восседал он в Балхе на троне во дворце, украшенном яркими коврами и бархатными покрывалами. Оставшиеся при нем дабир и вазир шаха, опасаясь беды, бежали к Хурмузду. Посланные вслед за ними всадники схватили писца и привезли назад, а Хурроду Барзину удалось ускользнуть от погони, и он достиг Тайсафуна. Там, в столице поведал он о случившемся шаху. Повелитель раскаялся в том, что опозорил и разбил Бахрома. Был он несправедлив и недалек умом, потому не сумел предвидеть, что поношение полководца заденет честь его воинов. Нет уз теснее тех, которые связывают отважного и искусного предводителя с его бойцами, прошедшими с ним через походы и битвы.

Восставший против шаха Хурмузда военачальник его Бахром Чубина стал править восточными областями Ирана. Однако он не стремился поделить страну на две части и стать в одной из них полновластным и самостоятельным шахом. Себя объявил он вассалом шахиншаха Ирана, но с таким условием: вместо Хурмузда повелителем будет царевич Хусрав Парвиз. Предвосхищая желаемое, он отчеканил имя и изображение Хусрава на своих монетах, а Хурмузду отправил следующее послание: «Никогда больше, даже во сне, ты не увидишь меня, Хурмузд. Но, когда на престол сядет твой сын Хусрав, я приду в Тайсафун, поклянусь ему в верности и встану на защиту его от всех недругов. Хоть и молод Хусрав Парвиз, но уже достоин быть шахом, ибо справедлив он и верен своему слову, не в пример отцу, нарушившему свою клятву. Только Хусрава признаю я шахиншахом, только ему присягну в верности».

В заботе о безопасности границ своего владения Бахром Чубина стал искать пути примирения с хаканом Турана и Чина. Проявив искусство красноречия и добрую волю, написал он письмо высокомерному Пармуде. Смиренно просил Бахром Чубина у хакана прощения за прежде нанесенную обиду, называл себя младшим братом властелина Турана и в конце клялся в дружбе и верности.

Хакан Турана, сделав вид, что позабыл прошлые обиды, ответил ему согласием и пожеланием благ. Так Хурмузд обманулся, уповая на помощь хакана в будущей борьбе с Бахромом. К тому же еще до шаха дошло дерзкое и мятежное послание Бахрому Чубины. Оно вселило во владыку смятение и страх. Мятежник хочет видеть Хусрава на месте шахиншаха Ирана! Недаром Хурмузд опасался, как бы царевич Хусрав не столкнулся с врагами Ирана, чтобы занять трон отца. А когда он узнал, что из Балха пришло известие Хусраву Парвизу об отчеканенных монетах с его именем, тревога и печаль Хурмузда усилились вдвойне. Уединившись с вазиром Оингушаспом, Хурмузд поведал ему о своем смятении и испросил совета.

— Хотя Хусрав Парвиз твой сын, но дело требует того, чтоб ты упрятал его в тюрьму,— предложил ему вазир.

Однако шах счел это средство недостаточным и слабым в сравнении с грозящей ему опасностью. Тогда понятливый и преданный вазир нашел среди окружения царевича корыстного и низкого слугу, готового на все за золото и серебро. Однажды ночью он тайно привел его к Хурмузду. Бесчестный муж тот предстал склоненным перед шахом. Хурмузд велел ему убить Хусрава и обещал за это щедро наградить.

— Повинуюсь и исполню,— сказал слуга.— Незаметно, когда царевич захмелеет сегодня на пиру, я всыплю в его чашу с вином яд. Это будет лучше, чем обогреть руки кровью.

Царевич Хусрав беспечно наслаждался весельем, не подозревая ни о чем, когда доверенный слуга донес ему о готовящемся на него покушении. Немедля в ту же ночь Хусрав Парвиз исчез из Тайсафуна.

Бежал он в Азербайджан. Прослышав об этом, к нему стали съезжаться все, кто недоволен был Хурмуздом. К царевичу примкнули правитель Шираза Сом Исфандиер, полководец Ки мон Пируз и многие другие недруги властителя.

Когда Хурмузд узнал о бегстве царевича и мятеже, он приказал схватить и посадить в тюрьму всех родичей его по материнской линии, и, прежде всего, дядей Хусрава, влиятельных и сановитых Густахма и Биндуя, опасаясь, что они встанут на сторону Хусрава Парвиза.

Затем Хурмузд отправил войско против Бахрома Чубины и поручил его возглавить Оингушаспу. Вазир пустился в поход и вскоре прибыл в Хамадан. Разбив там военный лагерь, он прежде пожелал узнать, что предвещает судьба ему и войску. Явились звездочеты и признались, что есть одна гадалка, предсказания которой всегда сбываются. Вазир велел вести его к старухе той, прикованной к постели из-за болезни ног.

Спросил он немощную гадалку об исходе его борьбы с Бахромом и о том, какая судьба ждет шаха Хурмузда и войска его. В конце вазир Оингушасп спросил старуху, когда наступит смертный его час. Вопрос тот он прошептал гадалке прямо в ухо, чтобы его не слышали другие. В этот миг перед вазиром появился воин, взглянул на полководца и ушел, не вымолвив ни слова. Провидица сказала вазиру: «Я вижу смерть твою на острие кинжала того, кто здесь прошел сейчас».

Оингушасп был изумлен без меры. Ведь воин тот — его земляк, которому помог он выйти из темницы. Туда он заключен был шахом за то, что убивал и грабил. В тюрьме узнал преступник о военном походе вазира в Хорасан и пожелал стать воином его дружины. Ведь тогда он сможет свободно и успешно заниматься прежним ремеслом своим — убийством и грабежом. Потому послал он письмо вазиру с жаркими заверениями сложить голову в пылу боя за жизнь своего избавителя.

И вазир Оингушасп попросил Хурмузда перед походом освободить головореза, который пригодится ему в войне. За время похода приблизил он его к себе. Теперь, поверив в пред-

сказание старухи, он с горечью подумал: «Змеёныша пригрел я и вскормил». И вспомнил слова, услышанные от мудрецов:

«Случается, что горе ты умножишь,
Когда соседу нищему поможешь:
Разбогатевши от твоих щедрот,
Он в благодарность кровь твою прольет».

Поразмыслив, решил он отправить земляка в столицу с письмом к Хурмузду. В письме он каялся в освобождении того, кто недостойн милости, и просил владыку тотчас, как придет в Тайсафун это отродье дива, отсечь ему голову.

Воин, исполняя приказание вазира, помчался в Тайсафун, но в сердце чувствовал тревогу. «Как вернуться мне туда,— думал он,— где грабил я и убивал и был за то наказан тюрьмой?» Остановился посланец вазира по дороге и вскрыл письмо, томимый любопытством. То, что прочел он, ужаснуло и потрясло его. «Неужто затем он спас меня, чтобы теперь казнить?» — мелькнуло в голове слуги Оингушаспа. Гнев и жажда отомстить коварному вазиру охватили его. С этой целью он повернул назад. Приехав в Хамадан, земляк вазира ночью скрытно проник в его стан. Оингушаспа нашел он одного в шатре, ворвался и ударом кинжала снес ему голову. Прихватив отрубленную голову с собой, убийца покинул лагерь шахской рати.

Долго он скитался по горам и степям, пока не достиг города Балх. Явился он к Бахрому Чубине и бросил к его ногам голову вазира со словами: «Я принес тебе голову твоего врага». Неразумный, он надеялся на одобрение и похвалу Бахрома, однако, встретил совсем обратное: «Оингушасп шел сюда, чтобы помирить меня с шахом Хурмуздом. Ты же, злодей, отрубил ему голову и тем закрыл для меня путь к примирению», — были слова Бахрома. Приказал он поставить виселицу перед воротами своего дворца и повесить убийцу.

Войско Оингушаспа, оставшееся без предводителя, стало разбредаться по стране.

Так истари на свете повелось:
Исчез пастух — и стадо разбрелось.

Лучшие его воины примкнули к Бахрому Чубине, узнав, что наказал он убийцу их полководца. Но были и такие, которые ушли к Хусраву Парвизу, видя в нем будущего властелина державы. И только небольшая часть распавшейся дружины вернулась обратно в Тайсафун.

Мятеж Бахрома Чубины и бегство из страны Хусрава Парвиза ввергло державу Хурмузда в волнение и смуту. Ни для кого не было тайной намерение шаха убить своего сына. Узнали все и о злодейском убийстве вазира и прославленного полководца Оингушаспа, опоры Ирана. И теперь скрытое недовольство превратилось в открытое возмущение народа и войска против шаха Хурмузда, в котором видели они виновника всех неурядиц. Многие именитые военачальники и знатные сановники перестали повиноваться своему царю, и рухнули основы державной власти Хурмузда. Опасность угрожала уже самой его жизни. От страха перед неведомой судьбой заперся шах в своем дворце и никого не принимал.

Между тем стражники царской тюрьмы, опасаясь за свою участь в смутное это время, отпустили на волю всех узников. Освобожденные Густахм и Биндуй — дяди бежавшего Хусрава Парвиза — вместе с другими своими сторонниками, захватили шахский дворец и пленили Хурмузда. Он был свергнут с престола, лишен всех своих сокровищ и ослеплен. После этого в Тайсафун прибыл Хусрав Парвиз, и увенчали его короной шахиншаха.

Бахром Чубина и Хусрав Парвиз

Бахром Чубина не обрадовался известию о свержении шаха Хурмузда и восшествии на престол сына его Хусрава Парвиза, хотя прежде желал видеть Хусрава на троне и даже отчеканил монеты с его именем. Теперь же объявил он Хусрава насильником и узурпатором и не стал ему повиноваться.

В то время, как на западе Ирана и в столице страны бушевало пламя волнений, Бахром Чубина спокойно сидел в Балхе и правил своим краем. Горд он был силой победоносного войска, бывшего под его началом, верил в ратное свое искусство и потому вынашивал в голове замысел вырвать царскую власть из рук династии Сасанидов и самому стать отныне властелином всего Ирана. Дерзкая и смелая мысль эта питалась доходящими до Бахрома вестями о том, что недоволен народ тиранством Сасанидов и конец приходит долгому его терпению. То там, то здесь, особенно на западе страны, происходят волнения и восстания.

Стал Бахром Чубина готовиться к войне с шахом Хусравом Парвизом, и вскоре многочисленная его рать, подобная огромной горе, двинулась на запад к реке Нахравон.

Весть о военном походе Бахрома достигла Тайсафуна и при-

вела в смятение Хусрава Парвиза. Прежде всего послал он лазутчиков в войско Бахрома, чтобы выведали они, верны ли воины своему властелину и предводителю, единодушны ли с ним во всем и не тяготеют ли его властью. Но важнее всего для шаха знать, что замышляет своим походом Бахром Чубина и ведет ли себя как истинный царь, сидя на троне, на стоянках и ведя за собой войско на переходах. Привычные к таким делам лазутчики проникли в стан Бахрома Чубины, смотрели, слушали и замечали, а после вернулись во дворец к Хусраву с донесением:

«Будь всадник юн, видны ль его седины,
Бойцы с Бахромом в помыслах едины.
Он возглавляет воинства чело,—
То правое, то левое крыло,
То скачет впереди, то посредине,
То разобьет шатер на луговине.
Он слушает наперсников одних,—
Не знает он советников иных
К великолепию царскому влекомый,
Он царские устраивает приемы,
Ведет себя с подвластными, как шах,
Охотится с пантерой в степях.
То величавый, то гостеприимный,
Он увлечен «Калялою и Димной».

Вслушав доносчиков, шах Хусрав созвал на совет дабиров, вазиров, мобедов и полководцев и стал вопрошать их:

— Трудное дело предстает всем нам, ибо идет сюда Бахром Чубина со своим грозным непобедимым войском. Я моложе всех вас, не знаю жизни, а потому могу ошибиться. Скажите же мне, умудрённые опытом, что нужно сделать, чтобы найти выход из опасного положения?

И сказал самый мудрый мобед:

— Тот, кто вращает в вечности небосвод, создал разум, а потом разделил его на четыре части. Половиной всего знания творец одарил владык, отдав им две части из четырех. Третья часть досталась благочестивым и набожным, а оставшаяся — верным и храбрым слугам царей, а также диканам. А неблагодарным, забывшим бога, таким, как Бахром Чубина, не досталось ума совсем. Вот потому шахиншах — мудрейший из всех людей — что задумает и как порешит, все будет разумно и справедливо.

— Великий смысл заключен в этих словах и потому следует золотом их написать, — сказал Хусрав. — Вот какова моя

мысль: когда сойдутся два войска, подъеду я на коне к противнику и громко вызову своевольного и бесчестного Бахрома. С ним стану я о мире говорить. Коль согласится он, то все обойдется добром; он станет опять верно служить нам. А если Бахром воспротивится, тогда мы станем с ним воевать.

Слова Хусрава приняли мобыды,
Желая шаху счастья и победы.
Они ему величье предрекли,
Назвали повелителем земли.

Хусрав Парвиз повел свое войско против Бахрома.

Бахром несся на быстроходном коне, привыкшем к открытым степным просторам. Вместе с ним мчались предводители правого и левого крыла его войска — Ялонсина и Хамдонгушасп — и еще несколько всадников, бывшие прежде в войске Хусрава. Остановили свой бег воители на берегу полноводного Нахравона.

С другой стороны реки подъехал Хусрав Парвиз на черном коне в золотой сбруе. Голову царя украшал венец, усыпанный жемчугом и рубинами, а плечи поверх железной кольчуги — золототканый плащ из тонкого китайского шелка. Окружали Хусрава богатыри Гурдуй, Биндуй, Густахм и вазир Хуррод Барзин. Иранцы были в броне с головы до ног и со щитами в руках. Воитель Гурдуй приходился братом Бахрому, но верно служил шаху Хусраву. Владыка, увидев на том берегу всадников, спросил у него:

— Который из них Бахром Чубина?

— Тот, высокий бронзовищий в белом плаще с черным шнурком для меча, — ответил Гурдуй.

— Коль стоит он в молчании, я первым начну разговор. Пословица есть одна: «Если осел не подходит к грузу, сам поднеси этот груз и взвали на его спину». Эй, горделивый и благочестивый муж! Что ищешь ты на ратном поле? Тебе пристало больше украшать дворцы царей, опорой быть венцов и тронов. На пиршествах владык ты мог бы светить им, как яркая свеча. В тебе я вижу сильного богатыря и мудрого воителя. Создатель щедр к тебе на благодать. Такого, как ты желал бы я видеть гостем в своем дворце, а не врагом в бою. Приди ко мне, я сделаю тебя военачальником иранской рати, и все склонят перед тобою головы.

Бахром:

— Счастлив и радостен я, ибо судьба мне принесла почет и славу. А тебе она не предвещает великих и справедливых

дел. Шах, подобный тебе, не может властвовать, и потому тебе я уготовил виселицу и аркан.

Хусрав:

— Эй, неблагодарный, не подобают такие слова тому, кто почитает бога! Не тебе судить, идет ли мне корона шахиншаха. Не забывай, что предки мои — цари. Кто более меня достоин трона и венца?

Бахром:

— Вот как заговорил ты, забыв стыд и честь. А начал ведь с того, что в гости пригласил меня. Начало новое, да конец старый. Тебе ли вспоминать потомственных царей? Ты — не мудрец и не отважный воин, а потому не можешь называться благородным шахом. Меня же прославляют все за мудрость и отвагу и желают видеть своим владыкой. И я не допущу, чтобы твой след остался на земле.

Хусрав:

— Нет разума в твоих бесстыдных словах, язык твой — враг твой. В сказанном потом раскаешься, но будет поздно. Не быть тебе владыкой венценосным, скорее сад взойдет в пустыне дикой. А грешные твои мечтания о троне тебя погубят.

Бахром:

— Отец твой был благочестивым шахом, он почитал религию и правил справедливо. Такого властелина ты не счел достойным трона, ибо не знал ему цены. С престола ты вероломно его низверг и без права присвоил себе его державу и венец. Однако тебе не подобает быть венценосным. Знай, что закатилось твое счастье, теперь я стану повелителем Ирана и отомщу тебе за ослепление Хурмузда.

Хусрав:

— Желаете ты в одеждах царских восседать на троне, а достанет ли у тебя богатства на саван, если смерть наступит? Нет у тебя ни благородных предков, ни дворцов, ни золота, и вместо разума — лишь ветер в голове. Ты хочешь в ход пустить коварство и обман, но с таким оружием ты не достигнешь славы и счастья венценосца.

Бахром:

— Прошло пять сотен лет с тех пор, как засияла на небе звезда Сасана, но теперь свет ее померк, а древо Сасанидов свалило сильным ветром. Настал черед других сидеть на троне. Счастье победы повернулось лицом ко мне.

Хусрав:

— Слова такие не скажет разумный муж. Видно, с нечистым дивом ты обручился. Ты пропадал в безвестности и темноте, пока отец мой, шах Хурмузд, не вывел тебя на свет и

не поставил водить в сражения отважных воинов. Тогда ты стал и знатным и благородным. Теперь же неблагоприятными делами своими ты являешь низкое свое происхождение.

Бахром:

— Ты заповедь творца переступил, нарушил данный ему обет и ослепил родного отца и шахиншаха. Такое преступление не скроешь ты от мира, а потому нет у тебя поборников, все отвернулись от тебя и ожидают твоего конца. Друзья твои с тобой лишь на словах, а на деле они твои враги, сердца их тянутся ко мне. Все знают, что я возглавил войско в час грозный для Ирана и спас страну от полчищ Совашаха. С тех пор блистает мое имя, озаренное светом венца, мечом завоевал я трон царя. А у тебя не оказалось ни силы, ни умения, чтоб отстоять свое владычество. Знай, кто не владеет искусством битвы, тот не удержится на троне.

Долго еще продолжалась та перепалка двух враждующих предводителей, осыпавших друг друга бранью. Наконец умолкли витязи и вернулись в свои шатры.

Два войска стояли друг от друга на расстоянии двух полётов стрелы, и потому воины обеих сторон могли обмениваться словами. Пока спокойно и тихо было в предверии сражений, родичи, прежние друзья, узнав друг друга через разделяющую их реку, тайно переходили ее и навещали, кого хотели. Но посещения эти вскоре стали явными. Тогда Бахром Чубина так сказал предводителям:

— Пусть воины рати моей, не скрываясь, ходят во вражеский стан и склоняют родичей и друзей, если таких найдут там, переходить на наш берег реки и вливаться в мою дружину. Но прежде нужно узнать, найдутся ли такие в войске Хусрава.

Поздно ночью в стан шаха проник умный и красноречивый лазутчик. По возвращении принес он Бахрому такую весть: многие из храбрых и именитых витязей перейдут на сторону Чубины, когда начнется сражение. Но до битвы не смогут они покинуть военный лагерь Хусрава. И еще советовали царские воители быть наготове, ибо Хусрав собирается выступить на рассвете. Это известие было самым важным из всего, о чём узнал расторопный и ловкий лазутчик. Бахром Чубина приказал повсюду разжечь костры, расставить дозорных и быть на чеку. Сам он принялся размышлять о том, как с успехом первому напасть на Хусрава, прежде, чем шах нападет на него.

И вот шесть тысяч самых отважных всадников с мечами и булавами под предводительством Бахрома еще до рассвета переправились через реку и напали на спящий лагерь Хусрава. Пошли в ход тяжелые палицы и острые стальные мечи. Воин-

ствующие крики наездников, ржание коней и стук копыт, звон палиц и лязг мечей оглушили едва проснувшихся иранцев, вызвали переполох и смятение в их стане. Из-за гор забрезжил рассвет, когда рать Хусрава оставила на поле битвы бездыханными несколько тысяч бойцов. Те, которые не полегли, в страхе бежали с кровавого ристалища. Витязи Бахрома и трое туранских богатырей искали повсюду Хусрава, а шах Ирана стоял на холме и со слезами смотрел на то, как гибла его дружина. Проклинал молодой царь юные годы свои и неопытность в битвах. Но вот вскочил он в седло, обнажил меч и крикнул тем, кто стоял рядом с ним:

— На помощь моим воителям! Всевышний не оставит меня без опоры и защиты!

С воинственным криком бросился шах Хусрав на войско Бахрома. Увидев его, к нему помчались трое туранцев. Один из них обрушил тяжелый меч Хусраву на голову. Но шах, подняв щит, отразил страшный удар и, успев выхватить меч, свалил на землю врага. От двух других туранцев Хусрав ускользнул и помчался догонять своих убегающих воинов.

— Стойте! Позорно показывать недругу спину! — закричал он. Но смятенные беглецы не вняли призыву Хусрава Парвиша. Шах остался на поле боя лишь с несколькими верными своими всадниками. Горестно сказал он, обращаясь к Биндую:

— Жаль, если буду убит в этом сражении, ибо нет у меня сына — наследника венца и трона.

— О благородный шах, бог не допустит твоей гибели, — поклонился ему Биндуй. — Коли войско покинуло битву, то и шаху не подобает здесь оставаться без всякой защиты.

Ответил шах «Биндуй и ты, Тухор!
Помчитесь на конях во весь опор,
Оставшихся моих бойцов возглавьте.
И по мосту на берег переправьте
Шатер, венец, серебряный кошель,
Парчу, сокровища моих земель,
Возьмите шахский мой престол с собою
И все, что есть на этом поле боя»

Биндуй и Тухор умчались спасать остатки рати и богатства шаха Хусрава.

Лишь только скрылись они с глаз властелина, с другой стороны появилось знамя с изображением дракона: то с отрядом воинов мчался на коне Бахром Чубина со стягом в одной руке и палицей в другой. Шах не внял словам своих приближенных,

не стал бегством спасать свою жизнь, а поднял над головой булаву, ожидая приближения соперника. Бахром Чубина вихрем налетел на Хусрава, и два именитых наездника столкнулись в сражении словно боевые слоны. Бились они до захода солнца, и никому не давалась победа в том жестоком единоборстве. Но вот донесли до Хусрава слова Тухора, вернувшегося из военного лагеря шаха: «Спасены шатер, трон и сокровища властелина». И тут, ощутив усталость от битвы, он попросил передышки у Бахрома и обратился к Густахму.

— Вижу, осталось нас только десять, а врагов — не счесть, и нет надежды на помощь. Отступим, забыв о славе, чтобы спасти наши головы. После, набравшись силы, мы отомстим врагу за позор.

Молодой шах направил коня к мосту через реку Нахравон. Бахром Чубина, пылая ненавистью и злобой, помчался вслед за убегающим шахом. Понял Хусрав, что не спастись ему бегством от распалённого гневом Бахрома, и остановил коня на мосту. Витязь Густахм подал царю лук со стрелами, и Хусрав стал пускать их одну за другой в преследователей своих. Искусному метанию стрел юный шах был обучен с детства, и потому каждая его стрела попадала в цель, сваливая с коней воителей Бахрома. Подоспел к мосту сам Чубина и тоже натянул тетиву огромного своего лука. Но тут конь его, не покрытый кольчугой, пал, сраженный стрелой Хусрава. Бахром Чубина поднял над головой щит, и витязь Ялонсина подвел к нему другого коня, но Бахром уже не надеялся ни убить Хусрава, ни пленить и отступил.

Тогда Хусрав разрушил мост через реку Нахравон и помчался в свою столицу. Печальный прибыл шах в Тайсафун, боль раздирала ему сердце, а из глаз лились кровавые слезы. Велел он замкнуть на железный запор шахристан и погрузился в тяжкие размышления о дальнейшей своей судьбе.

После разгрома дружины шахиншаха Хусрава войско Бахрома пошло дальше на запад Ирана, завоевывая один за другим города и крепости. Так приблизилось оно к самой столице. Все жители ее поняли, что захват Тайсафуна Бахромом Чубиной дело решенное. Великая держава Сасанидов — владыка многих стран и народов — до сих пор еще не подвергалась такой страшной опасности, грозящей ей гибелью.

Хусрав Парвиз в Тайсафуне проводил печальные дни вместе с дряхлым и немощным своим отцом Хурмуздом. Признался он ему, что хочет идти в Арабистан и просить помощи у арабских эмиров. Но слепой отец Хусрава, давно живший вдали от людей, не советовал сыну делать этого.

Хурмузд сказал: «Там не найдешь защиты,
Опоры у арабов не ищи ты
Что могут дать Аравии сыны?
Нет войска там, оружия и казны
На тех людей надеяться напрасно:
Беспорной выгоды не видя ясно,
Обиженными вдруг себя сочтут,
Они тебя Бахрому продадут».

— Лучше ступай за помощью в Рум,— сказал в конце престарелый Хурмузд.— Румский кесарь богат и имеет сильное войско С нами одной он веры и тоже ведет род от славного Фаридуна.

Хусрав внял совету отца и велел Биндую, Гурдую и Густахму готовиться к походу в Рум. Верные полководцы приступили к военным сборам, но тут дозорные крепости Тайсафуна донесли царю, что на востоке небо заволокло тёмной тучей. Это поднялась вверх густая пыль со степной дороги. Шахиншах поднялся на стену и посмотрел вдаль. Вскоре увидел он ряды военного войска, над которым развевалось уже знакомое знамя с изображением дракона. Сомнений не было — то Бахром Чубина приближался к воротам города Тайсафун. Хусрав быстро спустился вниз, вскочил в седло и помчался из города прочь. За ним последовали Гурдуй, Биндуй, Густахм и другие военачальники. На скаку время от времени шах оглядывался назад и тогда казалось ему, что чёрный дракон на знамени разверзает пасть, чтоб поглотить его.

Богатыри Густахм и Биндуй так свирепо не гнали своих коней и потому отстали от шаха. Хусрав заподозрил в этом недоброе.

«Презренные мужи! — вскричал Хусрав,—
Друзьями, что ли, вы сочли врагов?
А нет — зачем вы топчетесь на месте?
Иль вражеской вы не боитесь мести?
Иль вам отрадней, чем скакать со мной,
Бахрома чують за своей спиной?»

Биндуй подъехал вплотную к Хусраву и сказал в ответ:

— О владыка, забудь свой гнев на Бахрома, пока он от нас далеко, и поразмысли спокойно. Мы не торопимся умчаться вперед, чтоб удержать тебя вблизи от столицы, иначе туда ворвется Бахром, отдаст Хурмузду венец и трон, а сам станет вазиром шаха. Сумеет Бахром Чубина убедить Хурмузда и кесаря Рума, что ты, оправившись от поражения, будешь опасен

каждому из них. И тогда Хурмузд попросит кесаря Рума, чтоб тебе не давал он приюта, а схватил бы, связал и приволок во дворец шахиншаха.

Слова эти тяжким грузом легли на сердце Хусрава, и он, тяжело вздохнув, промолвил:

— Что суждено мне, то меня не минует. Сколько ни думай, судьбу не изменишь.

И, прищпорив коня, помчался вперед еще быстрее.

Когда Хусрав скрылся с глаз Густахма и Биндуа, те повернули назад и, выбрав другую сторону, заспешили ко дворцу престарелого шаха. Слепой Хурмузд уединенно пребывал в покоях своих. Нечестивцы подошли к нему неслышно и задушили тетивой, вытянутой из лука. Так же тихо покинули они дворец и воротились к Хусраву.

Тем временем Бахром Чубина, достигнув столицы Ирана, поручил преследовать молодого шаха витязю по имени Бахром, сыну Сиавуша.

Хусрав, увидев пожелтевшие лица нагнавших его Густахма и Биндуа, почувал недоброе, но решил скрыть свои подозрения.

— Теперь мы свернем с широкой дороги и дальше пойдем пустыней,— сказал он немного спустя своим спутникам.

Недолго блуждая, достигли усталые путники храма христиан, окруженного высокой каменной стеной. У служителей его беглецы попросили еды и питья. Те предложили им то, чем питались сами: овощи, лепешки ячменные и душистые травы. Перед едой иранцы совершили зороастрийский свой обряд: взяв в руки прутики граната, немного постояли молча. Затем все сели на песок и стали есть. Поев священной христианской пищи, они спросили красного вина. Им принесли напиток из фиников. Хусрав выпил три чаши и сразу захмелел, ибо ячменная лепешка сытости не принесла ему. Положил шах голову на твердые колени Биндуа и заснул. Но скоро разбудил его тревожный голос священника:

— Черная пыль клубится на дороге, видно, идет сюда большая дружина.

Истомленный Хусрав в отчаянии решил отдать себя во власть судьбы. Но тут сказал Биндуй:

«Властитель! Выход для тебя найду я,—
Чтобы тебя из рук врага спасти,
Себя я должен в жертву принести».

Не поверил его словам Хусрав и сказал с усмешкой:

— Некий мудрец сказал: «Когда рушится стена города, укрывающие ее башенки не уцелеют. А если разрушена внешняя

стена — шахристан, то и внутренняя — бемористан — тоже падет». Ты говоришь, что знаешь средство спасения. Ну так при-мени его!

— Дай мне венец свой и пояс, сними драгоценные серьги и золототканый плащ, а затем вместе с дружиной спешу покинуть храм.

Послушался юный шах Биндуй и пустился в путь.

Биндуй велел всем тем, кто с ним остался, уйти и спрятаться в горах, а сам уединился в христианском храме и запер за собой железные ворота. Вскоре одетый в царские одежды и с венцом на голове Биндуй взошел на крышу молельни. Оттуда увидел он, как приближается со всех сторон войско Бахрома Сиавуша. Подойдя вплотную к храму, заметили воины на крыше человека в золототканном плаще и царственном венце и приняли его за шаха Ирана. После этого хитрец Биндуй спустился вниз, переменял одежды и снова взошел на крышу. Оттуда крикнул он пришедшим:

— Эй, воины, скажите, кто ваш предводитель? Великий шахиншах велел передать ему свое послание.

Бахром Сиавуш выступил вперед и назвался. Тогда Биндуй сказал:

— Шах Хурмузд остановился в этом храме с пятью своими приближенными. Все мы, спасаясь от твоей погони, в долгой дороге притомились и до утра не сможем выступить в поход. Но на рассвете, после сна, мы выйдем из молельни и, отрешившись от всего земного, покорно вместе с тобой отправимся к Бахрому Чубине. Владыка надеется, что ты исполнишь его желание, ибо таков обычай наших предков: соблюдая благочестие, внимать просьбам пленников своих.

Предводитель не мог нарушить заповеди веры иранцев и приказал дружинам остановиться и подождать рассвета. За это время шах Хусрав успел умчаться далеко от того места.

На следующее утро воины Бахрома Сиавуша, уставшие в походе, проснулись поздно, а проснувшись, не торопились беспокоить пленников. Когда солнце уже стояло высоко над головой, Биндуй опять взошел на крышу храма и оттуда окликнул Бахрома Сиавуша:

— Властитель наш не спал всю ночь, молился и просил всевышнего о помощи. Силы не вернулись еще к нему, потому он хочет и сегодня отдохнуть. Желает шах на завтра отложить прискорбный для него поход.

Бахром, потомок благородного Сиавуша, подумал и так сказал начальникам отрядов:

— Дело наше и легкое и трудное в одно и то же время.

Но нужно ждать, другого исхода нет у нас. Если станем Хусрава торопить, он рассердится и вступит с нами в бой. А он отважен и воинствен, сможет один сразиться с целой ратью. Вдруг будет он убит в сражении, тогда не миновать нам гнева Бахрома Чубины. Пусть лучше Хусрав поедет с нами по доброй воле. Правда, у нас осталось не много припасов, но это не беда, станем довольствоваться малым и еще сегодня здесь стоим.

Начальники отрядов согласились с полководцем. Так хитрый Биндуй две ночи и один день обманом удерживал Бахрома Сиавуша и его дружину от погони за шахом и спас тем самым своего племянника и повелителя от плена. Знал витязь Биндуй, что шах Хусрав уже был далеко и что теперь преследователи не догонят его. Поэтому он счел ненужным дальше продолжать игру.

Биндуй на крышу вышел, начал речь:
«О предводитель, чей прославлен меч!
Едва твои отряды в степь вступили,
Едва Хусрав увидел тучу пыли,
Он сел в седло и молнии быстрей
Умчался в Рум с дружиною своей.
Опередите сокола в полете,—
Но только в Руме шаха вы найдете.
Давно он в той стране, на той земле,
И нет заботы на его челе»

Проговорив эти слова, храбрый Биндуй прибавил:

— Теперь я к вам спущусь, если опасность не угрожает мне, и отвечу на всё, о чем вы спросите меня. Иначе надену доспехи и стану драться.

Выслушав Биндуя, Бахром горестно обхватил голову руками, а потом вымолвил сподвижникам:

— Что проку, если я убью коварного обманщика? Лучше отвезу его Бахрому Чубине, пусть мудрый иранец расскажет ему всё, что знает о замыслах Хусрава.

Пленив Биндуя, войско Бахрома Сиавуша вернулось в Тайсафун. Как только Чубина услышал о бегстве Хусрава, он гневно закричал на своего посланца:

— Несчастный, напрасно я поручил тебе такое дело, не зная, что ты лишен ума и ловкости воителя!

Потом обрушил он свой гнев на Биндуя:

— Эй, хитрый обманщик, ты опутал ложью воинов моих и дал ускользнуть злосчастному Хусраву — нашему кровному врагу!

— О гордый витязь,— отвечал ему Биндуй,— зачем негодовать напрасно? Ты лучше выслушай меня и рассуди, а не брани. Ведь шах — мой родич, и на мне его величие и благородство. Мне должно было жизни не пожалеть, чтобы спасти его. Поэтому так поступил я. Будь ты высокороден, ты оценил бы мой поступок и похвалил бы мою самоотверженность.

— За эту вину не стану я тебя казнить, но вскоре ты примешь смерть от самого Хусрава, ради которого готов был жертвовать собой,— сказал Биндую Чубина, а после велел Бахрому Сиавушу бросить его в темницу.

На другой день на площади перед дворцом правителя Ирана по приказу Бахрома Чубины собрались все знатные и именитые. Сам он сел на золотой трон и во всеуслышание обвинил Хусрава в убийстве своего отца. И потому, заявил он, недостоин Хусрав называться царем.

— Скажите, кто самый честный и справедливый из рода шахов достоин трона Ирана? Клянусь всевышним, я сам надею на голову его венец царский и буду верно служить ему своим мечом! — были слова Бахрома Чубины.

Выслушали именитая знать и воины храброго полководца и молвили:

«Непобедимый, обратил ты вспять
Туранскую губительную рать,
Освободил ты землю от страданий,
И люди успокоились в Иране.
Твоя благословенная стрела
Избавила отечество от зла,
И ты теперь достоин шахской власти,
Светло твое недремлющее счастье»

Возложили Бахрому Чубине венец на голову, и сел он на шахский трон. Однако прошло немного времени, и он вновь встретился с Хусравом Парвизом на поле брани.

Шах вместе с дядей своим Густахмом, вазиром Хурродом Барзином и дружиной под водительством испытанных воителей Шопура, Болуя, Тухора и Андиёна после долгих переходов и стоянок пересекли границу Рума и остановились у города Варег. Там с почетом встретили бежавшего правителя Ирана. Вместе со спутниками своими и воинами расположился Хусрав Парвиз в одном из роскошных дворцов. Вскоре из столицы Рума прибыл к нему гонец от кесаря с посланием. После приветствия спрашивал властитель страны о цели прибытия к нему шаха Ирана. Хусрав отправил кесарю ответное письмо, в котором описал он свое бедственное положение и просил защиты

от безродного смутьяна, нечестивого раба, посягнувшего на священный престол кеянский. В конце Хусрав просил правителя Рума, как брата, помочь ему свергнуть узурпатора и восстановить его право законного владыки трона. Так, между Хусравом Парвизом и кесарем Рума завязалась долгая переписка. Вазир Хуррод Барзин, знатные витязи Густахм, Болуй и Шопур много раз ездили ко дворцу кесаря и обратно к Хусраву, перевозя послания властелинов. Наконец Хусрав добился своей цели: кесарь Рума согласился дать ему под начало свое войско для похода в Иран. Но за это потребовал он возвращения Руму тридцати девяти городов и крепостей, некогда захваченных предками Хусрава. Шаху ничего не оставалось, как принять такое условие.

Кесарь был очень доволен, что пришел конец прежним раздорам и вражде с соседним Ираном и выразил желание породниться с шахом, предлагая ему в жены дочь свою Марию. Так решил он укрепить свой союз с Хусравом.

Благоприятному концу переговоров с кесарем Хусрав обязан был мудрости и красноречию Хуррода Барзина. Высокими этими качествами вызвал вазир Хусрава восхищение всех румийцев, а также благосклонность и расположение самого кесаря. Вот как оценил он непревзойденную образованность Хуррода в обращенных к нему словах: «Всевышний создатель наш сотворил тебя благороднейшим из благородных, а нам, рабам твоим, даровал он счастье слышать из уст твоих самые правдивые и мудрые слова. Лишь ты один владеешь ключами от дверей, открыв которые, мы попадаем в сокровищницу знаний».

Дошел до нас рассказ о том, как кесарь испытывал знания иранских послов.

На площади перед дворцом на возвышении сидела юная красавица и горько плакала, не говоря ни слова. Лишь поднимала руку к глазам и вытирала капающие слезы. Вокруг нее сидели молчаливо и неподвижно невольники и слуги. Сначала кесарь позвал Густахма и сказал:

— Взгляни на дочь мою, такую прекрасную и нежную. Я отдал ее в жены знатному воителю, но он внезапно скончался от недуга. С тех пор царица оплакивает смерть ушедшего супруга, не слушает моих советов и утешений и не говорит ни слова. Тяжело и больно мне видеть ее страдания. Прошу тебя, развежь ее печаль беседой. Может быть приятен ей будет разговор со знатным молодым и приятным гостем, и она послушает тебя и исцелится от тоски.

Густахм приблизился к молчавшей царице, полный желания исполнить просьбу царя. Дал он много красноречивых со-

ветов не сетовать на злую судьбу, ибо ни люди, ни звери не избегнут смерти. Но все его слова были напрасны: красавица оставалась все в том же положении и продолжала вытирать слезы. Пораженный Густахм обратился к кесарю:

— Мне жаль, но все мои усилия не возымели действия.

Такими же безуспешными были старания Болуя, Шапура и Андийёна. Никто из них не смог заставить царевну заговорить.

И вот обратился кесарь к Хурроду Барзину: может быть ему удастся услышать голос тоскующей царевны?

Хуррод приблизился к красавице и произнес слова приветствия, однако, ответа не услышал. Тогда внимательно он оглядел царевну с головы до ног, взглянул на слуг её и погрузился в размышления: «Если женщина от горя не чувствует ничего и не внимает советам, то почему так молчаливы и безучастны слуги? Если она так долго плачет, то почему ее печаль не убывает, а остается такой же, как в начале? Странно, что она не движется ни вправо, ни влево, и слёзы капают ей на грудь в одно и то же место. Поднимает царевна только одну руку и двигает при этом одним только бедром. Живая женщина не может так долго пребывать в молчанье и неподвижности, а поднимая руку,— не двигаться всем телом». Хуррод Барзин подошел к царю и сказал с улыбкой:

— Решил ты на смех поднять послов Хусрава и показал нам под видом царевны статую, сделанную руками умельца.

Кесарь Рума, довольный исходом испытания, промолвил:

— Теперь я вижу, что ты достоин быть первым вазиром шахиншаха, ибо владеешь сметливым умом. Желая показать тебе другое чудо, сотворенное румийцами.

Кесарь повел Хуррода Барзина в сводчатый чертог, с высокого купола которого свисал огромный всадник в военном снаряжении.

— Что ты скажешь об этом? — спросил владыка у вазира. Хуррод ответил:

— Чуда здесь нет. И конь, и всадник, и его оружие — все это отлито из железа. А купол чертога сделан из камня, который в индийских книгах назван магнитом. Магнит притягивает к себе железо. Вот почему удерживается в воздухе огромный железный воин на коне с луком в руке и колчаном, полным стрел.

Теперь кесарь был чрезмерно поражен учености иранского вазира.

Хусрав Парвиз взял в жены дочь кесаря Марию по христианскому обряду и получил также от него семидесятитысячное

войско. Вскоре он отправился в военный поход против Бахрома Чубины.

Вступили воины в Азербайджан и по приказу предводителя разбили лагерь в пустыне Дук. Хусрав пробыл на той стоянке не долго. Затем, вручив войско полководцу Ниятусу, который доводился братом кесарю и предводительствовал войском румийским, взял небольшой отряд иранских воинов и пошел в Армениянстан, в ту область, где стояла дружина полководца по имени Мусаль. Войско стояло в открытой степи, и армянин Мусаль сразу заметил вдали клубящуюся пыль. Он догадался, что это воины Хусрава, и потому поехал навстречу шаху, взяв лишь одного наездника. Увидев двух всадников, Хусрав послал вперед Густахма и велел узнать, кто они и почему несутся им навстречу. Густахм, пристально всматриваясь вдаль, вдруг радостно воскликнул:

— О владыка, сдается мне, что на пегом коне скачет мой брат Биндуй.

— Что я слышу? — воскликнул изумленный Хусрав. — Живой Биндуй должен томиться в тюрьме, а если он убит, то тело его должно болтаться на виселице.

— Взгляни получше, шах, и ты увидишь сам, что этот всадник — твой дядя, — настаивал Густахм. — Готов поклясться в том я головой.

Но вот наездники уже подъехали к Хусраву, спешили и поклонились. Тут узнал он в спутнике Мусалья самого Биндюя.

— Не думал я, что доведется мне тебя увидеть, — промолвил шах.

Биндуй поведал о том, как удалось ему освободиться из плена. Пробыв семьдесят долгих дней в тюрьме, хитрый царедворец вновь обманул Бахрома Сиавуша. Он убедил его, что царствование Бахрома Чубины не прочно, не продержится он и двух месяцев. Настанет время, когда придет Хусрав Парвиз и с помощью румийской рати свергнет самозванца. Тогда не сдобровать Бахрому Сиавушу, ибо Хусрав казнит его за верность Чубине. Сын Сиавуша проникся верой в слова Биндюя и утратил страх перед грядущим. Сказал он пленнику: «Обещай, что замолвишь слово за меня перед Хусравом, и я исполню все, что ты велишь мне». Биндуй ответил: «Сначала вели освободить меня от пут». Затем взял он в руки священную «Авесту» и поклялся: «Пусть на меня обрушатся невзгоды и страдания, если не выпрошу я для тебя у шахиншаха венец и перстень властителя». Освобождая Биндюя из темницы, Бахром сказал ему: «Я знаю, как доказать верность шаху Хусраву. Во время игры в чавган убью я Бахрома Чубину отравленным клинком».

И вот, исполняя задуманное, он надел кольчугу под черную кабу и поскакал на поле, где ратники играли в чавган. Однако верный человек оповестил Бахрома Чубину, что кто-то приехал на игрище в кольчуге под кабой и замышляет его убить. Пусть полководец будет осторожен. Когда собрались воины на поле, чтобы начать игру, их предводитель каждого похлопал по спине, чтоб обнаружить кольчугу под кабой. Вот очередь дошла до сына Сиавуша. Нашупал Чубина железо под его плащем. Вскричал он: «Змея, зачем явился ты в кольчуге на поле, где играют в чавган, а не сражаются с врагом?» И безжалостно разрубил он мечом Бахрома Сиавуша. Узнав, что спаситель его убит, Биндуй покинул город и умчался по дороге, ведущей в Ардабил. Там он предстал перед Мусалем, зная, что тот сторонник шаха Хусрава.

В сопровождении Мусалья и его дружины владыка поехал обратно в пустыню Дук. Военный стан иранцев с ликованием встретил своего шаха. Хусрав, увидев стремление воинов к сраженьям, отправил послов к правителям ближайших областей, призвав их примкнуть к нему с дружинами. На призыв его откликнулись хаким Систана и многие другие князья.

Бахрому Чубине известно стало, что в пустыне Дук собралось большое войско, преданное шаху Хусраву. Он был обеспокоен этим и отправил письма Густахму, Биндую, брату своему Гурдую, а также Шопуру и Андиёну, обещая этим родовитым витязям, служившим юному Хусраву, награды и почётные места, если отвернутся они от Сасанидов и встанут на его сторону. «Не доверяйтесь Сасанидам, ибо не найдете рубинов на красной иве», — были его слова.

Знатный военачальник по имени Доропанох под видом торговца повез дары и письма Бахрома Чубины в военный лагерь Хусрава. Увидев, как многочисленно и сильно войско шаха, впал он в сомнение, и подумалось ему: «Победа на этот раз будет за Хусравом, разобьет он Бахрома Чубину. Лучше я вручу его послания владыке вместе с дарами на тридцати верблюдах».

Шах похвалил изменника Доропаноха и высмеял при нём деяние Бахрома. Потом велел писцу составить ему послание от имени тех именитых витязей, к которым он обращался:

«Твое письмо, о гордый муж войны,
Пришло, как дуновение весны.
Веди дружины — мы тебе поможем,
В бою мы всех румийцев уничтожим
Мы ждем тебя, покорностью дыша:
С Хусравом — наш язык, с тобой — душа.

Тебя Хусрав презренный устрашится
И побежит в день битвы, как лисица,
Когда увидит воинство твое,
Величье и достоинство твое».

Шах щедро наградил Доропаноха, и тот доставил Бахрому Чубине «ответ иранских богатырей». Прочтя послание, вонитель не заподозрил подвоха, разум его молчал и не забилося в тревоге сердце. Внял он призыву витязей Хусрава и двинул войско свое в Азербайджан.

Две рати сошлись лицом к лицу в пустыне Дук. Поставив в сердце войска Ялонсину, Бахром решил посмотреть, как выстроились правое и левое крыло.

Хусрав вместе с Биндуюем, Ниятусом и Густахмом стоял на высоком зеленом холме и наблюдал как готовится к бою его войско.

Вот вышли на битву богатыри с каждой стороны. К Хусраву примчался предводитель войска Кут, разгоряченный предстоящим сражением. Спросил он шаха взволнованно:

— О властитель, укажи мне, где тот дерзкий раб — отродье дивов, который победил тебя в Иране и вынудил бежать? В этой битве хочу я испытать его отвагу и искусство ратоборца.

Слова румийца напомнили царю, что он был побежден рабом, и боль пронзила сердце Хусрава, снова ощутившего стыд за позорное поражение свое у реки Нахравон. Ответил он Куту, скрывая свое волнение:

— Скачи вон к тому всаднику, что на пегом коне. Пусть устрашится он стального твоего меча. Но только, смотри, не побеги обратно, чтобы потом не кусать губы от срама.

Кут помчался на поле брани с копьём в руке. Ялонсина, увидев его, крикнул Бахрому Чубине:

— Эй, витязь, берегись! Румийский див, что опьяненный слон, несется на тебя!

Вынув из ножен клинок, Бахром стоял и ждал, когда приблизится румийский полководец. Кут налетел, как водяной поток, и сразу метнул копьё в Бахрому, но удар был отражен щитом. Надвинув пониже шлем и пришпорив коня, Бахром подъехал к противнику и обрушил на голову его свой меч. Рассек он Кута до самого седла.

Увидев с вершины горы, чем кончилась эта схватка, Хусрав рассмеялся невольно. Ниятус прищурил глаза и недовольно сказал:

— Эй, шах, на войне смеяться грешно. Или ты воюешь шутя? Военачальник Кут был самым сильным и самым храбрым в целом Руме, а ты смеешься тому, что пал он на поле брани.

Хусрав ответил:

— Не тому смеюсь я, что Кут погиб, а тому, что рок карает насмешников. Кут напомнил мне бегство мое от раба и заплатился за это жизнью. Ты, Ниятус, видел сейчас, каков удар меча Бахрома Чубины, и знай теперь, что в бегстве моем от него нет позора.

Тело Кута по приказу Бахрома привязали к седлу, а коня отпустили обратно к румийцам. Хусрав велел посыпать мускус на рану убитого, а потом тело его завернуть в карбос, облачить в кольчугу и отослать кесарю. Пусть увидит румийский царь, как разит врагов восставший против шаха раб. Тогда он поймёт, что не был унижен шах, когда бежал от такого воителя.

Пали духом румийцы при виде обезображенного тела богатыря Кута. А Чубина воспользовался их смятением и ринулся в бой с десятью тысячами всадников. Напали мятежники на румийцев и стали теснить их, не зная жалости и преград. От жестоких и сильных ударов мечей и палиц пало несколько тысяч румийских воинов, а оставшиеся в живых обратились в бегство.

Горой высокой сделалась лощина,
Когда собрали мертвых воедино.
Хусрав смотрел на них с тоской в очах
Отчаялся в победе шахиншах.
Так Ниятусу молвил он в унынье:
«Бахром победу торжествует ныне.
Когда румийцы будут каждый раз
Сражаться, как сражаются сейчас,
То знай румийское погибнет войско,—
Его оружие сделано из воска!
Румийцы завтра отдохнуть должны:
Пусть вступят в бой иранские сыны».

На другое утро Бахром Чубина не увидел румийцев на ратном поле и удивился: против него стояли стройные ряды иранских воинов. На спине белого слона подъехал он к правому крылу войска Хусрава и, неожиданно увидев Шопура, крикнул:

— Эй, лицемер, разве не обещал ты в письме, что станешь на мою сторону? Видно, нарушать договор в обычае царей и высокородных! Теперь ты обрек себя на бесполезную гибель.

Шопур изумился, услышав эти слова:

— Презренный, о каком письме говоришь ты здесь перед всеми знатными витязями? Такого не было и в помине!

Хусрав заметил Шопуру:

— Придет время, и я открою тебе эту тайну. А сейчас пусть не гнетут тебя недобрые мысли.

Бахром Чубина услышал слова Хусрава и догадался о его коварстве. Устыдился он неразумности своей, что позволил провести себя. В ярости один, на слоне бросился Чубина в самое сердце войска Хусрава. Иранские лучники осыпали его дождем остроконечных стрел. Хобот боевого слона кровоточил от нанесенных ран. Бахром прыгнул, надел шлем и вскочил на коня. Но конь его пал под ним, утыканный стрелами, и Бахрому пришлось спешиться снова. Подобрал подол длинной кольчуги, он заткнул ее за пояс, взял щит и бросился на пеших иранцев. Острый меч Чубины разил врагов справа и слева. Побросали они луки со стрелами и пустились бежать. Тут воины подвели Бахрому другого коня. Полководец вскочил в седло и с криком помчался на передние ряды иранцев под началом самого Хусрава. Разметав центр вражеской рати, Бахром помчался дальше, к правому ее крылу. Там увидел он своего брата Гурдую. Не протянули навстречу братья руки, а, натянув тетиву, принялись метать друг в друга стрелы. Крикнул Бахром Чубина Гурдую:

— Неужто отрекся ты от отца и вышел на бой с родным братом?

— А ты, дикий волк, вышедший на добычу, разве не слышал старую притчу: «Если братья они, то пусть живут в дружбе, а если стали врагами, то пусть дерутся, не жалея жизни». Но мне известно, что лишь брат без совести и чести пойдет на брата.

Эти слова мог бы Бахром Чубина отнести и на счет Гурдуя, однако, он промолчал и ускакал обратно, отказавшись от битвы.

Объяла тревога Хусрава, поделился он ею с Густахмом:

— Если румийцы выступят против Бахрома и разобьют его, то станут кичиться победой и унижать иранцев. Не потерплю я такого, а потому лучше сам встану во главе малой своей дружины и двину ее на войско Бахрома. Ни от кого не желаю я помощи и уповать стану только на бога.

-- О владыка,— сказал Густахм.— Таким поступком ты ввергаешь себя в опасность. Должно тебе взять с собой богатырей, которые придут на помощь тебе в бою и защитят от лютого врага.

Внял молодой Хусрав мудрому совету Густахма и приказал воителю проникнуть в гущу войска и узнать, кто предан шаху всей душой. Густахм помчался исполнять приказ и вскоре вы-

брал тринадцать сильных и отважных богатырей, среди которых были именитые воители Шопур, Биндуй, Гурдуй, Андиён и он сам. Могучий тот отряд богатырей Густахм привел к владыке. Воспрял духом Хусрав. Встал он во главе того отряда и вышел на поле битвы.

Бахром, увидев их с высокого холма, сказал Ялонсине:

— Воинственный Хусрав привел с собой лишь небольшой отряд, желая показать, как он отважен и бесстрашен. Покажем и мы ему свою отвагу и мужество. Их десять с небольшим, на них мы выйдем вчетвером, и этого с них хватит.

С тремя отважными богатырями выехал Бахром на поле битвы. Шах обратился к сподвижникам своим:

— Мятежник Чубина стоит передо мною на ратном поле. С ним трое богатырей, а нас четырнадцать, и потому молитесь бога, чтобы они нас не разбили.

Бахром Чубина, мчащийся впереди своих богатырей, подобен был диву, разорвавшему путы. Со сверкающим, как алмаз, мечом несся он на дружину Хусрава. Защитники шаха не выдержали лвиного того натиска и обратились в бегство. Хусрав остался один и волей-неволей должен был отступить. Бахром Чубина пустился его преследовать вместе с двумя другими всадниками. Шах Хусрав убежал, а Бахром Чубина мчался за ним по пятам.

Впереди возвышалась крутая гора, а у ее подножия оказался вход в неведомую пещеру. Не размышляя, Хусрав соскочил с коня и устремился в нее, ибо преследователи уже были у него за спиной. Бахром Чубина, подъехав, увидел, что вход в пещеру узок и тесен. Углубляться туда было опасно: Хусрав мог легко перебить их по одному мечом или палицей. А вдали уже показались иранские всадники, которые спешили на помощь Хусраву, и было их много. Бахром и его сподвижники поневоле повернули назад.

Иранские воины повсюду искали шаха, обыскали в окрестности все горы и пещеры, но все было напрасно. С этой печальной вестью вернулись всадники в стан иранского войска на вершину холма. Стала рыдать и стенать царица Мария, молодая супруга Хусрава, пребывавали в горе и все воители, ибо не было больше сомнения, что шаха среди живых уже нет. Вдруг неожиданно его увидели на вершине соседней горы. Был он спокоен и весел. Возликовали простые воины и знатные, и царица Мария избавилась от печали.

Вернулся шах в военный стан и рассказал о чудесном своем спасении, когда остался он без помощи в неведомой пещере:

— Плачевно было мое положение, и уже я прощался с

жизнью. Но вдруг явился мне во тьме пещеры светлый старец в зеленом одеянии и на белом коне. Приблизился ко мне посланец неба, взял за руку и поднял над землей. Так вынес он меня на гору. Я его спросил: «Кто ты, мой благодетель?» «Я добрый ангел, зовут меня Суруш. Будь скромным и благочестивым и станешь властелином мира»,— так ответил он и исчез.

Изумились иранцы и румийцы услышанному и низко склонились перед шахом Хусравом. Поклялись они до конца биться за властелина, которому сам Суруш предсказал победу и царскую власть.

Теперь, преисполненные решимости, два войска спустились с горы и двинулись на мятежников. Бахром Чубина тоже повел свою рать в сражение, ибо не было у него другого пути. Вновь разыгралась война.

Горой могучей двинулись войска.
Мир почернел от пыли и песка

Натянул тетиву Бахром Чубина и выпустил стрелу, целясь в поясицу Хусрава. Но стрела его вонзилась в щит венценосца. К нему подбежал спешно воин и вытащил стрелу. Тогда Бахром метнул палицу, но рассекла ее надвое булава Хусрава. В гневе шах рванулся с места и обрушил на Чубину тяжелый свой меч. Разрубил меч шаха железный шлем Бахрома, однако, и сам разлетелся на куски от такого удара.

Увидели иранцы и румийцы смелую схватку шаха и бросились вперед, обнажив мечи. Внезапный тот натиск не выдержали воины Бахрома Чубины, и распались ряды его войска: центр был смят, а фланги разорваны.

Понял Бахром, что уже не будет ему удачи, и потемнел свет в его глазах. А Хусрав, уверовав в свою победу, смело крушил вражеское войско. Тут подъехал к шаху Биндуй и сказал:

— Огромна рать Бахрома. Как саранча, заполнила она степи, горы и долины. Но несмотря на это Чубине не видать победы, и потому не стоит напрасно проливать кровь. Пусть ратники его придут с повинной к тебе и просят пощады.

— Тот, кто бросит оружие и предпочтет плен смерти, тот для меня больше не враг,— ответил Хусрав.

Наступила ночь, и умолк шум битвы. Биндуй пустился в путь вместе с глашатаем. Остановились они вблизи стана врага, и Биндуй велел ему прокричать: «Мятежники, сдавайтесь шаху, и он простит ваш грех, всем даруя жизнь!» В ту ночь глашатай объехал весь лагерь Бахрома и повсюду выкрикивал эти слова.

Утром Бахром Чубина, узнав, что часть войска бежала из

лагеря, понял, что закатилась звезда его удачи. Сказал он тем, кто не покинул его:

— Мне остается только бежать.

Велел он привести три тысячи верблюдов. На них поспешно погрузили все снаряжение и военную добычу: украшения из драгоценных камней, одежды пышные, ковры, трон из слоновой кости и золотой венец.

Прошло некоторое время, и хакан Чина призвал на службу Бахрома Чубину, решив, что как искусный полководец и отважный воин он сможет пригодиться ему в грядущей войне с Ираном. Так и случилось: возглавил Бахром войско Чина в военном походе на Иран. Дошел он до Джайхуна и остановился в городе Мерв, где был зарезан подосланным Хурродом Барзином убийцей по имени Кулун.

Нападение на Иран Саада Ваккоса

По велению арабского халифа Умара его полководец Саад Ваккос ринулся на Иран. Правящий в то время Ираном шах Яздигирд послал против завоевателя войско под водительством витязя царского рода Рустама Хурмузда.

Две рати столкнулись в Кодисие и положили начало долгой войне которая длилась тридцать месяцев. Много полегло воинов на полях сражений.

Рассказывают, что Рустам Хурмузд был не только храбрым воином и искусным полководцем, но и ученым-звездочетом. Когда арабы стали побеждать иранцев, решил он по расположению небесных светил узнать, что сулят они шаху Яздигирду и иранскому войску в этой войне. Увидел Рустам, что Меркурий находится рядом с Сатурном в созвездии Близнецов. Такое положение планет всегда предвещало несчастье. Понял он, что не одолеть им воинственных арабов, и охватило его отчаяние. Исполненный глубокой печали, написал он своему брату Фаррухзоду, стоявшему с войском у реки Даджла: «Небеса открыли мне тайну свою, и увидел я, что планеты предвещают нам бедствие. Теперь рыдаю я, оплакивая злосчастье иранцев и державы династии Сасанидов. Враг наш Саад Ваккос стремится лишь завладеть торговыми путями, ведущими в лучшие города Ирана. За это готов он отдать нам земли от Кодисии до берегов Бора и еще обещает платить шахиншаху пошлину. Нет у арабов к нам притязаний. Но именитые витязи наши подпоясались для войны и не желают слышать о перемирии с арабами. Хотят они биться с ними, чтобы явить свое мужество и сделать мир для врага темным и тесным. Мне же ведомо, что небеса против нас, и потому бесполезны наши усилия. Как найти мне средство спасения моего войска от грозящей беды? Милой матери нашей скажи, что меня больше она не увидит. Пусть не терзается и обо мне не горюет. И ты, брат мой, не

печалься напрасно, а как получишь это письмо, вели именитым собрать все достояние и идти в Азербайджан. Отвернулась судьба от иранцев и повернулась лицом к арабам. Закатилась так долго сиявшая на небе звезда Сасанидов. Рухнул трон их, рассыпался в прах венец и прервался царственный род. Отныне из мира уйдут справедливость и правда, а останутся вероломство и ложь. Будут попораны знание и искусство, и учёность склонит голову перед невежеством. Не побоятся один ограбить другого, вместо хвалы будет лишь поношение. Станут подозревать отец сына, а сын отца в умысле злом. Сердца правителей превратятся в твердые камни.

После этого Рустам Хурмузд велел составить следующее послание воинственному арабу Сааду Ваккосу: «Человеку за грехи свои подобает страшиться божьей кары и должно восхвалять шахиншаха, освещающего Иран сиянием своего венца. Кровапролитие и война не угодны создателю, а потому напрасны. Скажи, кому поклоняешься ты, куда идешь и во что веришь? Какое почетное место стремишься занять со своим диким войском и босыми полководцами? Вы — племя вечно голодных, насыщающихся сухим хлебом, нет у вас ни боевых слонов, ни золотых тронов, ни драгоценных венцов. Где это видано, чтобы арабы, которые едят пустынных ящериц и пьют молоко верблюдов, посягали на трон Аджама? Нет, не для таких, как ты, предназначен Иран, есть у его венца хозяин славного царского рода. Он — внук Нуширвана, повелевавшего миром, и нет на земле шаха, превзошедшего его славой и величием. А тебе с грубым твоим нравом и неотесанным обликом, подобает ли думать о царской короне? Не враждуй с шахом Ирана, знай меру бахвальству и пустым мечтаниям. К нам с письмом пошли опытного мужа, чтоб сумел он поведать о вашей вере, обычаях и пути, по которому идете к владычеству. Так наш властелин узнает о твоих притязаниях».

Знатный богатырь по имени Пируз Шопур повез письмо Рустама Хурмузда Сааду Ваккосу.

Саад Ваккос достойно принял именитого иранца с его дружиной, сам помог ему спешиться, а потом расстелил на земле свой широкий плащ. На него усадил он почетных гостей, ибо другой подстилки у воина не было. При этом сказал он Пирузу:

— Не завели мы шелков и парчи, золотой посуды и драгоценностей. Отважным мужам нужно лишь, чтобы было у них вдоволь мечей и копий. А где нам спать и что есть — это нас не заботит.

Беседа Саад Ваккос начал с расспросов о шахе Ирана и ва-

зирах его, о царском войске и его предводителях. Затем, как подобает воину, восхвалил их в своей молитве и приступил к чтению послания Рустама. Сдвинув брови, погрузился араб в размышления, а потом велел принести ему бумагу и чернила. Стал писать он ответ на своем языке. Вначале сказал о людях и духах, вспомнил слова своего пророка, упомянул коран, рай и ад. После этого он уведомил шаха Ирана: если владыка примет правую веру Мухаммеда, великий пророк вымолит ему у аллаха прощение и тем очистит от грехов его брненное тело. Тогда невесомым и благоухающим, как прозрачная розовая вода, он войдет в рай, где вечно пребудет в блаженстве среди избытка молока и вина, мёда и сахара. Будут у него в услужении прекрасные райские девы, один волосок которых стоит всех венцов, тронов и наслаждений этого мира. Пусть не упорствует шах в своих заблуждениях и отступится от вражды и войны, ибо участью неверного и воинственного будут темнота могилы и муки ада.

С ответным письмом Саад Ваккос отправил к Рустаму Хурмузду своего полководца по имени Шууба Магира.

Когда Магира приблизился к стану иранцев, дозорный воин сообщил Рустаму Хурмузду:

— Явился старец тщедушного вида, одетый в дырявое рубище. Сидит он на тощей кляче, и лишь один узкий клинок болтается на его шее.

По приказу Рустама быстро возвели шатер из парчи и шелка на золотых китайских шнурах. Сел предводитель иранского войска на яркий и пушистый ковер, а вокруг него в почтительном молчании встали шестьдесят отважных воинов. Все они были в золототканых одеждах и позолоченных кавшах.

Войдя в шатер, Шууба Магира поставил свой меч в углу, как посох, и сел на голую землю у края дорогого ковра. Тусклый взор его устало был устремлен вперед и не замечал никого из тех, кто находился в шатре. Араб не взглянул даже на иранского полководца.

— Будь весел и здоров,— приветствовал гостя Рустам Хурмузд по обычаю иранцев.

— Единоверцы наши говорят пришедшему: «Салом алайкум». Если ты из них, тогда ответчу тебе я: «Алайкум ассалом»,— промолвил Шууба Магира.

Услышав это, сжался Рустам Хурмузд, как от удара, гневно сдвинулись брови его и пожелтело лицо. Взял он письмо из рук араба и передал толмачу. Тот перевел его, и затем Рустам Хурмузд ответил посланцу Саада Ваккоса:

— Повелитель твой не царь и не из рода царей, однако, меч-

тает о венце и троне Аджама, ибо уверовал в то, что закатилась наша звезда. Не владеющие разумом и знанием презирают слово, потому благородному трудно говорить с безродным. Неужто думал Саад Ваккос, что я обращусь в веру Мухаммеда и отрекусь от нашей древней религии? Такого не будет! Возвращайся обратно к своему властелину и передай эти слова. Лучше погибнуть с честью, чем жить с позором на радость врагу!

Шууба Магира уехал, а Рустам Хурмузд построил ряды своего войска к сражению. Подоспела рать Ваккоса, и завязалась жестокая битва. Пыль, поднятая копытами коней, затмила солнце. В этой тьме молниями сверкали острия копий при ударе о блестящие стальные шлемы.

Три дня продолжалось сражение в безводной раскаленной пустыне. На четвертый день войны и кони так ослабли от жажды и зноя, что не могли больше драться. Рустам Хурмузд с пересохшими и почерневшими губами, весь покрытый пылью, вызвал Саада Ваккоса на единоборство. Араб принял его вызов. Оба воителя отошли на край поля и стали биться. Яро наскakивали один на другого полководцы, пуская в ход то мечи, то палицы, то арканы. Вот столкнулись головами их кони, и Рустам, издав крик, обрушил на голову коня соперника сильный удар меча. Рухнул конь араба на землю вместе со всадником. Обрадовался удаче Рустам, соскочил с коня и бросился к поверженному Ваккосу, стремясь отсечь ему скорее голову. Однако в пыльной мгле не смог он разглядеть соперника, и потому удар его меча пришелся по узде коня. Ваккос успел подняться с земли. Подкрался он неслышно к Рустаму Хурмузду и ударил его мечом по голове. Кровь залила богатырю лицо, не мог он видеть своего врага, а тот нанес еще один удар, на этот раз смертельный.

Два войска продолжали битву и не знали, что стало с их полководцами. Позже бойцы Рустама Хурмузда нашли его лежащим в пыли и крови бездыханным.

Отчаялись иранцы и бросились бежать с поля сражения. Арабские наездники яростно преследовали их и многих перебили.

Теперь никто не преграждал арабам дорогу на Иран. Большое войнство завоевателей и день и ночь, не останавливаясь, двигалось военным походом на Багдад, где находился в это время шах Яздигирд.

Из Арвандруда шел на помощь Рустаму его брат Фаррухзод Хурмузд. В Кархе он наткнулся на остатки разбитого и убегающего войска и с горечью узнал о поражении иранцев и гибели Рустама.

Саад Ваккос не отказался от преследования разбитой дружины и шел за беглецами по пятам. Арабов подстерег скорбящий по брату Фаррухзод и смело на них напал. Однако это не имело успеха, а лишь увеличило потери иранцев. Фаррухзод вернулся в Багдад убитый горем и предстал перед шахом Яздигирдом.

Владыка зарыдал и застонал, оплакивая гибель рати своей и лучшего из полководцев. А Фаррухзод сказал ему:

— Что толку омыwać слезами кеянский трон? Ты последний из рода царей, достойный восседать на нем! Но ты — один, а врагов — сто тысяч. Не одолеть тебе такого сильного и могучего соперника, а потому осталось лишь единственное средство — покинуть столицу и идти в Хорасан. Там соберешь ты войско, а потом придешь и разобьешь врага, как сделал это славный Фаридун.

Витязи и царедворцы одобрили добрый совет Фаррухзода, желая блага царю. Но Яздигирд сказал:

— Я подумал и рассудил иначе. Могу ли я бросить цветущую страну, подданных и верное войско, могу ли оставить престол и венец, чтобы бежать, спасая свою голову? Не подобает царю так низко поступать и навлекать на себя позор. Достоинее вступить с завоевателем в сражение.

Благородные и знатные вознесли шаху Яздигирду хвалу, сказав:

— Ты не нарушил обычай правоверных и справедливых владык Ирана, а потому повелевай, и мы исполним все, что ты прикажешь.

Шах, окрылённый речами своих подданных, призвал их еще раз сразиться с врагом:

— Может быть мы обретем в войне утраченное наше счастье.

Фаррухзод по приказу шаха вновь построил боевые ряды рассыпавшегося войска и повел его на ратное дело. Опять сошлись враги на поле брани, и небо заволокло облако пыли. Отважно дрались именитые витязи и простые воины, мелькали стальные мечи, летели остроконечные копья, кровью наполнились железные шлемы. В первый день сражения полегло тридцать тысяч иранских бойцов. Ночью военачальники спросили у тех, кто остался: «Выйдете завтра на поле брани?» Вызвались выйти на битву шесть тысяч храбрых воителей, искавших военной славы. Они поклялись друг другу, что не пожалеют своих жизней.

Когда над горами показалось солнце, загремели в степи

барабаны и карнай, и шесть тысяч храбрых иранцев выехали на конях на поле битвы.

Так жестоко дрались враги, что лохмотьями повисли на войнах железные кольчуги. Много ратников обеих сторон было убито в том сражении, а поле превратилось в месиво из глины и крови. Но неожиданно к арабам подоспела большая подмога, и они одержали победу над иранским войском.

Шах Яздигирд, сидя на боевом слоне, храбро бился в самом сердце своего войска. Понял он, что неминуемо поражение, и приказал отступить, чтобы спасти от гибели остатки своей рати. Теперь настало время для шаха покинуть страну и бежать в Хорасан, ибо ничего другого не оставалось. Он сказал знати и военачальникам:

— В Хорасане я соберу новое войско. Мне помогут туранцы и хахан Чина. Для укрепления дружбы с хаканом я посвятаю за себя его дочь. И правитель Мерва Моху, владеющий богатством и войском, примкнет ко мне, ибо прежде был он моим старшим пастухом и от меня получил в управление пограничную область Ирана.

Шах Яздигирд пошел на восток своего государства вместе с войском и царедворцами. Шахский двор он решил временно расположить в Мерве.

Еще с дороги Яздигирд отправил послания всем хакимам—правителям областей, в которых поведал он о том, какое бедствие принесли чужеземные завоеватели их стране. Писал он им: «Все пожирающие на своем пути змеи с лицами, подобными Ахриману, вторглись в наш благословенный Иран. Лишены они знаний, а также стыда и чести, нет у них ни сокровищ, ни благородных имён. Предводитель их с пустым голодным брюхом устремился к царскому трону Аджама и хочет завоевать весь мир». Извещал их шах Яздигирд и о своем прибытии. Правителю Туса он приказал приготовить для него и его войска всё, что нужно из еды, питья и одежды, золото и серебро, сорок тысяч быков, запряженных в арбы, двенадцать тысяч ослов, груженных пшеницей, и еще сорок тысяч — соленым мясом, несколько тысяч верблюдов, навьюченных ячменем, просом, фисташками, гранатами, финиками и сахаром, и еще триста верблюдов — нефтью, тысячу арб соли, двенадцать тысяч бурдюков меда. Запасы эти должны хранить в крепостях на границах.

В Тус встретить шаха прибыл правитель Мерва Моху Сури со своим войском. Фаррухзод Хурмузд, который намеревался вернуться обратно в Рей, так сказал предводителю:

— Венценосного Яздигирда поручаю я твоей сильной защите. Верной службой своей и заботой охрани его от всех бед и

напастей, не допусти и легкому ветерку шевельнуть волосы на царственной голове. Ведь он — единственный царь, оставшийся от династии Сасанидов.

— О богатырь,— отвечал ему Моху Сури,— не тревожься напрасно, ибо шах — свет очей моих, моя голова и мой разум.

Фаррухзод отправился в Рей, как приказал ему шах. Моху Сури сначала с почтением встретил последнего венценосца и служил ему верой и правдой. Но постепенно в поступках его проявлялась небрежность, ибо в мыслях зарождалось намерение овладеть казной беглого шаха, а потом, может быть, венцом и престолом. Сказываясь больным, Моху Сури стал надолго покидать дворец, где пребывал Яздигирд.

В Самарканде правил в то время некий Бежан. Правитель Мерва тайно отправил ему письмо, в котором он призывал его стать участником заговора. Он писал: «Приходи в Мерв и сразись со злосчастным владыкой. Я позабочусь о том, чтобы ты легко его одолел. И тогда станут твоими несметные его сокровища». Ведомо было Моху Сури, что Бежан родом туранец, и поэтому решил он его подстрекнуть на месть за своих предков, враждовавших прежде с владыками Ирана. Пусть воспользуется он благим для себя случаем, когда так плачевно положение Яздигирда.

Хаким Самарканда удивился такому посланию и посоветовался с мудрым своим вазиром. Тот сказал ему:

— Неразумно и легкомысленно слушать Моху Сури и воевать с шахиншахом. Такой правитель покроет себя позором и навлечет проклятие народа. Пусть на помощь Моху Сури идет хаким Бухары Барсом.

Совет вазира пришелся по нраву правителю Самарканда. «И правда, не должно мне двигаться с места»,— подумал он и велел Барсому взять десять тысяч наездников и идти в Мерв на войну с шахом.

Войско из Бухары понеслось, как на крыльях, в Мерв и было там уже через семь дней.

В предрассветной тишине, в степи у Мерва загремели барабаны. Это пришел ищущий битвы Барсом со своим войском. Хитрый Моху послал во дворец Яздигирда глашатая. Тот ворвался туда, как ураган и крикнул:

— Орда туранцев идет на нас, и так их много, что тесно им в бескрайней степи!

Не ведая о коварстве Моху, шах Яздигирд облачился в доспехи и шлем, взял оружие и поспешил из дворца. Быстро построились конные и пешие воины, и шах повел свою рать против врага. Долго бились враждующие дружины, и вот войско

Барсома стало одолевать иранских воинов. Бросился Яздигирд в самую гущу сражавшихся с обнаженным мечом и стал разить их направо и налево. Мощным натиском своим Яздигирд оттеснил войско Барсома, но когда оглянулся назад, то увидел, что позади нет его воинов. Значит они отступили, оставив его одного среди вражеских всадников! Так подумал шах Яздигирд, не ведая о коварстве Моху Сури, который увел его войско, чтобы одного оставить на поле сражения и тем погубить. И мысль об измене мелькнула в голове шаха, когда он один отчаянно бился с целой дружиной и положил многих всадников хакима Барсома. Наконец вырвался он из их окружения и вихрем умчался. Вслед за шахом поскакали вражеские наездники, но настичь его не сумели: быстроходный конь Яздигирда далеко унес своего благородного всадника.

В темноте заблестели воды ручья. Яздигирд подъехал поближе и увидел на берегу одинокую мельницу. Спешился шах, привязал в стороне своего коня в золотом снаряжении, положил рядом булаву и меч, украшенные золотом и камнями, а потом укрылся за стенами мельницы. Когда сюда явились преследователи, они увидели сразу коня и оружие, но хозяина их не нашли, сколько ни искали. Все это время шах Яздигирд прятался на мельнице под сухой соломой. Лежал он усталый, голодный и дрожащий от страха. Так без сна провел он ту страшную ночь. Ведомо мудрецам: подъем к вожденной вершине всегда крутой и труднодоступный, тогда как спуск с нее очень легкий, и по нему можно быстро скатиться вниз. Сияющий трон сменился для Яздигирда обветшалой мельницей.

Когда рассвело, распахнулась со скрипом дверь и вошел бедняк в ветхой одежде, покрытой пылью, со снопом травы на спине. Шах догадался, что это мельник, и вышел из своего укрытия. Бедный мельник увидел высокого статного мужа в одежде из парчи и шелка, со сверкающим камнями венцом на голове. Изумился он и застыл на месте, не в силах вымолвить ни слова. Придя в себя, решил мельник спросить:

— Кто ты? Откуда явился сюда? Что делаешь в дорогом своем одеянии на пыльной моей мельнице?

Ответил ему Яздигирд:

— Я иранский воин, скрываюсь здесь от туранцев.

Мельник сбросил со спины на землю сноп и промолвил:

— Такой знатный и благородный воин никогда еще не был моим гостем. Только прости меня, что ничем не могу тебя угостить, кроме ячменной лепешки и душистой травы. Если велишь, я сейчас приготовлю тебе поесть и попить.

— Неси всё, что найдется в доме твоём,— сказал шах, мучимый голодом.— Но, прежде чем приступить к трапезе, должен я совершить богослужение, как подобает зороастрийцу. Для этого мне нужен барсам (прутики из веток граната).

Мельник вытащил из мешка, висевшего на гвозде, черную сухую лепешку и пучок травы. Скучное угощение это положил он перед неведомым гостем, а сам пошел искать ветки.

Недалеко от мельницы находилась таможня. Мельник спросил барсам у ее служителя. Тот захотел узнать, для кого понадобились эти пруты. Бедняк ему все рассказал:

— На мельнице у меня сидит один знатный человек. Строен он и высок, как кипарис, а лик его сияет, как солнце. Говорит он и ступает по-царски, но сам печален и терзаем страхом. Разостлал я перед ним свою ветхую скатерть и положил на нее лишь ячменную лепешку и душистые травы. Он сказал мне, что перед трапезой желает взять в руки барсам.

Таможенник послал мельника к Моху Сури, разбившему неподалеку шатер, и велел ему рассказать о странном госте. Бедняк повторил свой рассказ тому, кто преследовал Яздигирда.

Моху Сури и его знатные воины сразу узнали в неведомом госте мельника бежавшего шаха. Коварный хаким обрадовался, что теперь близок час, когда сможет он исполнить чёрный свой замысел. Но лучше совершить задуманное чужими руками. Поэтому он приказал мельнику грозно:

— Ступай обратно и убей того человека, иначе я отрублю тебе голову и не оставлю в живых никого из твоего рода.

Воннам же своим Моху Сури повелел:

— Сорвите с шаха одежду, венец и серьги и возьмите его печать, прежде чем все это пропитается кровью.

Еще не рассвело, когда мельник горящий и страдающий вернулся к себе на мельницу. В душе молился он богу и просил о пощаде, а Моху Сури, преступившего честь, проклинал.

Осторожно открыв дверь мельницы, он вошел и неслышно приблизился к спящему Яздигирду. Казалось, что он смущен и желает открыть шаху какую-то тайну, но вот блеснул в его руке кинжал и разом ударил в самое сердце Яздигирда. Охнул шах и умер. Подоспевшие воины сорвали с него венец и одежду. При этом они сыпали проклятия на голову нечестивого Моху Сури.

Так погиб последний шах из династии Сасанидов, а захват Ирана арабами положил конец 425-летнему их царствованию.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Для детей среднего и старшего школьного возраста

Сатым Улуғ-зода

Сказания из «Шахнаме»
Перевод по изданию; С. Улуғзода,
«Достонҳои «Шохнома», «Маориф», 1986.

Художественный редактор *У. Ашуров*
Технический редактор *Я. Бекназарова*
Корректор *К. Фазылова*

ИБ № 393

Сдано в набор 17.04.89 Подписано в печать 14.12.89 Формат
60×84¹/₁₆. Бумага тип. № 2 Печать высокая Усл. печ. л. 22,32.
Усл. кр. отт. 23,143 Уч. изд. л. 23,45. Тираж 50000 Заказ
№ 2961. Цена 1 р 30 к.

Издательство «Адиб». 734003 Душанбе, ул. Рудаки 33
Голлиграфкомбинат Госкомитета Таджикской ССР по печати
734063, Душанбе, ул. Айни, 126.